

ISSN 1998-0817

КГУ

Костромской
государственный
университет

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2

2026

КГУ

Костромской
государственный
университет

**ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2026

Том 32

№ 2

Апрель – Июнь

**VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2026

Volume 32

№ 2

April – June

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Костромской государственной университет, Кострома;
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ОСИПЕНКО ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
начальник отдела сопровождения публикационной деятель-
ности, Костромской государственной университет, Кострома

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

БОГДАНОВА ОЛЬГА АЛИМОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент
РАН, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт Всеобщей истории
Российской академии наук, Москва

ЗЕЛЕНЕЕВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ИЛЬИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет, Вологда

КАНИНСКАЯ ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА
доктор исторических наук, профессор,
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова, Ярославль

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет, Краснодар

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, Ярославль

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
Kostroma State University, Kostroma;
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA OSIPENKO
Head of Kostroma State University's division of publication
activity conducting, Kostroma State University, Kostroma

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
DSc in History, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH
DSc in Philology, Professor,
Russian Sciences Academy Corresponding Member,
Ural Federal University, Yekaterinburg

OL'GA ALIMOVNA BOGDANOVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
DSc in History, Professor,
Russian Sciences Academy Corresponding Member,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
PhD in History Sciences, Senior Staff Scientist,
Universal History Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow

YURIY ANATOL'YEVICH ZELENEYEV
DSc in History, Professor,
Mari State University,
Yoshkar-Ola, Mari El Republic

ELENA NIKOLAYEVNA IL'INA
DSc in Philology, Professor,
Vologda State University, Vologda

GALINA NIKOLAYEVNA KANINSKAYA
DSc in History, Professor,
Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
DSc in Philology, Professor,
the Kuban State University, Krasnodar

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
DSc in Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
DSc in Philology, Professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
член-корреспондент РАН, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

НИКИТИН ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Государственный университет просвещения, Москва

ОКОЛОТИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ
доктор исторических наук, доцент,
Ивановский государственный университет, Иваново

ПЕТЕЛИН БОРИС ВАЛЕНТИНОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет, Череповец

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет, Иваново

ПУШКАРЁВА НАТАЛЬЯ ЛЬВОВНА
доктор исторических наук, профессор,
Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук, Москва

СИТДИКОВ АЙРАТ ГАБИТОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Академия наук Республики Татарстан, Казань

СУПРУН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
имени Л.Н. Толстого, Тула

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет, Иваново

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН, Москва

ХРИСТЕНКО ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
кандидат исторических наук, доцент,
Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
DSc in Philology, Associate Professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
DSc in Philology, Director of Research, Russian Sciences
Academy Corresponding, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

OLEG VIKTOROVICH NIKITIN
DSc in Philology, Professor,
State University of Education, Moscow

VLADIMIR SERGEYEVICH OKOLO TIN
DSc in History, Associate Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

BORIS VALENTINOVICH PETELIN
DSc in History, Professor,
Cherepovets State University, Cherepovets

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
DSc in History, Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

NATAL'YA L'VOVNA PUSHKARYOVA
DSc in History, Professor,
Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow

AYRAT GABITOVICH SITDIKOV
DSc in History, Professor,
Academy of Sciences of Tatarstan autonomy, Kazan

VASILY IVANOVICH SUPRUN
DSc in Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
DSc in Philology, Professor,
Tula State Pedagogical University
named after L.N. Tolstoy, Tula

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
DSc in Philology, Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
DSc in Philology, PhD in English,
Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow

DMITRIY NIKOLAYEVICH CHRISTENKO
PhD in History, Associate Professor,
Russian State Agrarian University –
Timiryazev Moscow Agricultural Academy, Moscow

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина, Тамбов

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

КОПЫЛОВ ИГОРЬ ЛЕОНОВИЧ
кандидат филологических наук,
директор Института языкознания имени Якуба Коласа,
Центр исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

НЕДА АНДРИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Университет Черногории, Никшич, Черногория

ТЮРКАН ОЛДЖАЙ
доктор филологических наук, профессор,
Стамбульский университет, Стамбул, Турция

ЧЖУ ЦЗЯНЬГАН
доктор филологических наук,
профессор Института иностранных языков и литератур,
Сучжоуский Университет, Сучжоу,
провинция Цзянсу, Китай

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
DSc in Philology, Director of Research,
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

ANTONINA SEMYONOVNA SHCHERBAK
DSc in Philology, Professor,
Derzhavin Tambov State University,
Tambov

**FOREIGN MEMBERS
OF THE EDITORIAL BOARD**

IGOR LEVONAVICH KAPYLOŪ
PhD in Philology,
Director of Institute of Linguistics named after Jakub Kołas,
Centre for Studies of Belarusian Culture, Language
and Literature, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

NEDA ANDRIĆ
DSc in Philology, Professor,
Montenegrin University, Nikšić, Montenegro

TÜRKAN OLCAY
DSc in Philology, Professor,
Istanbul University, Istanbul, Turkey

ZHU JIANGANG
DSc in Philology,
Professor of institute of foreign languages and literatures,
Suzhou University, Suzhou,
Jiangsu Province, China

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Карандашев Г.В.**
Сельское хулиганство в российской глубинке в начале XX в.: социальные практики и повседневность
- 13 **Орешкин О.Ю.**
Советско-американские контакты по вопросам автомобилестроения в СССР (на примере переговоров с компанией «Дженерал моторс» в 1928–1929 гг.)
- 20 **Орешенков С.В.**
Исторические фальсификации как способ идеологического давления на российское государство (на примере допросов Г.С. Люшкова)
- 28 **Волков Г.Ю., Волкова Е.Ю.**
Последний штурм.
Костромичи – участники Берлинской операции
- 35 **Околотин В.С., Велибеков Э.Ш.**
Производство стрелкового и авиационного артиллерийского вооружения на Ковровском заводе № 2 в 1944 г.
- 46 **Ермаков А.М., Пчелкина А.К.**
Образ нацистских штурмовых отрядов в документальном кинематографе Третьего рейха
- 52 **Зверев К.А.**
Развитие институтов национальной памяти в Прибалтийских республиках
- 58 **Терентьев В.И.**
Проблемы сравнения православной и католической миссий в современной Монголии
- 65 **Ариничев С.Д.**
«Восточная политика» В. Брандта в зеркале коалиционных договоров ФРГ: исторический анализ
- 74 **Груздев В.В., Левченков А.И., Груздева М.Л.**
Исторические типы государства и права.
Часть 1. Проблемы классификации

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 79 **Мокрушин С.Д.**
Заемствования из выговских риторик в Царе-Угличском летописце
- 85 **Григорян А.М.**
Невербальные проявления в творчестве Н.В. Гоголя: жест «протянутая рука»
- 91 **Гримова О.А.**
Катастрофическая событийность в современном русском романе: А. Сальников, Д. Данилов, Е. Водолазкин
- 97 **Ефимова М.С.**
Религиозные тропы и мотивы в любовной лирике трубадура Арнаута Даниэля
- 104 **Чекалов К.А.**
Тень Бальзака во французской массовой литературе «прекрасной эпохи»
- 113 **Овчаренко О.А.**
Творчество Фернанду Пессоа и вопросы теории литературы
- 119 **Вышенская Ю.П.**
Стилистическая реконструкция куртуазной модели мира в английской детской литературной сказке
- 125 **Трушина Е.А.**
Творчество Г.К. Честертона в осмыслении И.А. Кашкина
- 131 **Гуренкова Ю.В.**
Футуристская эстетика в творчестве Акилле Кампаниле
- 141 **Сафарова З.А.-Г.**
Тема идентичности и мультикультурализма в романе Зэди Смит «Белые зубы»
- 147 **Коробко К.В.**
Диаспора как категория литературоведческой интерпретации памяти и этнической идентичности в китайско-американской прозе конца XX – начала XXI вв.

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **G.V. Karandashev**
Rural hooliganism in the Russian province in the early 20th century: social practices and everyday life
- 13 **O.Yu. Oreshkin**
Soviet-American contacts on automotive industry issues in the USSR (in terms of negotiations with General Motors in 1928–1929)
- 20 **S.V. Oreshenkov**
Historical falsifications as a way of ideological pressure on the Russian state (in terms of Genrikh Lyushkov's interrogations)
- 28 **G.Yu. Volkov, E.Yu. Volkova**
The last assault.
Kostroma residents – participants of Berlin Operation
- 35 **V.S. Okolotin, E.S. Velibekov**
Production of small arms and aviation artillery weapons at Kovrov plant No. 2 in 1944
- 46 **A.M. Ermakov, A.K. Pchelkina**
The image of the Nazi storm troops (SA) in the documentary cinema of the Third Reich
- 52 **K.A. Zverev**
Development of national memory institutions in the Baltic states
- 58 **V.I. Terentyev**
Issues of comparing Orthodox and Catholic missions in contemporary Mongolia
- 65 **S.D. Arinichev**
Willy Brandt's Eastern policy in the mirror of the coalition treaties of Germany: historical analysis
- 74 **V.V. Gruzdev, A.I. Levchenkov, M.L. Gruzdeva**
Historical types of state and law.
Part 1. Classification issues

SCIENCE OF LITERATURE

- 79 **S.D. Mokrushin**
Borrowings from the Vyg River rhetoric in the Chronicle of the «Tsar's City of Uglich»
- 85 **A.M. Grigorian**
Nonverbal manifestations in the works of Nikolai Gogol: the «outstretched hand» gesture
- 91 **O.A. Grimova**
Catastrophic events in a modern Russian novel: Aleksey Sal'nikov, Dmitriy Danilov, Eugene Vodolazkin
- 97 **M.S. Efimova**
Religious tropes and motifs in the love lyrics of the troubadour Arnaut Daniel
- 104 **K.A. Chekalov**
The shadow of Balzac in French mass literature of the «Belle Époque»
- 113 **O.A. Ovcharenko**
Creative work of Fernando Pessoa and questions of the theory of literature
- 119 **Yu.P. Vyshenskaya**
Stylistic reconstruction of the courtly world model in the text of the fairy-tale for children
- 125 **E.A. Trushina**
Ivan Kashkin's reception of the works by Gilbert Keith Chesterton
- 131 **Yu.V. Gurenkova**
Futurist aesthetics in the works of Achille Campanile
- 141 **Z.A.-G. Safarova**
The theme of identity and multiculturalism in Zadie Smith's novel «White Teeth»
- 147 **K.V. Korobko**
Diaspora as a category for literary interpretation of memory and ethnic identity in Chinese American prose of the late 20th – early 21st centuries

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

154 Брысина Т.Н.

Роль определённо-личных предложений
в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист»

160 Третьякова И.Ю.

Фразеологизмы в сетевой микропоэзии

165 Краснобаева-Черная Ж.В., Бороденко Л.Н.

Медиакомпетентность языковой личности
в современной научно-образовательной среде:
кейс-технология

170 Туманова В.А.

Языковые средства создания интертекстуальных связей
в романе Сергея Городецкого
«Сады Семирамиды»

177 Жезлова С.А., Белопухова О.В.

Трансформация лексемы «*halal*»
в современном немецкоязычном медиадискурсе

183 Макарова Ю.А.

Мотивы идентичности и чужеродности
в немецко- и англоязычной поэзии Розы Ауслендер

КНИЖНАЯ ПОЛКА

195 Никитин О.В.

«Одне чилики да боровики...»

201 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

SCIENCE OF LANGUAGE

154 T.N. Brysina

The role of definite-personal sentences in the tale
“The Idealist Carp” by Mikhail Saltykov-Shchedrin

160 I.Yu. Tretiakova

Idioms in network micropoetry

165 Zh.V. Krasnobaieva-Chernaya, L.N. Borodenko

Media competency of linguistic personality
in the modern scientific and educational environment:
case technology

170 V.A. Tumanova

Figures of speech of creating intertextual connections
in the novel “The Gardens of Semiramis”
by Sergey Gorodetsky

177 S.A. Zhezlova, O.V. Belopukhova

The transformation of the lexeme “halal”
in contemporary German-language media discourse

183 Ju.A. Makarova

Motifs of identity and alienation
in Rose Ausländer’s German- and English-language poetry

BOOKSHELF

195 O.V. Nikitin

“Just mushrooms...”

201 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 7–12. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 7–12. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470.316)“1912/1913”

EDN WKFFAE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-7-12>

СЕЛЬСКОЕ ХУЛИГАНСТВО В РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ В НАЧАЛЕ XX В.: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Карандашев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Аннотация. В статье на примере Ярославской губернии рассматривается проблема хулиганства в российской провинции в начале XX в. На основе анализа неопубликованных делопроизводственных документов и материалов региональной периодической печати сделан вывод, что деревенское хулиганство являлось трагедией для русского села и при этом было обыденной частью повседневности. Сквернословие, вандализм, избиение прохожих, массовые драки и убийства в сочетании с пьянством значительно снижали безопасность местного населения и качество жизни. Власть не могла надежно оберегать крестьян от хулиганских действий. Сельские жители были вынуждены либо уступать дебоширам, опасаясь поджогов и физического насилия, либо защищать себя самостоятельно, что приводило к случаям самосуда. В 1912–1913 гг. в уездных и губернском земствах Ярославской губернии состоялись дискуссии по вопросу о борьбе с развитием сельского хулиганства, которое признавалось бедой российской деревни. В целях уменьшения данного явления было предложено усилить противодействие пьянству, развивать образование и местное самоуправление. Губернатору было передано постановление о необходимости лоббировать в правительстве принятие законопроектов о быстром разбирательстве дел и вынесении приговоров по делам о хулиганстве, а также об отмене административной высылки из столиц в деревню неблагонадежных лиц. Все рекомендации были направлены в правительство, но статья о наказании за хулиганство вошла в законодательство лишь в советское время.

Ключевые слова: Российская империя, Ярославская губерния, повседневность, сельский быт, хулиганство, преступность, вандализм.

Для цитирования: Карандашев Г.В. Сельское хулиганство в российской провинции в начале XX в.: социальные практики и повседневность // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 7–12. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-7-12>

Research Article

RURAL HOOLIGANISM IN THE RUSSIAN PROVINCE IN THE EARLY 20TH CENTURY: SOCIAL PRACTICES AND EVERYDAY LIFE

Gleb V. Karandashev, PhD in History, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Abstract. The study, based on Yaroslavl Province, examines the problem of hooliganism in the Russian countryside in the early 20th century. Based on the analysis of unpublished business documents and materials from the regional press, it is concluded that rural hooliganism was once the scourge of the Russian countryside and a part of everyday village life. Swearing, vandalism, beating of random passers-by, and mass fights, combined with drunkenness, significantly reduced the quality of life and safety of the local population. The authorities were unable to protect the peasants from this evil, and they were forced to either give in to the bullies out of fear of arson or physical violence, or to defend themselves on their own, which from time to time led to mob law enforcement. In 1912–1913, discussions were held in the district and provincial zemstvos of Yaroslavl Province on the issue of combating the development of rural hooliganism. In order to reduce this phenomenon, it was proposed to strengthen the fight against drunkenness, develop education, and promote local self-government. A resolution was passed by the governor, urging the government to pass bills on the speedy trial and sentencing of cases of hooliganism, as well as the abolition of administrative exile of unreliable individuals from the capital to the countryside. All the recommendations were sent to the Ministry of Internal Affairs, but the article on punishment for hooliganism would only be included in the legislation during the Soviet era.

Keywords: Russian Empire, Yaroslavl Province, everyday life, rural life, hooliganism, crime, vandalism.

For citation: Karandashev G.V. Rural hooliganism in the Russian province in the early 20th century: social practices and everyday life. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 7–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-7-12>

В начале XX в. в российской деревне наблюдалось широкое развитие хулиганства, которое стало серьезной социальной проблемой. В дореволюционной России под хулиганством понимался такой вид преступления, как причинение «обид, ран, увечья и других повреждений здоровью... имеющее своей целью выразить содеянием его публично враждебное, презрительное отношение, в лице потерпевших, к представителям власти, интеллигентным и пользующимся достатком лицам, без всякого к сему повода» [Горановский: 7]. Законодательство Российской империи не включало в себя норму, которая квалифицировала хулиганство как преступление [Панин: 135]. Безусловно, в царской России действовали запреты на действия, попадавшие под признаки хулиганства. С точки зрения нарушения общественного порядка и открытого выражения неуважения к установленным нормам общества эти правонарушения могут быть квалифицированы по характеру действий как вербальное оскорбление, нарушение общественного порядка, физическое насилие, вандализм. Наказанию подлежали: сквернословие, буйство и бесчинство, повлекшие за собой нарушение общественного спокойствия, появление в публичном месте пьяными до беспамятства или в безобразном от опьянения виде, богохульство и святотатство, сопротивление чинам полиции и их оскорбление, стрельба из огнестрельного оружия в публичных местах, приставание к прохожим с целью их оскорбления и выражение им пренебрежения и неуважения, драка, кулачный бой, порча имущества и т. д. [Устав: 12–13, 28; Новое уголовное уложение: 95–96, 101].

В сельской местности хулиганство во многом развивалось благодаря внедрению городских установок, где основным действующим лицом был сезонный рабочий – человек, открытый городу и фабрике, свободный от родительского и общественного контроля и при этом сохранивший связь с деревней [Weissman: 240]. Хулиганы, как правило, являлись аутсайдерами в обществе. Их голоса были подавлены бедностью, отчуждением, удалённостью или социальными переменами. В последние годы существования царизма хулиганство олицетворяло культурный распад и фрагментацию российского общества, демонстрировало неуважение к традиционным общественным институтам. А дореволюционная печать активно нагнетала страх перед образом хулигана у добропорядочных жителей [Neuberger: 275–282]. В современной историографии дореволюционное хулиганство рассматривается также как форма девиантного досуга [Сидорчук: 144; Лурье]. На региональном уровне, несмотря на на-

личие ряда публикаций по отдельным губерниям [Гусенков; Максимова], вопрос, касающийся развития сельского хулиганства, остается малоизученным.

Периодика начала XX в. пестрела сообщениями о правонарушениях и преступлениях в русской деревне. Относительно «безобидными» в сложившейся ситуации были сообщения о случаях сквернословия и нарушениях тишины. Так, 9 апреля в 6 ч. вечера по улицам с. Норского Ярославского уезда «какие-то молодые люди человек 20 ходили и пели нецензурные песни. В это время на улице находилось много девушек, которые в виду такого пения разбежались по домам»¹. По жалобам местных жителей, с. Елохово Рыбинского уезда являлось центром хулиганства Сретенской и Чудиновской волостей. Мимо находившихся там чайной и казенной винной лавок никому нельзя было спокойно пройти, так как рядом постоянно находилась «масса пьяных хулиганов ободранных, избитых. Хорошо отделаешься, если изругают, а то иногда и запустят камнем. Ругают ужасно, самой отборной матерной бранью и провожают следом всякими эпитетами, пока не отделаешься пяточком или гривенником. Особенно опасно ходить женщинам, имеющим несчастье жить в этом медвежьем уголке»².

Типичными являлись заметки о пьянстве в российской деревне, вандализме и «буйстве» в нетрезвом виде представителей различных социальных групп населения. Вот как описывал обыватель повседневность с. Ильинского Угличского уезда: «Среди серенькой жизни мало встречается у нас выдающихся явлений: у кого снимут сапоги, у кого чеку из оси вынут и просят за это на чай – таковы наши обыкновенные новости. Пьют много. Интеллигенция тоже не отстает в поклонении Бахусу. На днях урядник вывел из трактира Немирова уч-ля Н. Т. в нетрезвом виде за буйство»³. 1 мая 1908 г. в Неверковской волости Угличского уезда «рядовой 177 пехоты Изборского полка, уволенный в шестимесячный отпуск для поправления здоровья, П.О. Сахаров, кр. дер. Мал. Тарасово, будучи в пьяном состоянии, поломал на кладбище несколько могильных памятников-крестов и, вытащив через разбитое окно часовни священнические облачения, развесил их на деревьях»⁴.

Варварским хулиганским преступлением было физическое насилие, в частности, избивание случайных прохожих, зачастую совершенное группой лиц. Например, в сентябре 1909 г. в с. Поречье Ростовского у. в 9 часов вечера мастер «жестяных изделий на фабрике Коркунова» А.А. Антонов возвращался домой в компании двух рабочих. На Кабацком мосту на него напали четверо поречских парней, «воо-

руженных ножами и каменьями. Рабочие бросились отнимать каменья у двоих нападавших. Обезоружив парней, рабочие бросили каменья в реку. В это время двое остальных набросились на мастера. Один ножом пырнул Антонова в нижнюю челюсть. Другой ударил его камнем по голове и сделал через шляпу большую ссадину на черепе. Чем-то тяжелым ударили Антонова по спине». Подоспевший урядник И.В. Голубев «забрал одного из нападавших – Булатова на ночь в кутузку. Предводитель нападения А. Беляев и двое других скрылись в темноте»⁵. В начале июля 1917 г. без всякой причины был «избит хулиганами волостной писарь Сретенской волости рыбинского уезда. Хулиганы били его до потери сознания и переломили ребро». Потерпевшего позднее доставили в больницу⁶.

Настоящей бедой сельской местности были массовые драки, сопровождавшиеся нанесением тяжелых физических увечий и убийствами. Настоящее побоище произошло в дер. Спешино Рыбинского уезда, когда в доме одного из крестьян собралась вечеринка. Молодежь плясала, пела песни, но потом «часть парней перепилась и девицы вынуждены были уйти с вечеринки, так как назревал скандал. Парни искали, с кем бы подраться. В это время в Спешино пришли молодые люди из соседней деревни Скороды Ивановской волости, на которых вся пьяная орда спешинцев, в числе 20 человек, набросилась и стала избивать колыями, ножами, кистенями и чем попало. Скородские парни не могли защищаться вследствие своей малочисленности, и спешинские били их до тех пор, пока все четверо не потеряли сознание. Наиболее тяжело пострадал Челноков, у которого на теле несколько резаных и колотых ран»⁷.

В дер. Карповское Рыбинского уезда в ночь на 29 апреля 1913 г. произошла «кровавая схватка». На вечеринке, начавшейся с песен и танцев, молодые люди разделились на «две враждебные партии». Некоторые гости покинули мероприятие, а оставшиеся попытались вызвать крестьян из соседней деревни Тороповское для умирения разгорячившихся парней. Скандал быстро перерос в драку, в которой участвовали более 20 человек, вооруженных оловянными перчатками, кистенями и кинжалами. Двери в избу были заперты, свет погашен, началось кровопролитие. В доме оказались и девушки, участвовавшие в вечеринке, чьи крики были слышимы на улице. Через 15 минут после начала драки в деревню прибежали крестьянские мужчины из Тороповского, вооруженные вилами и другими предметами. Они окружили избу, осаждая участников драки, некоторые из которых попытались выпрыгнуть через разбитые окна, но подверглись жестокому избиению. В результате два человека были убиты, а девять тяжело ранены, не считая тех, кто получил легкие травмы⁸.

В сельской местности власти не могли обеспечить надежную защиту населения от хулиганов. 28 сентября 1909 г. житель с. Еремейцево Рыбинского уезда сообщил, что недавно в их селе буйствовал А.И. Макаров, который, оскорбленный грубым словом сельчанки Хлебниковой, разбил все стекла и переплеты в её доме. Успокоить его удалось лишь с помощью стражников, после чего он был отправлен в Рыбинск, но вскоре вернулся, продолжив сеять страх среди жителей. Хлебникова, опасаясь преследований, покинула своё хозяйство и уехала в Петербург к мужу. «Вообще от хулигании стало страшно жить в деревне», – подвел итог своего рассказа автор⁹.

Крестьяне периодически вынуждены были защищать себя сами, и подобные инциденты могли заканчиваться спонтанным самосудом. В апреле 1913 г. в дер. Комарово Мологского уезда несколько парней из соседней дер. Липняги начали хулиганить: задевали девушек и врывались в чужие дома. Н. Кузнецов, известный хулиган и вор, неоднократно получал предупреждения с требованием покинуть деревню, но игнорировал их. Хулиганы вошли в один из домов, требуя водки, но были выгнаны. Позже они вернулись и начали драку с комаровцами. Н. Кузнецов ранил молодого крестьянина ножом. Вид крови спровоцировал комаровцев на расправу, и хулиган, испугавшись, сбежал. Толпа преследовала его до дер. Липняги, где он спрятался в одном из домов. Преследователи нашли его и забили до смерти.

«Уездные хулиганы храбры, потому что они всегда останутся безнаказанными, – сообщали из с. Елохово. – Кому хочется судиться с ними? Ведь нигде суд не сопряжен с такими хлопотами, как в уезде. Надо подать жалобу земскому начальнику; последний месяца через два вызовет верст за двадцать в одно из волостных правлений в свою “камеру”. Извольте-ка ехать, нередко по непролазной грязи, в эту самую “камеру” и в невозможной обстановке, под ругань массы чающих правосудия ждать своей очереди, потратив на дорогу рубля 3–4. В результате в выигрыше остается один хулиган, попав временно отдыхать на казенные хлеба. Ему не страшны ни земские начальники с их судом, ни становые пристава с их урядниками. Мы сами, сельские жители, лишены культурных средств для борьбы с этим злом и принуждены или отступаться от хулиганов, или прибегать к недопустимой мере – “самосуду”»¹¹.

4 августа 1912 г. ярославскому губернатору поступил циркуляр Главного управления по делам местного хозяйства МВД № 14/556 «О доставлении МВД сведений о мероприятиях со стороны земских учреждений для борьбы с хулиганством», в котором сообщалось, что в некоторых губерниях земские собрания призвали принять меры для борьбы с развитием хулиганства в сельских местностях и сопутствующем

ему увеличением преступности. Особо отмечалось, что по действовавшим тогда законам осуществление подобной деятельности выходило за пределы компетенций ведомства земских учреждений¹².

Согласно собранным губернатором данным, в большинстве ярославских уездных земских собраний данный вопрос не обсуждался. Лишь Мологская управа 13 сентября 1912 г. сообщила, что вопроса о принятии мер для борьбы с развитием хулиганства в сельских местностях уезда в земском собрании «не возбуждалось только потому, что осуществление мероприятий выходит за пределы ведомства земских учреждений». При этом в земском собрании неоднократно поднималась проблема освобождения Мологского уезда от административно высылаемых лиц из столиц и других центров государства, «так как означенный элемент чрезвычайно вредно влияет на местное население, благодаря чему в уезде за последнее время замечается прогрессивно развивающееся хулиганство, кражи и нападения на проезжих дорогах»¹³.

23 октября 1912 г. на сессии очередного ярославского уездного земского собрания был заслушан доклад гласного Г.В. Калачова, в котором он назвал «праздношатайство, пьянство и связанное с ними так наз. хулиганство» одним из бедствий современной ему деревни, проявлявшегося в грубости нравов, сквернословии и посягательствах на имущество. Это явление делало жизнь «благонамеренных трудящихся» невыносимой и требовало решительных мер. Особую силу бродяжничество набрало в деревне в 1905 г., во время фабричных и заводских забастовок, когда туда «нахлынул» безработный пролетариат. Позднее большинство рабочих вернулось к станкам, но «слабый элемент остался», превратившись «в пропойц, бродяг и попрошайек». Среди них встречались и «выбитые из колеи полуинтеллигенты-разночинцы», которые также развращали деревню. Шатавшиеся по селам и пропивавшие «крестьянские трудовые гроши», «обнаглевшие тунеядцы» требовали ночлега, что стало реальной повинностью деревни. Каждый домохозяин был обязан принимать бродяг на ночлег, а десятский следил за выполнением этой очереди. Эта практика стала для местного населения «одной из самых тягостных и, по-видимому, не безопасной».

Калачов привел в пример крестьян д. Лаптево и Скрипино Ярославского уезда, которые в приговоре от 8 апреля 1912 г. записали, что на расстоянии приблизительно в 2,5 км от них находилось торговое село К., в котором располагалась казенная винная лавка и общественный трактир с продажей крепких напитков. Село К. получало большую прибыль, «но для нас, ближайших селений, получается совсем иное: мы находимся совершенно в осадном положении от безработной, пришлой, пьяной, странствующей нищей братии и бродяжек, которые дни коро-

тают близ казенной винной лавки и общественного трактира, а при выселении из оных, поздно вечером, бредут в соседние деревни для ночлега; иногда приходится на селение пять или шесть человек в день; за отказ ночлега страшат пожарами; и происходят кражи и пожары».

Далее Ярославской земской управой был подготовлен доклад «По вопросу о мерах борьбы с хулиганством в деревне» для губернского рассмотрения. В нем отмечалось, что деревня была бессильна самостоятельно бороться с хулиганством. Проявления этого явления, сводившегося к бессмысленному причинению вреда чужому имуществу и оскорблению человеческого достоинства, стали обыденными. Терроризированные сельские власти и жители не пытались решительно бороться с хулиганством, осознавая неравенство сил и бессмысленность усилий¹⁴.

Было выделено две категории сельского хулиганства. Первая категория, как указано в записке Калачова, включала «пришлый элемент» – бродяг и праздношатающихся, преимущественно высылаемых из городов лиц с порочным поведением и отбывших наказание за корыстные преступления. Сюда также относились «безработные попрошайки» местного происхождения, ставшие «профессиональными пропойцами», которые группировались около винных лавок и трактиров, а вечером требовали ночлега у крестьян. Вторая категория – «местное хулиганство», возникшее из «одичания» нравов и ожесточения среди крестьянского населения, особенно молодежи. Если первая категория была периодическим явлением, то второй вид свидетельствовал о распущенности подрастающего поколения, с которым следовало радикально бороться, поскольку оно имело свойство эпидемически развиваться¹⁵.

21 декабря 1912 г. состоялось заседание Экономического совета ярославского уездного земства, где продолжилось обсуждение проблемы борьбы с бродяжничеством и хулиганством. Для борьбы с «местным хулиганством» были признаны желательными следующие меры: пастырское увещевание; школьное духовно-нравственное воспитание и дисциплина, включая послушание родителям и уважение к старшим; внешкольное влияние через библиотеки и организацию разумных развлечений для молодежи; создание института «блудителей нравов» – уважаемых в деревне людей с нравственным авторитетом, способных влиять на прекращение хулиганства. Также предусматривались: залог с хулиганов, принудительный труд (общественные дорожные работы), приоритетное рассмотрение дел о хулиганстве, публичное преследование таких правонарушений и запрет карточных игр в общественных местах.

В борьбе с пьянством предлагались следующие меры: удовлетворение приговоров сельских обществ

о закрытии казенных винных лавок; ограничение количества вина, отпускаемого одному человеку, и запрет продажи в мелкой посуде (сотках и полубутылках); борьба с шинками, особенно вблизи винных лавок; уничтожение деления казенных винных лавок на разряды и премий за продажу вина; уравнивание ответственности за тайную продажу вина в запечатанной и открытой посуде, а также за торговлю вином распивочно¹⁶.

10 января 1913 г. Ярославское губернское земское собрание согласилось со всеми предложенными мерами. Ярославскому губернатору было направлено постановление о необходимости ходатайствовать перед правительством, во-первых, о выработке законопроектов, имеющих ввиду более быстрое разбирательство дел и применение наказаний по делам о хулиганских поступках, во-вторых, об отмене административной высылки из столиц в деревню «порочных лиц и об устройстве для них в городах рабочих домов с принудительным трудом». 10 февраля 1913 г. информация была опрделена на рассмотрение управляющему МВД¹⁷, впоследствии во властных кругах вопрос активно обсуждался, но в силу исторических обстоятельств статья о хулиганстве вошла уже в советский уголовный кодекс в 1922 г.

Таким образом, сельское хулиганство в начале XX в. было заметным элементом деревенской повседневности и являлось настоящей трагедией для русской глубинки. Сквернословие, вандализм, массовые драки, избиения и нанесение телесных повреждений прохожим, а также убийства значительно снижали безопасность и качество жизни местного населения. Государство не могло надежно оберегать крестьян от этого зла, и они были вынуждены либо уступать хулиганам, опасаясь поджогов и физического насилия, либо защищать себя самостоятельно, что приводило к случаям самосуда. По этим причинам, а также из-за недоверия к администрации часть хулиганских выходов не доводилась до властей.

Акты сельского хулиганства редко планировались заранее и не совершались организованными бандами. Чаще всего это были спонтанные действия отдельных лиц или групп молодежи, зачастую находившихся в состоянии алкогольного опьянения. В данном случае целесообразно обратить внимание на концепцию девиантного досуга, который представляет собой поведение, не соответствующее установленным социальным нормам и стандартам. Эта форма времяпрепровождения обычно возникает в условиях социальной нестабильности и ограниченных возможностей для конструктивного проведения времени. В начале XX в. подобный досуг служил средством самовыражения и формой протеста против существовавших порядков, однако одновременно он влек за собой негативные последствия для общества.

Сельское хулиганство делилось на два вида: пришлое и местное. Пришлое хулиганство включало бродяг и празднующихся, преимущественно высланных из городов лиц с порочным поведением и отбывших наказание, а также безработных местного происхождения, которые продали свою землю и стали «профессиональными пропойцами». Эти лица группировались у казенных винных лавок и с наступлением вечера ходили по крестьянским домам с просьбой о ночлеге. Местное хулиганство, в свою очередь, было связано с деградацией нравов, что особенно проявлялось среди крестьянской молодежи. Если заезжее хулиганство все же являлось периодическим явлением и поддавалось контролю, то местное свидетельствовало о распущенности нравов, в частности подрастающего поколения, и требовало радикальных мер, поскольку имело тенденцию к стремительному разрастанию, причем не только в крупных торговых и фабричных селах, но и в отдаленной местности.

В 1912–1913 гг. в уездных и губернском земствах Ярославской губернии состоялись дискуссии по вопросу борьбы с развитием сельского хулиганства, которое, наряду с пьянством и бродяжничеством, признавалось бедой российской деревни. С целью уменьшения этих явлений было предложено усилить противодействие пьянству, развивать образование и местное самоуправление. Губернатору было передано постановление о необходимости лоббировать в правительстве принятие законопроектов о быстром разбирательстве дел и вынесении приговоров по делам о хулиганстве, а также об отмене административной высылки неблагонадежных лиц из столиц в деревню. Все рекомендации были направлены правительству, но статья о наказании за хулиганство вошла в законодательство лишь в советское время.

Примечания

¹ Голос. 1917. № 79. 12 апр.

² Голос. 1913. № 98. 30 апр.

³ Угличанин. 1907. № 58. 29 июня.

⁴ Угличанин. 1908. № 46. 3 авг.

⁵ Голос. 1909. № 175. 30 сент.

⁶ Голос. 1913. № 151. 4 июля.

⁷ Голос. 1913. № 150. 3 июля.

⁸ Голос. 1913. № 105. 8 мая.

⁹ Угличанин. 1908. № 54. 28 сент.

¹⁰ Голос. 1913. № 91. 21 апр.

¹¹ Голос. 1913. № 98. 30 апр.

¹² ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4109. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 17–18.

¹⁵ Там же. Л. 20–21.

¹⁶ Там же. Л. 22–25.

¹⁷ Там же. Л. 33–34.

Список литературы

Источники

Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Санкт-Петербург: Кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. 253 с.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Санкт-Петербург: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1867. 45 с.

Исследования

Горановский М.А. Хулиганство и меры борьбы с ним. Гродно: Губернская тип., 1913. 24 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003802521/ (дата обращения: 01.12.2025).

Гусенков А.С. Борьба с хулиганством в Новгородской губернии в начале XX века // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 47. С. 16–18.

Лурье Л.Я. Хулиганы старого Петербурга // Неприкосновенный запас. 2000. № 3 (11). URL: https://web.archive.org/web/20131101232719/http://magazines.russ.ru/nz/2000/3/gent_main3.html (дата обращения: 01.12.2025).

Максимова И.В. Хулиганство как явление повседневной жизни поволжского города накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы) // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электрон. сб. Самара, 2022. Вып. 10. С. 7–22. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).

Панин С.Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 135–154.

Сидорчук И.В. Хулиганство как преступление и как девиантная форма досуга в СССР 1920-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электрон. науч. журнал. 2018. № 1 (25). С. 144–158. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/14_25_2018.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture and power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley, Univ. California Press, 1993, 324 p. URL: <https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?doc.view=print&docId=ft809nb565> (дата обращения: 01.12.2025).

Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914. *Slavic Review*, 1978, vol. 37, no. 2, pp. 228–240. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/abs/rural-crime-in-tsarist-russia-the-question-of-hooliganism-19051914/33EA8430C5EF17A90D4C04F25FA1CE5C> (дата обращения: 01.12.2025).

References

Goranovskij M.A. *Khuliganstvo i mery bor'by s nim* [Hooliganism and measures to combat it]. Grodno, Gubernskaya Tip. Publ., 1913, 24 p. (access date: 01.12.2025). (In Russ.)

Gusenkov A.S. *Bor'ba s khuliganstvom v Novgorodskoi gubernii v nachale XX veka* [Combating Hooliganism in the Novgorod Province at the Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Novgorod State University], 2008, no. 47, pp. 16–18. (In Russ.)

Lur'e L.Ia. *Khuligany starogo Peterburga* [The Hooligans of Old St. Petersburg]. *Neprikosnovennyj zapas* [The Unspoiled Reserve], 2000, no. 3 (11). URL: https://web.archive.org/web/20131101232719/http://magazines.russ.ru/nz/2000/3/gent_main3.html (access date: 01.12.2025). (In Russ.)

Maksimova I.V. *Khuliganstvo kak iavlenie povsednevnoi zhizni povolzhskogo goroda nakanune Pervoi mirovoi voiny (po materialam saratovskoi pressy)* [Hooliganism as a Phenomenon of Everyday Life in a Volga City on the Eve of the First World War (Based on Materials from the Saratov Press)]. *XX vek i Rossiya: obshhestvo, reformy, revolyutsii: ehlektron. sb.* [The 20th Century and Russia: Society, Reforms, and Revolutions: Electronic Collection]. Samara, 2022, vol. 10, pp. 7–22. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/> (access date: 01.12.2025). (In Russ.)

Panin S.E. «Khoziain ulits gorodskikh». *Khuliganstvo v Sovetskoj Rossii v 1920-e gody* [“The Master of the City Streets.” Hooliganism in Soviet Russia in the 1920s]. *Vestnik Evrazii* [Vestnik of Eurasia], 2003, no. 4, pp. 135–154. (In Russ.)

Sidorchuk I.V. *Khuliganstvo kak prestuplenie i kak deviantnaia forma dosuga v SSSR 1920-kh gg.* [Hooliganism as a Crime and as a Deviant Form of Leisure in the USSR in the 1920s]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: elektron. nauch. zhurnal* [Vestnik of the Orenburg State Pedagogical University: Electronic Scientific Journal], 2018, no. 1 (25), pp. 144–158. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/14_25_2018.pdf. (access date: 01.12.2025). (In Russ.)

Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture and power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley, Univ. California Press, 1993, 324 p. URL: <https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?doc.view=print&docId=ft809nb565> (access date: 01.12.2025).

Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914. *Slavic Review*, 1978, vol. 37, no. 2, pp. 228–240. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/abs/rural-crime-in-tsarist-russia-the-question-of-hooliganism-19051914/33EA8430C5EF17A90D4C04F25FA1CE5C> (access date: 01.12.2025).

Статья поступила в редакцию 04.12.2025; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 04.12.2025; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 15.04.2026.

**СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ КОНТАКТЫ
ПО ВОПРОСАМ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ В СССР
(на примере переговоров с компанией «Дженерал моторс» в 1928–1929 гг.)**

Орешкин Олег Юрьевич, кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ «Школа им. И.С. Полбина», Москва, Россия, vicit1945@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1338-5053>

Аннотация. Предметом изучения является опыт переговоров СССР с руководством американской компании «Дженерал моторс» в 1928–1929 гг. Представлены основные этапы переговоров. Исследованы планируемые советской стороны объемы производства автомобилей, а также возможное соотношение количества грузовых и легковых машин, их ожидаемая стоимость. Изучены предлагаемые американцами условия кредитования по поставкам импортных комплектов для сборки автомобилей в СССР. Проанализированы объемы возможного кредитования, условия и сроки возврата кредитов, а также размеры долевых отчислений. Уделено внимание рассматриваемым вариантам оказания автотресту технической помощи. Изучены ожидаемые сроки строительства корпусов заводов для основного производства, условия привлечения иностранных специалистов, варианты подготовки и обучения советских инженеров, предоставления и монтажа оборудования. Проанализированы предлагаемые для СССР условия оплаты технической помощи, а также возможные варианты инвестирования. Выявлена позиция «Дженерал моторс» по вопросу содействия в организации подсобных производств. Проведены сравнения переговорных позиций «Форда» и «Дженерал моторс» по ключевым вопросам сотрудничества с СССР в изучаемый период. Изучены условия продажи автомобилей, собранных в СССР, требования к использованию торговых марок «Дженерал моторс». Названы возможные последствия для сторон в случае прекращения сотрудничества. Сделан вывод о причинах остановки переговоров с «Дженерал моторс».

Ключевые слова: автомобильная промышленность СССР, автотрест, М.Л. Сорокин, «Дженерал моторс», «Форд», сборочное производство, автомобиль «Шевроле», Детройт, К.В. Уханов, М.Г. Гуревич, Моссовет.

Для цитирования: Орешкин О.Ю. Советско-американские контакты по вопросам автомобилестроения в СССР (на примере переговоров с компанией «Дженерал моторс» в 1928–1929 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 13–19. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-13-19>

Research Article

**SOVIET-AMERICAN CONTACTS
ON AUTOMOTIVE INDUSTRY ISSUES IN THE USSR
(in terms of negotiations with General Motors in 1928–1929)**

Oleg Yu. Oreshkin, PhD in History, teacher of History at Polbin School in Moscow, Russia, vicit1945@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1338-5053>

Abstract. The subject of study is the experience of negotiations between the USSR and the leadership of the American company General Motors in 1928–1929. The main stages of negotiations are presented. The volumes of car production planned by the Soviet side were investigated, as well as the possible ratio of the number of trucks and cars, their expected cost. The credit conditions offered by the Americans for the supply of imported kits for assembling cars in the USSR have been studied. The volume of possible lending, conditions and terms of repayment of loans, as well as the amount of share deductions were analysed. Attention is paid to the considered options for providing technical assistance to the automobile trust. The expected terms of construction of plant buildings for the main production, conditions for attracting foreign specialists, options for training and teaching of Soviet engineers, provision and installation of equipment were studied. The terms of payment for technical assistance offered for the USSR, as well as possible investment options, were analysed. We revealed the position of General Motors on the issue of assistance in organising subsidiary industries. Comparisons were made of the negotiating positions of Ford and General Motors on key issues of cooperation with the USSR in the period under study. The conditions for the sale of cars assembled in the USSR, the requirements for the use of General Motors trademarks were studied. Possible

consequences for the parties in case of termination of cooperation are named. The conclusion is made about the reasons for stopping negotiations with General Motors.

Keywords: Soviet automotive industry, automobile trust, Mark Sorokin, General Motors, Ford, assembly production, Chevrolet car, Detroit, Konstantin Ukhanov, Moisey Gurevich, Moscow Soviet.

For citation: Oreshkin O.Yu. Soviet-American contacts on automotive industry issues in the USSR (in terms of negotiations with General Motors in 1928–1929). *Vestnik of Kostroma State University*, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 13–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-13-19>

Изучение вопросов о вкладе американских компаний в развитие советского автомобилестроения обусловлено особой ролью иностранной помощи в становлении отрасли в изучаемый период. В результате переговоров 1928–1929 гг. в СССР был построен крупнейший на тот момент автомобильный завод, выпускавший так необходимые советской промышленности автомобили, прежде всего грузовые.

Правильный выбор надежной компании-партнера влиял на сроки создания в стране не только сборочного, но и налаживания собственного производства автомобилей. Неудачный опыт сотрудничества СССР с «Дженерал моторс» (далее ДМ) внес необходимую ясность и ускорил процесс принятия окончательного решения в пользу «Форда».

Актуальность статьи обусловлена:

– научной значимостью изучения опыта организации автомобильной промышленности как фактора экономического развития СССР в исследуемый период;

– востребованностью применения данных об условиях сотрудничества с американскими компаниями на примере «Дженерал моторс» для сравнительных оценок по вопросам взаимодействия с другими иностранными компаниями, работавшими в СССР;

– потребностью в применении исторического опыта межгосударственного партнерства в сфере автомобилестроения на современном этапе.

В отечественной историографии вопрос о роли иностранной помощи в становлении советского автомобилестроения находит свое отражение. В советский период выходят работы Ю.А. Долматовского [Долматовский], Д.Г. Шнейдеровой [Шнейдерова], Н. Осинского [Осинский], Л.М. Шугурова и В.П. Ширшова [Шугуров, Ширшов]. Исследования посвящены автомобилестроению и сотрудничеству с иностранцами на рубеже 1920–30-х гг. Авторы подчёркивают особую роль американской компании «Форд» в становлении автомобилестроения в СССР.

На современном этапе продолжена традиция изучения американского фактора в развитии советского автомобилестроения. Вновь подтверждается особый вклад компании «Форд». В работах Л. Сигельбаума [Сигельбаум], К.В. Шляхтинского [Шляхтинский], С.Г. Камолова [Камолов], Б.М. Шпотова [Шпотов 2003; Шпотов 2004; Шпотов 2005; Шпотов 2008] показано сотрудничество СССР с американскими

компаниями. Основное внимание уделено помощи со стороны корпорации «Форд» по вопросам строительства и оборудования автозавода в Нижнем Новгороде. В исследовании Т.И. Харламовой [Харламова] приводятся отдельные подробности переговоров СССР с американской фирмой «Автокар» по развитию завода АМО.

Интерес представляет работа В.Г. Шишки [Шишка]. Автор рассматривает вопрос об усилиях советской комиссий по поиску потенциальных партнеров в Европе и США в первой половине 1928 г. для развития автомобилестроения в СССР. Приведены отрывочные сведения о взаимодействии с «Дженерал моторс».

Таким образом, большинство исследований сосредоточены на изучении взаимодействия с теми иностранными компаниями, сотрудничество с которыми нашло практическое применение в СССР. Вместе с тем продолжительные переговоры советской стороны с ДМ имеют единичное отражение в научных трудах. Вопрос требует дальнейшего изучения. Его исследование позволяет лучше понять, почему Советский Союз вместо «Дженерал моторс» предпочёл компанию «Форд» на рубеже 1920–30-х гг.

Новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению основных аспектов переговоров советской стороны с компанией «Дженерал моторс», в выявлении преимуществ и недостатков обсуждаемых условий сотрудничества с компанией.

Источниковой базой исследования стали вводимые в научный оборот дневники переговоров советских представителей с руководством ДМ, отчетные материалы о посещении заводов компании, черновые варианты договоров, составленные руководством автотреста, доклады и письма, направляемые в адрес Моссовета. Данные документы представляют особый интерес и позволяют увидеть факты и за кулисы переговоров, которые не находят отражения в официальных документах (распоряжениях, договорах, контрактах и т. д.).

Данные материалы находятся в составе фонда Моссовета Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО). Используемые источники подтверждают вывод о важности опыта переговоров с «Дженерал моторс» для дальнейшего развития автомобилестроения в СССР на рубеже 1920–30-х гг.

Управление автомобильной промышленностью было сосредоточено в руках автотреста ВСНХ СССР. Согласно уставу треста от 14 января 1925 г., в его составе находилось 5 предприятий: 1-й Государственный автомобильный завод (бывш. АМО) в Москве, 4-й Государственный автомобильный завод (бывш. Ильина и далее «Спартак») в Москве, 1-й авторемонтный завод (бывш. Лебедева и будущий ЯАЗ) в Ярославле, Государственная фабрика автопринадлежностей в Москве, Бронетанковый завод в Москве [Собрание законов: 278].

В 1928 г. автотрест вместе со своими предприятиями перешел в подчинение Московского совета народного хозяйства (МСНХ) ВСНХ РСФСР¹. Переход автотреста в ведение МСНХ и Моссовета фактически делало московские власти одним из главных переговорщиков с иностранными компаниями, ведь в их ведении оказалась вся автомобильная промышленность страны.

В 1928–1929 гг. правление автотреста возглавлял М.Л. Сорокин. Он был одним из представителей советской стороны на переговорах с иностранными компаниями по вопросам организации автомобильной промышленности в СССР. В июне 1928 г. Сорокин подготовил предварительные расчеты по строительству будущего завода. Завод должен был организовать выпуск 12 тыс. автомобилей в год. Для этого предусматривалась общая сумма почти на 34,8 млн руб., из них 14 млн валютой².

Затраты на строительство корпусов завода и других технических помещений должны были составить 14 млн руб. Эти работы предполагалось осуществить за счет ресурсов внутри страны, поэтому не требовалось валютных вложений³.

Сложнее выглядел вопрос о приобретении оборудования. Из 20 млн руб., предусмотренных на эти цели, 13,5 млн руб. нужно было вложить в виде валюты. Самым дорогим в оборудовании должен был стать механический цех стоимостью 12 млн руб. (9 млн валюты и 3 млн червонцами)⁴.

Третье направление расходов – это техническое содействие со стороны иностранных компаний. Оно включало проекты строительства, спецификацию оборудования, изыскание и консультацию со стороны иностранных инженеров, а также помощь в обучении советских специалистов. Ориентировочный объем вложений составлял 2 % от стоимости завода, то есть 750 тыс. руб., из которых 500 тыс. руб. вносились валютой⁵.

Строительство планировалось в течение трех лет. Завод должен был включить сборочное, кузовное, механическое, термическое, инструментальное, модельное, кузнечное-прессовое производство, а также кузницу⁶. Ожидалось, что выпуск 12 тыс. собственных машин произойдет на 4-й год проекта.

В первый же год необходимо организовать сборку автомобилей на базе импортных комплектов. Минимальный выпуск по годам ожидался таким: 3 тыс. машин за 1-й год, 5 тыс. авто за 2-й год и 3 тыс. авто за 3-й год⁷.

Очевидно, что будущий завод требовал серьезных валютных вложений, поэтому, ориентируясь на потенциального партнера за рубежом, СССР учитывал три обстоятельства: фирма-партнер выделит кредит, вложит инвестиции и окажет техническое содействие в организации завода по производству автомобилей в СССР.

Активная фаза переговоров выпадает на сентябрь – октябрь 1928 г. Изучаемые документы позволяют увидеть, что в этот период у советской стороны не было окончательного решения. В письме председателю Моссовета К.В. Уханову (автор не указан) отмечалось, что СССР одновременно вел переговоры с несколькими автомобильными компаниями. Помимо «Дженерал Моторс компани» (ДМК), письма с предложениями о сотрудничестве были направлены компаниям «Форд», «Крайслер», «Пежо» и «Мерседес-Бенц». Однако, несмотря на такие разнонаправленные сигналы, в письме отмечалось, что если «Форд» не перережет путь ДМК, то договор возможно заключить уже в конце сентября 1928 г.⁸ Это означало, что в этот период автотрест наиболее плотно сотрудничал именно с ДМК.

Первые контакты автотреста и «Дженерал моторс» происходят в августе 1928 г. Эти сведения мы обнаруживаем в дневниках переговоров. 31 августа 1928 г. состоялись переговоры с участием М.Л. Сорокина, М.Г. Гуревича (Амторг) и Ромли (вице-директор ДМК). Представитель ДМК отметил, что политика компании первоначально направлена на открытие сборочных производств, и только впоследствии, при наличии условий, помогает в организации собственных производств⁹. В то же время Ромли выражал готовность выдать кредит на один год и, возможно, продлить его в дальнейшем¹⁰. Кредит планировался на закупку у американцев готовых автомобилей и комплектов частей.

На следующий день стороны обсудили первые условия кредитования. Предложение советской стороны сводилось к готовности в течение 3–4 лет приобрести части автомобиля «Шевроле» для сборки в СССР в объеме от 17 до 32 тыс., или в среднем 5–10 тыс. комплектов в год. При этом оставалось право покупки как целого комплекта, так и отдельных деталей. Американцы положительно отнеслись к отправке на обучение советских специалистов. Одним из предварительных условий было обязательство автотреста продавать собранные автомобили исключительно внутри СССР¹¹. Схема кредитования, предложенная ДМК, предполагала, что СССР вносит

25 % кредита при отправке частей, еще 25 % оплачивает через 6 месяцев, затем по 16,6 % вносит через 12, 18 и 24 мес. Однако не указывалась общая сумма поставок. Также американцы отказывались от договора на 3 года и предлагали заключать его ежегодно в момент новой закупки¹². СССР в свою очередь просил увеличить срок последнего платежа с 24 до 36 месяцев. Американцы предложение не поддержали¹³.

В середине сентября наши представители скорректировали план кредитования. В его основе – оплата 15–20 % от суммы кредита наличными при отправке авточастей для сборки, а остальные платежи вносятся примерно равными частями через 6, 12, 18, 24, 30 и 36 мес. Таким образом, средний кредит возрастал с 10½ мес. до 18 мес. Отмечается, что и этот вариант представителями ДМК был отвергнут¹⁴.

Другой аспект взаимодействия – это вопрос о технической помощи. В сентябре 1928 г. стороны рассматривали два варианта технического содействия. Первый – консультационный, другой предполагал выполнение ДМК всех работ. Во втором случае условием оказания помощи были долевыми отчисления от закупок комплектов для сборки автомобилей. Стоимость полного комплекта частей равнялась половине цены собранного автомобиля. При покупке полного комплекта дополнительных отчислений не устанавливалось. При заказе неполного комплекта уплачивалась по 5 долл. за каждые недостающие 10 % или по 25 долл. с одного комплекта¹⁵.

Таким образом, если СССР планировал в первый год приобрести 5 тыс. полных комплектов, а фактически бы купил 4 тыс., то он дополнительно оставался должен за 1 тыс. некупленных комплектов 25 тыс. долл., или 25 долл. за каждую машину. Срок организации собственного производства было предложено увеличить с 3 до 6 лет¹⁶. Советская сторона назвала такие условия неприемлемыми¹⁷. Этот вопрос стал предметом дальнейших переговоров.

Позднее, в октябре 1928 г., в ДМК сперва сообщили о возможности снижения долевыми отчислениями наполовину, а после допустили полный отказ от них¹⁸.

Для чего же покупать неполный комплект, ведь на его основе нельзя собрать автомобиль целиком? Такая потребность возникала по мере появления у СССР производства собственных комплектующих: от импортных аналогов постепенно можно было отказываться, а «Дженерал Моторс» был заинтересован продавать полные комплекты весь период договора о поставках. Следовательно, чем дольше в СССР не будет построено собственных производств, тем больше комплектов для сборки американцы смогли бы реализовать.

Что же включала в себя техническая помощь? Это разработка проекта строительства завода, передача схемы и спецификации оборудования, приглашение

в СССР иностранных инженеров, обучение на заводах «Дженерал моторс» советских специалистов¹⁹.

Третье направление сотрудничества – это привлечение инвестиций со стороны ДМК. Такая возможность в это время обсуждалась с другим потенциальным партнером – компанией «Форд». Последние подтвердили свои намерения по созданию концессии²⁰. Аналогичное предложение было сделано ДМК, но Пратт (представитель компании) ответил, что в настоящее время это невозможно; также было отказано в инвестициях²¹. В изучаемых документах мы видим, что в дальнейшем к вопросам об инвестициях и создании совместной компании стороны больше не возвращались.

Еще одним направлением сотрудничества в осенний период было посещение автомобильной комиссии (в составе Страканова, Иванова, Эскина) заводов «Дженерал моторс» в Европе (Берлин) и Америке (Детройт, Флинт). Члены комиссии отметили, что при определенных условиях было возможно строительство в СССР завода на 100 тыс. машин²².

В конце 1928 г. советской стороной был подготовлен черновой вариант проекта (точной даты установить не удалось) с правками автора, где приведены основные положения контракта автотреста с «Дженерал моторс экспорт компани» (ДМЭК)²³. Договор должен был вступить в силу с 1 января 1929 г. и действовать 4 года. Он состоял из двух частей. Первая часть определяла условия поставки готовых легковых и грузовых автомобилей марки «Шевроле», а также частей для сборки машин в СССР. Вторая устанавливала этапы строительства новых автомобильных заводов. Контракт предполагал техническую помощь ДМЭК в организации сборочного завода, завода по производству коммерческих кузовов, завода по производству легковых и грузовых автомобилей «Шевроле»²⁴. Алгоритм взаимодействия по строительству каждого завода был примерно одинаков. Сперва ДМЭК должен был передать автотресту схему завода и список необходимого оборудования. Далее советская сторона в установленные сроки (как правило, в течение 12 месяцев) должна была возвести здание завода и оснастить его оборудованием, после чего ДМЭК направлял технический персонал для управления и оперирования цехом. Таким образом, сборочный завод и завод по производству коммерческих кузовов должны были появиться в течение года с дня контракта, то есть к началу 1930 г. Автомобили должны были собираться из готовых комплектов агрегатов, поступающих из США. ДМЭК рассчитывало на ежегодный сбор 10 тыс. грузовых и 2 тыс. легковых автомобилей «Шевроле»²⁵.

Сложнее дела обстояли с организацией завода по собственному производству автомобилей. На каждый элемент производства предполагалось создание

собственного завода. Так, сперва должен был быть построен завод по производству полной рамы шасси и рессор шасси. К 1 января 1931 г. американская сторона должна была передать чертежи и спецификацию оборудования для производства радиаторов, радиаторных коробок, частей шасси из листового металла, передней оси и рулевого управления, передних и задних фар. На 1 января 1932 г. Автотрест должен был получить документацию, необходимую для производства задней оси, конусов, передач, а к 1 января 1933 г. – для мотора, кузовов открытого пассажирского типа. Далее трест обязывался построить каждый завод в течение 15 месяцев после получения документации. Однако проект договора не предусматривал содержание архитектурных проектов и строительных спецификаций. Все расходы, понесенные ДМЭК, возмещались Автотрестом в валюте США²⁶.

Мы не обнаруживаем данных планируемого количества ежегодно выпускаемых автомобилей, но есть указание на количество рам шасси – 25 тыс. комплектов. Вероятно, ожидался соответствующий объем автомобилей²⁷. Предусматривалось снижение долевых отчислений до 1 долл. за каждые недостающие 2 %²⁸. Проект не включал условий инвестиций, прежде всего связанных с финансированием приобретения оборудования. Это дает основание полагать, что все расходы СССР должен был взять на себя.

Следующий этап переговоров – январь – февраль 1929 г. Интерес представляет записка, подготовленная Сорокиным 1 февраля 1929 г.²⁹ В ней обнаруживаются планируемые размеры кредитования. Ожидалось, что советская сторона будет закупать у ДМК сборочные комплекты в течение 4 лет на общую сумму 10 млн долл. На первый год сумма поставок планировалась на 750 тыс. долл. и далее – по 3 млн долл. ежегодно. Однако в документе нет указания на количество комплектов, планируемых к приобретению, и объемы производства собственных автомобилей.

По-прежнему сохранялись разногласия по условиям погашения кредитов. Позиция ДМК оставалась неизменной. В то же время советская сторона внесла новые предложения: 25 % оплачивались при отправке частей, а далее платежи вносились равными частями по 18 % через 12, 24, 36 и 48 мес.³⁰

Тогда же, в феврале 1929 г., советская сторона предложила увеличить кредитование еще на 10 млн долл.³¹ Однако компания в такой инициативе отказалась³². Американцы согласились на уменьшение суммы отчислений до 25 центов за недостающий процент, то есть 12,5 долл. за один комплект³³.

В этот период были скорректированы и условия технической помощи. Компания подтверждала обязательство составить проект завода, снабдить чертежами и допустить советские кадры на американские заводы, но отказывалась обеспечить посылку своих

специалистов в СССР, кроме инженера-консультанта и команды помощников. Это объяснялось нежеланием брать ответственность за возможные неудачи в развитии автозавода. Сложность вызывало обеспечение техпомощью подсобных производств. Американцы соглашались распространить ее только на те производства, которые были внутри корпорации³⁴.

В период между 6 и 12 февраля 1929 г. сторонами было продолжено обсуждение вопроса о технической помощи и ряда других условий. СССР предлагал увеличить штат обучения советских специалистов с 30 до 40–50 чел. в год, расширить сборку машин с минимального объема в 25 тыс. до возможного количества в 100 тыс. в год. В изучаемых документах впервые называется планируемая стоимость проекта завода – 100 тыс. долл. (оплата технической документации), а изготовление материалов – в порядке технической помощи по себестоимости. Корпорация полностью отказывалась от долевых отчислений. Стороны обсуждали замену 4-летнего договора на 3-летний³⁵.

Однако переговоры в Нью-Йорке 18 февраля 1929 г. фактически поставили крест на дальнейшем сотрудничестве. Американская сторона отказывалась от технического содействия в постройке нового автозавода. Компания была готова заключить соглашения лишь в части помощи по организации сборочных заводов. Советская сторона выразила сожаление, что после почти 12-месячных переговоров была выдвинута совершенно новая база условий. Фирма признавала, что отступила от своих первоначальных условий, но уточнила, что таким было решение исполкома корпорации. Вопрос об оказании содействия в налаживании собственного производства откладывался на 1–2 года³⁶.

В этих условиях американцы не оставляли попыток сохранить сотрудничество с СССР в рамках сборочного производства. 27 февраля 1929 г. Сорокин докладывал, что были предложены новые условия кредитования: 25 % при отправке частей, далее первые 3 мес. – по 3 %, а затем в течение 33 мес. – по 2 % от основной суммы долга, плюс 6 % годовых и еще по $\frac{1}{5}$ % в месяц, итого – 8,4 % годовых к сумме основного платежа³⁷. Однако эти усилия не изменили позиции советской стороны.

Бесперспективность дальнейших обсуждений подкреплялась директивой советского правительства (утвержденная Политбюро ЦК ВКП(б) 7.03.1929) т. Шейнману, Межлауку, Сорокину на переговоры с «Фордом» об автозаводе. В документе указывалось, что «ввиду всего этого сообщаем вам письменно, что если предложение Моторса (по существу сводящееся к простой покупке частей для сборки) неприемлемо вообще, то заключение договора с Фордом хотя бы о технической помощи (в том объеме, который им предлагался, т. е. включая проекти-

рование завода, пуск его через 4 года в ход и т. д.) считается Правительством на худой конец приемлемым, так как наш главный интерес заключается в постройке не позже 4-летнего срока собственного автомобильного завода».

В качестве дальнейших шагов предлагалось:

- 1) вести переговоры;
- 2) договор о техпомощи заключить на срок не более 10 лет, включая четыре года на постройку завода;
- 3) платеж за первые четыре года вместе – один миллион долларов, за последующие 6 лет – по 500 тысяч долларов; ежегодно, сверх оплаты отдельных услуг; какая-либо накидка к отпускным ценам «Форда», разумеется, отпадает.

В целях заинтересовать американцев допускалась закупка минимального количества комплектов авточастей, не свыше, однако, 58 тысяч комплектов за четыре года³⁸.

31 мая 1929 г. СССР и компания «Форд» заключили договор о технической помощи, ее результатом станет строительство и пуск собственного автомобильного производства в Нижнем Новгороде (с 1930 г. Горький) [Шпотов 2008: 274].

Таким образом, выбор компании для работы в СССР – это результат сложных переговоров. «Дженерал моторс» хотя и не стал партнёром, но выработанная переговорная база явилась хорошей наработкой для сотрудничества с «Фордом». Судьба переговоров была предопределена после отказа «Дженерал моторс» от помощи в создании собственного производства автомобилей в СССР. Преимущество «Дженерал моторс» было в готовности идти на кредитование, но его условия оказались слишком жесткими для советской стороны. Отказ от увеличения сроков кредитования не устроил советское руководство. СССР добивался растягивания периодов внесения платежей с целью выиграть время для накопления необходимой иностранной валюты. Возможно, более мягкие условия займа могли изменить настроение советского правительства и способствовать возврату к переговорам с «Дженерал моторс». «Форд» же настаивал только на прямой оплате всей суммы за поставляемые комплекты, но при этом готов был участвовать в строительстве завода. Эти обстоятельства предопределили дальнейшее сближение СССР с компанией «Форд».

Примечания

- ¹ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-415. Оп. 2.
- ² Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 11. Д. 6323. Л. 87.
- ³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6323. Л. 87.
- ⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6323. Л. 87.
- ⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6323. Л. 77–78.
- ⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6323. Л. 79.

⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6323. Л. 83.

⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 66.

⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 61.

¹⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6773. Л. 1.

¹¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 63–64.

¹² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 65.

¹³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6773. Л. 2.

¹⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 90.

¹⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6773. Л. 2.

¹⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6773. Л. 2.

¹⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 91.

¹⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6773. Л. 5–6.

¹⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 63–64.

²⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6274. Л. 20.

²¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6773. Л. 6.

²² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 6274. Л. 1–19.

²³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 4–17.

²⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 4.

²⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 7–8.

²⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 8–13.

²⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 10.

²⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 16.

²⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 18–21.

³⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 18.

³¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 128.

³² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 132.

³³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 19.

³⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 131–132.

³⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 134–136.

³⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 140.

³⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 260. Л. 181–182.

³⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 45.

Список литературы

Источники

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1925. № 1–41. Отд. второй. Москва: Управление делами СНК СССР, 1925. 480 с.

Исследования

Долматовский Ю.А. Автомобиль за 100 лет. Москва: Знание, 1986. 235 с.

Камолов С.Г. Российско-французские инновации автомобильной отрасли промышленности: исторический опыт для современного государственного управления // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 18–24.

Осинский Н. Автомобилизация СССР: Статьи, очерки, речи (1927–1929). Москва: Госиздат, 1930. 244 с.

Сигельбаум Л. Машины для товарищей. Биография советского автомобиля / пер. с англ. М.И. Лейко. Москва: РОССПЭН, 2011. 430 с.

Харламова Т.И. Автомобилизация страны в 1920–1930-е годы: дискуссионный опыт // Известия МГТУ. 2012. Т. 3, № 2 (14). С. 274–280.

Шишка В.Г. Разумное заимствование: зарубежный опыт как движущий фактор советского автомобилестроения в конце 1920-х годов // Вестник Пермского университета. 2013. № 3 (23). С. 166–174.

Шляхтинский К.В. Россия: гении и дороги: из истории отечественного автомобилестроения. Москва: Инфомедиа Паблшерз, 2007. 265 с.

Шнейдерова Д.Г. Пути развития автостроения. Москва; Ленинград: Авиаавтоиздат, 1932. 82 с.

Шугуров Л.М., Ширинов В.П. Автомобили Страны Советов. Москва: ДОСААФ, 1983. 105 с.

Шпотов Б.М. Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929–1931 гг. // Экономическая история: ежегодник, 2002. Москва, 2003. С. 191–232.

Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. Москва: КДУ, 2005. 384 с.

Шпотов Б.М. Компания Форда в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник, 2007. Москва, 2008. С. 267–286.

Шпотов Б.М. Переплатил ли Советский Союз компании Форда? (К вопросу о цене индустриализации) // Экономическая история: ежегодник, 2003. Москва, 2004. Вып. 10. С. 160–180.

References

Dolmatovskij Ju.A. *Avtomobil' za 100 let* [A car for 100 years]. Moscow, Znanie Publ., 1986, 235 p. (In Russ.)

Harlamova T.I. *Avtomobilizacija strany v 1920–1930-e gody: diskussionnyj opyt* [The Motorization of the Country in the 1920s and 1930s: A Discussion of the Experience]. *Izvestija MGTU* [Izvestiya MGTU], 2012, vol. 3, no. 2 (14), pp. 274–280. (In Russ.)

Kamolov S.G. *Rossijsko-francuzskie innovacii avtomobil'noj otrasli promyshlennosti: istoricheskij opyt dlja sovremennogo gosudarstvennogo upravlenija* [Russian-French Innovations in the Automotive Industry: Historical Experience for Modern Public Administration]. *Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki* [Economics problems and legal practice], 2017, no. 6, pp. 18–24. (In Russ.)

Osinskij N. *Avtomobilizacija SSSR. Stat'i, ocherki, rechi (1927–1929)* [Motorization of the USSR. Articles, essays, and speeches (1927–1929)]. Moscow, Gosizdat Publ., 1930, 244 p. (In Russ.)

Shishka V.G. *Razumnoe zaimstvovanie: zarubezhnyj opyt kak dvizhushhij faktor sovetskogo avtomobilestro-*

nija v konce 1920-h godov [Smart borrowing: foreign experience as the driving factor of the Soviet automotive industry in the late 1920s]. *Vestnik Permskogo Universiteta* [Perm University Herald], 2013, no. 3 (23), pp. 166–174. (In Russ.)

Shljahntinskij K.V. *Rossija: genii i dorogi: iz istorii otechestvennogo avtomobilestroenija* [Russia: geniuses and roads: from the history of the domestic automotive industry]. Moscow, Infomedia Pablsherz Publ., 2007, 265 p. (In Russ.)

Shnejderova D.G. *Puti razvitija avtostroenija* [Ways of development of auto construction]. Moscow, Leningrad, Aviaavtoizdat Publ., 1932, 82 p. (In Russ.)

Shpotov B.M. *Biznesmeny i bjurokraty: amerikanskaja tehničeskaja pomoshh' v stroitel'stve Nizhegorodskogo avtozavoda, 1929–1931 gg.* [Businessmen and bureaucrats: American technical assistance in the construction of the Nizhny Novgorod Automobile Plant, 1929–1931]. *Jekonomicheskaja istorija: ezhegodnik, 2002* [Economic history: yearbook, 2002]. Moscow, 2003, pp. 191–232. (In Russ.)

Shpotov B.M. *Genri Ford: zhizn' i biznes* [Henry Ford: Life and Business]. Moscow, KDU Publ., 2005, 384 p. (In Russ.)

Shpotov B.M. *Kompanija Forda v Sovetskom Sojuze v 1920–1930-e gg.* [Ford's company in the Soviet Union in the 1920s–1930s.]. *Jekonomicheskaja istorija: ezhegodnik, 2007* [Economic history: yearbook, 2007]. Moscow, 2008, pp. 267–286. (In Russ.)

Shpotov B.M. *Pereplatil li Sovetskij Sojuz kompanii Forda? (K voprosu o cene industrializacii)* [Did the Soviet Union overpay Ford's company? (On the issue of the cost of industrialization)] *Jekonomicheskaja istorija: ezhegodnik, 2003* [Economic history: yearbook, 2003], ed. by L.I. Borodkin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 160–180. (In Russ.)

Shugurov L.M., Shirshov V.P. *Avtomobili Strany Sovetov* [Cars of the Land of Soviets]. Moscow, DOSAAF Publ., 1983, 105 p. (In Russ.)

Sigel'baum L. *Mashiny dlja tovarishhej. Biografija sovetskogo avtomobilja* [Cars for comrades. Biography of the Soviet automobile], trans. from English by M.I. Leiko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 430 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.10.2025; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 22.10.2025; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 15.04.2026.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ КАК СПОСОБ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ НА РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО
(на примере допросов Г.С. Люшкова)**

Орешенков Сергей Викторович, полковник запаса Министерства обороны Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, svoreshenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6501-7029>

Аннотация. В статье исследованы показания бывшего начальника УНКВД Дальневосточного края Генриха Самойловича Люшкова, данные им после побега в Японию 13 июня 1938 г. японским и германским спецслужбам и переданные в Германию в августе того же года. Показано, что весомая часть этих показаний не могла быть дана перебежчиком: их автор явно некомпетентен в вопросах государственного устройства СССР в целом и НКВД СССР в частности. Кроме того, протоколы допросов содержат многочисленные анахронизмы. На основании того, что некоторые анахронизмы относятся к событиям, произошедшим после передачи показаний от японских спецслужб к немецким, а также после отправки показаний Люшкова из германского посольства в Японии в Германию, сделан вывод о том, что материалы допросов сфальсифицированы не японской стороной, а немецкими нацистами. Искажения были сделаны в интересах пропагандистской кампании по очернению СССР: Люшкову приписывались высказывания о намерении советского руководства начать агрессию против Германии и Японии одновременно. Примечательно, что с началом СВО показания Люшкова были изданы на русском языке с участием организации, позже признанной нежелательной на территории России.

Ключевые слова: Г.С. Люшков, М.Н. Тухачевский, Я.Б. Гамарник, Вторая мировая война, тройка НКВД.

Для цитирования: Орешенков С.В. Исторические фальсификации как способ идеологического давления на российское государство (на примере допросов Г.С. Люшкова) // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 20–27. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-20-27>

Research Article

**HISTORICAL FALSIFICATIONS AS A WAY
OF IDEOLOGICAL PRESSURE ON THE RUSSIAN STATE
(in terms of Genrikh Lyushkov's interrogations)**

Sergey V. Oreshenkov, Colonel of the Reserve of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia, svoreshenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6501-7029>

Abstract. This article examines the testimony of Genrikh Samoylovich Lyushkov, former head of the NKVD Directorate for the Far Eastern Territory, given to Japanese and German intelligence agencies after his defection to Japan on June 13, 1938, and transmitted to Germany in August of that year. It is shown that a significant portion of this testimony could not have been given by the defector: its author is clearly incompetent in matters of the Soviet Union's political structure in general and the NKVD in particular. Furthermore, the interrogation reports contain numerous anachronisms. Based on the fact that some anachronisms relate to events that occurred after the transfer of testimony from the Japanese special services to the German ones, as well as after Lyushkov's testimony was sent from the German embassy in Japan to Germany, it was concluded that the interrogation materials were falsified not by the Japanese side, but by the German Nazis. The distortions were made in the interests of a propaganda campaign to denigrate the USSR: Lyushkov was credited with statements about the Soviet leadership's intention to launch aggression against Germany and Japan simultaneously. It is noteworthy that Lyushkov's testimony was published in Russian by an organisation, which is currently subject to political censorship in the Russian Federation.

Keywords: Genrikh Lyushkov, Mikhail Tukhachevsky, Yan Gamarnik, Second World War, NKVD troika.

For citation: Oreshenkov S.V. Historical falsifications as a way of ideological pressure on the Russian state (in terms of Genrikh Lyushkov's interrogations). Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 20–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-20-27>

Актуальность данной работы обусловлена попытками наращивающих русофобию кругов обвинить СССР в развязывании Второй мировой войны или хотя бы уравнивать в этом вопросе СССР и страны «оси». В качестве примера можно привести некоторые учреждения, впоследствии признанные организациями¹, представляющими угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства². Именно такая организация в 2016 г. способствовала публикации оцифрованных копий «материалов допросов Люшкова» на немецком [Дело], а в 2022 г., посредством подачи соответствующей идеи, добилась их публикации уже на русском языке [Захаров: 31]. Авторы книги, несмотря на свою тщательную работу со справочным аппаратом – издание содержит 1256 примечаний – проигнорировали не только подмеченное ими самими огромное количество неточностей и противоречий в показаниях Люшкова, но и собственные выводы о его разительной некомпетентности в элементарных вопросах государственного устройства и общественной жизни СССР, а также, что немаловажно, функционирования органов НКВД [Захаров: 16, 22, 266, 269], умолчав о главном.

Главное из расхождений «показаний» Люшкова с действительностью заключается в описании СССР как страны, готовившей одновременную агрессию против Японии и Германии. Представление Советского Союза государством, готовившим Вторую мировую войну, однозначно противоречит установленному Международным военным трибуналом в 1946 г., поскольку вина в подготовке войны возложена им целиком на нацистов. Демонстрация в данной статье прямых заимствований представителями недружественных России стран разработок Министерства народного просвещения и пропаганды нацистской Германии может содействовать контрпропаганде, послужив еще одним доказательством борьбы РФ не столько с украинским нацизмом, сколько с нацизмом вообще.

Цель работы: изучение на основании доступных материалов правдоподобности показаний Люшкова после его побега в Японию, как сделанных непосредственно им, и вероятности наличия в них корректировок, внесённых спецслужбами Японии и Германии.

Введение. Начальник Дальневосточного управления НКВД СССР Г.С. Люшков бежал в Японию через территорию оккупированной ею Маньчжурии 13 июня 1938 г. Мотивами, которыми он обосновывал свой побег, были опасения якобы ожидавшей его «чистки» [Трехсвятский: 95] и несогласие со сложившейся, по его мнению, ситуацией в стране: «ленинизм потерял стержневую роль в политике партии» [Трехсвятский: 96]. Подобные заявления нельзя

воспринимать без здорового скепсиса, так как «по некоторым данным, под его руководством было репрессировано не менее 70 тысяч человек» [Каравашкин: 367], хотя и эти сведения требуют дополнительного исследования. В любом случае сам Люшков признаками грозящего ему ареста, вынудившими его к побегу, назвал аресты других высокопоставленных работников НКВД [Захаров: 64], которые были привлечены к уголовной ответственности и не реабилитированы до сих пор, таких как Заковский [Петров, Скоркин: 199] и Леплевский [Тумшис, Золотарёв: 392]. Не реабилитирован и арестованный незадолго до побега Люшкова его непосредственный подчинённый Каган [Тумшис, Золотарёв: 324]. Таким образом, в качестве истинных мотивов перебежчика можно предполагать стремление избежать наказания за вполне конкретные преступные деяния, а не боязнь оказаться репрессированным без вины или борьбу за истинный, «ленинский» социализм.

В Японии Люшкова допрашивали местные спецслужбы, а позднее – представители нацистского Абвера. В иностранной прессе тогда же было опубликовано несколько его интервью и некие «дневники» перебежчика, представленные японской стороной как написанные им после побега, а в настоящее время считающиеся утраченными [Трехсвятский: 95]. Сводные документы (на немецком языке) по итогам допросов Люшкова были захвачены советскими войсками в составе архива Главного командования сухопутных войск вермахта, после чего хранились в ЦАМО РФ [Захаров: 14].

Интервьюирование перебежчика для прессы обычно происходит под надзором пропагандистских ведомств государства-акцептора, нередко враждебного государству-донору беглеца. Люшков не стал исключением и, поскольку японскому правительству в то время для оправдания своих милитаристских устремлений требовалось запугать собственное население угрозой СССР, в выдержках из «дневников» перебежчика заявлялось, что Советский Союз «умышленно помогает Китаю затянуть войну в надежде, что, когда Япония будет окончательно истощена, Москва нанесёт ей решительный удар» и с этой целью «к востоку от Байкальского озера Сталин сосредоточил уже 400 000 солдат, 25 стрелковых дивизий и 2000 бомбовозов», «Китай – только игрушка в руках Сталина» и что «Китай будет превращён в большевицкую вотчину» [В Токио].

Одной из важнейших функций средств массовой информации является пропаганда, поэтому к заявлениям перебежчика, опубликованным в открытой печати, нельзя не относиться критически. Другое дело допросы в спецслужбах, где перебежчик должен сообщать только достоверные факты, в противном случае возникнут подозрения в шпионаже на стра-

ну-донора с уголовным преследованием и даже ликвидацией без какого-либо суда и следствия. Поэтому нельзя не усомниться в ответе Люшкова на заданный ему летом 1938 г. вопрос «Куда будет направлен главный удар СССР – против Японии или против Германии?»: «Основная идея советского военного планирования заключается в том, чтобы **одновременно перейти в наступление** на восточном и на западном фронтах» (выделено мной. – С. О.) [Захаров: 58].

Ещё более неправдоподобен этот ответ в связи с противоречием перебежчика самому себе в следующем абзаце: «... момент, когда [Германия] поставит под свой контроль Польшу, Чехословакию и другие малые страны и напрямую выйдет на линию государственной границы с Советским Союзом, кажется ещё весьма отдалённым» [Захаров: 58]. То есть, по словам Люшкова от 1938 г., напасть на Германию планирует СССР, но именно Германия своей агрессией обеспечивает общую границу для предоставления Советскому Союзу возможности нападения.

Среди множества ложных заявлений Люшкова особое место занимает это: «Красная Армия должна стать решающим оружием в борьбе с капиталистическими государствами. Ее основная задача заключается **не** в ведении оборонительной войны, а в ведении войны **наступательной**. Доктринальная установка СССР в отношении капиталистических государств предполагает установление власти советского типа во всех капиталистических государствах или в одной отдельной стране. Исходя из этой идеи, **мысли о ведении оборонительной войны** какого-нибудь Тухачевского и других являются вредными» (выделено мной. – С. О.) [Захаров: 95–96].

Явное несоответствие действительности этому пассажи, пересланному в Германию по линии Абвера 10 августа 1938 г. в составе документа «Сводка показаний Люшкова. Из японских допросов» [Захаров: 35], о Тухачевском как стороннике оборонительной войны было авторами подмечено и опровергнуто со ссылками на работы Ю.З. Кантор и Б.В. Соколова: «... Тухачевский отнюдь не являлся сторонником оборонительной войны с капиталистическими государствами. ... К середине 30-х годов маршал **Тухачевский** в качестве 1-го заместителя наркома обороны СССР **являлся убежденным сторонником наступательной войны**. Он считал своей главной задачей подготовку РККА к будущей войне, **допуская милитаризацию экономики СССР**. Его предложения о реорганизации Красной Армии предполагали ускоренное развитие в первую очередь **наступательных** видов вооружений... Под его непосредственным руководством была разработана **теория глубокой наступательной операции**, предполагавшая решительные наступательные действия крупных механизированных соединений. **Являясь сторонником**

наступательной стратегии, Тухачевский...» (выделено мной. – С. О.) [Захаров: 354].

Люшков, служивший не в Красной Армии, а в НКВД, мог искренне ошибаться, сообщая на допросах свои личные предположения о советской военной доктрине вообще и миролюбии Тухачевского в частности. Однако на допросах от него требовалось сообщать именно факты, а не заявлять нечто, что было бы «вполне “политически рентабельным”» [Захаров: 353]. Самое же важное в том, что многое из остального, сообщённого Люшковым спецслужбам, явно исходило не от него или было сказано не летом 1938 г.

Анахронизмы в показаниях Люшкова. Генрих Люшков летом 1938 г. не мог описывать Тухачевского живым, чьи мысли до сих пор «**являются** вредными» – вследствие расстрела последнего за год до побега Люшкова в Японию.

Авторы книги «Чекист, сбежавший к самураям» подробно описывают проблемы при переводе показаний Люшкова, говоря о затруднениях с военными и политическими терминами, именами собственными и географическими названиями [Захаров: 26, 27]. Однако в книге ни словом не упомянуты обстоятельства, которые могли бы привести к искажениям времён глаголов, применённых Люшковым. Аналогично исследователь, переведивший заявления перебежчика с японского на русский, просит извинения только «за возможные неточности в географических названиях, именах и фамилиях, неизбежные при обратном переводе с довоенного японского» [Трехсвятский: 91].

Тухачевский – не единственный человек, в отношении которого Люшков допустил анахронизмы прошлого. Более того, когда речь идёт о других людях, которых на тот момент не было в живых уже около года, глаголы настоящего времени усилены применёнными им наречиями, подчёркивающими текущий момент: «Элементы, которые **планируют** государственный переворот, чтобы установить единоличную власть военных, в большинстве своем они **являются** офицерами царских времен. Сюда **относятся** Тухачевский, Уборевич, Каширин, Орлов и др. Те военные, которые раньше работали со Сталиным, но **теперь видят** ошибки его политики и **желают действовать** со всеми остальными недовольными элементами. Подобные настроения, по большей части, **выражают** представители армейского командования. Здесь называют имена Гамарника, Якира, Сангурского, Дубового и др.» (выделено мной. – С. О.) [Захаров: 51].

Судя по заметке в газете «Правда», иностранной прессе ровно за год до побега Люшкова было известно о смертном приговоре некоторым военным, упомянутым в сводке его показаний от 10 августа 1938 г.: «Вся парижская печать сообщает о приговоре Спе-

циального судебного присутствия Верховного Суда Союза ССР по делу фашистских шпионов – Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана, Примакова, Путны» [Отклики].

Другие фигуранты (Путна, Корк, Эйдеман), о расстреле которых парижская печать информировала 13 июня 1937 г., в сводке показаний Люшкова от 10 августа 1938 г. описываются им аналогичным образом – с применением глаголов и наречий настоящего времени: «принадлежат», «продолжают» и «отныне склоняются» [Захаров: 51]. Эти же люди с добавлением Примакова, упомянутого «Правдой» в июне 1937 г. как расстрелянного, перечисляются Люшковым в качестве живых и в сводке показаний от 12 августа 1938 г.: «отличаются», «становятся все более националистично настроенными», «относятся» [Захаров: 74].

Попытки Люшкова в августе 1938 г. убедить японские спецслужбы в способности расстрелянных в июне 1937 г. Якира или Тухачевского что-либо «теперь» видеть или планировать могли привести только к подозрению его в повреждении рассудка или шпионаже на СССР. Столь же безрассудно с его стороны было пробовать убедить анализировавшие советскую прессу спецслужбы в аресте Гамарника [Захаров: 51], который в реальности ареста избежал [Хроника]. Ещё более опасным для Люшкова было пытаться ввести японские спецслужбы в заблуждение, предоставляя им неполные данные о задачах управления государственной безопасности НКВД [Захаров: 37, 269] или не соответствующие действительности сведения о подразделениях НКВД, осуществляющих охрану советского и партийного руководства [Захаров: 36, 269]. И вовсе за гранью «провала» оказался бы Люшков, если бы японцы, проверив его показания, узнали бы, что некий Подорипский никогда не командовал 2-м полком НКВД в Хабаровске, поскольку в 1937–1938 гг. на этой должности пребывали Д.В. Казакевич и П.И. Мышков [Захаров: 44, 280].

Достоверные сведения из «сводок показаний Люшкова» были актуальны не позднее конца мая 1937 г., то есть до сообщений СМИ об арестах или осуждении фигурантов дела Тухачевского, когда сторонники Троцкого составляли «планы по смещению или даже ликвидации И. Сталина и его соратников» [Бортников]. Очевидно наличие не менее двух источников предоставленной Люшковым информации. Один из них был прекрасно осведомлён в тайных настроениях высшего командного звена Красной Армии, включая мотивы недовольства, другой – даже не сумел достоверно передать изложенное в прессе, отнеся к арестованным застрелившегося на свободе Гамарника. Предполагая, что первым информатором был всё же Люшков, необходимо допустить и его работу на иностранные спецслужбы уже весной 1937 г.,

однако это допущение «материалами допросов Люшкова» не подтверждается. Предположение о Люшкове как о втором, крайне некомпетентном информаторе тоже противоречит материалам его допросов, так как он, несмотря на прохождение службы на Дальнем Востоке, пытался заявлять о себе как об осведомлённом в происходящем даже в кулуарах Кремля: «Позднее, в 1938 г., по этому вопросу было проведено второе расследование. Когда Москва получила меморандум японцев, Сталин ругался, заявив, что все это лишь предлог для проникновения японских предпринимателей в СССР» (выделено мной. – С. О.) [Захаров: 117].

Меморандум был направлен летом, уже после майского отзыва перебежчика в Москву, а поручение НКВД временному поверенному Сметанину и во все было выдано после бегства Люшкова в Японию – 7 июля 1938 г. [Захаров: 365]. Поскольку точная дата вручения японского меморандума неизвестна, слова перебежчика «Сталин ругался» нельзя гарантированно отнести к анахронизмам уже будущего, однако эти слова тоже позволяют допустить наличие разных информаторов, чьи сведения могли быть включены в «материалы допросов». Ещё одним свидетельством наличия не менее двух источников сведений для сводок показаний Люшкова является другая пара его противоречивых заявлений. Одно из них таково: «Гулин сам на допросе сказал мне (Люшкову) следующее: “Блюхер в состоянии алкогольного опьянения ругал комиссариат внутренних дел, зlostным образом критиковал процедуру арестов и сказал, что он (Блюхер) якобы был рекомендован правой партией на пост главнокомандующего Красной Армией, тогда как Люшков должен был стать народным комиссаром [внутренних дел]”» [Захаров: 52].

Данное утверждение частично допустимо, поскольку помощник Блюхера по материальному обеспечению Гулин был арестован до майского вызова Люшкова в Москву – 24 февраля 1938 г.³ Однако перебежчик в протоколах допросов ни слова не говорит о своём примыкании к «правым», которые, не склонив заранее Люшкова на свою сторону, вряд ли стали бы планировать его на должность наркома внутренних дел СССР.

В любом случае второе упоминание Гулина перебежчиком противоречит и первому упоминанию о нем, и действительности, и логике: «Блюхер якобы сказал Гулину, что Люшков до своего отъезда наркоматом внутренних дел хотел переманить Блюхера на свою сторону и что «правые» в одном из писем выражали желание сделать Блюхера своим вождем» [Захаров: 76].

Слово «якобы» в отличие от прямой речи Люшкова в первом варианте описания общения Блюхера с Гулиным говорит о передаче информации с чьих-то

слов, вследствие чего она могла быть искажена, а собеседником Блюхера попросту был не Гулин, чего Люшков не мог не знать. В любом случае маловероятно, чтобы Блюхер навещал пребывающего под следствием Гулина и сообщал ему компрометирующие самого себя сведения. Следовательно, противоречивые описания Люшковым бесед Блюхера с Гулиным являются переходной формой между искажениями перебежчиком прошлого и его не вполне удачными попытками описать будущее.

«Подозрение о моем предстоящем аресте у меня появилось, исходя из следующих обстоятельств: был арестован председатель Дальневосточного крайисполкома Легконрахов, были отозваны в Москву, а затем арестованы начальник областного управления НКВД по Ленинградской области Заковский, народный комиссар внутренних дел Украины Леплевский, с которым я находился в хороших дружеских отношениях, в Москву также был отозван целый ряд старых чекистов, таких как Берман (народный комиссар внутренних дел в Белоруссии) и Дмитриев (начальник Управления НКВД по Свердловской области). Я понял, что их отзыв не является случайным. В КОНЦЕ МАЯ Я САМ ПОЛУЧИЛ ОТ ЕЖОВА ТЕЛЕГРАММУ О МОЕМ ОТЗЫВЕ НА ОДНУ ИЗ ДОЛЖНОСТЕЙ В МОСКВУ. Это совпало с пребыванием в Москве Блюхера, который, как я точно знал, плел интриги против меня и Стацевича. Вскоре после этого пришла телеграмма об освобождении Стацевича от должности и его отзыве в Москву. Исходя из многолетнего опыта, я знал, что означают такие отзывы. Мое положение стало мне очевидным. Я решил бежать» (выделено в оригинале. – С. О.) [Захаров: 64].

Прежде всего, Стацевич был освобождён от должности после и именно из-за побега Люшкова [Захаров: 315], что опять демонстрирует искажения перебежчиком действительности. Далее, маловероятно, чтобы Блюхер, проходя службу в Красной Армии, да ещё и пребывая в Москве, оказался осведомлён об отзыве Люшкова, осуществлённом по линии НКВД. И даже если Блюхер, всё же как-то проведя об этом факте, незамедлительно выехал в Хабаровск, перемещение должно было занять у него около 9 суток (передвигавшийся на спецпоезде в 1937 г. из Москвы в Хабаровск Люшков добирался с 31 июля до вечера 9 августа [Захаров: 70]). Таким образом, для разговора Блюхера с арестованным Гулиным или кем-то, обозначенным как Гулин, и для передачи этим неизвестным содержания беседы Люшкову, имелось бы всего несколько дней, тогда как готовящемуся к переходу границы перебежчику было не до сбора подобной информации. Более вероятно, что если Блюхер и сказал кому-либо о переманивании его Люшковым на свою сторону, то сделал он эти заявления уже после побега Генриха Самойловича.

Самая важная демонстрация Люшковым своих «пророчеств», являющихся, по сути, анахронизмами будущего, приведена в сводке его показаний от 10 августа 1938 г. в заявлении о Фриновском как о *бывшем* государственном секретаре комиссариата внутренних дел [Захаров: 59]. Неверное наименование должности заместителя Ежова ещё может быть отнесено к ошибкам из-за тройного перевода показаний перебежчика. Однако Люшков не мог заявлять о назначении Фриновского на замену себе после своего побега в Японию: «Я предполагаю, что и при назначении Фриновского начальником ГУГБ и ДВК надзор за Блюхером сыграл решающую роль» [Захаров: 66].

Люшков не мог этого знать не только из-за своего пребывания в Японии, но и в связи с тем, что «служебных должностей в Дальневосточном крае (ДВК) Фриновский не занимал» [Захаров: 316].

В любом случае «бывшим» заместителем Ежова Фриновский станет после назначения на должность наркома ВМФ СССР и случится это только 8 сентября 1938 г. [Ивкин: 171], то есть через месяц даже не после побега Люшкова, а уже после отправки в Германию сводки его показаний с описанным анахронизмом будущего.

Таким образом, очевидно, что некоторые события, описанные в показаниях Люшкова, произошли в СССР уже после его побега в Японию, а часть событий – даже после отправки его показаний в Германию. Следовательно, данные получены не от перебежчика и не в результате искажений при переводе. Неточности в описании действительности вновь свидетельствуют о низкой осведомлённости источника информации.

Обсуждение материалов исследования. Из изложенного вытекает, что по крайней мере часть материалов допросов Люшкова записана не с его слов и автором этой фальсификации могут быть как японские, так и немецкие спецслужбы.

С одной стороны, известны факты «творческой» работы японской стороны с полученной от Люшкова информацией. В августе 1938 г. в секретном издании «Гайдзи гэнпо», предназначенном для полиции, был опубликован следующий текст «дневника» (но не показаний) перебежчика: «Незадолго до этого в Москву был вызван и казнён секретарь Дальисполкома Легконрахов» [Трехсвятский: 90, 95].

Легконрахов действительно был арестован до отзыва Люшкова в Москву, но казнён только через полтора месяца пребывания перебежчика в Японии⁴, что подчёркивает факт издания, а следовательно, и написания «дневника Люшкова» исключительно в пропагандистских целях. Вместе с тем в немецком тексте показания Люшкова (в отличие от «дневника») в части, касающейся Легконрахова, приведены без хронологических искажений (без упоминания

казни): «...был арестован председатель Дальневосточного крайисполкома Легконравов» [Захаров: 64].

Не менее серьёзные расхождения имеются между тем, что в «Гайдзи гэппо» именовалось уже не дневником, а показаниями Люшкова, и тем, что японцы передали германской стороне. В частности, в японской версии протоколов допросов Люшков подробно и обстоятельно рассказывает о способах и методах ведения разведки Советским Союзом, даже о разведывательности РККА и ВКП(б), а также описывает пути заброски агентуры через третьи страны и привлечение граждан третьих стран для шпионажа в Японии в пользу СССР [Трехсвятский: 92–93]. Однако в немецкой версии материалов допросов перебежчик говорит о своей недостаточной информированности в вопросе ведения разведывательной деятельности Советским Союзом: «Сколько шпионов работает на СССР, я не знаю. Раньше существовал большой, хорошо организованный разведывательный аппарат. Но Ежов после своего назначения систематически разрушал этот аппарат. Он подозревает всех и каждого в разведывательной работе на противника. Мне известно, что Ежов с помощью назначения новых “надежных” лиц хочет реорганизовать нашу разведывательную сеть» [Захаров: 65]. Данное утверждение Люшкова больше соответствует имеющемуся в настоящее время научному консенсусу о роли Ежова в развале советской разведки.

Следовательно, японцы, корректировавшие «дневники» и «показания» Люшкова для манипуляций с общественным мнением своей страны и воспитания бдительности в рядах полиции, союзников-нацистов обманывать не стали. Довольно нелогично допустить, что они подсунили бы союзникам материалы допросов с анахронизмами, опровергаемыми даже данными открытой печати. С учётом же того, что анахронизмы будущего появились в немецкой версии уже после отправки материалов допросов Люшкова из Токио в Берлин, становится понятно, что в отношении немецкого текста «показаний Люшкова» автором подделки была не японская, а немецкая сторона.

Очевидно, мотивом фальсификации было доказать мировому сообществу агрессивность Советского Союза, чем нацистская Германия и пыталась оправдать своё нападение на СССР. В Ноте германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза от 21 июня 1941 г. среди причин нападения Германии на СССР звучала всё та же угроза превращения в большевистскую вотчину, только, разумеется, угроза, надвигающаяся уже не на Китай, а на Европу [Нота: 32–40]. «Большевизация», с которой якобы боролись нацисты, упоминается в Ноте шесть раз, не считая обвинений Советского Союза в явной враждебности к Германии. Аналогичным об-

разом в январе 2026 г. президент США Д. Трамп заявлял о защите Гренландии от России и Китая [Трамп], а в 1943 г. доходило до того, что в нацистской пропаганде «сталинский план большевизации Европы» оказался «одобренным Рузвельтом и Черчиллем» [Тарусский].

Спустя 50 лет, в 1993 г., избежавший правосудия нацист Дегрелль продолжал утверждать, что нацистская Германия даже после обретения общих границ якобы не собиралась нападать на СССР, европейская часть которого давно и неоднократно была объявлена жизненно важным для немцев пространством – войну-де развязал Молотов, потребовав от Германии уступить контроль над другими, тоже весьма значимыми для последней территориями: «Молотов поставил Германии невыполнимые геополитические условия: контроль СССР над Румынией, Финляндией, частью Скандинавии. Это означало бы самоубийство для Третьего Рейха. Самое главное – Румыния. Требование Молотова отдать Румынию под влияние СССР означало отделение Германии от единственного серьёзного месторождения нефти в Европе <...> После требования Румынии в 40-м году уже не имело значения, кто первым начнет военные действия – Германия или СССР. Война была фактически объявлена» [Дугин: 48].

У Люшкова в СССР уже летом 1938 г. объявлены вредными миролюбивые мысли Тухачевского, на самом деле таких идей не имевшего. У Люшкова тогда же Советский Союз, не имея с нацистами общей границы, уже планировал одновременное нападение на Германию и Японию.

Нацисты на протяжении 1938–1945 гг. имели возможность для подделки своих собственных материалов допросов, и это не единственный подобный случай. Известно не меньше двух эпизодов фальсификации ими других документов собственных ведомств.

Первый – это изменения в судовом журнале подводной лодки U-30, потопившей пассажирский лайнер «Атения» [Стенограмма: 271–272]. Мотив очевиден – уклонение от ответственности за ничем не спровоцированное убийство некомбатантов.

Второй из изменённых самими нацистами документов – донесение Айнзатцкоманды 6 о структуре Управления НКВД Винницкой области⁵. На листе 11 донесения на основании доклада об обнаружении осенью 1941 г. соответствующих документов среди трофейных материалов Управления НКВД Винницкой области был сделан следующий вывод: «5) “Тройка” – трибунал, состоящий по одному представителю НКВД, Коммунистической партии и Исполкома. (Государство). Этот суд рассматривает серьёзные дела и выносит приговоры о ссылке в исправительно-трудовые лагеря или расстреле в качестве наказания».

Поскольку в Винницкой области в тройку входил начальник УНКВД, 1-й секретарь обкома и работники прокуратуры [Архив], Айнзатцкоманда не могла докладывать о документах тройки с представителем исполкома. Кроме того, в книге [Amtliches], изданной в 1944 г. по итогам проведённой нацистами эксгумации якобы жертв НКВД в Винницкой области, находка Айнзатцкоманды 6 от 1941 г. не упомянута. Вне зависимости от причин этого умолчания мотив фальсификации очевиден – перекалывание вины за массовые расстрелы в Виннице с нацистов и их пособников на НКВД СССР [Капитанов: 57–59].

Фальшивые протоколы допросов Люшкова не упомянуты в Ноте германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза от 21 июня 1941 г. с перечислением всех нацистских предложений для агрессии, но это может свидетельствовать о том, что нацисты готовили документальные доказательства собственной невиновности после зимней кампании 1942–1943 гг., когда поражение Германии стало им очевидным.

Выводы. Многочисленные анахронизмы, содержащиеся в немецкой версии показаний Люшкова, свидетельствуют о подделке существенной их части. Эти документы сфальсифицированы спецслужбами не Японии, а Германии, поскольку содержат упоминания о событиях, состоявшихся после отправки протоколов германским посольством из Японии в Берлин.

Из явно не принадлежащих Люшкову вставок в протоколы следует цель фальсификации: обвинение СССР в намерении развязать агрессивные войны против Германии и Японии, по сути выставив СССР виновником Второй мировой войны.

Данная подделка нацистами собственных документов не уникальна, известны и иные подобные фальсификации. Некоторые из подделок всплыли и были разоблачены в ходе Международного военного трибунала, другие – проявляются только теперь, хотя самими нацистами использованы не были (скорее всего, по причине незавершённости фальсификации). Наиболее вероятно, что документы фабриковали после перелома в войне, произошедшего зимой 1942–1943 гг. и предназначали для создания раскола среди союзников по антигитлеровской коалиции. Множество признаков свидетельствуют о том, что работа по фальсификации показаний Люшкова не была доведена до конца. Тем не менее в настоящее время «материалы допросов Люшкова» используются нежелательными в России организациями с целью дискредитации уже не СССР, а его правопреемницы согласно 67.1 Конституции – Российской Федерации.

Попытки подобной дискредитации особенно усилились в связи с проведением специальной воен-

ной операции, и им необходимо противопоставить взвешенный научный анализ исторических данных в рамках борьбы с историческими фальсификациями, о необходимости которой неоднократно заявлял Президент РФ.

Примечания

¹ Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-inostrannyh-i-mezhdunarodnyh-organizacij-deyatelnost-kotoryh-priznana-nezhelatelnoj-na-territorii-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 28.12.2025).

² О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (в ред. от 28.12.2024), ст. 3.1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Гулин Сергей Фаддеевич // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Гулин_Сергей_Фаддеевич_\(1888\)](https://ru.openlist.wiki/Гулин_Сергей_Фаддеевич_(1888)) (дата обращения: 28.12.2025).

⁴ Легконравов Павел Константинович // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Легконравов_Павел_Константинович_\(1895\)](https://ru.openlist.wiki/Легконравов_Павел_Константинович_(1895)) (дата обращения: 30.12.2025).

⁵ Verfolgungsmaßnahmen damalige UdSSR // Arolsen Archives. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/de/archive/1-2-7-20> (дата обращения: 10.01.2026).

Список литературы

Источники

Дело 232. Служебная переписка германского военного атташе в Токио // Российско-германский проект по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации. URL: <https://web.archive.org/web/20161004173555/https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1049-delo-232-sluzhebnyaya-perepiska-germanskogo-voennogo-attashe-v-tokio-s-otdelom-inostrannyh-armiy-ok#page/285> (дата обращения: 10.01.2026).

Дугин А.Г. Последний фольксфюрер // Элементы. 1995. № 6. С. 48.

Ивкин В.И. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991: историко-биографический справочник. Москва: РОССПЭН, 1999. 637 с.

Нота министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 32–40.

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник / под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. Москва: Звенья, 1999. 502 с.

Стенограмма Нюрнбергского процесса: сб. документов. Т. 4 / пер., сост. С.А. Мирошниченко // Милитера: Военная литература: сайт. 2025. 578 с. URL: <http://militera.org/docs/all/s/b55290/> (дата обращения: 03.02.2026).

Тарусский Е. Иудейская ненависть // Новое слово. 1943. 21 апр.

Трамп заявил, что не допустит соседства США с Россией или Китаем в Гренландии // Первый канал: новости. URL: <https://www.1tv.ru/news/2026-01-10/530637> (дата обращения: 11.01.2026).

Тумишис М.А., Золотарёв В.А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг.: Опыт биографического словаря. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 848 с.

Хроника // Правда. 1937. 1 июня.

Исследования

Архив А.Н. Яковлева – Сталинский план по уничтожению народа: Подготовка и реализация приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // Россия XX век: альманах. URL: <https://web.archive.org/web/20150428170932/http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1007240> (дата обращения: 02.02.2026).

Бортников А.В. ФСБ России свободна от политического влияния // Российская газета. 2017. 19 дек. URL: <https://rg.ru/2017/12/19/aleksandr-bortnikov-fsb-rossii-svobodna-ot-politicheskogo-vliianiia.html> (дата обращения: 29.12.2025).

В Токио опубликован дневник командарма Г.С. Лушкова // Новое русское слово. 1938. 4 июля.

Захаров В.В. Чекист, сбежавший к самураям / В.В. Захаров, М. Уль, В.Н. Хаустов. Москва: Вече, 2022. 464 с.

Капитанов В.А. О происхождении «10 лет без права переписки» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 55–62.

Каравашкин В.В. Кто предавал Россию. Москва: АСТ: Олимп, 2008. 672 с.

Отклики на приговор во Франции // Правда. 1937. 13 июня.

Трехсвятский А.В. Дело Люшкова // Россия и АТР. 1998. № 1. С. 90–104.

Amtliches Material zum Massenmord von Winniza. Berlin, Zentralverlag der NSDAP, 1944, 284 s.

References

Arkhip A.N. Iakovleva – Stalinskii plan po unichtozheniiu naroda: Podgotovka i realizatsiia prikaza NKVD № 00447 «Ob operatsii po repressirovaniu byvshikh kulakov, ugovolnikov i drugikh antisovetskikh elementov» [A.N. Yakovlev's Archive – Stalin's Plan for the Extermination of the People: Preparation and Implementation of Order No. 00447 of the NKVD “On the Operation to Repress Former Kulaks, Criminals, and Other Anti-Soviet Elements”]. *Al'manakh Rossiia XX vek* [Almanac of Russia XX century]. URL: <https://web.archive.org/web/20150428170932/http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1007240> (access date: 02.02.2026). (In Russ.)

Bortnikov A.V. *FSB Rossii svobodna ot politicheskogo vliianiia* [The Russian Federal Security Service is free from political influence]. *Rossiiskaia gazeta* [Rossiyskaya Gazeta], 2017, Dec 19. URL: <https://rg.ru/2017/12/19/aleksandr-bortnikov-fsb-rossii-svobodna-ot-politicheskogo-vliianiia.html> (access date: 29.12.2025). (In Russ.)

Kapitanov V.A. *O proiskhozhdenii «10 let bez prava perepiski»* [About the origin of “10 years without the right of correspondence”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2025, vol. 31, no. 4, pp. 55–62. (In Russ.)

Karavashkin V.V. *Kto predaval Rossiiu* [Who betrayed Russia]. Moscow, AST Olimp Publ., 2008, 672 p. (In Russ.)

Otkliki na prigovor vo Frantsii [Reactions to the verdict in France]. *Pravda*, 1937, June 13. (In Russ.)

Trekhsviatskii A.V. *Delo Liushkova* [The Lyushkov case]. *Rossiia i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], 1998, no. 1, pp. 90–104. (In Russ.)

V Tokio opublikovan dnevnik komandarma G.S. Lushkova [Commander G.S. Lushkov's diary published in Tokyo]. *Novoe russkoe slovo* [The New Russian Word], 1938, July 4. (In Russ.)

Zakharov V.V. *Chekist, sbezhavshii k samuraiam* [A Chekist Who Fled to the Samurai], V.V. Zakharov, M. Ul', V.N. Khaustov. Moscow, Vech Publ., 2022, 464 p. (In Russ.)

Amtliches Material zum Massenmord von Winniza. Berlin, Zentralverlag der NSDAP Publ., 1944, 284 s.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 04.02.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 04.02.2026; accepted for publication 15.04.2026.

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ. КОСТРОМИЧИ – УЧАСТНИКИ БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Волков Григорий Юрьевич, кандидат исторических наук, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Кострома, Россия, grisha.volkov.53@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0296-4001>

Волкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, v-0-8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

Аннотация. Берлинская операция стала последним сокрушительным ударом по германскому фашизму в годы Великой Отечественной войны. В ней участвовали представители всех регионов СССР, в том числе тысячи жителей Костромского края. Собранный объемный материал во многом раскрывает подвиги костромичей – Героев Советского Союза, руководителей отдельных воинских подразделений. Оставили свои воспоминания и рядовые герои битвы за Берлин. Тем не менее общий анализ и оценки вклада костромичей в историографии отсутствуют. В статье авторы впервые показали, как проявили себя в Берлинской операции уроженцы Костромского края, сражавшиеся во всех воинских подразделениях, в званиях от солдата до маршала. Отражены подвиги на всех этапах операции: Кюстринское направление, форсирование р. Одер, бои за Зееловские высоты и в Берлине. Представлены имена костромичей, распавшихся на рейхстаге. Операция показала мужество, стойкость и героизм бойцов, их желание, несмотря на ранения, оставаться в бою. Авторы пришли к выводу, что костромичи всех родов войск достойно показали себя в Берлинской наступательной операции, за что были удостоены орденами и медалями, а некоторые стали Героями Советского Союза.

Ключевые слова: Костромской край, Берлинская операция, командиры, боевые подвиги костромичей.

Для цитирования: Волков Г.Ю., Волкова Е.Ю. Последний штурм. Костромичи – участники Берлинской операции // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 28–34. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-28-34>

Research Article

THE LAST ASSAULT. KOSTROMA RESIDENTS – PARTICIPANTS OF BERLIN OPERATION

Grigory Yu. Volkov, PhD in History, Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russia, grisha.volkov.53@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0296-4001>

Elena Yu. Volkova, DSc in History, Kostroma State University, Kostroma, Russia, v-0-8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

Annotation. Berlin Operation was the last crushing blow to German fascism during the Soviet participation in World War II. Representatives from all regions of the USSR contributed to it, including thousands of residents of Kostroma Region. The extensive material collected reveals the feats of Kostroma residents, who were Heroes of the Soviet Union and commanders of individual military units. The ordinary heroes of the Battle of Berlin also left their memoirs. However, there is no comprehensive analysis or evaluation of Kostroma residents' contributions in the historiography. In the article, the authors showed for the first time how the natives of the Kostroma Region showed their worth in Berlin Operation, who fought in all military units, in the ranks from soldier to marshal. The exploits at all stages of the operation are reflected: Küstrin direction, forced crossing of the Oder River, the Battle of Seelow Heights and urban warfare in Berlin. The names of Kostroma residents who signed the Reichstag are presented. The operation showed the courage, steadfastness and heroism of the fighters, their desire, despite their injuries, to remain in battle. The authors concluded that Kostroma residents of all branches of the armed forces performed admirably in Berlin Offensive, for which they were decorated with orders and medals, some became Heroes of the Soviet Union.

Keywords: Kostroma Region, 1945 Berlin Operation, commanders, military feats of Kostroma people.

For citation: Volkova E.Y., Volkov G.Y. The last assault. Kostroma residents – participants of Berlin Operation. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 28–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-28-34>

Завершающая Берлинская стратегическая наступательная операция периода Великой Отечественной войны была проведена советскими войсками с 16 апреля по 8 мая 1945 г. Ее цель – разгром почти миллионной группировки немецко-фашистских войск, овладение Берлином и выход к р. Эльбе на соединение с войсками союзников. Падение Берлина решало судьбу Третьего рейха. Об этом говорил делегатам Первой областной партийной конференции секретарь Костромского обкома ВКП(б) А.А. Кондаков 15 февраля 1945 г.: «Отныне и навсегда наша земля свободна и от гитлеровской нечисти. Теперь за Красной Армией остается ее последняя заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы»¹.

В битве за Берлин воины из Костромского края героически воевали во всех воинских соединениях в званиях от рядового до маршала. Своим участием в этой битве каждый из них внес свой вклад в общую Победу. Многие были награждены орденами и медалями, а несколько человек стали Героями Советского Союза. Историки, журналисты, писатели неоднократно обращались к этому вопросу, однако акцент делался в основном на описание отдельных боевых подвигов. Собран обширный материал по военным заслугам генерал-полковника, а с 1953 г. – генерала армии М.С. Малинина [Малинин], изданы книги о Героях Советского Союза, получивших звезду, в том числе за взятие Берлина [Белоус; Голубев 1972], воспоминания участников боев [Василенко; Голубев 1995; Голубев 1987]. Однако на сегодня нет общей картины вклада жителей Костромского края в Берлинскую операцию. Это стало целью авторов данной работы.

В статье были применены принципы научной объективности и достоверности, позволившие глубже дать анализ источников и точек зрения исследователей. Были применены различные общенаучные, специальные и междисциплинарные методы: исторический, метод классификации, сравнительно-исторический. Авторы отражали события в контексте конкретно-исторической ситуации войны, при этом не забывая, что необходим взгляд с исторической дистанции, когда уже проявились долговременные результаты прошедших событий. Данное исследование может быть использовано при дальнейших разработках методологических и теоретических проблем истории Великой Отечественной войны. Фактический материал поможет процессу правильного воспитания современной молодежи, а также при разработке учебных программ, лекционного курса по патриотическому воспитанию.

Основную роль в Берлинской стратегической операции Ставка отводила войскам 1-го Белорусского

фронта во главе с командующим – легендарным маршалом Г.К. Жуковым. Его начальником штаба был генерал-полковник М.С. Малинин, уроженец Антроповского района, под руководством которого была спланирована операция. За нее и другие операции Михаилу Сергеевичу было присвоено звание Героя Советского Союза. По словам самого Малинина, Берлинская операция явилась наиболее важной и значительной, а при ее планировании был учтен 4-летний опыт борьбы советской армии с фашистскими захватчиками [Малинин: 84, 95]. Ее характерной особенностью в отличие от других крупных операций стала подготовка в весьма ограниченные сроки – всего за 12–14 дней, в то время как Сталинградская, Белорусская и другие готовились в течение 1–2 месяцев. Высокую оценку работе штаба дал Г.К. Жуков: «В управлении войсками фронтов этой завершающей операции мне хорошо помог опытный коллектив штаба 1-го Белорусского фронта, во главе которого стоял генерал М.С. Малинин» [Жуков: 383].

16 апреля 1945 г. 1-й Белорусский фронт перешел в наступление с Кюстринского плацдарма в направлении на Берлин. Противник понимал, что подходит его последний час, тем не менее продолжал до последнего оказывать отчаянное сопротивление и использовал все преимущества, которые дает обороне большой город. Приходилось отвоевывать каждый клочок земли, каждый дом и даже метро. Но бойцы шли к столице Третьего рейха, не задумываясь, что каждый шаг вперед может стать последним. Из воспоминаний командира взвода управления артиллерийского полка А.Н. Сулова: «Жесточайшие из жесточайших за всю историю войн шли бои за Берлин. Их трудно описать. Мне кажется, не испытавшие это даже представить не могут. Обреченный, фанатически настроенный, совершенно безрассудный, загнанный в свое логово противник сопротивлялся отчаянно. Фашисты не щадили ни себя, ни свою древнюю столицу» [Красносельская сторона: 167].

По всем направлениям Берлинской операции костромичи внесли свой достойный вклад. Например, р. Одер форсировала рота автоматчиков В.Ф. Банникова в составе 23-й стрелковой дивизии. Подразделение захватило небольшой плацдарм, который фашисты буквально засыпали снарядами и минами. Но наши бойцы в течение нескольких часов успешно отражали непрерывные атаки противника. За этот бой, обеспечивший переправу основных сил через водную преграду, весь состав подразделения был представлен к высшим правительственным наградам [Отчизны: 66–67]. В ночь с 17 на 18 апреля сержант Г.И. Гузанов получил боевой приказ собрать паром из лодок и переправить на западный берег Одера два артиллерийских расчета 76-мм пушек для поддержки переправлявшейся пехоты. Он два раза собирал па-

ром, но оба раза его разбивал противник. Тогда Геннадий Иванович, пренебрегая опасностью для жизни, собрал третий паром и переправил пушку с расчетом и боеприпасами. Во втором рейсе у берега противника одна из лодок парома получила пробоину. Гузанов, несмотря на сильный огонь противника, бросился в воду и закрыл пробоину. Затем он совершил еще один рейс и переправил третье орудие. Тем самым было обеспечено завоевание плацдарма на левом берегу Одера. 31 мая 1945 г. Г.И. Гузанов был удостоен звания Героя Советского Союза [Белоус: С. 83–84].

При штурме Зееловских высот отличился гвардии старшина Н.К. Чеченя. Командуя взводом управления батареи 120-мм минометов, он был контужен и легко ранен, но продолжал руководить огнем батареи. В результате было уничтожено до роты вражеских солдат и офицеров, бронетранспортер и 80-мм миномет. Через несколько дней в одном из боев, когда выбыл из строя командир батареи, Чеченя взял командование на себя. Батарея в этом бою уничтожила противотанковую пушку, два пулемета, свыше 50 немецких солдат и офицеров. За смелость и решительность действий Н.К. Чеченя был награжден орденом Славы 1-й степени [Голубев 1987: 186].

19 апреля капитан Ф.Ф. Куликов получил приказ: бесшумно организовать форсирование Ост-Одера и закрепиться на плацдарме. Бойцы из его батальона выбрались на западный берег, опрокинули вражеские заслоны и заняли плацдарм. Ожесточенными контратаками немцы пытались уничтожить батальон, безуспешно предприняв четыре яростные контратаки при поддержке танков. В этом бою бойцы Куликова уничтожили 154 немецких солдата и офицера, захватили 12 станковых пулеметов, 54 автомашины и исправный танк. Капитану Ф.Ф. Куликову было присвоено звание Героя Советского Союза [Сахнов, Ковалева: 87–88]. В тот же день при наступлении отличился Герой Советского Союза младший сержант Д.В. Черный. Под сильным огнем противника он в составе артиллерийского расчета уничтожил 3 пулеметные точки, бронетранспортер и 16 вражеских солдат, в результате чего была отражена контратака немцев и создана возможность для быстрого продвижения пехоты. За этот бой он был награжден орденом Красной Звезды [Белоус: 105].

Для скорейшего окружения столичной группировки противника были созданы специальные подвижные части, которые, стремительно продвигаясь вперед, сеяли панику и нагоняли страх на врага. Среди них был танковый полк 3-й гвардейской кавдивизии. К полку была прикреплена группа саперов, в которую вошел гвардии старший сержант П.В. Субботин. Танкистам-разведчикам часто приходилось делать остановки, а саперам – разминировать дорогу и мосты, расчищать завалы. Только за один день 29 апреля

Субботин под мощным огнем противника разминировал мост на р. Хафель. Он снял и обезвредил 20 зарядов, а затем, стреляя из автомата, истребил до полдюжины гитлеровцев. За эти бои П.В. Субботин был представлен к ордену Славы 1-й степени [Голубев 1987: 153–154].

Сражаясь в самом Берлине, 28 апреля, во время уличных боев, разведчик, гвардии сержант С.А. Громов, находясь в штурмовой группе и увлекая за собой бойцов, смело врывается в укрепления – дома, доты, гранатами уничтожил пулемет, перебил много гитлеровцев. С 16 апреля Громов записал на свой боевой счет 86 уничтоженных фашистов. За эти бои он был награжден орденом Славы 1-й степени [Голубев 1987: 51]. Красноармеец В.Е. Громов в уличных боях в Берлине своевременно доставлял боеприпасы к орудиям, находившимся на прямой наводке, чем способствовал своевременному ведению огня по уничтожению огневых точек и живой силе противника, за что был представлен к награждению медалью «За отвагу» [Бессмертный полк: 510].

В Берлинской операции костромичи показали себя умелыми и мудрыми командирами больших воинских соединений. Под командованием Героя Советского Союза генерал-лейтенанта А.И. Рыжова своей боевой путь завершил в Берлине 28-й гвардейский стрелковый корпус. 16 апреля корпус перешел в наступление, прорвав глубоко эшелонированную оборону противника. Затем стремительным продвижением шесть раз форсировал водные преграды с преодолением сильных инженерных заграждений, ворвался в Берлин, форсировал р. Шпрее и прорвался в центр города. За образцовое выполнение заданий командования корпус был награжден орденом Суворова 2-й степени, все его три дивизии – орденами Ленина, а А.И. Рыжов – четвертым орденом Ленина [Белоус: 96]. В эти же дни гвардейский корпус генерал-майора П.А. Фирсова штурмовал Марцан, вел бои за Силезский вокзал, площадь Александрплац, берлинскую ратушу, 1 и 2 мая дрался за станцию Берза, овладел кафедральным собором, наступал в направлении Бранденбургских ворот и там соединился с частями 3-й ударной армии. За умелое руководство войсками корпуса Фирсова наградили орденом Ленина [Белоус: 103]. Генерала М.Ф. Букштыновича – начальника штаба 3-й Ударной армии, высоко ценили все, кто воювал с ним. Воины армии первыми вошли в фашистское логово – Берлин и после жесточайших боев водрузили знамя Победы над рейхстагом. В Берлинской наступательной операции героически сражались воины 47-го стрелкового корпуса под командованием галичанина генерал-майора М.И. Дратвина. В наступлении на Берлин ярко проявился полководческий талант генерал-полковника танковых войск Н.А. Новикова. Под его командованием танкисты, самоходчики и мо-

топехота вышли к Эльбе северо-западнее Дрездена. В мае Новикову было присвоено звание Героя Советского Союза. Прославилась в этих боях и 68-я гвардейская отдельная танковая бригада под командованием полковника К.Т. Хмылова, за что бригаде было присвоено почетное наименование «Берлинская» [Голубев 1995: 78, 96, 63, 157–158].

9 апреля 1945 г. всей боевой авиацией в Берлинской операции Верховный главнокомандующий И.В. Сталин поручил командовать Главному маршалу авиации А.А. Новикову. Боевые действия воздушных армий планировались в виде сосредоточенно массивного и непрерывного воздействия на противника с воздуха в течение всего сражения и на всю его глубину. Вспоминая эти бои, Новиков писал: «Для решающей схватки с гитлеровцами выделялись четыре воздушные армии... Всего в нашей авиагруппировке (кроме авиачастей ПВО) насчитывалось 7500 боевых самолетов, в том числе 2267 бомбардировщиков, 1709 штурмовиков, 3279 истребителей и 245 воздушных корректировщиков и разведчиков» [Новиков: 89]. Только за первый день наступления летчики 16,4 и 18 воздушных армий произвели 6550 самолетовылетов, в том числе 877 ночных. Всего авиация сбросила 1514 тонн бомб. Произошло 140 воздушных боев, в которых было сбито 165 вражеских самолетов [Воробьев: 133].

При выполнении боевых заданий летчики из Костромского края проявляли массовый героизм. Эскадрилья капитана Б.Н. Мошкова провела 132 успешных боевых вылетов. Ко дню Победы на счету Мошкова было 140 успешных боевых вылетов, из них 83 – в качестве ведущего групп штурмовиков. Он лично уничтожил 27 танков, 107 автомашин, 40 орудий, 7 складов с боеприпасами, 2 моста, речной пароход, много живой силы противника, в 22 воздушных боях сбил 5 самолетов врага. Группу штурмовиков Ил-2 водил в бой Герой Советского Союза старший лейтенант Н.И. Пургин. 29 апреля он совершил последний боевой вылет в небо Берлина – штурмовал позиции вражеской артиллерии в Потсдамском парке. Героически сражались летчики 58-го гвардейского штурмового Донского краснознаменного авиаполка под командованием Героя Советского Союза, подполковника В.Д. Панфилова. Активное участие в этих боях принимал на своем Ил-2 и Герой Советского Союза капитан О.И. Малов [Белоус: 211, 224, 215, 206–207]. 20 апреля группа «ильюшиных» штурмовала аэродром противника Кольберг. Было уничтожено 7 самолетов и до 20 солдат и офицеров летного и технического персонала. Гвардии лейтенант И.А. Перминов, ведущий второй пятерки, прямым попаданием бомбы уничтожил один из самолетов. К победному маю 1945 г. Перминов совершил 101 боевой вылет, уничтожил аэростат, 8 танков, 32 автомашины с гру-

зом, более 20 орудий, 2 склада с боеприпасами, около 300 солдат и офицеров противника и в 18 воздушных боях сбил два самолета врага. 30 апреля было подписано представление о присвоении ему звания Героя Советского Союза [Белоус: 217–218]. 20 апреля орденом Красной Звезды был награжден гвардии младший лейтенант А.А. Зиновьев за то, что совершил 12 боевых вылетов, уничтожил 4 автомашины с войсками и грузом, подбил огонь одной батареи зенитной артиллерии, разрушил 8 домов, создал 5 очагов пожара, расстрелял из пушек и пулеметов 25 гитлеровцев. В дальнейшем он был награжден медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» [Фокин: 101, 102, 105].

На некоторых участках фронта именно костромичи первыми добивались успеха. При взятии немецкой столицы отличился разведчик, командир взвода автоматчиков Н.Н. Гуров. Он первым форсировал Тельтов-канал, вместе с группой бойцов обошел узлы сопротивления противника и ударил по ним с тыла. Группа разведчиков под его командованием проникла на одну из станций берлинского метро, где захватила штаб крупного немецкого соединения. Генерал, высшие офицеры и охрана вместе со штабными документами были доставлены Гуровым на командный пункт. За эти бои он получил Золотую звезду Героя [Голубев 1972: 551–552]. Бесстрашный разведчик гвардии старшина Н.С. Торопов в центре Берлина с бойцами первым переправился через городской канал и с ходу, ведя огонь из автомашины, ворвался в большое здание, на верхних этажах которого было более роты немцев. Решительными действиями гитлеровцы были изолированы. В плен было взято более 50 вражеских солдат и офицеров. За подвиги в боях Н.С. Торопов был награжден орденом Славы 1-й степени. Танк, в экипаже которого воевал старшина Ф.Н. Антонов, первым ворвался в Карлхорст – пригород Берлина. 15 мая он был удостоен орденом Славы 1-й степени [Голубев 1987: 8, 159]. Полк гвардии полковника, Героя Советского Союза А.А. Игнатъева, преодолев упорное сопротивление врага, одним из первых ворвался на улицы немецкой столицы и водрузил красный флаг над предместьем Берлина – Марцаном. 27 апреля подразделения полка вели бой в районе площади Александрплац, а к 15 часам 29 апреля полностью овладели полицейпрезидиумом, разгромив в тяжелых боях его двухтысячный гарнизон. Полк закончил свои боевые действия в Берлине 2 мая на Фридрихштрассе, пленив три тысячи немецких солдат и офицеров, скрывавшихся в метро. За умелое руководство подразделениями полка полковник Игнатъев был награжден четвертым орденом Красного Знамени [Белоус: 90].

Для Ставки Верховного Главнокомандования и каждого советского солдата существовала одна-

единственная цель – Берлин. Патриотический порыв в те дни был всеобщим. Жалели только, если ранение не позволяло дойти до Берлина. «Об одном теперь жалею, – вспоминал гвардии старшина А.Н. Суслов, – до Берлина не дошел: ранили меня в четвертый раз под Кюстрином». Об этом же сожалел В.Ф. Сидоров: «...представляете, 12 километров всего не дошли до Берлина... Всего 12 километров до Берлина не дошли» [Василенко: 67, 323]. Но у кого оставались силы, даже ранеными сражались до последнего, как, например, капитан А.И. Соколов. 20 апреля при форсировании Одера он организовал переправу стрелкового полка с артиллерией. В сложной обстановке в одиночку переправился на левый берег, чтобы корректировать огонь, при этом уничтожил пулеметную точку, несколько десятков гитлеровцев. Его смелые действия навели панику среди врагов, отвлекли внимание от переправы. В ходе боя Соколов был несколько раз ранен, но продолжал вести огонь, пока не потерял сознание. В госпитале из его тела извлекли 37 осколков. 29 июня 1945 г. Соколову было присвоено звание Героя Советского Союза [Белоус: 98]. Командир 2-й инженерной роты 238-го отдельного ордена Александра Невского инженерно-саперного батальона старший лейтенант В.И. Басманов 20 апреля организовал переправу 562-го стрелкового полка через реку Вест-Одер севернее германского города Гарц. Когда был убит командир полка, Басманов взял командование на себя. В ходе ожесточенного боя был ранен, но остался в строю и продолжал выполнять боевую задачу. В.Н. Басманову было присвоено звание Героя Советского Союза [Белоус: 81]. Выйдя в район Шарлоттенбурга, расчет минометчика, старшины В.А. Чеснокова, поддерживая пехоту, уничтожил 45 немецких солдат и офицеров, подбил 6 огневых точек противника, чем обеспечил успех продвижения наших бойцов. 2 мая минометчики вели прицельный огонь в районе рейхстага по переходящим в ожесточенные контратаки эсесовцам. И тут Чесноков получил тяжелое ранение, но желание добить врага было настолько высоко, что он и раненым не оставил свой расчет. Лишь когда наши подразделения ворвались в рейхстаг, Чесноков разрешил отвести себя в медсанбат. 15 мая ему была вручена высшая солдатская награда – орден Славы 1-й степени [Голубев 1987: 184–185]. В пригороде Карлхорста командир танкового орудия сержант А.И. Галочкин подбил немецкий танк, 3 бронетранспортера, 7 автомашин, в уличных боях в самом Берлине уничтожил 3 автомашины, поджег 2 бронетранспортера, разбил 4 противотанковых пушки, истребив до 20 фашистов. В этом бою его танк был подожжен, сам Галочкин получил ранение, но продолжал вести огонь из горящего танка, разрушив два дома с засевшими в них «фаустниками». Только по приказу командира

батальона он был эвакуирован с поля боя [Бессмертный полк: 500].

Порой наши бойцы сталкивались с непростыми задачами. Разведчик 3-го отдельного мотоциклетного разведывательного полка А.А. Хазов несколько раз участвовал в боях против немецких солдат, прошедших школу гитлерюгенда. Это были по возрасту фактически дети, но успевшие стать фанатиками, безраздельно преданными фюреру. Последний раз Хазов столкнулся с ними 27 апреля при штурме Берлина. Алексей Алексеевич вспоминал: «В общем, с боем заняли мы девять берлинских кварталов. Атаковали они нас – сосчитать невозможно сколько раз... Упорно шли, раз за разом. И вот тогда большой отряд гитлерюнге пошел на нас в психическую атаку. Молча, в полный рост. С развернутыми знаменами шли. А мы должны были их убивать... Видно, многие из наших не хотели бить мальчишек, хотя они были как на ладони... Это война. Жалко их было, но... Если не мы их, то они нас постреляли бы и не задумались» [Василенко: 355–358]. У Н.Д. Лукина, и. о. командира пехотного батальона, бравшего Потсдам, была другая проблема. Пришел приказ о необходимости овладения городом с учетом того, что в нем находятся исторические ценности и среди них – дворец Сан-Суси, который называли «прусским Версалем». Дворец обороняло больше тысячи эсесовцев. Штурмовали его практически врукопашную без применения танков и артиллерии. Левее от замка было юнкерское училище. «Брали его так: угол здания был обвален, – вспоминал Лукин, – так вот мы по кирпичам поднимались на второй этаж, там накапливались, а потом свалились им как снег на голову, в их подвал, где они засели. А было их... свыше сотни юнкеров, офицеров и генералов» [Василенко: 362].

Наконец столица Третьего рейха пала. О Берлинской операции маршал Г.К. Жуков писал: «Как участник Берлинской операции, должен сказать, что это была одна из труднейших операций Второй мировой войны. Группировка противника общим количеством около миллиона человек, оборонявшаяся на берлинском стратегическом направлении, дралась ожесточенно. Особенно на Зееловских высотах, на окраинах города и в самом Берлине» [Жуков: 383]. Некоторым из костромичей-победителей удалось расписаться на рейхстаге. Делали надписи тем, что было под рукой: карандашами, ножами, головешкой, углем, щебенкой. Шофер отдельного батальона связи 285-й стрелковой дивизии А.В. Чекин написал: «От стен блокадного Ленинграда до логова фашизма дошли с боями и победили!» А рядовой 375-го гвардейского тяжелого самоходного артиллерийского Форшанско-Гданьского Краснознаменного ордена Суворова полка А.П. Потеминский на куполе рейхстага записал: «Гвардии рядовой Потеминский Александр Петрович. Вохом-

ский район Костромской области». На стенах рейхстага также расписались старший техник, лейтенант А.И. Воейков, артиллерист Н.А. Малов, сержант-связист Н.В. Барышев, водитель 5-го отдельного автотранспортного полка резерва Верховного Главнокомандования Н.С. Романов и другие наши земляки [Шпара: 29, 45, 50, 56, 23, 17, 68].

В День Победы, 9 мая 1945 г., костромская областная газета «Северная правда» писала: «Люди обнимались и поздравляли друг друга. Сусанинская площадь, по которой до войны проходили тысячи костромичей в праздничные демонстрации, огласилась восклицаниями: “Слава доблестной Красной Армии!..” На предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях состоялись многолюдные митинги».

Костромичи достойно проявили себя во всех родах войск на полях сражений Великой Отечественной войны. Как писал поэт-фронтовик Е. Старшинов в стихотворении «9 мая 1945 года»:

Из Буя, из Кинешмы, Решмы
Солдаты России, святые и грешные,
Мы с мира счищали фашистскую плесень
[По праву памяти и долга: 109].

Победа досталась дорогой ценой. В конце июня 1945 г. председатель Костромского облисполкома А.В. Куртов подчеркнул: «Во имя чести, свободы и независимости нашей родины принесены великие жертвы. Вечно будет жить в сердцах советских людей память о павших героях, отдавших свою жизнь за свободу и счастье советского народа»². Из 259 151 костромича, призванного на фронт в течение войны, не вернулись 115 500, или 44,5 процента [Лебедев: 17]. Память о них в сердцах потомков будет жить вечно.

Примечания

¹ Стенограмма 1-й областной партийной конференции. 15 февр. 1945 г. // ГАНИКО. Ф. 765. Оп. 1. Д. 224. Л. 1.

² Стенограмма 3-го пленума Костромского областного комитета ВКП(б). 22–23 июня 1945 г. // ГАНИКО. Ф. 765. Оп. 1. Д. 234. Л. 11.

Список литературы

Белоус М.А. Костромичи – Герои Советского Союза, герои РФ, полные кавалеры ордена Славы: в 2 т. Кострома, 2019. Т. 1. 312 с.

Бессмертный полк / авт.-сост. В.Д. Сизов. Кострома, 2015. 560 с.

Василенко А.Ю. Война со всех сторон, 1941–1945: Беседы с костромичами – участниками Великой Отечественной войны. Кострома, 2005. 392 с.

Воробьев и др. Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1975. 455 с.

Голубев Е.П. Боевые звезды. Ярославль, 1972. 592 с.

Голубев Е.П. Костромичи – полководцы Великой Отечественной. Кострома, 1995. 285 с.

Голубев Е.П. Солдатская слава: очерки о костромичах – полных кавалерах ордена Славы. Ярославль, 1987. 192 с.

Дорогами войны / ред.-сост. В.К. Сморгачев. Кострома, 2013. 336 с.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 2-е, доп. изд. Москва, 1974. Т. 2. 448 с.

Красносельская сторона. Красное-на-Волге, 2015. 255 с.

Лебедев Е.Я. Великая Победа в 1945-м: честь, слава, память. Кострома, 2000. 64 с.

Малинин Михаил Сергеевич: материалы о жизни и деятельности Героя Советского Союза генерала армии М.С. Малинина. Кострома, 1999. 335 с.

Новиков А.А. Военно-Воздушные Силы в Берлинской операции // Военно-исторический журнал. 1975. С. 88–95.

Отчизны верные сыны: к 70-летию УМВД России по Костромской области. Кострома, 2014. 288 с.

По праву памяти и долга. Костромские писатели – участники войны / сост. М.Ф. Базанков. Кострома, 2005. 112 с.

Сахнов И.П., Ковалева С.В. Герои земли Костромской: вспомним всех поименно. Кострома, 2015. 230 с.

Фокин П.Е. Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. Москва, 2016. 749 с.

Шпара В.И. Они расписались на рейхстаге. Кострома, 2019. 72 с.

References

Belous M.A. *Kostromichi – Geroi Sovetskogo Soyuz, geroi RF, polnye kavaleriy ordena Slavy: v 2 t.* [Kostromichi - Heroes of the Soviet Union, heroes of the Russian Federation, full cavaliers of the Order of Glory: in 2 vols.]. Kostroma, 2019, vol. 1, 312 p. (In Russ.)

Bessmertnyj polk [Immortal Regiment], comp. by V.D. Sizov. Kostroma, 2015, 560 p. (In Russ.)

Fokin P.E. *Aleksandr Zinov'ev. Prometej otvergnutyj* [Alexander Zinoviev. Prometheus Rejected]. Moscow, 2016, 749 p. (In Russ.)

Golubev E.P. *Boevye zvezdy* [Battle stars]. Yaroslavl, Verh.-Volzh. kn. izd-vo Publ., 1972, 592 p. (In Russ.)

Golubev E.P. *Kostromichi – polkovodcy Velikoj Otechestvennoj* [Kostromichi - commanders of the Great Patriotic War]. Kostroma, 1995, 285 p. (In Russ.)

Golubev E.P. *Soldatskaya slava: ocherki o kostromichah – polnyh kavalerah ordena Slavy* [Soldier's glory: essays about Kostroma residents - full cavaliers of the Order of Glory]. Yaroslavl, Verh.-Volzh. kn. izd-vo Publ., 1987, 192 p. (In Russ.)

Dorogami vojny [Roads of war], ed by V.K. Morchkov. Kostroma, Line Graph Publ., 2013, 336 p. (In Russ.)

Krasnosel'skaya storona [Krasnoselskaya side]. Krasnoe-on-Volge, 2015, 255 p. (In Russ.)

Lebedev E.Ya. *Velikaya Pobeda v 1945-m: chest', slava, pamyat'* [The Great Victory in 1945: Honor, Glory, and Memory]. Kostroma, 2000, 64 p. (In Russ.)

Malinin Mihail Sergeevich: materialy o zhizni i deyatelnosti Geroya Sovetskogo Soyuz generala armii M.S. Malinina [Malinin Mikhail Sergeevich: materials about the life and work of the Hero of the Soviet Union, Army General M.S. Malinin]. Kostroma, 1999, 335 p. (In Russ.)

Novikov A.A. *Voenno-Vozdushnye Sily v Berlinskoj operacii* [The Air Force in the Berlin Operation]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], 1975, pp. 88–95. (In Russ.)

Otchizny vernye syny: k 70-letiyu UMVD Rossii po Kostromskoj oblasti [Sons of the Motherland: On the 70th Anniversary of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kostroma Region]. Kostroma, 2014, 288 p. (In Russ.)

Po pravu pamyati i dolga. Kostromskie pisateli – uchastniki vojny [By the right of memory and duty.

Kostroma writers – participants of the war], comp. M.F. Bazankov. Kostroma, 2005, 112 p. (In Russ.)

Sakhnov I.P., Kovaleva S.V. *Geroi zemli Kostromskoj: vspomnim vsekh poimennno* [Heroes of the Kostroma Region: Remembering Them by Name]. Kostroma, 2015, 230 p. (In Russ.)

Shpara V.I. *Oni raspisalis' na rejkhstage* [They signed their names on the Reichstag]. Kostroma, 2019, 72 p. (In Russ.)

Vasilenko A.Yu. *Vojna so vsekh storon, 1941–1945: Besedy s kostromichami – uchastnikami Velikoj Otechestvennoj vojny* [War from all sides, 1941–1945: Conversations with Kostroma residents – participants of the Great Patriotic War]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2005, 392 p. (In Russ.)

Vorob'ev i dr. *Poslednij shturm (Berlinskaya operaciya 1945 g.)* [The Last Assault (The Berlin Operation of 1945)], 2nd ed. Moscow, 1975, 455 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 24.03.2026.

ПРОИЗВОДСТВО СТРЕЛКОВОГО И АВИАЦИОННОГО Артиллерийского вооружения на Ковровском заводе № 2 в 1944 г.

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, Ивановский государственный университет, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Велибеков Эмиль Шагинович, аспирант кафедры истории России, Ивановский государственный университет, velibekov.99@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется деятельность Ковровского завода № 2 (с августа 1944 г. в результате реорганизации Ивановской области он стал частью оборонной промышленности вновь образованной Владимирской области) по производству стрелкового и авиационного артиллерийского вооружения в 1944 г. Это период Великой Отечественной войны, когда Красная армия в битвах с противником завоевала стратегическую инициативу, полностью освободила от оккупации территорию Советского Союза и продолжала громить его, перейдя границы с сопредельными государствами. В данных условиях важно было наращивать хорошо зарекомендовавшие в военных условиях виды оружия, модернизировать и разрабатывать новые, а также в сжатые сроки осваивать их производство. Среди них: станковые пулемёты Горюнова (СГ-43), ручные пехотные и танковые пулемёты Дегтярёва (ДП и ДТ), авиационные артиллерийские пушки ШВАК и Волкова – Ярцева. Во втором полугодии 1944 г. на заводе было начато освоение серийного производства модернизированных ручных и танковых пулемётов Дегтярёва, а также авиационных пушек Нудельмана – Суранова (НС-23). Несмотря на сложности военного времени, завод бесперебойно обеспечивался электроэнергией, металлом, спецкупуркой и другими важными составляющими для успешной производственной деятельности. Статья подготовлена на основе постановлений Государственного Комитета Обороны и приложений к ним, а также материалов Ивановского обкома ВКП(б), хранящихся в Государственном архиве Ивановской области. Практически все они применительно к заводу № 2 впервые вводятся в научный оборот. Данное исследование адресовано историкам Великой Отечественной войны и научной общественности.

Ключевые слова: Государственный комитет обороны, постановления, плановые задания, завод № 2, Ивановская область, Владимирская область, стрелковое и авиационное артиллерийское вооружение, модернизация пулеметов, освоение пушек Нудельмана – Суранова, запасные стволы, групп-комплекты, достижения.

Для цитирования: Околотин В.С., Велибеков Э.Ш. Производство стрелкового и авиационного артиллерийского вооружения на Ковровском заводе № 2 в 1944 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 35–45. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-35-45>

Research Article

PRODUCTION OF SMALL ARMS AND AVIATION ARTILLERY WEAPONS AT KOVROV PLANT No. 2 IN 1944

Vladimir S. Okolotin, DSc in History, Associate Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Emil S. Velibekov, postgraduate of the Department of Russian History, Ivanovo State University, velibekov.99@mail.ru

Abstract. This article examines the activities of Kovrov Plant No. 2 (which became part of the defence industry of the newly formed Vladimir Region as a result of the reorganisation of Ivanovo Region in August 1944) in the production of small arms and aviation artillery weapons in 1944. This was a period during the World War II when the Red Army gained the strategic initiative in battles against the Axis, and effectively liberated the Soviet Union proper from occupation, and proceeded with interfering in the affairs of neighbouring countries. In these conditions, it was important to increase the production of weapons that had proven effective in military conditions, to modernise and develop new arms, and to master their production in a short period of time. Those included mounted machinegun of Goryunov design, Degtyaryov hand-held and tank machine guns, as well as the aircraft artillery guns – Shpitalny-Vladimirov large-calibre and Volkov-Yartsev autocannons. In the second half of 1944, the factory began mass-producing of upgraded Degtyaryov hand-held and tank machine guns,

as well as Nudelmann-Suranov aircraft cannons. Despite the difficulties of wartime, the plant was continuously supplied with electricity, metal, special packaging, and other important components for successful production activities. The article is based on the resolutions of the State Defence Committee and their annexes, as well as materials from Ivanovo Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) stored in the State archive of Ivanovo Region. These materials have been introduced into scientific circulation for the first time in relation to Plant No. 2. This research is intended for historians of Soviet-Axis War and the scientific community.

Keywords: State Defence Committee, resolutions, planned tasks, Plant No. 2, Ivanovo Region, Vladimir Region, small arms and aviation artillery weapons, modernisation of machine guns, development of Nudelmann-Suranov cannons, spare barrels, group sets, achievements.

For citation: Okolotin V.S., Velibekov E.Sh. Production of small arms and aviation artillery weapons at Kovrov plant No. 2 in 1944. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 35–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-35-45>

Постановка проблемы, источники и историография. Опыт мобилизации и эффективного использования ресурсов для производства нетрудоёмкого и в то же время надёжного вооружения продолжает привлекать внимание исследователей. Несмотря на то, что он нашёл отражение на страницах фундаментальных трудов, посвящённых экономике и опыту государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны, его актуальность усиливается по мере обращения к деятельности конкретных предприятий, и прежде всего к заводу № 2 (г. Ковров). В сложнейших военных условиях он бесперебойно обеспечивал потребности Красной армии в современном, недорогом и качественном стрелковом и авиационном артиллерийском вооружении. В предыдущие годы его деятельности был посвящён ряд добросовестных исследований, к числу которых следует отнести монографии В.В. Бахирева и И.И. Кириллова, О.А. Монаковой, И.Н. Зудиной и В.В. Никулина, сборник архивных документов о Владимирском крае в годы Великой Отечественной войны под общей редакцией Н.Д. Максимова и др. Однако и они, несмотря на свою полноту, не смогли охватить все особенности деятельности завода № 2. Восполнению таких «белых пятен» способствуют документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), и в первую очередь постановления Государственного комитета обороны (ГКО). Они определяли заводу № 2, как и другим оборонным предприятиям, плановые задания по различным видам вооружения. Обращение к ним уже позволили автору статьи ввести в научный оборот сведения о плановых заданиях заводу № 2 и степени их выполнения в 1943 г., что создало основу для дальнейшего развития темы применительно к 1944 г.

Основная часть. Итак, в 1944 г. ГКО принял 11 постановлений, из которых четыре определяли заводам Наркомата вооружения квартальные и семь – ежемесячные задания. О значимости указанных постановлений свидетельствует тот факт, что все они были подписаны председателем ГКО И.В. Сталиным. Их изучение в хронологической по-

следовательности позволяет определить плановые задания по различным видам вооружения, положительную и отрицательную динамику их производства. К сожалению, в фонде № 644 РГАСПИ практически отсутствуют сведения о выполнении заводом № 2 установленных планов. Отсутствуют они и в Государственном архиве Ивановской области (ГАИО) по причине уничтожения отчётных материалов, поступавших в обком ВКП(б) с завода № 2. Тем не менее на основании фрагментов из отдельных архивных документов, доступных для исследования, можно говорить о различных проблемах, существовавших на заводе, степени их решения и объёме выполненных заданий. Речь идёт о справках-памятках, которые готовились в отделе машиностроения и химии обкома ВКП(б) для информирования вышестоящего руководства. Их осмысление (также в хронологической последовательности) позволяет более конструктивно воссоздать особенности деятельности завода № 2 и его достижения по кварталам 1944 г.

Первый квартал. 11 января ГКО принял постановление № 4924 сс «О плане производства и поставок НКО и НКМФ артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения и военных приборов на январь и 1 квартал 1944 года» (табл. 1)⁷. Принятию постановления предшествовала докладная записка неустановленного лица на имя А.Н. Косыгина.

Постановление обязало Наркомлес СССР (М.И. Салтыков), НКВД (В.В. Чернышов) и Главснаблес при СНК СССР (Е.И. Лопухов) изготовить и поставить в первом квартале 1944 г. равномерно по месяцам спецтару согласно заводским чертежам ряду заводов НКО СССР. Среди них заводу № 2 с Головинской ИТК НКВД СССР надлежало поставить 50 тыс. комплектов⁹.

Постановление также предусматривало производство стволов, запасных частей и принадлежностей к авиационному вооружению для ВВС КА и ВВС ВМФ в первом квартале 1944 г. (табл. 2, 3).

5 февраля 1944 г. ГКО принял постановление № 5094сс «О плане производства и поставок НКО и НКМФ артиллерийского, минометного и стрел-

Таблица 1

План производства вооружения по заводу № 2 на январь и первый квартал 1944 г.⁸

п/п	Наименования вооружения	Январь, шт.	1-й квартал, шт.
1	Станковый 7,62 мм пулемёт Горюнова (СГ-43)	1000	5000
2	Танковый 7,62 мм пулемёт Дегтярева (ДТ)	4250	12000
3	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	1000	3140
4	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК	300	1000
5	Авиационные 20 мм турельные пушки ШВАК	60	160
6	Авиационные 23 мм пушки Волкова – Ярцева крыльевые	1000	3100

Таблица 2

План производства стволов заводу № 2 на первый квартал 1944 г.¹⁰

п/п	Наименование	Количество, шт.
1	Стволы к авиационным 20 мм крыльевым пушкам ШВАК	60
2	Стволы к авиационным 20 мм моторным пушкам ШВАК	180
3	Стволы к авиационным 20 мм синхронным пушкам ШВАК	150
4	Стволы к авиационным 20 мм турельным пушкам ШВАК	10
5	Стволы к авиационным 23 мм пушкам Волкова – Ярцева (общий план на два завода НКВ № 66 и № 2)	180

Таблица 3

План производства групп комплектов и принадлежностей для заводов № 2, 314 и 66 на первый квартал 1944 г.¹¹

п/п	Наименование	Количество, шт.
1	Группкомплекты к авиационным 20 мм крыльевым пушкам ШВАК для заводов № 2 и 314	40
2	Группкомплекты к авиационным 20 мм моторным пушкам ШВАК для заводов № 2 и 314	55
3	Группкомплекты к авиационным 20 мм синхронным пушкам ШВАК для завода № 2	55
4	Группкомплекты к авиационным 20 мм турельным пушкам ШВАК для завода № 2	10
5	Группкомплекты к авиационным 23 мм пушкам Волкова – Ярцева для завода № 2 и 66	87
6	Принадлежности к авиационным 20 мм пушкам ШВАК	75
7	Принадлежности к авиационным 23 мм пушкам Волкова – Ярцева для заводов № 2 и 66	–

Таблица 4

План заводу № 2 по производству вооружения на февраль 1944 г.¹⁴

п/п	Наименование	Количество, шт.
1	Станковый 7,62 мм пулемёт Горюнова (СГ-43)	1500
2	Ручной 7,62 мм пулемёт Дегтярёва	14500
3	Танковый 7,62 мм пулемёт Дегтярёва	4300
4	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	960
5	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК	340
6	Авиационные 20 мм турельные пушки ШВАК	60
7	Авиационные 23 мм крыльевые пушки Волкова – Ярцева	1200

кового вооружения и военных приборов на февраль 1944 г.¹² Как и в предыдущем случае, его принятию предшествовала записка И.В. Сталину, подписанная Л.П. Берией, Н.А. Вознесенским, Д.Ф. Устиновым, П.И. Паршиным и Н.Д. Яковлевым с проектом соответствующего постановления. В ней было отмечено, что в январе 1944 г. на заводе № 2 было произведено 1500 станковых пулемётов СГ-43¹³.

Постановление обязало завод № 2 произвести в феврале следующие виды стрелкового и артиллерийского вооружения, которые представлены в таблице 4.

Кроме того, один из пунктов постановления обязывал наркома вооружения Д.М. Устинова до 15 февраля 1944 г. отправить на заводы Нарком-авиапрома по его разнарядке всё имевшееся в наличии на 1 фев-

Таблица 5

План производства вооружения на заводе № 2 в марте 1944 г.¹⁷

п/п	Наименование	Количество, шт.
1	Станковый 7,62 мм пулемёт Горюнова (СГ-43)	2000
2	Ручной 7,62 мм пулемёт Дегтярёва	15500
3	Танковый 7,62 мм пулемёт Дегтярёва	4300
4	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	1000
5	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК	350
6	Авиационные 20 мм турельные пушки ШВАК	50
7	Авиационные 23 мм крыльевые пушки Волкова – Ярцева	1200

Таблица 6

План заводу № 2 по производству вооружения на апрель и второй квартал 1944 г.¹⁹

п/п	Наименования вооружения	Январь, шт.	2 квартал, шт.
1	Станковый 7,62 мм пулемёт Горюнова (СГ-43)	2100	6500
2	Танковый 7,62 мм пулемёт Дегтярёва (ДТ)	4450	13300
3	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	1020	3000
4	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК	280	700
5	Авиационные 20 мм турельные пушки ШВАК	–	100
6	Авиационные 23 мм пушки Волкова – Ярцева крыльевые	1260	3600

Таблица 7

План заводу № 2 по производству стволов, запасных частей и принадлежностей на второй квартал 1944 г.²⁰

п/п	Наименование	Количество, шт.
1	Стволы к авиационным 20 мм синхронным пушкам ШВАК	150
2	Стволы к авиационным 20 мм турельным пушкам ШВАК	10
3	Стволы к авиационным 20 мм моторным пушкам ШВАК (заводам № 2 и 314)	170
4	Стволы к авиационным 23 мм пушкам Волкова – Ярцева	230
5	Группкомплекты к 20 мм синхронным пушкам ШВАК	150
6	Принадлежности к авиационным 20 мм пушкам ШВАК (заводам № 2 и 314)	70
7	Принадлежности к 23 мм пушкам Волкова – Ярцева (для заводов №2 и 66)	65

раля на заводах НКВ (принятого военприёмкой) авиационное вооружение: пулемёты ШКАС и Березина, пушки ШВАК и Волкова – Ярцева. В тот же срок надлежало привести в исправное состояние все пушки Волкова – Ярцева, имевшиеся на заводе № 66, а также укомплектовать затворами 360 пушек Волкова – Ярцева на заводе № 1 Наркомата авиапромышленности¹⁵.

8 марта 1944 г. ГКО принял очередное постановление № 5331сс «О плане производства и поставок НКО и НКВМФ артиллерийского, миномётного и стрелкового вооружения и военных приборов на март 1944 года»¹⁶. Оно обязало завод № 2 произвести в феврале виды вооружения, представленные в таблице 5.

О проблемах, существовавших на заводе, свидетельствуют справки-памятки о работе машиностроительных заводов области по месяцам, хранящиеся в Государственном архиве Ивановской области. Так,

о работе завода в феврале и перспективах его работы на март отмечалось: «План февраля в денежном выражении выполнен. Текстильные детали почти не делал, так как не было металла. Программа марта металлом совершенно не обеспечена»¹.

Второй квартал. 9 апреля 1944 г. ГКО принял постановление № 5590сс «О плане производства и поставок Наркомату обороны и Наркомату Военно-Морского флота артиллерийского, миномётного и стрелкового вооружения и военных приборов на апрель и 2 квартал 1944 года» (табл. 6)¹⁸.

В апреле 1944 г. заводу также предстояло произвести и поставить соответствующим наркоматам стволы, запасные части и принадлежности к авиационному вооружению (табл. 7).

7 мая 1944 г. ГКО принял постановление № 5826 «О плане производства и поставок НКО и НКМФ артиллерийского, миномётного и стрелкового вооружения и военных приборов на май 1944 года» (табл. 8)²¹.

Таблица 8

План производства вооружения на заводе № 2 в мае 1944 г.²²

п/п	Наименование	Количество, шт.
1	Станковые 7,62 мм пулемёты Горюнова (СГ-43)	2200
2	Ручные 7,62 мм пулемёты Дегтярёва (ДП)	13200
3	Танковые 7,62 мм пулемёты Дегтярёва (ДТ)	5000
4	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	800
5	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК	100
6	Авиационные 23 мм крыльевые пушки Волкова – Ярцева	1200

Таблица 9

План производства вооружения на заводе № 2 в мае 1944 г.²⁶

п/п	Наименование	Количество, шт.
1	Станковые 7,62 мм пулемёты Горюнова (СГ-43)	2250
2	Ручные 7,62 мм пулеметы Дегтярёва (ДП)	13000
3	Танковые 7,62 мм пулеметы Дегтярёва (ДТ)	4000
4	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	600
5	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК	400

Данным постановлением Д.Ф. Устинов и В.И. Фомин обязывались «закончить к 1 июня 1944 г. отработку технологического процесса хромирования повышенным слоем хрома стволов к пулеметам Горюнова, обеспечивающей их живучесть не ниже 12–13 тыс. выстрелов». Для выполнения этой задачи ГКО обязал Наркомэлектропром (И.Г. Кабанова) изготовить и поставить в мае 1944 г. заводу № 2 пять штук низковольтных агрегатов в счёт фондов Наркомвооружения целевым назначением для хромирования стволов к пулемёту Горюнова. Результатом этих мер должно было стать выполнение заводом задания по поставке с 1 июля 1944 г. ГАУ Красной армии 50 % стволов к СГ-43, хромированных повышенным слоем хрома, а с 1 августа 1944 г. обеспечить 100 % его выполнение²³.

Этот производственный опыт было решено перенести на изготовление ручных и танковых пулемётов Дегтярёва, не только выпускавшихся на заводе № 2, но и на других предприятиях наркомата. Это должно было увеличить их живучесть в боевых условиях²⁴. Постановление также обязало Д.Ф. Устинова провести соответствующие мероприятия на заводе № 385 с таким расчётом, чтобы к 1 августа 1944 г. он полностью выпускал пулемёты Горюнова с обработкой стволов повышенным слоем хрома.

7 июня 1944 г. ГКО приняло постановление № 6010 сс «О плане производства и поставок Наркомату обороны и Наркомату Военно-Морского флота артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения и военных приборов на июнь 1944 года»²⁵. Оно обязало завод № 2 произвести в июне следующие виды вооружения в объёмах, указанных в таблице 9.

Кроме того, постановление обязало Д.Ф. Устинова и В.И. Фомина изготовить и поставить ГАУ Красной армии дополнительно сверх всех ранее установленных заданий 10 тыс. магазинов к пулеметам ДП²⁷.

В справке-памятке на апрель говорилось, что все производства (кроме первого ДП) не обеспечены металлом. Однако чуть позже ситуация несколько улучшилась, и в справке в отношении завода № 2 уже было сказано: «Металл начал подходить. Помощи не просит». В справках по декадам за май вновь говорилось, что завод работает ниже установленного графика из-за отсутствия нужного ассортимента металла и спецукупорки. Аналогичная ситуация имела место и в первой декаде июня. И лишь в справке-памятке на третью декаду июня появилась более оптимистичная запись: «Работает ниже графика из-за отсутствия металла (за 20 дней дано только 23 %). Лес для спецукупорки на заводе есть. Металла много на подходе. План думают выполнить. Помощи не просят».

В итоге можно утверждать, что ГКО, исходя из потребностей действующей армии в первом полугодии 1944 г., своими постановлениями устанавливал заводу № 2 производственный план по ведущим видам вооружения. Об этом свидетельствует следующая составленная авторами статьи таблица (табл. 10).

Третий квартал. 11 июля 1944 г. ГКО принял постановление № 6154сс с многостраничными приложениями «О плане производства и поставок Наркомату обороны и Наркомату Военно-Морского флота артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения и военных приборов в июле и 3 квартале 1944 года» (табл. 11)²⁸. Его принятию предшествовала отправная записка, которую подписали Л.П. Бе-

Таблица 10

Общий объем производства вооружения, установленный заводу № 2 на первое полугодие 1944 г.

п/п	Наименование	1-й квартал, шт.	2-й квартал, шт.
1	Станковые 7,62 мм пулемёты Горюнова (СГ-43)	5000	6500
2	Ручные 7,62 мм пулемёты Дегтярёва	14500	13000
3	Танковые 7,62 мм пулемёты Дегтярёва (ДТ)	13300	12000
4	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	3140	3000
5	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК	1000	700
6	Авиационные 23 мм пушки Волкова – Ярцева крыльевые	3100	3600

Примечание. При сравнении по кварталам положительная динамика в увеличении плана имеет место только по станковым пулемётам СГ-43 и авиационным пушкам Волкова – Ярцева, по остальным позициям отмечается плановое снижение выпускаемой продукции.

Таблица 11

План производства вооружения, установленный заводу № 2 на июль и третий квартал 1944 г.³¹

п/п	Наименование	Июль, шт.	3-й квартал, шт.
1	Станковые 7,62 мм пулемёты Горюнова (СГ-43)	2350	7200
2	Ручные 7,62 мм пулемёты Дегтярёва	13000	39000
3	Танковые 7,62 мм пулемёты Дегтярёва (ДТ)	4250	13000
4	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	880	2700
5	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК	100	300
6	Авиационные 20 мм турельные пушки ШВАК	20	70
7	Авиационные 23 мм пушки Волкова – Ярцева крыльевые	1200	3600

Таблица 12

План производства стволов заводам № 2 и № 314 на третий квартал 1944 г.³²

п/п	Наименование	Кол-во, шт.
1	Стволы к 20 мм моторным пушкам ШВАК для заводов № 2 и № 314	150
2	Стволы к 20 мм синхронным пушкам ШВАК для завода № 2	150
3	Стволы к 20 мм турельным пушкам ШВАК для завода № 2	10
4	Стволы к 23 мм пушкам Волкова – Ярцева для заводов № 2 и № 66	215
5	Групп комплекты к 20 мм синхронным пушкам ШВАК для завода № 2	15
6	Групп комплекты к 23 мм пушкам Волкова – Ярцева для заводов № 2 и № 66	30

рия, Н.А. Вознесенский, Д.Ф. Устинов, П.И. Паршин и Н.Д. Яковлев 8 июля 1944 г. с проектом постановления и кратким отражением итогов работы заводов НКВ по производству основных видов вооружения²⁹. Так, относительно стрелкового вооружения в ней говорилось, что в июне 1944 г. было произведено 2505 станковых пулемётов СГ-43, а пулемётов ДП и ДТ – 20 359 штук³⁰.

Кроме того, данным постановлением ГКО обязал Д.Ф. Устинова в течение третьего квартала равномерно по месяцам изготовить и поставить для ВВС КА и ВВС ВМФ пушечные стволы и запасные принадлежности к авиационному вооружению (табл. 12). Выполнение этой задачи было возложено на заводы № 2, № 314 и № 66 НКВ СССР.

Для обеспечения деятельности заводов НКВ СССР, в том числе и завода № 2 по выполнению плановых заданий, ГКО определил конкретный перечень мер.

В частности, обязал Наркома электростанций Д.Г. Жимерина и управляющего энергосистемой Ивановской области (Ивэнерго) Н.Н. Амосова ежемесячно обеспечивать завод № 2 в третьем квартале 1944 г. электроэнергией в количестве 6 млн кВтч ежемесячно. Им было запрещено отключать или сокращать её подачу ниже установленного лимита³³. Для своевременной отгрузки готовой продукции заводом № 2 ГКО обязал Головинскую ИТК ГУЛАГа НКВД поставить ему равномерно по месяцам 50 тыс. комплектов спецтары по заводским чертежам³⁴. Для доставки ему спецтар и спецукупорки на станцию Ковров Горьковской железной дороги ГКО обязал НКПС выделить в течение августа 66 вагонов³⁵.

ГКО также обязал Д.Ф. Устинова и В.И. Фомина изготовить в третьем квартале 1944 г. сверх установленной нормы комплектации 30 тыс. штук магазинов к пулемётам ДП и поставить их равномерно ГАУ

Красной армии для покрытия существующей некомплектности по ним в войсковых частях³⁶.

9 августа 1944 г. ГКО принял следующее постановление № 6350сс «О плане производства поставок Наркомату обороны и Наркомату Военно-Морского флота артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения и военных приборов в августе 1944 года»³⁷. Основанием для его принятия послужила отправная записка Л.П. Берии, Н.А. Вознесенского, Д.Ф. Устинова, П.И. Паршина и Н.Д. Яковлева на имя И.В. Сталина с проектом постановления от 6 августа 1944 г. В ней также сообщалось, что в июле 1944 г. на заводах НКВ было произведено 2662 станковых пулемёта Горюнова и ещё 2800 штук было запланировано на август 1944 года³⁸. При этом важно отметить, что производство СГ-43 также было освоено на заводе № 385, но количество пулемётов, выпускаемое им, было незначительным.

Итак, согласно содержанию принятого постановления заводу № 2 в августе 1944 г. предстояло изготовить следующее количество вооружения (табл. 13).

Как следует из содержания постановления, проблема со спец-укупоркой для завода № 2 продолжала оставаться очень острой. Для ее разрешения ГКО обязал Главснаблес при СНК СССР Е.И. Лопухова из лимита подвижного состава, выделенного Наркомвооружения на август 1944 г. для перевозки пиломатериалов, адресовать 65 вагонов заводу № 2 на ст. Ковров (35 вагонов до 15 августа и 30 вагонов до 20 августа)⁴⁰.

Примечателен еще один пункт данного постановления (п. 26), которым Д.Ф. Устинов и В.И. Фомин обязывались изготовить для ГАУ Красной армии

к 1 октября 1944 г. «серию в количестве 100 штук 20 мм противотанковых ружей конструкции Рашкова – Ермолаева – Слухоцкого (РЕС)». Им же предписывалось «одновременно с изготовлением серии доработать станки в части увеличения клиренса, диаметра колес и ширины обода, а ГАУ КА противоэкранный патрон»⁴¹. При этом важно отметить, что конструкторы Е.С. Рашков, С.И. Ермолаев и В.Е. Слухоцкий в годы Великой Отечественной войны трудились в ОКБ-16 (г. Москва). Однако небольшие экспериментальные партии их ружей производились на Ковровском заводе № 2 ещё в 1942–1943 гг. Здесь же осуществлялись их полигонные испытания. Несмотря на то, что 20 мм снаряды противотанкового ружья РЕС в отличие от 14,5 мм патронов ПТРД могли пробивать более толстую броню танков противника, его разработки были свернуты в 1943 г. и больше не возобновлялись. Однако задача, поставленная ГКО перед Д.Ф. Устиновым и В.И. Фоминым в указанном постановлении, свидетельствует об ошибочности такого суждения и говорит о продолжении работ по совершенствованию ружья РЕС.

17 сентября 1944 г. ГКО принял постановление № 6530сс «О плане производства и поставок Наркомату обороны и Наркомату Военно-Морского флота артиллерийского, миномётного и стрелкового вооружения и военных приборов в сентябре 1944 года» (табл. 14)⁴². Основанием для его принятия послужила отправная записка на имя И.В. Сталина от 15 сентября 1944 г., подписанная Л.П. Берией, Н.А. Вознесенским, Д.Ф. Устиновым, П.И. Паршиным и Н.Д. Яковлевым. В ней подводились краткие итоги производства продукции заводами НКВ СССР

Таблица 13

План производства вооружения на заводе № 2 в августе 1944 г.³⁹

п/п	Наименование вооружения	Количество, шт.
1	Станковый 7,62 мм пулемёт Горюнова (СГ-43)	2400
2	Ручные 7,62 мм пулемёты Дегтярёва (ДП)	13000
3	Танковые 7,62 мм пулемёты Дегтярёва (ДТ)	4200
4	Авиационные 20 мм пушки ШВАК синхронные	200
5	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК (к М-107)	150
6	Авиационные пушки Волкова – Ярцева 23 мм крыльевые	800

Таблица 14

План производства вооружения для завода № 2 на сентябрь 1944 г.⁴⁴

п/п	Наименование вооружения	Количество, шт.
1	Станковый 7,62 мм пулемёт Горюнова (СГ-43)	2400
	На заводе № 385	500
2	Ручные 7,62 мм пулемёты Дегтярёва (ДП)	12300
3	Танковые 7,62 мм пулемёты Дегтярёва (ДТ)	4000
4	Авиационные 20 мм пушки ШВАК синхронные	600
5	Авиационные пушки Волкова – Ярцева 23 мм крыльевые	700

в августе 1944 г. и, в частности, сообщались сведения по стрелковому оружию. Так, при плане 19 300 пулеметов ДП и ДТ их было произведено 20 671 штук; пушек ШВАК при плане 1850 штук – 1900 и пушек Волкова – Ярцева при плане 1500 – 1850 единиц⁴³. Однако здесь следует подчеркнуть, что указанное количество продукции было приведено в целом без разбивки по заводам НКВ СССР, где ведущая роль в ее выпуске все же принадлежала Ковровскому заводу № 2.

В октябре 1944 г. ГКО своими постановлениями вынес перед трудовым коллективом завода № 2 две новых важных задачи: первая – это выпуск авиационной автоматической пушки конструкции Нудельмана – Суранова калибром 23 мм (НС-23) и вторая – освоение производства модернизированных ручных и танковых пулеметов Дегтярёва. О данных фактах кратко повествуют исследователи В.В. Бахирев и И.И. Кириллов на страницах монографии, посвящённой В.А. Дегтярёву [Бахирев, Кириллов: 204–209]. Однако в силу закрытости архивов они не располагали сведениями о названии постановлений, их содержании и установлении ими количественных заданий.

Итак, постановлением № 6680сс «О принятии на вооружение ВВС КА авиационной автоматической пушки “НС-23” калибра 23 мм конструкции Нудельмана – Суранова» от 10 октября 1944 г ГКО обязал: «Наркома вооружения Устинова и директора завода № 2 В.И. Фомина организовать производ-

ство моторных пушек НС-23 и поставить их Нарком-авиапрому в 1944 г. в количестве 300 штук, в том числе в октябре 30 штук, в ноябре 70 штук и в декабре 200 штук»⁴⁵. 14 октября 1944 г. ГКО принял другое постановление (№ 6721с), получившее название «О производстве модернизированных ручных и танковых пулеметов Дегтярёва»⁴⁶. Для этого Д.Ф. Устинов и В.И. Фомин в течение полутора месяцев обязывались изготовить технологическую оснастку, подготовить производство и «с декабря 1944 г. перейти на изготовление и выпуск модернизированных ручных и танковых пулеметов Дегтярёва».

В тот же день 14 октября ГКО принял постановление № 6709сс на завершающий четвёртый квартал 1944 года. Оно называлось «О плане производства и поставок Наркомату обороны и Наркомату Военно-Морского флота артиллерийского, миномётного и стрелкового вооружения и военных приборов в октябре и 4 квартале 1944 года» (табл. 15)⁴⁷. Как и в предыдущих случаях, его принятию предшествовала записка, подготовленная Л.П. Берией, Н.А. Вознесенским, Д.Ф. Устиновым и Н.Д. Яковлевым с информацией о работе промышленности в сентябре текущего года. Так, согласно её содержанию, в сентябре было изготовлено 1117 станковых пулеметов Горюнова при плане 3000 штук, а ДП и ДТ – 19 371 при плане 19 000 единиц⁴⁸.

Данным постановлением ГКО также обязал ряд заводов, в том числе и завод № 2, изготовить и поста-

Таблица 15

План заводу № 2 по производству вооружения на октябрь и четвёртый квартал 1944 г.⁴⁹

п/п	Наименование вооружения	Октябрь, шт.	4-й квартал, шт.
1	Станковый 7,62 мм пулемёт Горюнова	2400	7200
2	Ручные 7,62 мм пулемёты ДП	12000	36000
3	Танковые 7,62 мм пулемёты ДТ	4000	12000
4	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	800	2000
5	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК к М-107	–	250
6	Авиационные 20 мм турельные пушки ШВАК	–	50
7	Авиационные 20 мм пушки Волкова – Ярцева крыльевые	700	2100
8	Авиационные 23 мм пушки Нудельмана – Суранова (моторные)	30	300

Таблица 16

План заводам №2, 314, 66 и 74 по производству стволов и групп комплектов на четвёртый квартал 1944 г.⁵⁰

п/п	Наименование	Октябрь, шт.	4-й квартал, шт.
1	Стволы к 20 мм авиационным пушкам ШВАК (турельным) для завода № 2	–	10
2	Стволы к 20 мм авиационным синхронным пушкам ШВАК для завода № 2	–	150
3	Стволы к 20 мм авиационным пушкам ШВАК (моторным) для заводов № 2 и № 314	–	150
5	Стволы к 23 мм авиационным пушкам Волкова – Ярцева для заводов № 2 и № 66	–	230
6	Групп-комплекты к 23 мм авиационным пушкам Волкова – Ярцева для заводов № 2 и № 74	–	45

вить ВВС КА и ВВС ВМФ к авиационному вооружению запасные стволы и групп комплекты (табл. 16). В числе предприятий, одновременно задействованных в выполнении этой задачи кроме завода № 2, значились заводы № 314, 66 и 74, дислоцировавшиеся за пределами Владимирской и Ивановской областей.

Постановлением предусматривался комплекс общих мер для обеспечения производственной деятельности заводов НКВ СССР по выполнению установленных планов на октябрь и четвертый квартал 1944 г. Среди них были меры, адресованные непосредственно Ковровскому заводу № 2. В частности, как и в третьем квартале, наркому электростанций Д.Г. Жимерину и управляющему Ивэнерго Н.Н. Амосову предписывалось обеспечить ему отпуск электроэнергии в октябре, ноябре и декабре в объёме 6, 5,9 и 6,2 млн кВтч соответственно⁵¹. Головинской ИТК ГУЛАГа НКВД надлежало поставить заводу № 2 50 тыс. комплектов спецтары по чертежам предприятия. НКПС обязывался выделить для её транспортировки в Ковров 52 вагона из утверждённых для НКВ СССР лимитов подвижного состава⁵².

Завершающим документом в череде решений ГКО по производству вооружения в рассматриваемый период является постановление № 6899сс от 7 ноября 1944 г. «О плане производства и поставок Наркомату

обороны и Наркомату Военно-Морского флота артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения и военных приборов в ноябре 1944 года» (табл. 17)⁵³. В отличие от других постановлений, оно не сопровождалось многостраничным приложением, поэтому плановые задания, в том числе и для завода № 2, были установлены в основной части этого документа.

В перечне общих мер, направленных на обеспечение выполнения предприятиями НКВ плановых заданий ГКО, был один из пунктов, касавшийся завода № 2. Согласно его содержанию Нарком-внешторг обязывался выделить заводам № 2 и № 74 в декабре 1944 г. в счёт поставок Наркомату вооружения 100 шт. кожаных пальто, 50 шт. часов, 1000 одеял и 500 комплектов нательного белья «для продажи особо отличившимся рабочим и ИТР на освоении 20 мм и 23 мм авиапушек»⁵⁵.

В завершение следует назвать наименования и общий объем вооружения, которые были установлены ГКО заводу № 2 в 1944 г. Они получены авторами на основании общих подсчётов (табл. 18).

К сожалению, авторы не располагают достаточными сведениями о степени выполнения заводом № 2 плановых заданий. Тому есть ряд причин, и главная среди них – это уничтожение сводок, поступавших в обком ВКП(б) Ивановской области. Акты

Таблица 17

План заводу № 2 по производству вооружения в ноябре 1944 г.⁵⁴

п/п	Наименование	План на ноябрь, шт.
1	Станковый 7,62 мм пулемёт Горюнова	1800
2	Ручной 7,62 мм пулемёт ДП	12000
3	Танковый 7,62 мм пулемёт ДТ	4000
4	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	800
5	Авиационные 23 мм крыльевые пушки ШВАК	800
6	Авиационные 23 мм пушки Нудельмана Суранова «НС-23» моторные	70

Таблица 18

План заводу № 2 по производству вооружения в 1944 г.

п/п	Наименования вооружения	Первое полугодие	Второе полугодие	В целом в 1944 г.
1	Станковые 7,62 мм пулемёты Горюнова (СГ-43)	11 500	14 400	25 900
2	Ручные 7,62 мм пулемёты Дегтярёва	27 500	75 000	102 500
3	Танковые 7,62 мм пулемёты Дегтярёва (ДТ)	25 300	25 000	50 300
4	Авиационные 20 мм синхронные пушки ШВАК	6 140	4 700	10 840
5	Авиационные 20 мм моторные пушки ШВАК	1 700	550	2 250
6	Авиационные 20 мм турельные пушки ШВАК	–	120	120
7	Авиационные 23 мм крыльевые пушки Волкова – Ярцева	6 700	6 400	13 100
8	Авиационные 23 мм пушки Нудельмана – Суранова (моторные)	–	300	300

Примечание. Сведения, приведённые в таблице, свидетельствуют о положительной динамике производства станковых пулемётов Горюнова, резком увеличении выпуска ручных пулемётов Дегтярёва, относительно стабильном производстве танковых пулемётов Дегтярёва и авиационных 23 мм крылевых пушек Волкова – Ярцева, а также о снижении изготовления авиационных 20 мм синхронных и моторных пушек ШВАК.

на уничтожение таких сводок ещё в годы Великой Отечественной войны авторы неоднократно встречали в ходе исследовательской работы. Вместе с тем на основании фрагментарных сведений, в том числе и использованных в данной статье, можно утверждать, что они в целом выполнялись или были близки к выполнению. Более того, снижение выпуска отдельных видов вооружения может свидетельствовать не о проблемах с их изготовлением на заводе, а об их достаточности на складах ГАУ КА. Ещё одним объяснением может служить появление других приоритетов, соответствовавших запросам Красной армии, в частности востребованностью в войсках станковых пулемётов Горюнова. Именно при изготовлении этого пулемёта с целью увеличения живучести ствола было использовано его повышенное хромирование. В дальнейшем данный опыт был широко растрезирован применительно к другим видам стрелкового и артиллерийского вооружения. Ещё одним аргументом в поддержку данного суждения могут быть решения ГКО по выпуску на заводе авиационной автоматической пушки конструкции Нудельмана – Суранова калибром 23 мм (НС-23) и освоение производства модернизированных ручных и танковых пулемётов Дегтярёва.

В целом же завод № 2 в 1944 г. продолжал оставаться ведущим предприятием в системе НКВ СССР, разрабатывать новые виды стрелкового вооружения, запускать их в серийное производство и наращивать объёмы выпуска с целью максимального обеспечения потребностей действующей Красной армии.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7. Д. 1244. Л. 26.
- ² ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 1244. Л. 26.
- ³ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 1244. Л. 27.
- ⁴ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 1244. Л. 41–42.
- ⁵ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 1244. Л. 45.
- ⁶ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 1244. Л. 49.
- ⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф-644. Оп. 2. Д. 261. Л. 1–121.
- ⁸ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 261. Л. 4–6.
- ⁹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 261. Л. 19.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 261. Л. 43.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 261. Л. 44.
- ¹² РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 280. Л. 23–56.
- ¹³ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 280. Л. 55–56.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 280. Л. 26–28.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 280. Л. 28.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 292. Л. 80–100.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 292. Л. 83–84.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 308. Л. 19–150.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 308. Л. 22–24.

- ²⁰ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 308. Л. 64.
- ²¹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 331. Л. 70–101.
- ²² РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 331. Л. 73–76.
- ²³ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 331. Л. 78.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 331. Л. 79.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 341. Л. 57–89.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 341. Л. 60–61.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 341. Л. 73.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 350. Л. 74–207.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 350. Л. 205–207.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 350. Л. 206.
- ³¹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 350. Л. 74–80.
- ³² РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 261. Л. 43.
- ³³ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 350. Л. 87.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 350. Л. 93.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 350. Л. 106.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 350. Л. 101.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 372. Л. 81–118.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 372. Л. 117.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 372. Л. 85–87.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 372. Л. 92.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 372. Л. 93.
- ⁴² РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 382. Л. 84–118.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 382. Л. 117–118.
- ⁴⁴ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 382. Л. 87–88.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 395. Л. 4.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 403. Л. 37.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 401. Л. 1–143.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 401. Л. 141–142.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 401. Л. 4–7.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 401. Л. 54.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 401. Л. 17.
- ⁵² РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 401. Л. 23.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 411. Л. 110–135.
- ⁵⁴ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 411. Л. 114–115.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 411. Л. 122.

Список литературы

- Бахирев В.В., Кириллов И.И.* Конструктор В.А. Дегтярев: за строками биографии. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Воениздат, 1983. 240 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. Москва: Кучково поле, 2013. 864 с.
- Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. архивных документов к 75-летию Великой Победы / отв. ред. Н.Д. Максимова; сост. Т.А. Лашманова. Владимир: Гос. архив Владимирской области, 2020. 504 с.
- Город воинской славы Ковров: сквозь века / О.А. Монякова, И.Н. Зудина, В.В. Никулин и др.; отв. ред. О.А. Монякова. Иваново: Изд. О.В. Епишева, 2013. 464 с.
- Околотин В.С.* Производство стрелкового и авиационного вооружения на заводе № 2 (г. Ковров)

в Ивановской области: хронология решений и событий (1943 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Экономика. 2023. № 2. С. 33–46.

Сорокин А.К. В штабах Победы: Очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Политическая энциклопедия, 2022. 239 с.

References

Bahirev V.V., Kirillov I.I. *Konstruktor V.A. Degtyarev: za strokami biografii* [Designer V.A. Degtyarev: Behind the Lines of His Biography], 2nd ed, revised and expanded. Moscow, Voenizdat Publ., 1983, 240 p. (In Russ.)

Gorod voinskoj slavy Kovrov: skvoz' veka [The City of Military Glory of Kovrov: Through the Centuries], O.A. Monyakova, I.N. Zudina, V.V. Nikulin, et al.; ed. by O.A. Monyakova. Ivanovo, O.V. Episheva Publ., 2013, 464 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Proizvodstvo strelkovogo i aviacionnogo vooruzheniya na zavode № 2 (g. Kovrov) v Ivanovskoj oblasti: khronologiya reshenij i sobytij (1943 g.)* [Production of Small Arms and Aircraft Armaments at Factory no. 2 (Kovrov) in the Ivanovo Region: Chronology of Decisions and Events (1943)]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika* [Bulletin of Ivanovo State University. Economics Series], 2023, no. 2, pp. 33–46. (In Russ.)

Sorokin A.K. *V shtabakh Pobedy: ocherki istorii gosudarstvennogo upravleniya v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [In the Headquarters of Victory: Essays on the History of State Administration in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Politicheskaya ehnciklopediya Publ., 2022, 239 p. (In Russ.)

Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: v 12 t. T. 7. Ekonomika i oruzhie vojny [The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 7. Economics and weapons of war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2013, 864 p. (In Russ.)

Vladimirskij kraj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945: sb. arhiv. dokumentov k 75-letiyu Velikoj Pobedy [Vladimir Region During the Great Patriotic War. 1941–1945: A Collection of Archival Documents for the 75th Anniversary of the Great Victory], ed. by N.D. Maksimova, comp. T.A. Lashmanova et al. Vladimir, State Archives of the Vladimir Region Publ., 2020, 504 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 05.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.

ОБРАЗ НАЦИСТСКИХ ШТУРМОВЫХ ОТРЯДОВ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Ермаков Александр Михайлович, доктор исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, ermakov.a.m@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3890-6767>

Пчелкина Анастасия Константиновна, аспирант кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, p4elkina.nas@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0004-4911-1294>

Аннотация. Статья посвящена репрезентации нацистских штурмовых отрядов в документальном кинематографе нацистской Германии. В центре внимания находится отражение в документалистике положения штурмовых отрядов в нацистском движении и Третьем рейхе. Дана характеристика пропагандистскому документальному кинематографу первых лет нацистской диктатуры. На основании анализа документальных фильмов «Германия, истекающая кровью», «Победа веры» и «Триумф воли», германской периодической печати и источников личного происхождения установлено, что кинодокументалистика Третьего рейха воспроизводила старые и создавала новые нацистские политические мифы, целью которых было не отражение объективной реальности, а внедрение в сознание немцев официальной картины недавнего прошлого и настоящего. Выявлены особенности репрезентации штурмовых отрядов. Они предстают в кинолентах и как борцы, политическая армия Гитлера в период до 1933 г., и как защитники нового Рейха, часть государственной структуры. В документальном кинематографе четко прослеживается изменение политической роли СА после «ночи длинных ножей» летом 1934 г. Анализ визуального ряда позволяет установить, что штурмовые отряды были частью пропагандистской стратегии и транслировали идеологему о молодости и красоте, физической силе и расовом превосходстве.

Ключевые слова: НСДАП, пропаганда, кинематограф, штурмовые отряды, Рифеншталь, Хойслер, «Победа веры», «Триумф воли», «Германия, истекающая кровью».

Для цитирования: Ермаков А.М., Пчелкина А.К. Образ нацистских штурмовых отрядов в документальном кинематографе Третьего рейха // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 46–51. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-46-51>

Research article

THE IMAGE OF THE NAZI STORM TROOPS (SA) IN THE DOCUMENTARY CINEMA OF THE THIRD REICH

Alexander M. Ermakov, DSc in History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, ermakov.a.m@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3890-6767>

Anastasia K. Pchelkina, postgraduate of the Department of General History, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, p4elkina.nas@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0004-4911-1294>

Abstract. The article is devoted to the representation of Nazi storm troops in the documentary cinema of Nazi Germany. The focus is on documenting the position of the storm troops in the Nazi movement and the Third Reich. The characteristic of the propaganda documentary cinema of the first years of the Nazi dictatorship is given. Based on the analysis of the documentaries “Bleeding Germany”, “Victory of Faith” and “Triumph of the Will”, the German periodical press and sources of personal origin, it was found that the documentary films of the Third Reich reproduced old and created new Nazi political myths, the purpose of which was not to reflect objective reality, but to introduce the official picture of the recent past and present into the minds of Germans. The peculiarities of the representation of storm troops are revealed. They appear in films both as fighters, Hitler’s political army in the period before 1933, and as defenders of the new Reich, part of the state structure. The documentary films clearly show the change in the political role of the SA after “the Night of the Long Knives” in the summer of 1934. An analysis of the visual series allows us to establish that the storm troops were part of a propaganda strategy and broadcast an ideology about youth and beauty, physical strength and racial superiority.

Keywords: NSDAP, propaganda, cinematography, storm troops, Riefenstahl, Johannes Häußler, “Victory of Faith”, “Triumph of the Will”, “Bleeding Germany”.

For citation: Ermakov A.M., Pchelkina A.K. The image of the Nazi storm troops (SA) in the documentary cinema of the Third Reich. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 46–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-46-51>

Штурмовые отряды (СА) национал-социалистической партии Германии (НСДАП) были не только боевыми отрядами, но и несли пропагандистскую функцию. Они сделали нацистское движение узнаваемым, и потому их образ часто использовался в агитаторских материалах гитлеровцев – плакатах, филокартии, а после 1933 г. – и в кинематографе, который занял важное место в пропагандистском арсенале НСДАП. Кино считалось нацистами одним из сильнейших методов пропаганды, особыми ценителями этого популярного вида искусства были Гитлер и Геббельс [Welch: 48]. В марте 1933 г. Геббельс возглавил новое Министерство народного просвещения и пропаганды, в структуре которого была образована имперская палата кинематографа. Геббельс четко сформулировал цель кино – завоевание масс [Герцштейн: 70]. В первые годы гитлеровской диктатуры было снято несколько игровых и документальных пропагандистских кинолент об истории нацистского движения. Определенное место в этих фильмах занимали штурмовые отряды гитлеровской партии (СА), сыгравшие огромную роль в приходе нацистов к власти и становлении фашистской диктатуры в Германии. В серии художественных фильмов о «периоде борьбы» нашли отражение как биографии отдельных «мучеников» нацистского движения из рядов СА, в том числе Хорста Весселя, так и выдуманные истории о штурмовиках. Документальное кино, в свою очередь, преподносилось как официальный нарратив по истории национал-социализма и требует отдельного изучения.

Несмотря на большое количество исследований по этой теме, основное внимание историки обособленно уделяют кинопропаганде культа Гитлера. Пропагандистские документальные фильмы рассматриваются исследователями как инструмент трансляции идей национал-социализма и его глорификации, что обуславливает сужение исследовательского поля в основном до двух кинолент Лени Рифеншталь – «Триумф воли» и «Олимпия». Большой вклад в изучение кинематографа Третьего рейха внесли зарубежные историки Б. Древняк, Р. Герцштейн, О. Раткольба, Д. Уэлш, Х. Хоффман. Обобщающий характер имеет работа российского исследователя О.Ю. Пленкова «Третий рейх. Арийская культура».

Взаимоотношения штурмовых отрядов и гитлеровской партии, получившие отражение в документальном кинематографе Третьего рейха, не становились предметом специального исторического

исследования. Обращение к образу СА в документалистике Третьего рейха позволяет изучить пропагандистские киноленты с точки зрения отражения в них официальной истории НСДАП и его боевой организации – СА. В настоящей статье проанализированы три наиболее репрезентативных документальных киноленты: «Германия, истекающая кровью» режиссера Иоганнеса Хойслера (1933 г.) и фильмы Лени Рифеншталь «Победа веры» (1933 г.) и «Триумф воли» (1935 г.). Дополнительным источником послужили выпуски «Illustrierter Film-Kurier» – восьмистраничного приложения к популярному ежедневному журналу «Film-Kurier». В приложении публиковалось краткое содержание того или иного фильма и наиболее важные кадры из него в виде коллажа, что позволяет понять акценты, расставляемые нацистской пропагандой. Кроме того, процесс работы над фильмами освещается в мемуарах «лица немецкой документалистики» Л. Рифеншталь. Несмотря на многочисленные умолчания и искажения, к которым прибегает Рифеншталь с целью самооправдания, сопоставление ее текста с другими источниками позволяет выявить достоверные сведения.

В 1933 г. министерство пропаганды, реализуя идею Геббельса, активно занималось памятованием павших в период борьбы нацистов за власть [Герцштейн: 68–69]. В марте того же года на экраны вышел документальный фильм Иоганнеса Хойслера «Германия, истекающая кровью». Этот фильм полностью не сохранился, отрывок киноплёнки продолжительностью 17 минут находится в Федеральном архиве Германии. Кинолента имеет подзаголовок «Фильм о национальном восстании, посвященный немецкому народу» [Illustrierter Film-Kurier: 2]. Он представляет собой монтаж кинохроники о событиях в Германии и разделен на три части: «Время величия» (от провозглашения Германской империи до Ноябрьской революции), «Предательство родины» (до начала экономического кризиса в 1929 г.) и «Германия пробуждается» (до назначения Гитлера канцлером) [Древняк: 101]. Особенностью фильма стало включение в него кадров кинохроники, запечатлевших расстрел Альберта Лео Шлагетера – одного из «мучеников» нацистского движения. По этой причине на обложку спецвыпуска «Illustrierter Film-Kurier», посвященного фильму Хойслера, намеренно было помещено изображение могилы Хорста Весселя и имя Альберта Лео Шлагетера [Illustrierter Film-Kurier: 2]. Шлагетер и Вессель, посмертно ставшие

нацистскими символами, олицетворяли кровопролитный характер борьбы нацистов за власть, а также их жертвенность во имя Германии. При этом Шлагетер не пал от рук коммунистов в борьбе за улицы немецких городов (именно так преподносила пропаганда гибель Весселя), а был расстрелян французами за диверсии в Рурской области, оккупированной последними после Первой мировой войны. Тем не менее Шлагетер являлся членом партии и погиб за национальную честь, что дало нацистам повод включить его в свой мартиролог.

Пропагандистская документалистика Третьего рейха ассоциируется, прежде всего, с фильмами Лени Рифеншталь, самой значительной фигуры немецкого документального кино, чьи работы «Триумф воли» и «Олимпия» были удостоены главной награды Венецианского кинофестиваля – «Кубка Муссолини» в номинации «Лучший иностранный фильм». Подчеркнем, что этой награды удостоивались не только пропагандистские фильмы и не только киноленты тоталитарных государств – «Кубок Муссолини» получали также британские и французские художественные фильмы, хотя и гораздо реже. Только после поражения Германии во Второй мировой войне за Рифеншталь закрепилась репутация пособницы нацистов, а ее фильмы были запрещены. В 1948–1952 гг. она прошла четыре процесса денацификации [Trimborn: 388]. Рифеншталь не признавала вменяемых ей обвинений в том, что она была «путчицей» нацистов и убеждала немцев встать под их знамена [Пленков: 374]. Впоследствии режиссер всячески отрицала свое пособничество режиму и пыталась стереть с себя клеймо главной пропагандистки Третьего рейха. С этой целью она давала многочисленные интервью, а также издала мемуары. Несмотря на то, что Рифеншталь подчеркивала в воспоминаниях свое подчиненное положение и отсутствие выбора – фюреру нельзя было отказать, она писала их уже после войны и нескольких процессов денацификации, то есть знала, как привлечь интерес и сострадание и выставить себя жертвой гитлеровской диктатуры, а не ее пособницей [Rathkolb: 226–227].

В мемуарах, в частности, описаны трудности при работе над фильмами по заказу Гитлера. Рифеншталь заявила о своем нежелании брать заказ от партии, так как она якобы не отличает СА от СС, пожаловалась на прямое вмешательство нацистских руководителей в работу, вплоть до саботажа, и конфликт с Геббельсом. Однако Рифеншталь целенаправленно и последовательно вводит читателя в заблуждение. Ее наиболее последовательный разоблачитель – кинокритик из США Сьюзен Сонтаг – в эссе «Магический фашизм» убедительно доказала, что в многочисленных интервью Рифеншталь создала целый ряд мифов о себе. Так, известно, что Рифен-

шталь была знакома с Гитлером еще до 1932 г., почти ежедневно виделась с ним и Геббельсом, и утверждения режиссера об отсутствии близких контактов с нацистской партией несостоятельны. Косвенное подтверждение этого дают дневники Геббельса, который крайне скупое писал о Рифеншталь и ее работах, однако не отзывался о режиссере в негативном ключе. Более того, он сам предложил ей снять фильм о Гитлере, позднее получивший название «Победа веры», и Рифеншталь приняла идею с энтузиазмом [Сонтаг: 73–74]. Кроме того, Геббельс упоминал, что она находилась в хороших отношениях с его супругой Магдой. Соответственно, ни о каком конфликте Рифеншталь с партией и, в частности, с Геббельсом не может быть и речи. Кинокритик также обращает внимание на особенности эстетики и монтажа так называемых горных фильмов с участием Рифеншталь и ее первой киноленты «Голубой свет» (1932 г.), считывая в них предтечу пропагандистских лент о гитлеровской партии. Сонтаг делает окончательный вывод о лукавстве режиссера еще на одном основании – эстетике материалов фотоальбома 1973 г. «Последние из нубийцев», которая вторит эстетике ее фильмов о съездах НСДАП [Сонтаг: 90].

Фильмы о партийных съездах решали важные идеологические задачи. До приглашения Рифеншталь ими занимался отдел пропаганды НСДАП под руководством имперского фюрера молодежи рейхсляйтера Бальдура фон Шираха [Loiperdinger: 36]. Рифеншталь же вывела документалистику на новый уровень. Она искала яркие символы и образы, которые запоминались зрителю, а за монтажным столом чередовала кадры в поисках особого ритма фильма. То есть ее фильмы не являются кинохроникой в чистом виде, поскольку ставят целью заморозить зрителя и внушить ему восхищение национал-социализмом.

В декабре 1933 г. на экраны вышел первый пропагандистский фильм Рифеншталь о партийном съезде 1933 г. «Победа веры». В этой киноленте была заложена фашистская эстетика в кинематографии [Hoffmann: 143]. Премьера состоялась во дворце киностудии УФА в присутствии Гитлера и Геббельса. Основная идея фильма – это торжество движения, которое 12 лет шло к цели и наконец достигло ее. Особое внимание Рифеншталь уделила демонстрации СА – почти 27 минут фильма, длящегося всего час, занимают кадры с участием штурмовиков, показ их крупным планом или сцены маршировки. Таким способом зрителю было продемонстрировано, что штурмовики – это лицо национал-социалистического движения, что их усилиями и жертвами была достигнута окончательная победа партии.

«Победа веры» начинается с шествия по улицам Нюрнберга колонны штурмовиков. Гитлеровцы маршируют, а вслед им машут маленькие дети, которых

Рифеншталь намеренно берет крупным планом. Кроме детей штурмовиков приветствует и взрослое население Нюрнберга – они машут им или из окон домов, или с тротуаров городских улиц. Показ этих кадров занимает несколько минут фильма. Можно предположить, что подобным монтажом Рифеншталь хотела продемонстрировать следующий тезис нацистской пропаганды: штурмовики являются гарантом безопасности немецких улиц и защитниками горожан. После прихода нацистов к власти в пропаганде транслировалась идея, что штурмовики являются стражами нового государства. Таким способом в фильме была показана легитимность новой власти.

Особую роль штурмовых отрядов в нацистском движении подчеркивает то, что по правую руку от Гитлера стоит начальник штаба СА Эрнст Рём. Рифеншталь 20 раз показывает их, стоящих рядом: принимающих парад штурмовиков, обменивающихся репликами либо слушающих выступления других партийных деятелей. Тогда отношения между ними еще не были расстроены, до разгрома верхушки СА, убийства Рёма и низведения штурмовых отрядов до второстепенного института оставалось меньше года.

Немецкий историк Дэниэл Сименс отмечает, что марш колонны штурмовиков оказывал на зрителя такое же гипнотическое действие, что и выступления танцевального коллектива «Девушки Тиллера» на посетителей кабаре [Siemens: 67]. Кажущееся нелепым сходство основано на том, что Тиллер набирал в коллектив девушек схожей комплекции и внешности, усиливая красоту представления симметрией. Колонна штурмовиков так же монолитна, она характеризуется симметрией и потому эстетична. В ней нет места индивидуальности – вплоть до того, что большинство штурмовиков гладко выбриты и лишь единицы носят усы, иногда как у «фюрера». Рифеншталь уделяет особое внимание демонстрации маршей штурмовиков из-за эстетичности этого зрелища. При этом она специально делает акцент на более молодых участниках движения, транслируя нацистскому идеологему о молодости и красоте. Иногда в кадре видны более зрелые мужчины, награды на их форменных рубашках не оставляют сомнений, что они ветераны Первой мировой войны. Однако эти представители гитлеровского движения интересуют режиссера гораздо меньше, чем молодежь, и чаще всего можно заметить их на заднем плане.

Штурмовики маршируют под знакомую немецкому зрителю музыку – «Марш цесаревича Александра» Андреаса Леонхардта, «Марш Радецкого» Иоганна Штрауса, Баденвейлерский марш 1914 г. Из нацистского репертуара часто звучит песня Хорста Весселя «Знамена ввысь!», положенная на мелодию саперской песни времен Первой мировой войны «Аргоннский лес». Марши стройных рядов СА и СС

пробуждали в немцах ностальгию по временам былого величия Германии, одним из главных выражений которого являлась военная мощь, и располагали население к нацистам. При этом Гитлер отнюдь не питал симпатий к империи Гогенцоллернов, но умело манипулировал массами, играя на их чувстве ностальгии.

Еще одной составляющей «Победы веры» является демонстрация ритуалов, связанных с нацистским культом смерти. Фильм завершается церемонией почитания памяти павших за «возрождение» Германии, то есть за националистические и нацистские идеалы. Местом священнодействия гитлеровцы избрали зал Луитпольда, рядом с которым в 1929 г. был возведен так называемый Храм чести и установлен памятник погибшим борцам. Гитлер в речи перед штурмовыми и охранными отрядами, а также националистической ветеранской организацией «Стальной шлем» подводит итоги двенадцатилетней борьбы и объявляет минуту молчания в память о погибших партизанах. После этого Гитлер и Рём подходят к памятнику погибшим, а затем нацистский вождь проводит церемонию освящения знамен штурмовых отрядов.

Деградация штурмовых отрядов после разгрома руководства СА – «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 г. – заметно повлияла на следующий фильм Рифеншталь «Триумф воли» о партийном съезде 1934 г. «Триумф воли», который считается величайшей пропагандистской кинолентой, не является документальным фильмом в полном смысле этого слова. По словам Рифеншталь, нацистский вождь хотел получить не кинохронику партийного съезда, а «художественный кинодокумент» [Рифеншталь: 152]. Тем не менее режиссер стремилась избежать игровых сцен, что вылилось в конфликт с начальником канцелярии министерства рейхсвера генералом Вальтером фон Райхенау. Рейхсвер впервые принимал участие в съезде НСДАП, и Райхенау настаивал на включении в фильм соответствующих кадров. Рифеншталь считала эти кадры неудачными и наотрез отказалась отдельно снимать постановочные сцены с военными. Ее отношения с генералитетом нормализовались только в 1935 г., после появления короткометражного фильма «День свободы! – Наш вермахт!».

В «Триумфе воли» на первый план выходят охранные отряды (СС). Рост их влияния в партии и государстве демонстрируют кадры, на которых Гитлер, руководитель СС Генрих Гиммлер и другие высокопоставленные нацисты принимают парад СА и СС. При этом новый начальник штаба СА Виктор Лутце, занявший место убитого Рёма, в кадр не попал [Illustrierter Film-Kurier: 7].

На открытии съезда выступили крупные функционеры штурмовых отрядов обергруппенфюреры СА Адольф Вагнер и Фриц Рейнгард, однако звания и должности в штурмовых отрядах уже не были

для них приоритетом. Вагнер являлся гауляйтером Мюнхена – Верхней Баварии, заместителем премьер-министра, министром внутренних дел и государственным комиссаром Баварии, а Рейнгард занимал должность статс-секретаря имперского министерства финансов. Штурмовым отрядам в «Триумфе воли» посвящены две сцены: ночной митинг и смотр отрядов СА и СС. В фильме показаны те фрагменты речи Лутце во время ночного митинга и факельного шествия СА, в которых он подчеркивает, что штурмовики «всегда будут подчиняться только фюреру и сражаться за фюрера» [Triumph des Willens]. На традиционном смотре отрядов СА и СС в зале Луитпольд Лутце выступил с речью, в которой вновь подчеркнул, что верность и мужество – это главные качества штурмовика, которые СА должны доказать делом. Гитлер, выступавший после Лутце, сделал акцент на те же ценности «настоящих национал-социалистов», а также кратко упомянул события лета 1934 г. как «черный день в истории движения», не называя «ночь длинных ножей» напрямую, и утверждая, что никакого раскола в движении не было [Triumph des Willens]. Смотри завершился вручением новых штандартов СА и СС и освящением их Знаменем крови.

Итак, документальный кинофильм в нацистской Германии решал задачу создания официального нарратива об истории гитлеровского движения и власти НСДАП. Его частью были штурмовые отряды, сыгравшие решающую роль в захвате нацистами власти. Рассмотренные выше фильмы не являются объективным отражением реальности, процесс их создания был сопряжен с воспроизведением политических мифов, в том числе о мучениках движения – Альберте Лео Шлагетере и Хорсте Весселе. Целью Рифеншталь в соответствии с заказом Гитлера было создание эпического полотна о партии, поэтому называть эти фильмы строго документальными едва ли корректно. При отсутствии постановочных сцен «Победа веры» и «Триумф воли» в первую очередь – умелая операторская и монтажная работа, результатом которой стало воспевание национал-социализма. В кинолентах наблюдается динамика взаимоотношений партии и штурмовых отрядов. Если до 1934 г. СА – это политическая армия Гитлера, приведшая его к канцлерскому креслу, то после «ночи длинных ножей» – одна из организаций НСДАП, безгранично покорная фюреру, что неоднократно подчеркивается в высказываниях Гитлера и руководителя СА Виктора Лутце. После «ночи длинных ножей», ставшей рубежом истории штурмовых отрядов, в официальном нарративе партии они ушли на второй план, уступив место тезису о единстве национал-социалистического движения. Отныне каждый боец СА, будь то молодой человек или ветеран Первой мировой войны, был обязан демонстрировать одобренные партийной

верхушкой «добродетели»: слепую верность фюреру, самопожертвование, бесстрашие, негибкую волю, мужество и товарищество.

Список литературы

Источники

Рифеншталь Л. Мемуары. Москва: Ладомир, 2006. 699 с.

Illustrierter Film-Kurier. Blutendes Deutschland. Nr. 1968. 8 S.

Illustrierter Film-Kurier. Triumph des Willens. Nr. 2302. 8 S.

Triumph des Willens (Триумф воли): видеозапись / реж. Л. Рифеншталь. 1:54:00 (время воспроизведения). Германия: Universum Film AG, 1935.

Исследования

Герциштейн Р. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996. 608 с.

Древняк Б. Кинофильм Третьего рейха. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 312 с.

Сонтаг С. Магический фашизм // Под знаком Сатурна. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2024. С. 66–94.

Пленков О.Ю. Третий рейх. Арийская культура. Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева», 2005. 480 с.

Hoffmann H. Und die Fahne führt uns in die Ewigkeit. Propaganda im NS-Film. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 1988, 256 S.

Loiperdinger M. “Sieg des Glaubens” – Ein gelungenes Experiment nationalsozialistischer Filmpropaganda. Herrmann U., Nassen U. Formative Ästhetik im Nationalsozialismus. Weinheim und Basel, Beltz Verlag, 1993, S. 35–48.

Rahitkolb O. Führertreu und gottbegnadet. Künstlertreuen im Dritten Reich. Wien, Österreichischer Bundesverlag GmbH, 1991, 303 S.

Siemens D. Stormtroopers. A New History of Hitler's Brownshirts. New Heaven, London, Yale University Press, 2017, 460 p.

Trimborn J. Riefenstahl. Eine deutsche Karriere. Berlin, Aufbau Verlag, 2002, 600 S.

Welch D. Third Reich. Politics and Propaganda. London, New York, Routledge, 2002, 246 p.

References

Gertsstein R. *Vojna, kotoruju vyigral Gitler* [The War That Hitler Won]. Smolensk, Rusich Publ., 1996, 608 p. (In Russ.)

Drevnyak B. *Kinematograf Tret'ego rejha* [The Cinema of the Third Reich]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozrenie Publ., 2019, 312 p. (In Russ.)

Sontag S. *Magicheskij fashizm* [Magical Fascism]. *Pod znakom Saturna* [Under the Sign of Saturn]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2024, pp. 66–94.

Plenkov O.Ju. *Tretij rejh. Arijskaja kul'tura* [The Third Reich. Aryan Culture]. St. Petersburg, Neva Publ., 2005, 480 p.

Hoffmann H. *Und die Fahne führt uns in die Ewigkeit. Propaganda im NS-Film*. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 1988, 256 S.

Loiperdinger M. "Sieg des Glaubens" – Ein gelungenes Experiment nationalsozialistischer Filmpropaganda. Herrmann U., Nassen U. *Formative Ästhetik im Nationalsozialismus*. Weinheim und Basel, Beltz Verlag, 1993, S. 35–48.

Rahtkolb O. *Führertreu und gottbegnadet. Künstlereliten im Dritten Reich*. Wien, Österreichischer Bundesverlag GmbH, 1991, 303 S.

Siemens D. *Stormtroopers. A New History of Hitler's Brownshirts*. New Heaven, London, Yale University Press Publ., 2017, 460 p.

Trimborn J. *Riefenstahl. Eine deutsche Karriere*. Berlin, Aufbau Verlag, 2002, 600 S.

Welch D. *Third Reich. Politics and Propaganda*. London, New York, Routledge Publ., 2002, 246 p.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 24.03.2026.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ

Зверев Кирилл Александрович, доктор исторических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

Аннотация. Институциональное развитие политики памяти в Прибалтийских республиках происходило неоднородно. Первой институт национальной памяти создала в 1992 г. Литва, опираясь на польский опыт и восточноевропейские тренды. Эстонская и Латвийская модель политики памяти развивалась сходным образом вследствие сопредельной культурной близости, общности исторического контекста. Однако во второй половине 2000-х обозначились расхождения – Эстония, столкнувшись с глубоким кризисом на фоне межэтнических противоречий и диаметрально противоположных взглядов на прошлое страны в эстонской и русскоязычной среде, форсировала институциональное оформление собственной исторической памяти. Латвия же, не испытав подобного обострения «войн памяти», предпочла воздержаться от создания специализированных ведомств по регулированию вопросов исторического прошлого, тем более что негосударственное Общество музея оккупации Латвии фактически явочным порядком взяло на себя функционал института национальной памяти, патронируя и аккумулируя прогосударственную историческую политику в стране.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, Прибалтийские республики, Эстония, Латвия, Литва.

Для цитирования: Зверев К.А. Развитие институтов национальной памяти в Прибалтийских республиках // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 52–57. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-52-57>

Research Article

DEVELOPMENT OF NATIONAL MEMORY INSTITUTIONS IN THE BALTIC STATES

Kirill A. Zverev, Grand PhD in History, Associate Professor, Department of History of Kostroma State University, Kostroma, Russia, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

Abstract. The institutional development of memory policy in the Baltic states has been uneven. Lithuania was the first to establish a national memory institute in 1992, drawing on Polish experience and Eastern European trends. The Estonian and Latvian models of memory policy developed in a similar way due to their adjacent, cultural proximity and common historical context. However, in the second half of the 2000s, differences emerged – Estonia, faced with a deep crisis against the backdrop of interethnic contradictions and diametrically opposed views on the country's past in the Estonian and Russian-speaking parts of society, forced the institutionalisation of its own historical memory. Latvia, however, having not experienced such an exacerbation of the “memory wars”, preferred to refrain from creating specialised agencies to regulate issues of the historical past, especially since the non-governmental Society of the Museum of the Occupation of Latvia actually took over the functions of the institute of national memory, patronising and accumulating pro-state historical policy in the country.

Keywords: memory policy, historical policy, Baltic states, Estonia, Latvia, Lithuania.

For citation: Zverev K.A. Development of national memory institutions in the Baltic states. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 52–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-52-57>

Три прибалтийские республики – Эстония, Латвия, Литва, с активизацией дезинтеграционных процессов в СССР, первыми объявили о выходе из Союза и провозгласили «восстановление» собственной государственности, утраченной в результате советизации 1940 г. Коренной пересмотр исторических оценок в 1990-е здесь был тесно связан с внешне- и внутривластной повесткой по выстраиванию отношений с западными партнёрами, демонтажем советских органов власти и созданием новой модели национальной государственности. Всё это потребовало координации и консолидированного подхода к историческому прошлому, обоснованию необходимости и правильности выбранного вектора развития через создание особой структуры, координирующей местную политику памяти. В данной статье мы анализируем развитие институтов национальной памяти или организаций, их заменяющих, в Эстонии, Латвии, Литве.

Обращение к прошлому, необходимость выработки консолидированной оценки периода новейшей истории характерна для всех государств, переживших коренной слом прежней политической и социально-экономической модели развития. Особенно выражено данная потребность возникла в 1990-е гг. в странах Восточной Европы, в том числе и в странах Балтии, в связи с крушением социалистического лагеря. Специальные ведомства, координирующие оценку событий недавнего прошлого, возникли в Чехии, Венгрии, Польше и других государствах. Наиболее институционально выстроенный механизм исторической политики продемонстрировала именно официальная Варшава. Так, здесь ещё с 1945 г. действовала «Главная комиссия по исследованию немецких преступлений в Польше», в 1984 г. переименованная в «Главную комиссию по исследованию гитлеровских преступлений в Польше – Институт национальной памяти», а с 1991 г. – в «Главную комиссию по исследованию преступлений против польского народа – Институт национальной памяти». С 1990-х, как понятно из названия, сфера интересов ведомства была расширена и на период существования Польской Народной Республики. Именно данная комиссия и будет преобразована в 1998 г. в Институт национальной памяти – Комиссию по расследованию преступлений против польского народа (пол. Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu) с целой структурой архивов, отделений и широкой сферой деятельности.

Именно польский опыт и оказался востребован в Прибалтийских республиках. В силу сопредельной близости, активных политических, социально-экономических и культурно-исторических контактов Литва первой из стран Балтии занялась институциональным оформлением собственной исторической политики,

во многом с оглядкой на соседнюю Варшаву. Уже в октябре 1992 г. здесь появился «Государственный центр исследования геноцида жителей Литвы» (современное название – Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы) [Центр], оформленный принятием соответствующих законов [Dėl Lietuvos]. Само название данной организации говорит о её позиции в отношении советского прошлого Литвы, а также об отсутствии стремления к какому-либо объективному исследованию прошлого. Институциональное и законодательное оформление нового независимого государства на принципах исторической преемственности к республике межвоенного периода сразу же поставило вопрос о необходимости, с одной стороны, выработки консолидированного подхода к историческому прошлому литовского народа, с другой – обоснования необходимости и правильности осуществляющихся перемен, то есть обеспечения лояльного отношения к новой литовской действительности. Данные цели и были поставлены перед упомянутой организацией.

Ещё в ходе обсуждения законопроекта о создании данного учреждения было принято решение о передаче центру документов КГБ Литовской ССР и других свидетельств нарушения прав человека в Советском Союзе [Seimo]. Уже на этапе обсуждения структуры и задач Центра исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы у парламентариев возникли сомнения в том, насколько научной будет работа центра с этими документами [Seimo]. Но, очевидно, победили политические мотивы, видевшие в данном учреждении вовсе не научный, а идеологический потенциал, реализующий основные тезисы государственной исторической парадигмы. Об этом свидетельствуют хотя бы задачи центра, обозначенные в 4-й статье закона о Центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы от 1997 г.: «Задачами Центра являются восстановление исторической правды и справедливости, изучение проводимого оккупационными режимами в 1939–1990 гг. физического и духовного геноцида населения Литвы и его сопротивления этим режимам, увековечение памяти борцов за свободу и жертв геноцида, инициирование правовой оценки последствий оккупации. Центром также изучаются политика, проводившаяся оккупационным режимом в 1920–1939 гг. в Вильнюсском крае, а также процессы сопротивления ей» (цит. по: [Закон]).

Структура Центра представлена следующими ведомствами:

1. Департамент исследования геноцида и сопротивления (передан архив КГБ Литовской ССР).
2. Мемориальный департамент с Музеем жертв геноцида, переименованным в 2018 г. в Музей оккупации и борьбы за свободу и мемориальным комплексом в поместье Тускуленай (в советский период

использовалось как место захоронения расстрелянных за политические преступления).

3. Отдел особых исследований [Центр].

Помимо прочего, Центр исследования геноцида и резистенции жителей Литвы занимается экспертной деятельностью по вопросам литовской политики памяти, издательской и образовательной деятельностью, аккумулируя основные проправительственные трактовки прошлого. Основополагающее внимание уделяется именно советскому периоду истории Литвы.

Таким образом, именно данный центр, исполняя роль Литовского института памяти, был призван «обличать» действия советской, польской, в меньшей степени немецкой стороны в Литве, а также координировать и направлять местную государственную историческую политику, фактически являясь больше пропагандистским, нежели научным учреждением.

Если обратиться к эстонскому опыту, то прообразом института национальной памяти явилась Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности (IKUERK, также известная как комиссия Макса Якобсона), созданная президентом Леннартом Мери в 1998 г. [Эстонский институт]. Задачи комиссии не были чётко прописаны, но фактически сводились к расследованию преступлений против населения Эстонии в период Второй мировой войны и «советской оккупации». Идеи создания учреждения, подобного литовскому Центру исследований геноцида или польскому Институту национальной памяти, в Эстонии обсуждались, но не были в центре политических дискуссий. Коренным образом ситуацию изменили события «бронзовых ночей» апреля 2007 г., когда демонтаж памятника советским воинам – «освободителям Таллина» (так называемый Бронзовый солдат) стал причиной массовых беспорядков русскоязычного населения в эстонской столице и на северо-востоке страны. Данные события продемонстрировали наличие в республике этнонационального раскола и диаметрально противоположных точек зрения на события Второй мировой войны у эстонской и русскоязычной части общества, явившись в том числе и столкновением памяти эстонцев и русских о событиях Второй мировой. В стране активизировались общественно-политические дискуссии на исторические темы и о необходимости объяснения, разъяснения, популяризации эстонского взгляда на прошлое. Итогом данных дискуссий стало решение президента Томаса Хендрика Ильвеса об учреждении Эстонского института памяти в 2008 г. Однако перед институтом, в отличие от упомянутой выше комиссии, была поставлена вполне конкретная цель – «дать гражданам Эстонии подробный и объективный обзор положения с правами человека в Эстонии во время оккупации

Советским Союзом. Институт не является правозащитным органом или судом. Из его открытий не вытекает никаких правовых последствий. Скорее, цель института состоит в выявлении событий и обстоятельств, которые указывают на нарушение прав человека в рассматриваемый период времени. Планируется создание достоверной базы данных, которая позволила бы изучить происходившие в советское время в Эстонии процессы, а также их следы в современном эстонском обществе и во всей Центральной и Восточной Европе начиная с момента распада Советского Союза. Это результат исследовательской деятельности института и одновременно его вклад в международную дискуссию на данную тему» (цит. по: [Эстонский институт]).

Таким образом, здесь мы видим намерение официального Таллина перенести «центр тяжести» государственной исторической политики с оценки событий Второй мировой войны, раскалывающих общество, на весь период существования Эстонской ССР, а также стремление к популяризации данных оценок в широких слоях. Наиболее заметным итогом более чем пятнадцатилетней деятельности Института памяти стало создание Мемориала жертвам коммунизма в 2018 г., реконструкция Музея оккупации, а также создание и открытие к 2025 г. одного из крупнейших в мире Международного музея памяти жертв коммунизма в бывшем батарейном тюремном комплексе на берегу Таллинского залива [Проект]. В отличие от польского и литовского аналогов, эстонский институт национальной памяти не концентрирует в себе какие-либо архивные материалы, не обладает экспертной или какой-либо правовой прерогативой, но является исследовательским и просветительским центром, хотя и весьма предвзятым, сосредотачивающим основное внимание на репрессивной политике СССР. Однако роднит его с упомянутыми учреждениями управление Музеем оккупации, издательская, просветительская деятельность и создание мемориальных комплексов, обличающих преступления коммунизма.

Латвия – единственная из трёх прибалтийских республик, где не возникло собственного института национальной памяти по примеру Литвы или Эстонии. Местная политика памяти и исторический дискурс в целом здесь развивались сходным образом с эстонским в силу сопредельной близости и схожих условий исторического развития. Так, в 1998 г. президент страны Гунтис Улманис принял решение о создании специальной «Комиссии по оценке последствий тоталитарного режима при президенте Латвийской Республики», состоявшей из 11 профессиональных историков. Было создано пять рабочих групп с пятью основными направлениями исследований истории Латвии XX в.:

1. Создание и консолидация Латвийского государства;
2. Первая советская оккупация. Преступления против человечности на территории Латвии в 1940–1941 гг.;
3. Преступления против человечности на территории Латвии во время нацистской оккупации в 1941–1944 гг.;
4. Холокост в Латвии 1941–1944 гг.;
5. Латвия в составе Советского Союза 1944–1990 гг. [Vēsturnieku].

Согласно положению о комиссии от 1999 г., фиксировалось, что «Комиссия историков является международным коллегиальным учреждением без прав юридического лица. Комиссия координирует, поддерживает и поощряет углубленные исследования и разъяснения вопросов истории Латвии XX в., связанных с преступлениями против человечества, совершенными тоталитарными режимами, и последствиями этих преступлений в Латвии.

Целями деятельности Комиссии являются: 1) способствовать изучению истории Латвии XX в., уделяя особое внимание анализу и оценке оккупации двух тоталитарных стран: коммунистического СССР и национал-социалистической Германии – и преступлений против человечности, совершенных этими странами; 2) способствовать разъяснению результатов исследований гражданам Латвии и международному сообществу; 3) способствовать привлечению молодых историков к исследованию исторических проблем XX в. (цит. по: [Vēsturnieku]).

Из приведённых данных очевидно, что и в Латвии внимание проводников местной политики памяти сконцентрировано практически исключительно на советском прошлом и его тенденциозном освещении. Фактически деятельность комиссии свелась к исследовательской работе, организации научных конференций и изданию исторической литературы. В отличие от соседней Эстонии, данная организация не стала промежуточным этапом в создании Латвийского института национальной памяти. По нашему мнению, данный факт можно объяснить тем обстоятельством, что Рига избежала обострения войн памяти подобно эстонским событиям «Бронзовых ночей» апреля 2007 г., которые и стали отправной точкой в развитии политики памяти официального Таллина (о чём речь шла выше). Поэтому исторические дискуссии в Латвии были отодвинуты на второй план более насущными проблемами – финансово-экономическим кризисом 2008 г., переводом русских школ на латвийский язык обучения и др. Тем не менее упомыная Комиссия уже не могла отвечать изменяющимся реалиям, и институциональное развитие латвийской политики памяти продолжилось, выразившись в создании в 2009 г. Общества

по изучению оккупации Латвии (Latvijas okupācijas izpētes biedrība – LOIB). Данная организация продолжила расследование преступлений тоталитарных режимов, а также занялась подсчётом материального ущерба, нанесённого Латвии «советской оккупацией» [Орешина: 39–42].

Однако в случае с Латвией следует отметить роль Общества музея оккупации Латвии, структуры которого и являются своеобразным негосударственным институтом национальной памяти. В 1993 г. в центре Риги, в бывшем здании музея латышских красных стрелков, открылся Музей оккупации Латвии. Экспозиция Музея повествует не только о «советской оккупации», но и о фашистской оккупации Латвии в 1941–1944 гг. Однако большая часть стендов и материалов посвящена именно советскому периоду, а также вся тональность музея призвана поставить знак равенства между Советским Союзом и Третьим рейхом, демонстрируя большую жестокость именно советской репрессивной машины [История].

Официально музей является негосударственной структурой, но в его стенах проходят регулярные экскурсии и занятия для школьников со всей Латвии, официальные делегации из-за рубежа также регулярно посещают данное заведение, государство выделяет миллионы на его развитие и расширение [Дьяконова]. Сотрудники музея оккупации входят в состав отмеченных выше Комиссии по оценке последствий тоталитарного режима при президенте Латвийской Республики и Общества по изучению оккупации Латвии. Согласно имеющимся учредительным документам, главными инициаторами появления Музея оккупации стали эмигрантские круги – представители латвийской диаспоры США, Канады, Австралии [История]. Напомним, что данные диаспоры сформировались в послевоенный период из числа лиц, бежавших из страны в 1944 г., на фоне советского контрнаступления в Латвии. Именно эмигрантские круги были в большей степени заинтересованы в принципе исторической правопреемственности современного Латвийского государства по отношению к республике межвоенного периода и интерпретации периода существования Латвийской ССР как «советской оккупации». Данный демарш позволял эмигрантам восстановить утраченное латвийское гражданство, претендовать на национализированную собственность и оправдать борьбой за независимость собственную антисоветскую деятельность и в некоторых случаях – сотрудничество с нацистами [Зверев]. Общество музея оккупации Латвии помимо управления собственно музеем ведёт издательскую и просветительскую деятельность по популяризации официальной латвийской исторической концепции внутри страны и за рубежом [Рислакки].

В последнее время всё отчётливее среди латвийских политиков звучат голоса о необходимости соз-

дания института исторической памяти по примеру Польши, который должен координировать государственную историческую политику [В Латвии; Стенограмма]. Но на данный момент (2026 г.) окончательное решение по данному вопросу ещё не принято.

Таким образом, подводя итог анализу развития институтов национальной памяти или организаций, их заменяющих, в Прибалтийских республиках, необходимо отметить первенство Литвы как в институциональном, так и законодательном оформлении поля исторического дискурса. По нашему мнению, в силу сопредельной близости официальный Вильнюс оказался более восприимчив к польскому опыту и восточноевропейским трендам в целом в вопросах создания институтов национальной памяти. Для Литовского государства отсылка к историческому прошлому играла весомую роль хотя бы по причине необходимости отстаивания литовского характера Виленщины в ответ на притязания польских консерваторов. Эстонская и Латвийская модели политики памяти развивались сходным образом вследствие сопредельной культурной близости, общности исторического контекста. Однако во второй половине 2000-х (в 2007 г.) обозначились расхождения: Эстония, столкнувшись с глубоким кризисом на фоне межэтнических противоречий и диаметрально противоположных взглядов на прошлое страны в эстонской и русскоязычной среде, форсировала институциональное оформление собственной исторической памяти. Латвия же, не испытав подобного обострения «войн памяти», предпочла воздержаться от создания специализированных ведомств по регулированию вопросов исторического прошлого, тем более что негосударственное Общество музея оккупации Латвии фактически явочным порядком взяло на себя функционал института национальной памяти, патронируя и аккумулируя прогосударственную историческую политику в стране. Вместе с тем, по нашему мнению, создание институтов национальной памяти в Литве и Эстонии поспособствовало проведению более системной исторической политики в данных государствах. Данная системность выразилась в создании более чёткой, нежели в Латвии, концептуальной основы, законодательной базы, а также новых музейных и мемориальных пространств.

Список литературы

Источники

Закон о Центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы // *Vedomosti Litovskoi Respubliki*. 1997-09-10. № 25-288. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.43653> (дата обращения: 03.06.2025).

Проект музея 2025 // Эстонский институт исторической памяти: сайт. URL: <https://patareiprison.org/et/muuseum-2025/projektist> (дата обращения: 18.10.2024).

org/et/muuseum-2025/projektist (дата обращения: 18.10.2024).

Стенограмма заседания осенней сессии 12-го Сейма Латвийской Республики от 20 сентября 2018 г. = *Latvijas Republikas 12. Saeimas rudens sesijas trešā sēde 2018 gada, 20 septembrī* // *Latvijas Republikas Saeima*. URL: <http://saeima.lv/lv/transcripts/view/493?phrase=v%C4%93sturisk%C4%81s+atmi%C5%86as+instit%C5%ABta+izveido%C5%A1ana+p%C4%93c+Polijas+piem%C4%93ra> (дата обращения: 03.06.2025).

Dėl Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centro įstatymo įgyvendinimo tvarkos = О порядке применения Закона о Литовском центре исследований геноцида и сопротивления // Сейм Литовской Республики: сайт. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.5562?jfwid=73odxtmel> (дата обращения: 03.06.2025).

Seimo vakarinis neeilinis posėdis: stenograma Nr. 2 (1992-10-29) = Стенограмма № 2 вечернего заседания Сейма от 29.10.1992 // Сейм Литовской Республики: сайт. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAK/TAIS.251744> (дата обращения: 03.06.2025).

Vēsturnieku komisijas nolikums // *Latvijas Vēstnesis*. 07.05.1999. № 141/142. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/24155> (дата обращения: 03.06.2025).

Исследования

В Латвии предложили на бюджетные деньги создать научный институт, изучающий годы оккупации // *rus.DELFI.lv*. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/v-latvii-predlozhili-na-byudzhetnyedengi-sozdat-nauchnyj-institut-izuchayuschij-gody-okkupacii.d?id=50084937> (дата обращения: 08.09.2019).

Дьяконова А. Расширение Музея оккупации начнётся осенью // *Latvijas Sabiedriskie Mediji*. URL: <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/obschestvo/rasshirenie-muzeja-okkupacii-nachntsja-osenyu.a139671/> (дата обращения: 27.08.2019).

Зверев К.А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // *Всеобщая история*. 2020. № 3. С. 3–13.

Зверев К.А. Политика памяти в Прибалтике в условиях формирования национальной государственности в 1991–2000-е годы: монография. Кострома: Костромской государственный университет, 2024. 263 с.

История музея // *Latvijas Okupācijas muzejs*. URL: <https://okupacijasmuzejs.lv/lv/par-muzeju> (дата обращения: 03.06.2025).

История оккупации Латвии // *Latvijas Okupācijas muzejs*. URL: <https://vecais.okupacijasmuzejs.lv/ru/istorija-okkupacii-latvii/1-sovjetskaja-okkupacija/> (дата обращения: 03.06.2025).

Орешина М.А. Прибалтийские «мозговые центры» в рядах фальсификаторов российской истории // *Военно-исторический журнал*. 2012. № 7. С. 39–42.

Рислакки Ю. Манипуляции фактами: латвийский вариант: четырнадцать острых вопросов и прямых ответов / пер. с финск. яз. Г. Муравина. Рига: Jumava, 2011. 283 с.

Центр исследований геноцида и резистенции жителей Литвы: сайт. URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (дата обращения: 03.06.2025).

Эстонский институт исторической памяти: сайт. URL: <http://mnemosyne.ee/> (дата обращения: 03.06.2025).

Эстонский институт памяти // Президент Эстонской Республики: сайт. URL: <https://www.president.ee/ru/president/institutions/1023-2010-10-04-12-59-06/5079-2010-10-04-13-53-56/layout-institution.html> (дата обращения: 03.06.2025).

Latvijas Okupācijas muzejs = Музей оккупации Латвии: сайт. URL: <https://okupacijasmuzejs.lv/> (дата обращения: 03.06.2025).

Vēsturnieku komisija // Президент Латвийской Республики: сайт. URL: https://www.president.lv/lv/vesturnieku-komisija?utm_source=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 03.06.2025).

References

Centr issledovanių genocida i rezistencii žhitelej Litvy: *sajt* [Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania: website]. URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (access date: 03.06.2025). (In Russ.)

D'yakonova A. *Rasshirenie Muzeja okkupacii nachnyotsya osen'yu* [Expansion of the Occupation Museum will begin in the fall]. *Latvijas Sabiedriskie Mediji*. URL: <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/obschestvo/rasshirenie-muzeja-okkupacii-nachntsja-osenyu.a139671/> (access date: 27.08.2019). (In Russ.)

E`stonskij institut istoricheskoy pamyati: *sajt* [Estonian Institute of Historical Memory: website]. URL: <http://mnemosyne.ee/> (access date: 03.06.2025). (In Estonian)

E`stonskij institut pamyati [Estonian Institute of Memory]. *Prezident E`stonskoj Respubliki: sajt* [President of the Republic of Latvia: website]. URL: <https://www.president.ee/ru/president/institutions/1023-2010-10-04-12-59-06/5079-2010-10-04-13-53-56/layout-institution.html> (access date: 03.06.2025). (In Estonian)

Istoriya muzeja [History of the Museum]. *Latvijas Okupācijas muzejs*. URL: <https://okupacijasmuzejs.lv/lv/par-muzeju> (access date: 03.06.2025). (In Latvian)

Istoriya okkupacii Latvii [History of the occupation of Latvia]. *Latvijas Okupācijas muzejs*. URL: <https://vecais.okupacijasmuzejs.lv/ru/istorija-okkupacii-latvii/1-sovjetskaja-okkupacija/> (access date: 03.06.2025). (In Latvian)

Latvijas Okupācijas muzejs = Muzejs okkupacii Latvii: sajt [Museum of the Occupation of Latvia: website]. URL: <https://okupacijasmuzejs.lv/> (access date: 03.06.2025). (In Latvian)

Oreshina M.A. *Pribaltijskie «mozgovy`e centry`» v ryadax fal`sifikatorov rossijskoj istorii* [Baltic “think tanks” in the ranks of falsifiers of Russian history]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], 2012, no. 7, pp. 39–42. (In Russ.)

Rislakki Yu. *Manipulyacii faktami: latvijskij variant: chety`rnadzat` ostry`x voprosov i pryamy`x otvetov* [Manipulation of facts: Latvian version: fourteen sharp questions and direct answers]. Riga, Jumava Publ., 2011, 283 s. (In Latvian)

Vēsturnieku komisija [Commission of Historians]. *Prezident Latvijas Respubliki: sajt* [President of the Republic of Latvia: website]. URL: https://www.president.lv/lv/vesturnieku-komisija?utm_source=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (access date: 03.06.2025). (In Latvian)

V Latvii predlozhili na byudzhety`e den`gi sozdat` nauchny`j institut, izuchayushhij gody` okkupacii [In Latvia, they proposed to create a scientific institute studying the years of occupation using budget money]. *rus.DELFI.lv*. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/v-latvii-predlozhili-na-byudzhetye-dengi-sozdat-nauchnyj-institut-izuchayushhij-gody-okkupacii.d?id=50084937> (access date: 08.09.2019). (In Russ.)

Zverev K.A. *Politika pamyati v Pribaltike v usloviyax formirovaniya nacional`noj gosudarstvennosti v 1991–2000-e gody`*: monografiya [Politics of Memory in the Baltics in the Context of the Formation of National Statehood in the 1991–2000s: monograph]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2024, 263 p. (In Russ.)

Zverev K.A. *Formirovanie oficial`noj istoricheskoy paradigmy` nezavisimoy Litvy`* [Formation of the official historical paradigm of independent Lithuania]. *Vseobshhaya istoriya* [General History], 2020, no. 3, pp. 3–13. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 01.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 01.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.

ПРОБЛЕМЫ СРАВНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ МИССИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ¹

Терентьев Владислав Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, vlad33@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1258-6865>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу католической и православной миссий в современной Монголии – стране, население которой исповедует преимущественно буддизм, шаманизм либо является носителем синкретических идей. Отдельно рассматривается сама теоретическая возможность осуществления подобного сопоставления. В центре исследования – методы и подходы Римско-католической и Русской православной церквей, действующих в сложном культурно-религиозном контексте. Описываются общие черты миссий: просветительская и благотворительная деятельность, принцип инкультурации, усилия по преодолению языкового барьера. При этом также выделяются ключевые различия: масштаб присутствия, систематичность катехизации, миссия в сельской местности у католиков, а у православных – внутренняя миссия, направленная на обращение и воцерковление русскоязычной диаспоры. Приводятся выводы, согласно которым количественные показатели (число обращенных, материально-финансовые и человеческие ресурсы) не могут служить адекватным отображением успеха. Более продуктивно анализировать качественные аспекты миссионерских стратегий, их адаптацию к местным условиям и уникальный опыт католической и православной миссий в Монголии.

Ключевые слова: Монголия, Улан-Батор, Русская православная церковь, Римская католическая церковь, проповедь, миссиология, миссия.

Для цитирования: Терентьев В.И. Проблемы сравнения православной и католической миссий в современной Монголии // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 58–64. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-58-64>

Research Article

ISSUES OF COMPARING ORTHODOX AND CATHOLIC MISSIONS IN CONTEMPORARY MONGOLIA

Vladislav I. Terentyev, PhD in History, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, vlad33@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1258-6865>

Abstract. This article presents a comparative analysis of Catholic and Orthodox missions in contemporary Mongolia, where the population is predominantly Buddhist, shamanistic, or adheres to syncretic ideas. It also examines the theoretical feasibility of such a comparison. The study focuses on the methods and approaches of the Roman Catholic Church and Russian Orthodox Church, operating in a complex cultural and religious context. Common features of these missions are described: educational and charitable activities, the principle of inculturation, and efforts to overcome the language barrier. Key differences are also highlighted: the scale of presence, the systematic nature of catechesis, and the rural mission of the Catholic Church, while the Orthodox Church focus on internal missions aimed at converting and bringing the Russian-speaking diaspora into the Church. The article concludes that quantitative indicators (number of converts, material, financial, and human resources) cannot adequately reflect success. It would be more productive to analyse the qualitative aspects of missionary strategies, their adaptation to local conditions, and the unique experience of Catholic and Orthodox missions in Mongolia.

Keywords: Mongolia, Ulaanbaatar, Russian Orthodox Church, Roman Catholic Church, sermon, missiology, mission.

For citation: Terentyev V.I. Issues of comparing Orthodox and Catholic missions in contemporary Mongolia. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 58–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-58-64>

Организация и осуществление миссионерской работы является одним из основополагающих направлений деятельности христианской Церкви. Миссия в идеале и согласно основам вероучения должна быть не просто делом профессионалов, но обязана стать образом жизни как духовенства, так и мирян. Например, в соответствующей Концепции РПЦ 2007 г. миссия определяется как «проповедь для пробуждения веры», которая «присуща самой природе Церкви» [Концепция].

Несмотря на расхождение в исторической ретроспективе православия и католичества, миссионерские пути представителей двух ключевых направлений христианства нередко пересекаются, и порой – в довольно интересных с практической точки зрения местах. Таким пространством встречи двух миссий («миссионерским полем» согласно [Концепция]) является Монголия – страна, 87,1 % населения которой (старше 15 лет), по данным переписи населения и домохозяйств от 2020 г., официально исповедует буддизм, что в абсолютных цифрах составляет примерно половину всех жителей 3,5-миллионной страны [2020 Population: 62]. Также сюда добавляется небольшой процент шаманистов, мусульман (практически все исповедующие являются небольшой монголоязычной группой хотонов и казахами, компактно проживающими на западе страны) и христиан-протестантов (с недавнего времени). В Монголии нередко на практике приходится сталкиваться с проявлением, скорее, религиозного буддийско-шаманистского синкретизма и наследия атеистической эпохи.

В феврале 2016 г. в Устав РПЦ решением Архиерейского собора были внесены изменения, согласно которым Монголия была включена в состав канонической территории РПЦ. Данное дополнение доказывалось и историческим нахождением Внешней Монголии в сфере влияния Российской империи, и современностью: с начала 1990-х гг. ни одна из поместных православных церквей, кроме Русской, ни отправила своих миссионеров в Монголию. Все это свидетельствует об особом отношении РПЦ к миссии в Монголии.

Кроме того, придание территории Монголии по католической административно-территориальной системе деления в 2002 г. статуса апостольской префектуры, включение вместе с Афганистаном территории Монголии в октябре 2021 г. в Конференцию католического епископата стран Центральной Азии (наряду с уже состоявшими здесь пятью бывшими советскими среднеазиатскими республиками), возведение в 2022 г. местного католического епископа Джорджо Маренго в сан кардинала и первый исторический визит в Монголию Папы Римского Франциска в сентябре 2023 г. свидетельствуют о важности Монголии и для РКЦ.

Монголы, за исключением отдельных встреч с несторианством, православием и католичеством в период существования Монгольской империи, преимущественно не были знакомы с христианством, не испытали влияния христианской культуры, имеют и в настоящее время слабое представление о Едином Боге (отсюда сложность перевода на монгольский язык таких основополагающих слов, как «Бог» и «Господь»). Кроме того, в Монголии традиционно довольно специфически интерпретируют идею Бога-Творца, нередко вплетая образ Богочеловека Иисуса Христа в локально сложившийся здесь пантеон буддийских божеств и многообразных духохранителей местности. Немалую роль в осмыслении образа Христа, далекого от ортодоксальности, играют уже сами христианские миссии (в особенности представители протестантских деноминаций) и квазихристианские течения (мормоны, иеговисты). Как отмечали сами католические священники в беседах с автором, для большинства населения Монголии идея жертвенного служения и жертвы как таковой, воплощенная Христом, чужда, что служит крепким основанием для обращения современных монголов к неохаризматам и псевдохристианским направлениям: «В массе монголам сложно истолковать смысл жертвы, которую принес Христос, про сущность и смысл страданий Богочеловека, поскольку практически каждый из местных говорит нам, что хочет быть успешным, заполучить что-то. Они не понимают, как можно достичь успеха, следуя по крестному пути Христа...» [ПМА 1].

В данной статье будет рассмотрена сама теоретическая возможность сравнения христианских миссий – католической и православной. Для достижения данной цели уместно проанализировать как универсальные черты, так и различия в методах и подходах, применяемых сегодня на практике католиками и православными в процессе своей миссионерской деятельности. Такое сопоставление дает возможность провести сравнение двух миссий в общих чертах, избегая очевидной поверхностной констатации колоссально различающегося у РПЦ и РКЦ в Монголии материально-финансового, технического обеспечения и кадрового ресурса, а также наличия дипломатического статуса².

Исследование построено в русле антропологии религии и базируется преимущественно на материалах включенного наблюдения автора и бесед с представителями католического и православного духовенства, проводившихся в Улан-Баторе в 2016–2022 гг., в период постоянного проживания автора в столице Монголии [ПМА 1; ПМА 2]. В историографическом плане работ, посвященных вопросам католической и православной миссий в Монголии, не так много. Уместно упомянуть публикации как светских авто-

ров, извне описывающих общую ситуацию [Алексеева, Бадмацыренов, Васильева; Дансарунова, Бадмацыренов; Дьяченко; Михалёв; Сабилов; Цэдэв; Kemp], так и священнослужителей, в том числе и тех, кто непосредственно занимался миссией в Монголии и осмыслял личный опыт [Гусев, Терентьев; Корниенко, Плеханова; Трубац; Marengo]. Также отдельным блоком выделяются публикации по новейшей истории РПЦ и РКЦ в Монголии [Дьяченко; Терентьев 2023а; 2023б; 2024; Kemp; Marengo]. За исключением отдельных разделов монографии священника Н. Корниенко (в соавторстве с А.М. Плехановой) и работы монгольского кардинала Джорджо Маренго «Шепот Евангелия в сердце Монголии» (с подзаголовком «Миссионерские размышления о евангелизации в Монголии») в историографии практически нет подробных сюжетов, посвященных именно проблеме осуществления миссионерской деятельности РПЦ и РКЦ, а также самой возможности их теоретического сравнения.

К настоящему времени в стране зарегистрирован один православный приход во имя Святой Троицы с одним священником. РКЦ представлена 10 приходами (кафедральный собор + 5 приходов в столице, остальные – в провинции), 25 священнослужителями (двое из которых – монголы, рукоположены в августе 2016 г. и в октябре 2021 г.) и 1 кардиналом-епископом. Кроме того, в число католической миссии входит порядка 65 штатных миссионеров (монашествующих и мирян), также вовлечено большое количество волонтеров, как местных, так и иностранных.

Среди общих черт в миссионерской деятельности РПЦ и РКЦ следует выделить стремление к просветительской и образовательной деятельности, осуществляемое через открытие учебных заведений: от единственного культурно-просветительского центра при православном приходе до целой разветвленной сети образовательных учреждений вплоть до технического колледжа при католическом кафедральном соборе во имя святых апостолов Петра и Павла³. К общим чертам также относится принцип инкультурации, строительство новых храмов, регистрация приходов и осуществление уставной богослужебной деятельности. Также особую роль играет гуманитарная и благотворительная помощь, оказываемая Свято-Троицким храмом и приходами РКЦ людям в Монголии независимо от их конфессиональной принадлежности.

Говоря про уставные богослужения, необходимо отметить, что католическая месса полностью переведена на монгольский язык, православная литургия – частично. Клирики стараются овладеть государственным языком страны пребывания как минимум на разговорном уровне. Именно языковой и культурный барьер становится одной из причин активно-

го привлечения мирян к миссионерскому служению, что свойственно и католикам, и православным. И те и другие участвуют в межконфессиональном диалоге и в официальных встречах с общественно-политическими деятелями. Если во время встреч с представителями иных конфессий и должностными лицами Монголии католические и православные клирики свидетельствуют о Христе, то их участие в данных мероприятиях определенно можно отнести к миссионерской деятельности.

Успешная проповедь за рубежом требует следования фундаментальным миссионерским принципам, что видно на примере деятельности РКЦ и РПЦ в Монголии. В то же время каждая из Церквей накопила здесь свой ценный и уникальный опыт, на который стоит обратить внимание при дальнейшем планировании миссии.

Католическая миссия в Монголии с 1990-х гг. отличалась от православной активной деятельности в сельской местности, сочетая оседлое служение с кочевым образом жизни среди местного населения. Эта «степная миссия» естественным образом, через преподавание языка и благотворительность, подводила к евангельской проповеди. Сегодня данную традицию продолжает масштабная гуманитарная работа католиков, хотя её миссионерская эффективность не всегда высока. Ещё одним отличием является подход к катехизации. Католическая церковь проводит систематическую двухгодичную подготовку к крещению. В православной же практике этот срок варьируется от месяца до года и зависит от готовности человека. Катехизацию здесь обычно ведёт лично настоятель прихода, а обязательным условием является регулярное участие в богослужениях.

Рассмотрев на конкретных отдельных примерах качественные сравнительные показатели двух миссий (более детальная картина представлена в наших предыдущих публикациях [Терентьев 2023а; 2023б]), остановимся более подробно на вопросах, с которыми сталкивается исследователь в процессе компаративного анализа показателей так называемой «успешности» христианских миссий. На каком основании можно проводить сравнение результатов двух миссий? Можно ли брать за критерий для сравнения в случае с Монголией численность обращенных, масштабы проповеди и изначальную финансово-экономическую и материальную базу? И в каком случае можно говорить об успехе или неуспехе миссии?

В контексте рассуждений о количественных характеристиках нередко одним из важнейших показателей православной миссии в Монголии, по мнению некоторых авторов, является количество местных жителей, обращенных в веру. В этом отношении у православных и католиков в Монголии ситуация сложилась по-разному.

Так, при настоятельстве о. Алексея Трубача (2005–2019 гг.) из местного населения было крещено чуть более 60 человек. Причем за первые 5 лет своего служения о. Алексей крестил только 25 человек, 15 из них на то время регулярно посещали богослужения [Зарудный]. Для Монголии факт обращения в православие исключительно местного населения, вероятно, не может считаться демонстрацией успеха или неуспеха миссионерской деятельности, поскольку крещение тех, кто считал себя «православными по умолчанию» (преимущественно это русскоязычные граждане, проживающие в Монголии), так же как и обращение/возвращение в католичество выходцев из католических стран, обычно не рассматривается в специальной литературе как миссионерская деятельность.

Поэтому ключевым результатом миссионерской деятельности РПЦ в Монголии есть ее «внутренняя направленность» – воцерковление уже крещеных русскоязычных жителей, но не вовлеченных в церковную жизнь, так и некрещеных, выросших в России. Эта задача для РПЦ особенно актуальна, учитывая подверженность данной группы местным и пришлым религиозным течениям. Потенциальными прихожанами также являются дети из русских и смешанных семей, принявшие православие в Свято-Троицком храме. Кроме того, общину пополняют обращенные из других конфессий: протестантизма, католичества или новых религиозных движений, включая как монгольских граждан, так и иностранцев из смешанных семей.

Всего, по данным «Метрической книги о крестившихся» (которая именно в таком унифицированном и издаваемом Московской патриархией формате на приходе ведется настоятелем только с 2019 г.), с июля 2019 г. по январь 2026 г. в Свято-Троицком храме был крещен 41 человек (без указания национальности). Более ранние сведения в метрической книге отсутствуют. Подсчет численности заново воцерковленных православных на приходе не ведется даже приблизительно. На основании малого количества обращенных монголов (в сравнении с миссией РКЦ) невозможно утверждать и то, что задача православной миссии в современной Монголии не сводится к обращению только местного населения.

Применяя количественный показатель в качестве критерия сравнения миссий, можно убедиться и в незначительном числе монголов, обращенных в католичество, несмотря на огромные усилия, прилагаемые РКЦ. Как следует из собственной официальной отчетно-статистической информации Ватикана, на одного священнослужителя в Монголии в 2022 г. приходилось 55 католиков – вероятно, речь идет о католиках, обращенных из монголов. Динамика количества католиков в Монголии из местного населения, со-

гласно официальным данным, выглядит следующим образом: 2001 г. – 94 чел., 2002 г. – 114 чел., 2003 г. – 132 чел., 2004 г. – 168 чел., 2010 г. – 656 чел., 2014 г. – 919 чел., 2017 г. – 1222 чел., 2020 г. – 1354 чел., 2022 г. – 1394 чел. [Prefecture]. К настоящему времени численность католиков в Монголии варьируется в районе 1,5 тыс. чел., но и эти показатели считаются высшим католическим духовенством катастрофически недостаточными для Монголии [Терентьев 2023а: 171].

Указанное количество католиков значительно меньше проживающих в Монголии православных, которые по факту являются паствой единственного (на протяжении всей истории миссии) православного священника, но в пропорциональном сравнении, с точки зрения доли верующих на одного священника, данные вполне сопоставимы. По самым примерным подсчетам количество православных в Монголии колеблется в пределах 100. В этом случае к православным относятся крещеные и периодически посещающие богослужения люди, в особенности по большим праздникам. Количество номинально православных может быть в пределах 300–400 чел.

Стоит сказать, что РКЦ в Монголии больше действует на благотворительном и образовательном направлениях и в целом активно работает в сфере социального и гуманитарного служения, в которое вовлечено большое количество местных жителей. Данную особенность с некоторой долей сожаления отмечал в личных беседах с автором и апостольский префект Улан-Батора (с 2020 г.), кардинал (с 2022 г.) Джорджо Маренго (род. 1974 г.): увеличение числа приходов, расширение штата священнослужителей и миссионеров в Монголии не ведет к аналогичному пропорциональному расширению католической паствы [ПМА 2].

Качественные показатели – углубленность в христианстве, обретение крепкой веры – определить в краткосрочной перспективе, учитывая молодой возраст двух возрожденных миссий, невозможно и, по сути, лишено смысла. Собственно, по этой причине миссиологи (как католические, так и православные) в поисках пресловутой результативности миссии тщательно подсчитывают не только количество вновь открытых и зарегистрированных приходов, школ, рукоположений, но и число обращенных в христианство из местных. Да и сами эти цифры нередко становились и становятся украшением приходских и епархиальных отчетов.

Причем речь о цифрах всегда актуализируется в двух полярных случаях: или если обращенных очень много, как в случае с миссией равноап. Николая Японского, или если таковых крайне мало либо вовсе нет. Из последнего в качестве примера можно привести опыт 18-летней индийской миссии ар-

хим. Андроника (Елпидинского) (1894–1959 гг.), которого диакон (ныне – священник) Георгий Максимов именовал «неудачным миссионером»: «После себя он не оставил ни общины, ни даже одного человека, обращенного в Православие» [Максимов: 179].

С точки зрения евангельских основ христианства⁴ количественный показатель обращенных в православие и католичество сложно считать некими «индикаторами» искомой результативности миссии. В связи с этим известный современный православный миссионер Антоний Дулевич, руководитель миссионерского отдела Кызыльской епархии РПЦ, активно занимающийся в Республике Тыва (и, в последнее время, в западных аймаках Монголии и в Улан-Баторе) уличной и квартирной миссией, пишет: «В обязанности миссионера входит свидетельство о Христе, а не вмешательство в личную волю слушателя. Семя, посеянное миссионером, может взойти в сердце слушателя через годы... Ошибка в том, что некоторые видят плоды миссии именно в обращенных людях... Надо ждать. Не должно быть скороспелых плодов» [Дулевич: 84].

Сравнение католической и православной миссии по материально-техническому и финансово-экономическому принципам также малоосновательно, поскольку изначально у РПЦ и РКЦ в Монголии были совершенно несопоставимые бюджеты и ресурсы, в том числе и человеческие. По этой причине все результаты подобного сравнения с самого начала возникновения двух миссий в новейшей истории Монголии были предопределены.

Таким образом, миссионерская деятельность РПЦ и РКЦ в современной Монголии демонстрирует как общие черты (просветительская работа, принцип инкультурации, благотворительность), так и существенные различия в масштабах, методах и подходах к катехизации. Количественные показатели, а именно число обращенных местных жителей, не могут служить объективным критерием для сравнения «успешности» миссий, так как и католики, и православные иерархи сталкиваются с крайне низкими темпами роста паствы, несмотря на значительные усилия, особенно со стороны католической миссии. В пропорциональном отношении о масштабе прилагаемых усилий можно говорить и в отношении православной Церкви: не только сама миссионерская работа, но и вся хозяйственная, административная и прочая организационная деятельность, присущая любому приходу, возложена, по сути, на одного настоятеля и исключительно ограниченный круг помощников.

Задачей православной миссии в условиях Монголии является не только обращение местного населения, но и воцерковление уже крещеных представителей русскоязычной диаспоры («православных по умолчанию»), и их последующее окормление.

Учет данной группы православных христиан не ведется. Сравнительный анализ миссий по материально-техническим или финансовым параметрам лишен смысла, поскольку уже с начала 1990-х гг. ресурсы и инфраструктура РПЦ и РКЦ в стране являлись несопоставимыми.

В целом выявление углубленности в вере как качественного показателя деятельности именно молодых миссий практически невозможно, поэтому в поисках «успешности» миссионерской работы количественные данные (число новых приходов, школ, рукоположений и обращенных местных жителей) могут только отчасти стать основой для отчетности.

Попытка определения количественно-качественных показателей при сравнении миссий РПЦ и РКЦ в Монголии не даст полной и объективной картины распространения католицизма и православия в этой стране в силу непродолжительности их активной деятельности, поэтому уместно сосредоточиться именно на выявлении общего и особенного в самой миссионерской практике двух миссий с целью взаимного использования накопленного опыта в последующей проповеди Евангелия.

Примечания

¹ Статья представляет собой развернутую публикацию доклада, сделанного автором на Первой Международной научной конференции «Странствующие боги: религии в движении», прошедшей 6–8 октября 2025 г. в ИВ РАН.

² Дипломатическим представителем Ватикана в Монголии по совместительству является Апостольский нунций (с 2024 г. – архиепископ Джованни Гаспари), резиденция которого находится в Сеуле (Республика Корея).

³ В Монголии к 2024 г. РКЦ было открыто и учреждено «1 технический колледж («Дон Боско»), 3 начальных школы, 4 детских сада, 7 детских центра дневного пребывания и иных учебных центров, 1 учебный центр для детей с ограниченными возможностями здоровья («Rainbow Center»), 1 группа продленного дня, 3 католических скаутских образовательных центра, 4 библиотеки», в деятельность которых вовлечено около 600 детей и представителей молодежи [Терентьев 2023а: 170].

⁴ См. притчи о потерянной овце, потерянной драхме и о блудном сыне в гл. 15 Евангелия от Луки.

Список литературы

Источники

Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 27.03.2007. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/91996> (дата обращения: 21.01.2026).

ПМА 1 – Полевые материалы автора: интервью с о. Стефаном Ким (Fr. Stephen Kim). 10.05.2022.

ПМА 2 – Полевые материалы автора: интервью с епископом (с 2022 г. – кардиналом) Джорджо Маренго (Giorgio Marengo, I.M.C.) в мае – июне 2021 г. и в июне – июле 2022 г.

Prefecture Apostolic of Ulaanbaatar. The Hierarchy of the Catholic Church. 28.04.2025. URL: <https://www.catholic-hierarchy.org/diocese/dulaa.html> (дата обращения: 10.01.2026).

2020 Population and Housing Census of Mongolia. Ulaanbaatar, National Statistics Office of Mongolia, 2021, 298 p.

Исследования

Алексеева М.С., Бадмацыренов Т.Б., Васильева С.В. Православная миссия в современной Монголии в контексте религиозной ситуации // Монголоведение. 2022. Т. 14, № 4. С. 670–683.

Гусев А., иер., Терентьев В.И. Состояние религиозной жизни Улан-Батора (на примере района Баянзурх) // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2020. С. 43–47.

Дансарунова С.А., Бадмацыренов Т.Б. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви: контент-анализ СМИ Бурятии // Власть. 2023. Т. 31, № 1. С. 238–245.

Дулевич А.И. Принципы миссионерской деятельности апостола Павла // Духовные ласточки. 2020. Т. 6. С. 48–89.

Дьяченко Н.В. Римско-католическая церковь в современной Монголии: между прозелитизмом и международной политикой // Ортодоксия. 2025. № 3. С. 152–173.

Зарудный П. Хоккей при церкви. Русский священник создал в Монголии клуб по хоккею с мячом и стал опекаль... сборную этой страны // Российская газета. 2010. 5 фев. URL: <https://orthedu.ru/news/1025-10.html> (дата обращения: 25.09.2025).

Корниенко Н., иер., Плеханова А.М. Русская Православная Церковь в Монголии: история и современность. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 256 с.

Максимов Г., диак. Святоотеческое понимание миссии. Москва: Православное миссионерское общество им. прп. Серапиона Кожеезерского, 2014. 192 с.

Михалёв А.В. Русская диаспора в Монголии: этапы формирования фронтальной религиозности // Восток (Oriens). 2017. № 2. С. 62–71.

Сабиров П.Т. Социокультурные факторы обращения монголов в христианство после 1990 г. // Христианство в Южной и Восточной Азии: история и современность. Москва: Ключ-С, 2016. С. 116–126.

Терентьев В.И. История католической миссии в Монголии с 1992 г. // Abyss (Вопросы философии,

политологии и социальной антропологии). 2023а. № 1 (23). С. 165–172.

Терентьев В.И. Миссионерский опыт Русской Православной Церкви в Монголии (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) // Respublica Literaria. 2023б. Т. 4, № 3. С. 174–185.

Терентьев В.И. Православная Монголия: вчера, сегодня, завтра. Улан-Батор: Нарандийр, 2024. 90 с.

Трубач А., прот. История и современное положение православия в Монголии // Православие и дипломатия в странах азиатско-тихоокеанского региона: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. С. 6–12.

Цэдэв Н.Х. Некоторые проблемы изучения этноконфессиональной ситуации в Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. № 3–4 (12–13). С. 128–135.

Кемп Н.Р. Mongolia's Christians – from Ancient Roots to Vibrant Young Church. London, Monarch Books, 2000, 543 p.

Marengo G. Whispering the Gospel to the heart of Mongolia. Missiological reflections on Evangelization in Mongolia. Ulaanbaatar, Soyombo Printing LLC, 2022, 255 p.

References

Alekseeva M.S., Badmatsyrenov T.B., Vasil'eva S.V. *Pravoslavnyaya missiya v sovremennoj Mongolii v kontekste religioznoj situatsii* [Orthodox Christian Mission in Contemporary Mongolia: a Perspective from the Religious Situation]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies (Elista)], 2022, vol. 14, no. 4, pp. 670–683. (In Russ.)

Dansarunova S.A., Badmatsyrenov T.B. *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi: kontent-analiz SMI Buryatii* [Missionary Activity of the Russian Orthodox Church: Content Analysis of the Media in Buryatia]. *Vlast'* [Vlast'], 2023, vol. 31, no. 1, pp. 238–245. (In Russ.)

Dulevich A.I. *Printsipy missionerskoi deiatel'nosti apostola Pavla* [Missionary Principles of Apostle Paul]. *Dukhovnye lastochki* [Spiritual swallows], 2020, vol. 6, pp. 48–89. (In Russ.)

Dyachenko N.V. *Rimsko-katolicheskaia tserkov' v sovremennoj Mongolii: mezhdu prozelitizmom i mezh-dunarodnoi politikoi* [The Roman Catholic Church in Contemporary Mongolia: Between Proselytism and International Politics]. *Ortodoksiia* [Orthodoxia], 2025, no. 3, pp. 152–173. (In Russ.)

Gusev A., priest, Terentyev V.I. *Sostoyanie religioznoj zhizni Ulan-Batora (na primere rajona Bayanzurkh)* [The State of Religious Life in Ulaanbaatar (on the Example of the Bayanzurkh District)]. *Pravoslavie i diplomatiya v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Orthodoxy and Diplomacy in the Countries of the Asia-Pacific Region: Materials of the X International Scientific

and Practical Conference]. Ulan-Ude, BGU Publ., 2020, pp. 43–47. (In Russ.)

Kornienko N., priest, Plekhanova A.M. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Mongolii: istoriya i sovremennost'* [Russian Orthodox Church in Mongolia: history and modernity]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, 256 p. (In Russ.)

Maksimov G., deac. *Sviatootecheskoe ponimanie missii* [Patristic understanding of mission]. Moscow, Pravoslavnoe missionerskoe obshchestvo imeni prepodobnogo Serapiona Kozheozerskogo Publ., 2014, 192 p. (In Russ.)

Mikhalev A.V. *Russkaya diaspora v Mongolii: etapy formirovaniya frontirnoj religioznosti* [Russian Diaspora in Mongolia: Stages of the Formation of Frontier Religiosity]. *Vostok (Oriens)* [Vostok (Oriens)], 2017, no. 2, pp. 62–71. (In Russ.)

Sabirov R.T. *Sotsiokul'turnye faktory obrashcheniya mongolov v khrisianstvo posle 1990 g.* [Social and Cultural Factors of Adopting Christianity by the Mongolians after 1990]. *Khrisianstvo v Yuzhnoj i Vostochnoj Azii: istoriya i sovremennost'* [Christianity in South and East Asia: History and Modernity]. Moscow, Klyuch-S Publ., 2016, pp. 116–126. (In Russ.)

Terentyev V.I. *Istoriia katolicheskoi missii v Mongolii s 1992 g.* [History of the Catholic Mission in Mongolia since 1992]. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noi antropologii)* [Abyss (Studies in Philosophy, Political science and Social anthropology)], 2023a, no. 1 (23), pp. 165–172. (In Russ.)

Terentyev V.I. *Missionerskii opyt Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Mongolii (konets 1990-kh – nachalo 2000-kh gg.)* [Missionary Practice of the Russian Orthodox Church in Mongolia (late 1990s – early 2020s.)]. *Respublica Literaria* [Respublica Literaria], 2023b, vol. 4, no. 3, pp. 174–185. (In Russ.)

Terentyev V.I. *Pravoslavnaia Mongoliia: vchera, segodnia, zavtra* [Orthodox Mongolia: Yesterday, Today,

Tomorrow]. Ulaanbaatar, Narandiir Publ., 2024, 90 p. (In Russ.)

Trubach A., archpr. *Istoriya i sovremennoe polozhenie pravoslaviya v Mongolii* [History and Current Status of Orthodoxy in Mongolia]. *Pravoslavie i diplomatiya v stranakh aziatsko-tikhookeanskogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Orthodoxy and Diplomacy in the Countries of the Asia-Pacific Region: Materials of the X International Scientific and Practical Conference]. Ulan-Ude, BGU Publ., 2015, pp. 6–12. (In Russ.)

Tsedev N.Kh. *Nekotorye problemy izucheniya etnokontsional'noj situatsii v Mongolii* [Some Problems of the Ethno-Religious Situation in Mongolia]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia], 2017, no. 3–4 (12–13), pp. 128–135. (In Russ.)

Zarudnyi P. *Khokkei pri tserkvi. Russkii sviashchenik sozdal v Mongolii klub po khokkeiu s miachom i stal opekat'... sbornuiu etoi strany* [Hockey near the church. A Russian priest founded a bandy club in Mongolia and began... mentoring the country's national team]. *Rossiiskaia gazeta* [Rossiyskaya Gazeta], 2010, February 5. URL: <https://orthedu.ru/news/1025-10.html> (access date: 25.09.2025). (In Russ.)

Kemp H.P. *Mongolia's Christians – from Ancient Roots to Vibrant Young Church*. London, Monarch Books Publ., 2000, 543 p.

Marengo G. *Whispering the Gospel to the heart of Mongolia*. Missiological reflections on Evangelization in Mongolia. Ulaanbaatar, Soyombo Printing LLC Publ., 2022, 255 p.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 24.03.2026.

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 65–73. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 65–73. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.2. Всеобщая история

УДК 94 (430)''20'':327

EDN ECMNWF

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-65-73>

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА В. БРАНДТА В ЗЕРКАЛЕ КОАЛИЦИОННЫХ ДОГОВОРОВ ФРГ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ариничев Семен Дмитриевич, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, arinichevsem00@xmail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5120-0567>

Аннотация. С конца XX в. заключение коалиционных соглашений в ФРГ по результатам выборов стало нормой политического процесса. Не являясь юридически обязывающим документом, коалиционный договор, тем не менее, отражает особенности видения партнёрами по коалиции внутри- и внешнеполитической ситуации. В рамках внешнеполитического блока выкристаллизовывается видение коалиционными партнёрами содержания восточноевропейской политики и концептуального подхода к её проведению. Целью исследования является трансформация восточноевропейской политики ФРГ в коалиционных договорах. С помощью контент-анализа и историко-сравнительного метода было проанализировано содержание восточноевропейской политики ФРГ в коалиционных договорах. Так, было установлено, что восточноевропейская политика ФРГ обладает тремя региональными измерениями: интеграционное сотрудничество с бывшими странами СЭВ, Восточное партнёрство, германо-русские отношения. В качестве ключевых государственных акторов при этом выступают Россия и Украина. Помимо институционального фактора (НАТО, ОБСЕ), на содержание восточноевропейской политики влияют идеологический фактор и международная среда.

Ключевые слова: история ФРГ, внешняя политика, коалиционный договор, восточная политика.

Для цитирования: Ариничев С.Д. Восточная политика В. Брандта в зеркале коалиционных договоров ФРГ: исторический анализ // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 65–73. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-65-73>

Research article

WILLY BRANDT'S EASTERN POLICY IN THE MIRROR OF THE COALITION TREATIES OF GERMANY: HISTORICAL ANALYSIS

Semen D. Arinichev, postgraduate of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, the Kuban State University, Krasnodar, Russia, arinichevsem00@xmail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5120-0567>

Abstract. Since the late 20th century, the conclusion of coalition agreements based on the results of elections in Germany has become the norm of the political process. While not a legally binding document, the coalition agreement nevertheless reflects the specifics of the conduct of the coalition partners domestic and foreign policy situation. Within the framework of the foreign policy block, the coalition partners' vision of the content of East-European policy and the conceptual approach to its implementation is being crystallised. The purpose of the study is to analyse the transformation of the East-European policy of Germany in the coalition agreements. The East-European policy of Germany in the coalition agreements was analysed using content analysis and the historical and comparative method. Thus, it was found that the East-European policy of Germany has three regional dimensions – integration cooperation with the former COMECON countries, the Eastern Partnership, and German-Russian relations. The country accents are Russia and the Ukraine. In addition to the institutional factor (NATO, OSCE), the content of Eastern European politics is influenced by the ideological factor and the international environment.

Keywords: history of Germany, foreign policy, coalition agreement, Eastern policy.

For citation: Arinichev S.D. Willy Brandt's Eastern policy in the mirror of the coalition treaties of Germany: historical analysis. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 65–73. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-65-73>

Начало проведения специальной военной операции (далее – СВО) Российской Федерацией обнажило как усугубляющиеся отношения по линии РФ – «коллективный Запад», так и окончательную несостоятельность так называемого «порядка, основанного на правилах» (*англ.* rules-based international order). Степень сложности урегулирования конфликта на Украине упирается не столько в межгосударственные отношения РФ и Украины, сколько в фундаментальные разногласия между Российской Федерацией с одной стороны и США, Европейским Союзом, Великобританией – с другой. В качестве провала системы европейской безопасности может быть обозначена «не вполне адекватная оценка сторонами процессов эволюции (в различных областях – экономической, политической, социальной), происходящих на пространстве бывшего СССР» [Алексеев: 20], а именно – дезинтеграционных процессов. СВО хотя и стала поводом для кардинального пересмотра отношений ЕС с Россией, но отметим, что ухудшение отношений произошло намного раньше – с момента начала антиправительственных выступлений на Украине в ноябре 2013 г., что привело в итоге к государственному перевороту и началу военных действий на юго-востоке Украины. СВО стала катализатором уже имеющихся отрицательных тенденций в отношении России и стран «коллективного Запада». Федеративная Республика Германия, как одно из ведущих государств Европейского Союза, также поменяло вектор направления отношений с Россией после 2022 г. Это проявилось, например, в провозглашении О. Шольцем, канцлером ФРГ в 2021–2025 гг., «Zeitenwende» – «смены эпох», отправке пакетов финансовой и военной помощи Украине, усугублении санкционной политики ФРГ и ЕС в отношении России. Коалиционный договор 2025 г. закрепил восприятие России в качестве «самой большой и непосредственной угрозы безопасности» для ФРГ. Выработка политики в отношении России и Украины стала одним из пунктов коалиционного соглашения 2025 г. Это связано как с необходимостью обозначения концептуальных основ внешнеполитического курса коалиционных партнёров, так и с высокой ролью ещё со времён восточной политики В. Брандта (1969–1974) восточноевропейского направления для внешнеполитического курса ФРГ в целом.

Отметим, что для анализа восточноевропейской политики ФРГ посредством изучения коалиционных договоров на федеральном уровне необходимо привлечение историографии проблемы, так как сами коалиционные договоры отражают видение партнёрами по коалиции внутри- и внешнеполитических задач в большей степени к моменту формирования правительства, а не в динамике. В ходе деятельности правительства возможны определённые качественные

изменения как формулировок отдельных задач, так и самого целеполагания.

Отечественная и зарубежная историография богаты работами по внешней политике ФРГ, международному контексту такой политики, её ключевым направлениям. Можно отметить труды советских и российских историков А.А. Ахтамзяна¹, В.Н. Белецкого², Н.В. Павлова³, А.И. Патрушева⁴, Б.В. Петелина⁵, работы зарубежных историков-германистов⁶. К тому же ряд исследователей обращается и к восточноевропейскому направлению во внешней политике ФРГ. Этому вопросу посвящены, например, труды И.С. Кремера⁷, А.М. Филитова⁸. Современные исследователи зачастую не объединяют в единый содержательный блок восточноевропейское направление, предпочитая более узкий региональный и/или страновой анализ⁹. Отдельным важным направлением в историографии являются работы, посвящённые деятельности ключевых политических фигур в рамках исследуемой проблемы, в первую очередь канцлеров ФРГ¹⁰. Особняком также стоят исторические источники. В контексте исследуемого вопроса к ним относятся опубликованные воспоминания В. Брандта, Г. Коля, Г. Шрёдера, А. Меркель, а также непосредственно сами коалиционные договоры. Посредством анализа их содержания на основе изученной литературы в рамках настоящего исследования осуществляется попытка синтеза исторических источников и ключевых выводов, представленных в историографии вопроса, с целью уточнения содержания и особенностей восточноевропейской политики ФРГ.

«Коалиционный договор», или же «коалиционное соглашение» (*нем.* Koalitionsvertrag), является результатом коалиционных переговоров по поводу определения совместных целей на период деятельности нового правительства между партиями, стремящимися, исходя из итогов выборов, сформировать коалицию¹¹. Не являясь гражданско-правовым актом или юридически обязывающим законом, такой документ отражает лишь намерения и/или стремления партнёров по коалиции в отношении внутренней и внешней политики, а также порядка внутрикоалиционного взаимодействия. То есть он представляет собой нормативное закрепление задач, обозначенных в качестве совместных. Распространённым направлением критики в адрес коалиционных соглашений является как раз отсутствие отражения в них практической стратегии будущего правительства, несмотря на их прогрессивный характер [Васильев].

Первый коалиционный договор в ФРГ появился в 1961 г. Тогда ХДС, ХСС и СвДП заключили письменные партнёрские соглашения. Однако такая «декларация о намерениях» в 1960-х гг. не стала политической нормой. Полноценной частью политического процесса коалиционный договор стал лишь на рубе-

же веков – в 1998 г., когда в результате коалиционных переговоров между СДПГ и Союзом 90/Зелёными был подписан 52-страничный документ под названием «Прорыв и обновление: путь Германии в XXI век». С этого момента каждый раз с приходом новой коалиции к власти между партнёрами заключались коалиционные соглашения – в 2005 г., 2009 г., 2013 г., 2018 г., 2021 г. и 2025 г.

Структурно коалиционный договор схож с любым официальным многосторонним документом, но по большей части представляет собой условную «дорожную карту». Он состоит из преамбулы, основной части, условий выполнения и подписей. Основная часть включает вопросы внутренней политики (преимущественно в отношении экономической, социальной, миграционной, культурной и энергетической сфер) и внешней политики (преимущественно в контексте региональной, двусторонней и многосторонней, институциональной и нормативной проблематики). Часть «взаимодействие сторон» отражает специфику сотрудничества партнёров в бундестаге и в рамках правительства ФРГ, а также свидетельствует о распределении министерских портфелей.

В структуре коалиционных договоров внешнеполитический аспект играет меньшую роль, нежели внутривластный, что видно и по объёму блока (примерно 15 % всего текста), и по его месторасположению – ближе к концу документа, перед взаимодействием партнёров в правительстве и парламенте. Однако увеличение постраничного объёма внешнеполитической части документа (от восьми страниц в 1998 г. до двадцати одной в 2021 г.), равно как и усложнение изложения (появление функциональных и региональных блоков, попытка перехода от регионального мышления к глобальному), – всё это в совокупности свидетельствует не только о более основательном подходе партнёров к выстраиванию внешнеполитических приоритетов на основе приемлемости и взаимопонимания при составлении документа, но и о возрастании роли внешнеполитического фактора при формировании правительственной коалиции. В интерпретации американского политолога Р. Патнема такое положение вещей с точки зрения международной переговорной ситуации может быть обозначено термином «двухуровневая игра» – моделью взаимоотношений государств, при которой достижение договорённости связано с взаимовлиянием внутренней и внешней среды, их принципиальной неразрывностью [Putnam]. Согласно данной модели, договороспособность ФРГ на внешней арене тесно связывается с внутривластной ситуацией, а именно – положением дел в коалиционном правительстве, парламенте и партийной среде.

Будучи важным региональным направлением во внешней политике ФРГ, восточноевропей-

ская политика ещё со времён В. Брандта – канцлера ФРГ в 1969–1974 гг. – выступает к тому же в качестве концепции, лежащей в основе внешнеполитической линии и стратегии ФРГ в целом. Отметим, что и в рамках деятельности кабинета Кизингера – Брандта (1966–1969 гг.) просматривались очертания дальнейших внешнеполитических шагов ФРГ. Например, «отвечая в мае 1967 г. на письмо премьер-министра ГДР Вилли Штофа, Кизингер отказался от жестокой политики непризнания в отношении второго немецкого государства» [Левченко: 173]. К тому же были установлены дипломатические отношения с Румынией и возобновлены дипломатические отношения с Югославией. Однако жёсткая позиция подавляющего большинства политиков ХДС и ХСС по вопросу смягчению курса к ГДР и события Пражской весны 1968 г. отложили дискуссию о продолжении начатого курса.

И всё же восточная политика ассоциируется в первую очередь с ключевым направлением внешнеполитического курса ФРГ при В. Брандте. Канцлер заложил основы и концептуальные рамки внешней политики ФРГ на восточном направлении. В. Брандт, несмотря на резкое сопротивление оппозиции, смог добиться признания со стороны ФРГ послевоенных границ, а также расширить энергетическое сотрудничество с Советским Союзом (заключение так называемого соглашения «газ – трубы»). Внешнеполитический курс В. Брандта, по сути, стал одним из факторов, приведших к объединению Германии. В связи с этим можно отметить, что отдельные цели восточной политики выполнялись и при будущих канцлерах ФРГ – ближайших преемниках В. Брандта. Тем не менее в рамках настоящего исследования приводится допущение, что ряд направлений, задач, идей заложенной при В. Брандте восточной политики реализуется и сейчас, хотя и в сильно изменённом виде. В настоящей работе термин «восточноевропейская политика» использован в качестве авторского исследовательского концепта-конструкта. Введение обозначенного термина отвечает методологическим задачам исследования. Во-первых, исключить из работы ряд государств бывшего СССР¹² – прибалтийские государства Северной Европы – Латвию, Литву, Эстонию; государства Южного Кавказа – Азербайджан, Армению, Грузию; ряд центральноазиатских государств – Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Во-вторых, отметить, что «восточной политики» как концепции и содержания внешней политики ФРГ в прежнем виде более не существует, однако сохранился ряд отдельных сюжетов, идей, направлений и задач, которые объединены в работе как раз в рамках термина «восточноевропейская политика». Представляется, что обозначенное допущение позволяет констатировать существенные

изменения внешнеполитического курса ФРГ и международной среды по сравнению с периодом канцлерства В. Брандта, но при этом отследить и определённую преемственность внешнеполитического целеполагания ФРГ.

В отношении концептуального измерения развития внешней политики ФРГ В. Брандт сделал упор на Восток – улучшение отношений с восточноевропейскими государствами и СССР, руководствуясь такими принципами, как примат мирных средств достижения целей, нерушимость границ, учёт интересов партнёров (СССР, восточноевропейских государств). Своей внешней политикой В. Брандт продемонстрировал пример того, как можно выстроить мирный продуктивный диалог, по сути, с идеологическими и политическими конкурентами. При этом реализация курса кабинета Брандта – Шееля проходила в условиях «тотальной оппозиции» блока ХДС/ХСС, что значительно сковывало внешнеполитический потенциал правительства СДПГ – СвДП и в конечном счёте парализовало работу социал-либеральной коалиции [Павлов: 318–320]. В качестве результатов внешней политики ФРГ при В. Брандте обозначим нормализацию отношений ФРГ с восточноевропейскими странами и СССР, интенсификацию диалога между двумя германскими государствами, внесение существенного вклада в разрядку международной напряжённости. Тем не менее отметим, что и на момент 2020-х гг. одно из, казалось бы, наиболее успешных направлений восточноевропейской политики ФРГ – германо-германские отношения (с 1990 г. – проблема «новых» земель) – всё ещё является важным фактором развития внутривосточной ситуации во многом из-за «несоответствия Востока целевым ориентирам, концептам и конструктам, которые задаются Западом» [Расколотовое единство: 37], что выражается в отличных друг от друга партийных предпочтениях, экономическом состоянии, интеллектуальных и ценностных поисках «новых» и «старых» федеральных земель.

К тому же отметим, что реализация восточноевропейского курса В. Брандта отражала качественные сдвиги в рамках трансформации идентичности западногерманского государства в виде перехода к неконфликтным отношениям с ГДР. Демонтаж по итогам Второй мировой войны всех прежних идеологических основ немецкого государства отражал наступление «часа ноль» и необходимость возрождения страны на новом ценностном и концептуальном базисе [Пименова: 174]. Начало диалога между ФРГ и ГДР давало надежду на неконфликтное решение германского вопроса. Отражая нерв дискуссии о политических и идентичностных перипетиях пути Германии, Г. Коль, канцлер ФРГ в 1982–1998 гг., в своих воспоминаниях подчёркивал, что «государство нем-

цев разрушено. Немецкая нация осталась, и она будет существовать и далее» [Kohl: 53–54]. Во многом продолжая политический курс своего предшественника, Г. Коль активно доносил свои взгляды и генеральному секретарю ГДР Э. Хоннекеру. В одной из бесед Г. Коль сказал: «...понимание единства нации живёт, и воля к этому не сломлена, она сохранилась. Это единство находит своё выражение в языке, в едином культурном наследии, в долгой, непрерывной общей истории» [Петелин: 79]. Таким образом, восточная политика В. Брандта позволяла отодвинуть идеологические разногласия между двумя германскими государствами, выдвинув на первый план фактор общности, и давала возможность ФРГ сосредоточиться на активизации дипломатических методов решения германского вопроса.

В качестве опорных пунктов для проведения контент-анализа были выбраны: «восточная политика» («Ostpolitik»), «Восточная Европа» («Osteuropa»), «Россия» («Russland/Rußland»), «Украина» («Ukraine»), «ОБСЕ» («OSZE»), «НАТО» («NATO»), «Советский Союз» («Sowjetunion»).

Выборка связана с рядом факторов: во-первых, будучи правопреемницей Советского Союза, Российская Федерация становится важнейшим объектом и одним из ключевых пунктов восточноевропейской политики ФРГ – отсюда появление Russlandpolitik – политики ФРГ в отношении России. Именно фактор России конституирует восточноевропейскую политику ФРГ, сквозь призму Russlandpolitik анализируются цели и задачи географических и функциональных направлений восточноевропейской политики ФРГ, а также определяются и находят смысловое наполнение идеи и конструкты такой политики. Во-вторых, механизмом её проведения являются не только двусторонние институты, но и иные международные и региональные организации. В их системе возможна реализация восточноевропейской политики.

Пункт «восточная политика» («Ostpolitik») отражает концептуальное обозначение анализируемого направления политики ФРГ, пункты «Восточная Европа» («Osteuropa»), «Россия» («Russland/Rußland») и «Украина» («Ukraine») – региональный и страновой аспекты такой политики, «ОБСЕ» («OSZE») – институциональный. Пункт «НАТО» («NATO»), наряду с институциональным фактором, связан и с пониманием безопасности с точки зрения ФРГ/ЕС. Пункт «Советский Союз» («Sowjetunion»), хотя и коррелирует с фактором правопреемственности РФ, тем не менее преимущественно необходим для контент-анализа в качестве обозначения некогда существовавшего политико-географического пространства. Это пространство представляет для ФРГ значительный интерес, особенно в контексте миграционной поли-

Таблица 1

**Контент-анализ коалиционных договоров 1998–2021 гг.
в контексте восточноевропейской политики ФРГ**

	Ostpolitik	Osteuropa	Russland (Rußland)	Ukraine	OSZE	NATO	Sowjetunion
1998	0	4	3	2	7	6	0
2005	0	4	7	3	1	11	2
2009	0	2	8	0	4	7	1
2013	0	5	17	0	6	18	1
2018	0	5	10	8	6	12	2
2021	0	2	6	7	1	11	0
Итого	0	22	51	20	25	65	6

тики. Хронологические рамки контент-анализа охватывают период с 1998 по 2021 г. Основные результаты контент-анализа представлены в таблице 1.

Ни в одном из шести анализируемых документов не был упомянут термин «восточная политика», хотя сам В. Брандт обозначал политику «посредничества» ФРГ между Западом и Востоком именно так [Брандт]¹³. Причинами тому является отсутствие как такового направления во внешней политике ФРГ, а также вытеснение из обиходного использования в политическом немецком языке самого термина «Ostpolitik». Тем не менее отметим, что на экспертном уровне в ФРГ термин применяется¹⁴. Это связано с попыткой по-новому осмыслить концепт «neue Ostpolitik», выдвинутый В. Брандтом, но уже применительно к новым международно-политическим условиям. Так, например, председатель Комитета по внешней политике Бундестага в 2021–2025 гг. М. Рот подчёркивает, что «новая восточная политика должна извлечь уроки из успехов восточной политики В. Брандта и ошибок последних лет – она должна быть реалистичной и ориентированной на ценности, воинственной и готовой к диалогу, настроенной на европейский и трансатлантический характер и основанной на тесном взаимодействии гражданских обществ» [Roth]. Немецкий историк и политолог Н. Дёрр предлагает «насытить» идеализмом восточную политику ФРГ в новых международных условиях настолько, насколько возможно, а реализма оставить столько, сколько потребуется [Dörr].

Резонно отмечает отечественный исследователь Дж. Петросян, что «с исчезновением европейского социалистического лагеря и понятия “восточная Европа” в его политическом понимании перестала существовать и сама “восточная политика”» [Петросян: 411–412]. Заметим тем не менее, что, как упоминалось выше, хотя восточной политики ФРГ в прежнем виде не существует, преемственность по отношению к такой политике сохранила набор целей, задач, направлений, идей и конструктов, отсюда и Russlandpolitik как направление внешней политики, и Osteuropa как политико-географический тер-

мин, и (по крайней мере, до 2022 г.) энергетическое сотрудничество между ФРГ и Россией как параметр реализма во внешнеполитическом мышлении. Термин «Восточная Европа», например, регулярно упоминался в текстах, но по большей части в контексте интеграционных процессов в Европе и миграционной политики ФРГ. До 2004 г. развитие отношений ФРГ со странами ЦВЕ шло в русле внешнеполитических отношений, после – преимущественно в рамках ЕС. Тем не менее последовавший после расширения 2004 г. рост гетерогенности внутри ЕС (экономическая, национально-политическая, культурная проблематика) обострили и регулярно обостряют отношения между «старой» и «новой Европой», поднимая вопрос о формате таких отношений, например, на многосторонней основе по проблематике ЕС, или на двусторонней – по внешнеполитическим и внешнеэкономическим задачам.

Советский Союз фигурировал в коалиционных соглашениях только в рамках миграционной проблематики («мигранты из стран бывшего СССР»).

Анализ странового содержания (пункты «Россия» (Russland/Rußland) и «Украина» (Ukraine)) позволяет прийти к ряду содержательно значимых выводов. Во-первых, коалиционный договор 1998 г. рассматривает взаимодействие ФРГ с Россией и Украиной сквозь призму партнёрских отношений между соседями и сугубо в рамках институционального сотрудничества (совет Россия – НАТО). Во-вторых, динамика германо-российских отношений претерпевает трансформацию между 2013 и 2018 гг., происходит переход от партнёрских двусторонних и многосторонних отношений (в том числе в рамках ОБСЕ, в формате совета РФ – НАТО) со сдержанной критикой внутренней политики РФ к констатации изменения баланса сил в мире и Европе, более претенциозной внутренней и внешней политики РФ (издержки, по мнению партнёров, в отношении политики в области прав человека, присоединение Крыма, конфликт на юго-востоке Украины). Однако партнёры по коалиции в 2018 г. подчеркивают необходимость продолжения политики добросо-

седства, признают Россию в качестве весомой силы на международной арене и выражают стремление к институциональному сотрудничеству (ОБСЕ, консультации в формате РФ – НАТО, «Петербургский диалог»). В-третьих, с 2018 г. Украина вновь становится составной частью внутривосточной повестки в ФРГ – в основном из-за конфликта на юго-востоке страны и попыток ФРГ за счёт политического посредничества содействовать урегулированию кризиса. В-четвёртых, в 2021 г. количество упоминаний Украины впервые превысило количество упоминаний России. Помимо конфликта на юго-востоке страны, Украина упоминается в качестве партнёра в рамках Восточного сотрудничества и в контексте двустороннего диалога по энергетической проблематике. В отношении России коалиционные партнёры в тексте документа преимущественно сосредотачиваются на критическом анализе внешне- и внутривосточной политики ФРГ в 2000–2010-х гг. претерпела ряд содержательных корректировок, причиной чему послужили: изменение международной среды, конфликт на Украине, концептуальная трансформация восточноевропейской политики в целом (её разветвление на три составляющие – интеграционное сотрудничество с бывшими странами СЭВ, Восточное партнёрство, германо-российские отношения).

Отметим, что программа Восточного партнёрства ЕС, предполагавшая создание некой «зоны стабильности, демократии и процветания на периферии Европы», находится в глубоком кризисе, что выражается в её распаде на ряд двусторонних треков. По сути, как единого целого программы уже нет, хотя формально она продолжает действовать. Основной причиной такой ситуации стало намеренное игнорирование российского фактора на фоне конкуренции двух интеграционных проектов и масштабного кризиса европейской безопасности. К тому же ЕС упустил из анализа явные различия между странами-членами и странами Восточного партнёрства, как, например, общественные отношения, политическая культура, «ментальный код».

Анализ институционального аспекта позволяет констатировать заметное снижение роли и значения ОБСЕ. В 2021 г. партнёры упомянули ОБСЕ только в контексте правозащитной проблематики. В предыдущих документах акцент был сделан на особом статусе вышеупомянутой организации как крупной площадки для многосторонних дискуссий, а также на её роли в обеспечении европейской безопасности. По сути, коалиционные партнёры косвенно подтверждают уменьшение роли вышеобозначенной организации в обеспечении безопасности и сотрудничества в Европе. Провал урегулирования конфликта на Украине усилиями организации свидетельствует

об увядании некогда важной площадки для диалога между Западом и Востоком.

Кроме того, сохраняется значимость фактора НАТО как гаранта безопасности и стабильности ФРГ в частности и Европы в целом. Так, в документе 1998 г. НАТО рассматривается в качестве «незаменимого инструмента для обеспечения стабильности и безопасности Европы, а также для построения прочного европейского мирного порядка» [Aufbruch: 44]. В документе 2005 г. присутствует следующая формулировка: «Германия обладает сильными партнёрами в НАТО для обеспечения своей внешней безопасности» [Gemeinsam für Deutschland: 18]. При этом практически во всех документах отмечается, что НАТО является гарантом безопасности Германии, но при этом необходима координация усилий ЕС и НАТО.

Наибольшая содержательная активность восточноевропейской политики ФРГ в рамках коалиционных соглашений исследуемого периода пришлась на 2013 и 2018 гг. Эти показатели объясняются двумя факторами – концептуальным и международным.

Концептуальный фактор раскрывается в том, что хотя отношения Германии с Россией в 2000–2010-х гг. и составили основу восточноевропейской политики ФРГ, тем не менее они не стали единственным её содержанием. Во-первых, в 1970–80-е гг. содержание концепта также не уместилось лишь в рамки двусторонних отношений ФРГ и СССР (хотя они и играли основную роль в проведении, направлении и эффективности восточной политики) – параллельно развивались германо-германские отношения и отношения между ФРГ и восточноевропейскими государствами социалистического блока. К тому же большое значение играл тезис о необходимости нормализации отношений между Западом и Востоком – странами капиталистического и социалистического лагеря. К 2000-м гг. отношения ФРГ с бывшими государствами СЭВ и ОВД, равно как и прибалтийскими государствами бывшего СССР, включились в рамки европейского интеграционного процесса. А в 2000–2010-е гг. отношения ФРГ с Украиной и Белоруссией во многом развивались в контексте отношений ФРГ и России. Ситуация изменилась для Украины в 2014 г., после государственного переворота и вхождения Крыма в состав России, для Белоруссии – в 2020 г. – с началом массовых протестов.

На трансформацию восточноевропейской политики ФРГ оказал воздействие и международный фактор, а именно события 2013–2015 гг. на Украине. Политический кризис 2013–2014 гг., военные действия на юго-востоке Украины, вхождение Крыма в состав РФ, активная посредническая роль России, попытка посредничества ФРГ, заключение Мин-

ских соглашений – всё вышеперечисленное стало причиной значительного внимания и выраженной озабоченности федерального правительства на восточноевропейском направлении, а значит, повлияло на интеллектуальное осмысление содержания и концептуальных рамок восточноевропейской политики.

Таким образом, восточноевропейская политика ФРГ хотя и берёт начало в восточной политике В. Брандта, являясь со значительной оговоркой её продолжением, однако обладает меньшим географическим содержанием и намного более ограниченным концептуальным наполнением. По сути, восточноевропейская политика ФРГ – это набор целей, задач, идей, конструкторов, так или иначе связанных с *Russlandpolitik*. При этом восточноевропейская политика ФРГ обладает тремя региональными измерениями: интеграционное сотрудничество с бывшими странами СЭВ, Восточное партнёрство, германороссийские отношения. Решающая роль отводится отношениям с Россией и Украиной. На содержание восточноевропейской политики влияет и институциональный фактор. НАТО воспринимается ФРГ в качестве неотъемлемой составляющей обеспечения европейского порядка и гарантом безопасности в Европе/ЕС. В конце XX – начале XXI в. к важным институтам европейского сотрудничества относился и ОБСЕ. Однако к 2020-м гг. организация утратила свою политическую роль, став в определённой степени «клубом по интересам». Свою роль в проведении восточноевропейской политики играет международная среда. Именно политические события 2013–2015 гг. на Украине вернули эту страну в актуальную внутривосточную повестку ФРГ, сделав Украину темой партийных дискуссий и предвыборных кампаний.

Примечания

¹ *Ахтамзян А.* Объединение Германии. Обстоятельства и последствия: очерки. Москва, 2010. 406 с.

² *Белецкий В.* За столом переговоров: Обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах. Москва, 1979. 302 с.

³ *Павлов Н.* Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. Москва: Московские учебники, 2005. 606 с.; *Павлов Н.* Внешняя политика ФРГ: концепции и реалии 80-х годов. Москва: Междунар. отношения, 1989. 253 с.; *Павлов Н.* История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. Москва: Междунар. отношения, 2012. 800 с.

⁴ *Патрушев А.И.* Германия в XX веке. Москва, 2004. 432 с.

⁵ *Петелин Б.* Германская политика ХДС/ХСС: содержание, концепции, методы и результаты: 1982–1990 гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. Вологда, 2003. 457 с.

⁶ См., напр.: *Lappenküper U.* Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1949 bis 1990. München, Oldenburger Verlag, 2008, 164 S.; *Schöllgen G.* Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, Beck, 2004, 278 S.; *Hacke C.* Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Von Konrad Adenauer bis Gerhard Schröder. Berlin, Ullstein Taschenbuch Verlag, 2004, 652 S.

⁷ *Кремер И.* ФРГ: этапы «восточной политики». Москва, 1986. 224 с.

⁸ *Филитов А.* СССР, две Германии и политика разрядки (рубеж 60-х – 70-х гг. XX в.). Москва: ИстЛит, 2020, 392 с.; *Филитов А.* СССР и «новая восточная политика» ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 123–140.

⁹ См., напр.: *Божик К.* Внешняя политика объединенной Германии: от «Новой восточной политики» к новому центральноевропейскому пространству (1990–1994) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. № 4 (853). С. 64–70; *Васильев В.* «Восточная политика» Германии: противоречивая эволюция // Международная жизнь. 2015. № 1. С. 14–28; *Scianna B.* Sonderzug nach Moskau. Geschichte der deutschen Russlandpolitik seit 1990. München, Verlag C.H. Beck, 2024, 719 S.

¹⁰ *Петелин Б.* Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021. 399 с.; *Пожарский А.* Вилли Брандт. Жизнь по совести. Москва: Изд. дом «Звонница-МГ», 2017. 296 с.; *Schöllgen G.* Gerhard Schröder: Die Biographie. München, Deutsche Verlags-Anstalt, 2015, 1040 S.

¹¹ Отметим, что при осуществлении своей деятельности партии в ФРГ ориентируются на Закон о политических партиях (см.: Gesetz über die politischen Parteien (Parteiengesetz). Gesetze im internet: website, 1994, 31 Januar. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/partg/BJNR007730967.html>).

¹² Молдавия (нем. Moldau) была упомянута в коалиционных договорах ФРГ однажды – лишь в 2021 г. в контексте Восточного партнёрства ЕС, а Белоруссия (нем. Belagus/Wiebrussland) – в 2005 г. (1) в контексте политики в области прав человека, а в 2021 г. (2) – в контексте политического кризиса 2020–2021 гг. и действий «демократической оппозиции». Незначительное количество упоминаний стало причиной исключения и этих государств из числа объектов анализа.

¹³ См., напр. главу III «Конечная остановка – мир».

¹⁴ См., напр.: *Dörr N.* Zeitenwende und Ostpolitik. So viel Idealismus wie möglich, so viel Realpolitik wie nötig. Indes, 2022, № 10, pp. 136–146; *Meister S.* Ostpolitik Zeitenwende? Deutschland und Russlands Krieg gegen die Ukraine. Russland-Analysen, 2023, № 437, pp. 2–3; *Roth M.* Eine neue Ostpolitik für die Zeitenwende.

Michaelroth.eu: website. URL: https://www.michaelroth.eu/wp-content/uploads/sites/421/2022/07/2022-07_Michael_Roth__Eine_neue_Ostpolitik_f__r_die_Zeitenwende.pdf.

Список литературы

Источники

Брандт В. Воспоминания: пер. с нем. Москва: Новости, 1991. 528 с.

Aufbruch und Erneuerung – Deutschlands Weg ins 21. Jahrhundert. Koalitionsvereinbarung zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands und Bündnis 90/Die GRÜNEN. SPD.de: website. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/koalitionsvertrag_bundesparteitag_bonn_1998.pdf (access date: 25.10.2025).

Der Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und FDP, vom 20 Oktober 1961. Konrad Adenauer Stiftung: website. URL: <https://www.kas.de/documents/252038/253252/Koalitionsvertrag1961.pdf/4b738a43-41f6-db79-dcae-b7465ef69869> (access date: 25.10.2025).

Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Deutscher Bundestag: website. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/194886/696f36f795961df200fb27fb6803d83e/koalitionsvertrag-data.pdf> (access date: 02.11.2025).

Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Deutscher Bundestag: website. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/974430/847984/5b8bc23590d4cb2892b31c987ad672b7/2018-03-14-koalitionsvertrag-data.pdf> (access date: 25.10.2025).

Gemeinsam für Deutschland. Mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsvertrag von CDU, CSU und SPD. Friedrich Ebert Stiftung: Library. URL: https://library.fes.de/pdf-files/bibliothek/download/05_11_11_koalitionsvertrag_langfassung_navigierbar-1.pdf (access date: 01.11.2025).

Kohl H. Erinnerungen 1982–1990. München, Droemer Verlag, 2005, 1134 с.

Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen SPD, Bündnis 90/Grünen und FDP. SPD.de: website. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf (access date: 04.11.2025).

Verantwortung für Deutschland. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. SPD.de: website. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag2025_bf.pdf (access date: 22.10.2025).

Wachstum. Bildung. Zusammenhalt. Der Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und FDP. Konrad Adenauer Stiftung: website. URL: <https://www.kas.de/documents/252038/253252/Koalitionsvertrag2009.pdf>

(access date: 02.11.2025).

Исследования

Алексеев Д.С. Новые контуры системы европейской безопасности: реалии и перспективы // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2023. № 69 (85). С. 15–23.

Басов Ф.А. Трансформация партийной системы Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 2 (65). С. 29–36.

Васильев В.И. Политика канцлера О. Шольца в условиях глобальной трансформации // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 6 (66). С. 62–78.

Левченко М.В. Большая коалиция в ФРГ 1966–1969 гг. как новый этап взаимоотношения консерваторов и социал-демократов // Вестник Костромского государственного университета. 2025. № 1 (31). С. 168–175.

Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. Москва: Междунар. отношения, 2012. 800 с.

Петелин Б.В. Гельмут Коль: отвечая на вызов истории // Historia provinciae: журнал региональной истории. 2017. № 1 (2). С. 65–84.

Петросян Д.В. Внешняя политика Германии в период адаптации к реалиям постбиполярного мира // Historia provinciae: журнал региональной истории. 2022. № 2. С. 407–438.

Пименова Е.В. Проблемы национальной идентичности современной Германии в международном измерении // Международная аналитика. 2024. № 15 (1). С. 173–190.

Расколотое единство: 35 лет присоединения ГДР к ФРГ / А.П. Соколов, В.В. Воротников, Е.С. Панков. Москва: Изд-во «МГИМО-Университет», 2024. 82 с.

Dörr N. Zeitenwende und Ostpolitik. So viel Idealismus wie möglich, so viel Realpolitik wie nötig. Indes, 2022, no. 10, s. 136–146.

Meister S. Ostpolitik Zeitenwende? Deutschland und Russlands Krieg gegen die Ukraine. Russland-Analysen, 2023, no. 437, s. 2–3.

Putnam R. Diplomacy and domestic politics: the logic of two-level games. International Organization, 1988, vol. 42, no. 3, pp. 427–460.

Roth M. Eine neue Ostpolitik für die Zeitenwende // www.michaelroth. URL: https://www.michaelroth.eu/wp-content/uploads/sites/421/2022/07/2022-07_Michael_Roth__Eine_neue_Ostpolitik_f__r_die_Zeitenwende.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

References

Alekseev D.S. *Novye kontury sistemy evropeiskoi bezopasnosti: realii i perspektivy* [New contours of the

European security system: realities and prospects]. *Evropeiskaia bezopasnost': sobytiia, otsenki, prognozy* [European security: events, assessments, forecasts], 2023, no. 69 (85), pp. 15–23. (In Russ.)

Basov F.A. *Transformatsiia partiinoi sistemy Germanii* [The transformation of the German party system]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World economy and international relations], 2021, no. 2 (65), pp. 29–36. (In Russ.)

Levchenko M.V. *Bol'shaya koalitsiia v FRG 1966–1969 gg. kak novyy etap vzaimootnosheniya konservatorov i social-demokratov* [The Grand Coalition in Germany, 1966–1969, as a New Stage in the Relationship between Conservatives and Social Democrats]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2025, no. 1 (31), pp. 168–175. (In Russ.)

Pavlov N.V. *Istoriya vneshnej politiki Germanii ot Bismarka do Merkel'* [History of German Foreign Policy from Bismarck to Merkel]. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya Publ., 2012, 800 p. (In Russ.)

Petelin B.V. *Gel'mut Kol': otvechaya na vyzov istorii* [Helmut Kohl: Responding to the Challenge of History]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii* [Historia provinciae – Journal of Regional History], 2017, no. 1 (2), pp. 65–84. (In Russ.)

Petrosian D.V. *Vneshniaia politika Germanii v period adaptatsii k realiiam postbipoliarnogo mira* [German foreign policy in the period of adaptation to the realities of the post-bipolar world]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii* [Historia provinciae – Journal of Regional History], 2022, no. 2, pp. 407–438. (In Russ.)

Pimenova E.V. *Problemy nacional'noj identichnosti sovremennoj Germanii v mezhdunarodnom izmereanii* [Problems of National Identity in Modern Germany

in the International Dimension]. *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics], 2024, no. 15 (1), pp. 173–190. (In Russ.)

Raskolotoe edinstvo: 35 let prisoedineniia GDR k FRG [Split unity: 35 years of the GDR joining Germany], A.P. Sokolov, V.V. Vorotnikov, E.S. Pankov. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2024, 82 p. (In Russ.)

Vasil'ev V.I. *Politika kantslera O. Shol'tsa v usloviakh global'noi transformatsii* [The policy of Chancellor O. Scholz in the context of global transformation]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World economy and international relations], 2022, no. 6 (66), pp. 62–78. (In Russ.)

Dörr N. *Zeitenwende und Ostpolitik. So viel Idealismus wie möglich, so viel Realpolitik wie nötig*. *Indes*, 2022, no. 10, s. 136–146.

Meister S. *Ostpolitik Zeitenwende? Deutschland und Russlands Krieg gegen die Ukraine*. *Russland-Analysen*, 2023, no. 437, s. 2–3.

Putnam R. *Diplomacy and domestic politics: the logic of two-level games*. *International Organization*, 1988, vol. 42, no. 3, pp. 427–460.

Roth M. *Eine neue Ostpolitik für die Zeitenwende*. Michaelroth.eu: website. URL: https://www.michaelroth.eu/wp-content/uploads/sites/421/2022/07/2022-07_Michael_Roth_Eine_neue_Ostpolitik_f_r_die_Zeitenwende.pdf (access date: 25.11.2025).

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 24.03.2026.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ЧАСТЬ 1. ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор филиала, Азовский морской институт (Мариупольский филиал ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» в Донецкой Народной Республике), Мариуполь, Россия; Костромской государственной университет, Кострома, Россия; Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Россия, vgruzdev@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Левченков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганск, Россия, kolundaev94@mail.ru

Груздева Мария Львовна, доктор философских наук, доцент, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, Кострома, Россия, maria.gruz2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7452-3347>

Аннотация. В статье поднята и рассмотрена одна из сложнейших проблем государственно-правовой и историко-правовой науки – политические исторические типы государства, их классификация и ее критерии. Предпринята попытка определить исторический тип государства, в котором мы сегодня живем, куда стремимся и какое государство может считаться государством будущего. Для достижения этой цели были проанализированы различные, наиболее известные виды государств: «всеобщего благоденствия», демократическое, социально-демократическое, либерально-демократическое, правовое, социально ориентированное, «действительное государство» и др. Определено, к какому историческому типу государства они принадлежат.

Ключевые слова: исторический тип государства, классификация, капитализм, социализм, государство будущего, политика, право, социум, правовое регулирование, нравственное государство, модернизация.

Для цитирования: Груздев В.В., Левченков А.И., Груздева М.Л. Исторические типы государства и права. Часть 1. Проблемы классификации // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 74–78. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-74-78>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZEW-2026-0003.

Research Article

HISTORICAL TYPES OF STATE AND LAW. PART 1. CLASSIFICATION ISSUES

Vladislav V. Gruzdev, DSc in Jurisprudence, Professor, Director of the subsidiary, Azov Maritime Institute (Mariupol branch of Sevastopol University), Mariupol; Kostroma State University, Kostroma, Russia; Donbass University of Justice, Donetsk, vgruzdev@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Alexander I. Levchenkov, DSc in Jurisprudence, Professor, Lugansk branch of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lugansk, kolundaev94@mail.ru

Maria L. Gruzdeva, DSc in Jurisprudence, Associate Professor, Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defence, Kostroma, Russia, maria.gruz2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7452-3347>

Abstract. This article addresses and examines one of the most complex issues in state-legal and historical-legal science: political and historical types of state, their classification, and its criteria. An attempt is made to determine the historical type of state in which we live today, where we aspire, and what kind of state can be considered the state of the future. To achieve this goal, various well-known types of states were analysed: welfare, democratic, social democratic, liberal democratic, legal, socially oriented, «real state,» and others. The historical type of state to which they belong is determined.

Keywords: historical type of state, classification, capitalism, socialism, future state, politics, law, society, legal regulation, moral state, modernisation.

For citation: Gruzdev V.V., Levchenkov A.I., Gruzdeva M.L. Historical types of state and law. Part 1. Classification issues. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 74–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-74-78>

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEW-2026-0003.

В научной литературе по-прежнему активно ведутся дискуссии среди ученых, политиков, широкой общественности по поводу того, какие существующие сегодня на Земле социумы можно считать прогрессивными и перспективными и какие критерии должны быть положены в основу такой классификации.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо изначально определиться со следующим: где мы сейчас находимся и что мы хотим «построить» – собственное «самобытное российское здание», заимствованную у других народов, проверенную веками, пригодную для нас «конструкцию», или что-то комбинированное?

Где сегодня живем, мы знаем:

а) в «обществе потребления»;

б) в государстве переходного типа [Левченков, Груздев, Глазков: 421–422] (не нужно путать с государствами переходного периода);

в) в демократическом, социальном и правовом государстве.

Начнем анализ ситуации с последнего: является ли демократическое, социальное, правовое государство новым историческим типом государства наравне с рабовладельческим, феодальным, буржуазным и социалистическим, с четко определенным господствующим способом производства и присвоения материальных и духовных благ? Или это характерные признаки (слегка модифицированного) известного всем буржуазного (капиталистического) исторического типа государства и права, имеющего в своей основе тот же господствующий способ производства материальных и духовных благ с его «вечными» неопределимыми противоречиями, о которых более ста лет тому назад очень хорошо написали К. Маркс и В. Ленин, а позднее – Н. Бухарин – главный идеолог партии. Н.И. Бухарин считал, что основное противоречие капитализма заключается «между общественным характером производства и частным характером присвоения, между тенденциями к безграничному производству и тенденцией к ограничению массового потребления, между “материальным” содержанием производственного процесса и его исторической “формой”» [Бухарин: 117].

Также можно сослаться на его мнение относительно того, что «сегодня происходит “воспроизводство” тех самых гигантских противоречий, или на их расширенной основе» [Бухарин: 74]. Эти слова Н. Бухарин написал в 1932 г., но они прекрасно характеризуют состояние капиталистических отношений, существующих и в начале XXI в.

Для полноты освещения данной проблемы нам необходимо обратиться к вопросам типологии государств. Как известно, наиболее общим, широко употребляемым и общепринятым в науке критерием типологии государства является общественно-экономическая формация. Однако в связи с «изменениями идеологии и политических ориентаций... данный критерий стал некоторыми теоретиками подвергаться сомнению... при этом не было выдвинуто других, убедительных критериев, в научной литературе продолжают пользоваться по-прежнему именно данными критериями» [Общая теория государства и права: 117].

Так, широко на шумевший в научном мире России в начале 90-х годов прошлого столетия «модный» цивилизационный подход, как и сам «цивилизм», не выдержал проверки временем и исторической практикой [Хропанюк: 117].

В.Л. Иноземцев, экспериментируя на эту тему, предлагал пять общественно-экономических формаций сократить до трех: рабовладельческую, феодальную и буржуазную он считал «эксплуаторскими» [Иноземцев], но с таким же основанием можно считать и социалистический исторический тип государства «эксплуаторским», только здесь в роли «эксплуатора» выступает само государство, базирующееся на господстве государственной собственности, а не на частной, как это было в иных общественно-экономических формациях.

Все вышеобозначенное свидетельствует об использовании в научных исследованиях устоявшихся взглядов на типологию государства. Но по-прежнему остается открытым вопрос: мы уходим от социалистического исторического типа государства, находимся сегодня в переходном типе и идем (куда?) к капиталистическому, а точнее возвращаемся, ибо социально-демократическое государство есть только его разновидность (исторически модернизированная современная версия), но суть остается прежней – капиталистической.

Думая, что движемся вперед, к чему-то новому, на самом деле возвращаемся назад, к капитализму, но в лице социально-демократического государства, осуществляя таким образом движение по кругу. А с «всевластием народа» были проблемы во все времена, во всех исторических типах государства, даже в социалистическом, предельно «народном». Об этом прекрасно написал в свое время М. Бакунин, критикуя будущее «рабоче-крестьянское» государство. Практически то же самое сказал по этому поводу

и Ф. Фукуяма: «Люди понимали, что в якобы бесклассовом обществе возник новый класс – класс партийных функционеров, столь же коррумпированный и привилегированный, как и любой правящий класс старого режима, но куда более лицемерный» [Фукуяма: 67].

Социальному государству очень трудно возникнуть и быть таковым ввиду резкого имущественного расслоения его граждан; оно может в меру своих возможностей только стремиться к этому. Понятно, что в таких государствах и степень защищенности людей будет практически различной, несмотря на их декларированное равенство перед законом. Большинство государств, заявив в своих Основных Законах страны – Конституциях о себе как о демократических, на деле (многие из них) являются «имитирующими демократии», когда незначительная часть населения находится у власти или приходит к ней, периодически легализует («освящает»), юридически закрепляет свое монопольное положение в обществе на избирательных участках с помощью народа.

Правовым государствам также быть несложно. Самое расхожее из существующих его определений – это государство, в котором господствует закон. Но здесь есть несколько «подводных камней». В какой мере сам закон является правовым, т.е. справедливым, и для кого – для малой части общества или для большинства населения страны (прямо или в завуалированной форме)?

В возвращении к капитализму нет ничего страшного и постыдного, так было уже не раз. Однако возвращаемся мы к нему в сложное и трудное для самого капитализма время: стагнация экономики, идущие чередой один за другим мощные масштабные кризисы потрясли до основания все «здание» капитализма (начиная с экономики и системной нравственной деградации «общества потребления»). Капитализм при этом по «старинке» пытается решить все свои проблемы путем развязывания серии крупномасштабных вооруженных конфликтов, так как по-другому он действовать не может и не хочет. Вот на этой сложной стадии капитализма (империализма) мы и пытаемся в него войти, или сесть в лодку, «идущую ко дну».

Вернуться к социализму по различным причинам также невозможно. По крайней мере сегодня «цивилизм» оказался «мертворожденной» теоретической конструкцией, не выдержавшей испытание практикой. Значит, успокаивая себя и других, пытаются строить демократическое, правовое, социально-ориентированное государство, подобное «шведскому социализму» или капитализму «с человеческим лицом», то есть «государство всеобщего благополучия», которое, впрочем, тоже не прошло испытание временем и аналогов которого в реальности никогда

не существовало. Для большинства населения страны капитализм, настоящий, а не наш, доморощенный, «дикий», ворвавшийся в нашу жизнь в начале 90-х гг. прошлого столетия с помощью СМИ и Голливуда, представляется в виде «цветущего европейского сада», где можно не работать и жить на пособие, которое больше напоминает заработную плату, и где все пенсионеры занимаются главным образом путешествиями и т.п. Однако в этот «сад» нас не пускают даже на «пушечный выстрел» в прямом и переносном смысле. А тех, кто туда попал с началом СВО, сегодня под различными предлогами выдворили из «цветущего рая» с перспективой попасть в фронтовые окопы.

Так что в создавшихся геополитических условиях целесообразно строить (хорошо ремонтировать) свой «дом», в котором нам всем хотелось бы безопасно и удобно жить. Для большинства населения страны – это главная социальная опора и поддержка действующей власти.

А вот с социальным государством дело обстоит сложнее. Социальное государство – это государство, функционирующее реально, а не декларируемое (на бумаге), в интересах большей части общества, т.е. «очень хорошо накормив богатых и одновременно обеспечивая гарантированный высокий уровень жизни всем остальным гражданам страны» (например, использовано в Норвегии и Швейцарии). Вряд ли «достойная жизнь и свободное развитие человека» могут считаться главным признаком и носимым предметом социального государства. «Достойная жизнь – это оценочная категория, а «свободное» развитие человека будет крайне затруднительно в резко материально дифференцированном социуме (в РФ это соотношение – 1:15) [Тисунова: 45–51].

Таким образом, мы приблизительно знаем, где мы живем и куда нам необходимо двигаться, чтобы не остаться на «обочине» истории. При этом мы также очень хорошо знаем, куда нам не хочется возвращаться и в каком направлении крайне опасно двигаться. Речь идет о тоталитарном, авторитарном, фашистском, неонацистском, радикальном, националистическом и им подобных государствах.

С понятиями «прогрессивное», «перспективное» государство также не все в порядке. По этому поводу даже среди выдающихся мыслителей человечества существуют различные мнения. Сразу же следует отметить, что *реальное, действительное* государство – это наше настоящее (сущее), а прогрессивное – это (должное) государство. Но уже сегодня можно с полным основанием утверждать: научно-технический прогресс (цифровизация, искусственный интеллект и т.п.) прямо связывать с понятием «прогрессивное», «будущее» государство не стоит. Так, Э. Гидденс в своей широко известной работе «Устро-

енное общество» не «рассматривал в качестве основной движущей силы человеческой истории преобразование только материального мира» [Гидденс: 357].

Общество много слышало о нем и даже стремились к его воплощению – государству «всеобщего благосостояния». Но сегодня это – «цветущий европейский сад», который хочет «растоптать Россия». По поводу такого «сада» очень хорошо сказал Д. Фаулз: «Государство “всеобщего благосостояния” обеспечивает материальное благополучие, но не психологическое. Государство всеобщего благосостояния, каким оно представляется сегодня... уничтожает свой основной принцип – равенство» [Фаулз: 177–178].

Естественно, пока не было упомянуто и такое понятие, как «прогрессивное государство»: что это такое, существует ли в реальной жизни, а может, станет таковым в ближайшей или отдаленной перспективе.

Обратимся в этом вопросе к мнению В.Ф. Эрна, у которого есть ряд ценных высказываний по данной проблеме: «По обычным представлениям о прогрессе – в истории человечества прогрессивно развиваются учения, смягчающие права, создается все более высокая и моральная культура и уменьшаются человеческие страдания» [Эрн: 202]. Особое внимание ученый акцентировал на том, что «если прогрессивно растут только внешняя культура и техника, а человечество в моральном отношении не прогрессирует, а падает все ниже и ниже, и страдания его не уменьшаются, а только принимают новые, более острые формы, – тогда прогресс есть иллюзия» [Эрн: 205]. Он считал, что когда наука аморальна, то есть увеличиваются и совершенствуются орудия убийства человека, «всякие представления о прогрессе – чистое недоразумение, а прогрессивный рост знаний есть прогрессивный рост заблуждений» [Эрн: 205].

Ученый прекрасно понимал, что сделать аморальный социум (именно таким он сейчас реально является) высоконравственным – труднейшая и сложнейшая задача, стоящая перед обществом и государством: «Прогресс морали есть самая жестокая клевета на действительность, только вседозволенность и скотство, только отвлеченный безжизненный ум могут говорить о каком-то мнимом уменьшении страданий на земном шаре» [Эрн: 207]. Следовательно, для построения «прогрессивного» (другими словами – высокоморального государства) должны быть в наличии и объективные условия, необходимые для построения такого государства, и субъективные, учитывающие конкретного человека в прогрессе. Кроме того, необходимо знать, «что прогрессирует, кто прогрессирует, как прогрессирует». Без всего этого, по мнению В.Ф. Эрна, просто «вера в прогресс есть самая плоская и мерзкая вера, ибо игнорирует трагедию мира, и в то же время самая некритичная, самая наивная и самая фанатиче-

ская вера, ибо не принимает во внимание действительность» [Эрн: 207].

Таким образом, из самого серьезного и результативного анализа понятий «прогрессивный социум», «прогрессивное государство» следует неутешительный вывод: человек очень медленно движется вперед, а в период вооруженных конфликтов вообще прекращает движение и даже «откатывается» назад в своем «моральном становлении». То, что делают сегодня США и Израиль с Ираном, – прямое тому подтверждение.

Приходится признать, что «цветущий» западный «сад», «государство всеобщего благополучия», «технократическое» государство и «цивилизованное» в целом – все эти научные концепции потерпели историческое поражение будущего устройства мира.

Остался единственный, на наш взгляд, «оптимальный» вариант, проверенный на практике тысячелетней историей человечества – это стремление к постоянной «моральности» (А. Шопенгауэр), нравственности (С. Бабурин) государства с китайской или российской самобытной спецификой, или с заслуживающим внимания принятием достижений других народов и культур в направлении лучшего общественного устройства. Понятно, что это сложнейшая задача, но это и настоящая «путеводная звезда», а не путь для возврата назад в скрытом или открытом виде под вывеской «имитационной демократии» как современной формой капиталистического исторического типа государства.

Как известно, исторические типы государств характеризуются:

- а) элитой (классом, социальной группой), которая находится у власти;
- б) системой производственных отношений и форм собственности, на которых эта власть базируется;
- в) системой методов и способов, которые применяет эта власть при защите существующих производственных отношений и форм собственности;
- г) реальным, а не декларируемым общественным содержанием политики государства, его истинной ролью в обществе;
- д) уровнем культурно-духовного развития населения государства в целом и личности в частности.

Таких классификаций существует достаточно много. Сложность заключается в другом: в поиске и внедрении основных критериев, свидетельствующих, что именно они являются бесспорными и объективными показателями поступательного развития человеческой цивилизации, государств, народов, социумов.

При этом, говоря словами В.Ф. Эрна, очень самобытного русского философа: «В такую ответственную и трудную эпоху, как наша (1916 г.), не следует плодить бумажные проекты и без великой нужды усложнять и без того сложную картину бесчисленных

разнообразных проблем, восставших со всех сторон перед Россией» [Эрн: 332].

Для достижения этой цели можно использовать методологический подход известного западного ученого Э. Гидденса, который писал: «Анализ любого стратегического (функционального) исследования должен исходить из следующих основополагающих принципов: необходимо избегать упрощенных трактовок, присущих деятельности субъектов, способных их познавать; научно обосновывать подход к мотивации; интерпретации диалектики контроля» [Гидденс: 393].

Список литературы

Бухарин Н.И. Этюды: сборник докладов и статей о различных сторонах культуры. Москва; Ленинград: Гос. технико-теоретич. изд-во, 1932. 352 с.

Гидденс Э. Устройство общества: Очерки теории структуризации. 2-е изд. Москва: Академический Проект, 2005. 528 с.

Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. Москва: Таурис, 1995. 330 с.

Левченков А.И., Груздев В.В., Глазков В.А. Постсоветское право и государство: монография. Кострома: КГУ; Луганск: ЛАВД, 2022. 840 с.

Общая теория государства и права. Академический курс. В 2 т. Т. 1. Теория государства. Москва: Издательство «Зерцало», 1998. 408 с.

Тисунова В.Н., Резник А.А., Губарева А.О. Социальная нестабильность как глобальный вызов экономической безопасности в современной России // Проблемы современной экономики. 2026. № 1 (97). С. 45–51.

Фаулз Д. Аристос / пер. с англ. Н. Роговской. Санкт-Петербург: Symposium (ГПП Печ. Двор), 2003. 284 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. Москва: АСТ, 2007. 588 с.

Хропанюк В.Н. Теория государства и права / под ред. В.Г. Стрекозова. 2-е изд., доп., испр. Москва: ДТД, 1995. 377 с.

Эрн В.Ф. Сочинения / сост., подгот. текста Н.В. Котрелева, Е.В. Антоновой. Москва: Правда, 1991. 575 с.

pers and Articles on Various Aspects of Culture]. Moscow; Leningrad, Gos. tekhniko-teoretich. izd-vo Publ., 1932, 352 p. (In Russ.)

Giddens E. *Ustroistvo obshchestva: Ocherki teorii strukturatsii* [The Structure of Society: Essays on the Theory of Structuration], 2nd ed. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2005, 528 p. (In Russ.)

Inozemtsev V.L. *K teorii postekonomicheskoi obshchestvennoi formatsii* [Toward a Theory of Post-Economic Social Formation]. Moscow, Taurus Publ., 1995, 330 p. (In Russ.)

Levchenkov A.I., Gruzdev V.V., Glazkov V.A. *Postsovetskoe pravo i gosudarstvo: monografiia* [Post-Soviet Law and State: A Monograph]. Kostroma, KGU Publ.; Lugansk, LAVD Publ., 2022, 840 p. (In Russ.)

Obshchaia teoriia gosudarstva i prava. Akademicheskii kurs. V 2 t. T. 1. Teoriia gosudarstva [General Theory of State and Law. Academic Course. In 2 vols. Vol. 1. Theory of the State]. Moscow, Izdatel'stvo «Zertsalo» Publ., 1998, 408 p. (In Russ.)

Tisunova V.N., Reznik A.A., Gubareva A.O. *Sotsial'naiia nestabil'nost' kak global'nyi vyzov ekonomicheskoi bezopasnosti v sovremennoi Rossii* [Social Instability as a Global Challenge to Economic Security in Modern Russia]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of Contemporary Economy], 2026, no. 1 (97), pp. 45–51. (In Russ.)

Faulz D. *Aristos* [Aristos], translated from English by N. Rogovskaya. St. Petersburg, Symposium (GPP Pech. Dvor) Publ., 2003, 284 p. (In Russ.)

Fukuyama F. *Konec istorii i poslednii chelovek* [The End of History and the Last Man], translated from English by M.B. Levin. Moscow, AST Publ., 2007, 588 p. (In Russ.)

Khropaniuk V.N. *Teoriia gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], edited by V.G. Strekozov. 2nd ed., suppl., corrected. Moscow, DTD Publ., 1995, 377 p. (In Russ.)

Èrn V.F. *Sochineniia* [Essays], comp., prepared. text by N.V. Kotreleva, E.V. Antonova. Moscow, Pravda Publ., 1991, 575 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.12.2025; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 04.12.2025; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 15.04.2026.

References

Bukharin N.I. *Etiudy: sbornik dokladov i statei o razlichnykh storonakh kul'tury* [Etudes: A Collection of Pa-

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 79–84. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 79–84. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1'0.09

EDN XPVFYF

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-79-84>

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ВЫГОВСКИХ РИТОРИК В ЦАРЕ-УГЛИЧСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ

Мокрушин Сергей Дмитриевич, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, ser.mokrush@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1566-1043>

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить в памятниках угличской староверческой книжности следы риторических схем, используемых на Выгу. В ходе работы было проведено сравнение бытовавших в выговской пустыни риторик с различными редакциями Царе-Угличского летописца («О разорении града Углича, нарицаемого древле града Угля, слаткоумильная и жалостнейшая повесть вкратце», Барсовский и Музейный летописцы). Главным объектом сравнения выступали предлагаемые в риториках схемы и приемы построения текста, выделенных в свое время Н.С. Гурьяновой, их отражение в изучаемом памятнике. Также подтверждено наличие в различных списках летописцев структурных и содержательных корректур, вводимых, по предположению И.В. Сагнака, выговскими книжниками, находящимися в контакте с угличской старообрядческой общиной. Изначальная гипотеза И.В. Сагнака подкреплена фактическим материалом: выявлена апелляция Царе-Угличского летописца к выговским приемам построения текста и его организации (прослеживание в составе рукописей частей, посвященных топике, прагматологии, хронологии и генеалогии; организация текста по пятиступенчатой схеме, предлагаемой выговской Риторикой-сводом). Последнее позволяет сделать вывод, что Царе-Угличский летописец в принципах организации и построения текста действительно восходит к выговской книжной традиции.

Ключевые слова: летопись, старообрядчество, старообрядческая книжность, Углич, Выг, риторика, заимствования.

Для цитирования: Мокрушин С.Д. Заимствования из выговских риторик в Цареугличском летописце // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 79–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-79-84>

Research Article

BORROWINGS FROM THE VYG RIVER RHETORIC IN THE CHRONICLE OF THE «TSAR'S CITY OF UGLICH»

Sergiy D. Mokrushin, postgraduate, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ser.mokrush@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1566-1043>

Abstract. This article attempts to identify traces of rhetorical patterns, which had been used on the Vyg River, in Uglich schismatic literary monuments. A comparison of rhetoric patterns common in the Vyg River hermitage with various versions of the Chronicle of the «Tsar's City of Uglich» («A brief, sweet, touching, and the most pitiful tale of destruction of the City of Uglich, called Ugol in old times,» – the chronicle discovered by Nikolay Barsov, and the chronicle from the Museum collection of the Russian State Library) was conducted during the course of the study. The main focus of the comparison includes the patterns and textual construction techniques, identified by Natal'ya Gur'yanova, and their reflection in the monument under study. The presence of structural and substantive corrections in various chronicle lists, which, according to Igor' Sagnak, had been introduced by scribes from the Vyg River, who were in contact with Uglich schismatic community, is also confirmed. Igor' Sagnak's initial hypothesis is supported by factual material – the Chronicle of the «Tsar's City of Uglich» appeals to the textual construction and organisation techniques characteristic of the Vyg River area. This is confirmed by the following sections of the manuscripts: those devoted to topic, pragmatology, chronology, and genealogy; and the organisation of the text according to the five-stage scheme proposed by the Rhetoric Codex from the Vyg River. This allows us to conclude that the Chronicle of the «Tsar's City of Uglich» indeed derives from the literary tradition of the Vyg River schismatics in its principles of textual organisation and structure.

Keywords: chronicle, Russian schismatic movement, schismatic bookishness, Uglich, Vyg River, rhetoric, borrowings.

For citation: Mokrushin S.D. Borrowings from the Vyg River rhetoric in the Chronicle of the «Tsar's City of Uglich». Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 79–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-79-84>

В отечественной науке старообрядческая книжность всегда привлекала немалое внимание. Однако, несмотря на обращения к ней, невозможно говорить об исчерпанности имеющихся исследований. Важный и до конца не проясненный вопрос касается локальной провинциальной книжной традиции, имеющей старообрядческие корни.

Особого внимания здесь заслуживает один из мощнейших центров старообрядчества – Выг – и его книжная школа. Последняя была выделена исследователями еще в первой половине XX в., и пальма первенства здесь безраздельно принадлежит Василию Григорьевичу Дружинину [Дружинин 1911]. Вместе с выявлением особой выгорецкой традиции последующими исследователями были определены и ее уникальные стилистические черты, концепции построения текстов и основы риторической системы.

Однако с изучением «центра» северной поморской старообрядческой традиции появляются вопросы, связанные с ее влиянием на сопредельные, периферийные школы. Одним из таких центров был г. Романов (сегодня – Тутаев) и его сосед в семидесяти километрах – г. Углич.

Угличское книжное старообрядческое наследие было выявлено еще в XIX в., но пристальное внимание исследователей ему не уделялось. Лишь в наши дни интерес к этому направлению стал просыпаться, во многом благодаря местному энтузиасту и исследователю – Игорю Владимировичу Сагнаку, а также целой плеяде ученых (см.: [Гурьянова; Руди, Водолазкин; Поньренко; Титова; Юхименко 2002, 2003, 2005, 2008] и др.). В своих трудах И.В. Сагнак однозначно утверждал о связи книжников Углича с Выгорецким скитом через фигуру Г.Д. Тихомерова-Серебрянникова, значимого горожанина и мецената из местной старообрядческой среды. Неудивительно, что И.В. Сагнак быстро пришел к выводу, что один из генеральных в плане значения памятников местной книжности – Угличский летописец – имеет следы правки выгорецкого книжника [Сагнак: 27]. В своих выводах он апеллировал к данным палеографии и особенностям орфографической передачи топонимики. Однако к самому тексту через призму возможных заимствований в подробностях он не обращался.

Самым чувствительным заимствованием, с нашей точки зрения, можно считать риторические основы, которые являлись фундаментом выговской историко-географической традиции и которые могли перетечь в рассматриваемый памятник. Летописец, если его соотнесение с текстами Выгорецкой пустыни справедливо, должен нести в себе печать той традиции написания. И примеры тому обнаруживаются в тексте.

Следует начать с того, что выговская школа во многом опиралась на риторические наработки XVII в. На Выгу бытовали все известные риторические сочинения. Сверх того, там же была составлена и собственная компилятивная версия риторики: часто описываемая Риторика-свод 1720–1730 гг. и ее наследница, Поморская риторика, уже середины XVIII в. [Поньренко: 159]. В них нетрудно отыскать основные категории и понятия, схемы, которыми должен был пользоваться автор при составлении исторического повествования. Они были подробно рассмотрены в монографии Н.С. Гурьяновой «История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в.».

Конечно, старообрядческая риторическая система изначально строилась в интересах полемики с официальной Церковью и при создании гомилитических памятников. Отсюда и базовая пятиступенчатая схема создания произведения (рассчитанного на его устное воспроизведение) [Гурьянова: 21]:

1. Изобретение – постановка тезиса и аргументации.
2. Витийство – использование приемов красноречия для оформления имеющихся данных.
3. Расположение – организация фактов в логическую структуру.
4. Память – запоминание сложившегося произведения.
5. Изгласие – поиск формы устной презентации текста, приемы рассказывания выступающего с речью.

При этом была прописана и базовая компоновка текста. Он предполагал наличие предъизвестия, повествования, утверждения и надсловия. Кроме того, важен был и подбор, отсеиваемых данных, определенное отношение к ним. Как утверждает В.Г. Дружинин, уже в середине XVIII в. старообрядцы применяли при работе с текстами критический анализ, особенно уместный при оценке выдвигаемых представителями официальной Церкви аргументов [Дружинин: 25]. Помимо базовой оппозиции категорий «правда – ложь», использовалось и трехчастное деление сведений на повествование историческое, риторское и басенное. В принципе, при проговаривании понятия «история» выговские книжники оценивали ее как череду событий добрых и злых, войны и мира, а также как образы достопамятных людей. История понималась как «четверугубая» наука, вмещающая в себя «топику» (географическое описание), «хронологию» (летоисчисление и хронологическую организацию), «генеалогию» (описание происхождения главных героев исторического произведения) и «прагматологию» (непосредственное описание событий)¹ [Дружинин: 44]. При составле-

нии исторического текста книжник должен был обращать внимание на достоверность сведений, их полноту, письменную фиксацию; вменялась в обязанность и доскональность при описании тех или иных событий, пространств, людей.

Если мы возьмем один из ключевых составных элементов Угличского летописца, мы без труда сможем обнаружить все перечисленные элементы. В «Сладкоумильной повести о разорении царственного града Угля» система повествования строится на вышеупомянутых лекалах. Автор словно бы в самом вступлении начинает отражать эту сложную, многочастную структуру. Повесть начинается с раздела, который в терминологии Выга именуется «Топикой»:

«О граде ты граде, богоспасаючи, граде столны, державнокняжуючи прекрасны Угле! Граде, славны до литовского разорения бе, царю Дмитрию уделны, царствующи велики граде! Стоишь ты, граде, по правую сторону реки Волги, издревле, ты просвещен жителми христианы. Широта твоя тогдашнего времени – пять поприщ, а долгота – семь поприщ, а окружностию – двадцать четыре поприща» [Сл. Пов.: 7].

В Барсовском списке, одной из самых мощных редакций летописца рубежа XVIII–XIX вв., таковые вставки тоже присутствуют в вступительной статье «О начале града Углича», но с большей точностью и скрупулёзностью:

«Преславный и богоспасаемый град Углич построен на восточной стране есть реки Волги, лежащий по градусом авторовых знамен адметрических под 42-м градусом, стоит по правую страну течения реки Волги, или на правой стороне над Волгою рекою, углом ко означенной велицей реке Волге, вдаль наипаче от Волги в правую страну сухопутнаго берега, по разположению самого ровнаго и лужнаго, широкаго и пространнаго места имущаго, на добрей весма земли и плодородней» [Барс.: 38–39].

В версии летописца Барсовского описание выглядит максимально вычурно и дотошно. Вместо простого определения стороны реки для читателя, дабы обозначить место действия, автор вводит почти энциклопедическую вставку с указанием положения Углича во всех плоскостях, едва ли не в объеме показывая его местоположение (даже с указанием градуса! – к слову отметить, это не составило бы труда для некоего анонимного члена выгорецкой пустыни, так как точные науки были там в ходу, тому пример цитата из «Краткого описания выгорецких отец и других ревнительных мужей. Кто откуда и какова вида и нрава быша и в кои лета скончашася» про Козму Иванова: «...научися и геометрической хитрости, зело изящно»). Подобный подход свойственен и иным выговским текстам, в частности, в «Истории об отцах и страдальцах Соловецких»:

«Монастырь Соловецкий есть киновия, си есть общежителство, собранный от стекшихся иноков во единоименное и единотрапезное, паче же единомысленное спасительное пребывание, согражденный вне мирских жилищ во едином от морских отоков, Соловки именуем, от негоже и Соловецкий нарицатися прият. Начало жития во отце преподобный отец Саватий произведе в лето 6928 (1420) при благочестивем князе Василии Василиевиче, многа лета уединенным житием спасительно безмолствова. По преставлении же онаго преподобный отец Зосима обнови жителство отока, и кинов возгради, и братию собра, чины, и уставы, и предания церковная и отеческая к назданию душ человеческих предав, спасительное наследие учеником остави.

И якоже о местоположении каковства киновии и количества отстояния вселенныя, тако о веществе здания и згромаждения, тако о виде благолепотства и украшения, и твердости монастыря оставляю писати, яже не токмо россианом, самовидением присно уверяема, но и вселенныя историографом и географом, на западе и востоце пребывающым, сия весма известна и во описании суть» [Денисов]

В этом же отрывке Царе-Угличского летописца можно проследить и попытки вывести хронологическую основу, следуя выговскому стандарту. Книжник, творивший Сказание, выделяет ключевые моменты в повествовании, коими являются три угличских разорения, после которых в двух случаях град оказывается на грани существования, но выживает:

«Сколко разорений граду Угличу было?

Три бо.

Первое – отъ нашествия безбожнаго царя агарянского Батья на Россию [...] едва ли не весь град Углич [...] разорися, мало мнее.

Второе разорение Углича [...] отъ Бориса Годунова, за убиение царевича Димитрия, Государя Угличкаго. [...] И дотолика град Угличь разорил, что многия летописцы пишут о нем: “И опустети граду Борис Годунов учинил”.

Третье разорение Угличу обоих сих разорении превосходит искоренением и потреблением всякого чина жителей, его же написахом выше о сем [...]. И за то весь град Угличь в лето 7717 разорен бысть и от поляк, и от мятежников, и от предателей весь изтреблен и погублен до конца» [Сл. Пов.: 23–24].

Это вписывается в концепцию выговской историографии как описания ключевых событий и войн, «дел злых», которые, несмотря на наличие примеров доброго жития и святых обитателей, коих изображение идет в середине вступления, подвели Углич к грани уничтожения [Гурьянова 1996: 45]. Таким образом, из четырех компонентов, делающих из текста историю, два – топика и хронология – уже представлены.

Генеалогия в этой череде составляющих приведена уже в статьях Барсовского летописца в деталях и подробностях. Не требует объяснения, что все статьи, касающиеся правителей Углича, так или иначе подчинены генеалогическому принципу, особенно в пределах конца XIV – конца XV вв., где пресекается род Андрея Васильевича Большого и Угличский удел входит в состав Московского государства. В частности, Барсовский список иллюстрирует особое отношение к преемству княжеского стола:

«И по единоедесятом отце их и сих двух в степень княжения приемлем, и есть с ними считаем и первья Углическия князи. И бывает их по се место тринадесять количеством, и яко то уже zde число совершенно преиде» [Барс.: 84].

Прагматология в тексте Царе-Угличского летописца богата материалом. Не касаясь их достоверности (авторы черпали сведения из доступных им источников², поэтому часть фактологической основы не имеет подкрепления в иных русских летописных источниках [Сагак: 27]), факты приведены в строгой завязке причин и следствий.

Самим описаниям происходящего свойственна предельная детальность изложения. Это мгновенно бросается в глаза при прочтении глав, посвященных польскому разорению. Книжники Углича старательно обозначают все понесенные городом утраты, описывая стертые с лица земли обитатели и посадки:

«И от 65 погостов точию 22, и от 13 монастырей точию 7, и от 10000-ного селения домов точию 1000, и от пятеротмотысящных человек сонма полтмотысящный, коих ныне весьма умалися число Углическа града людей и селениев посадов, и пространства многих слобод упразднися, и торжище великое, и всепрочее гражданское многобогатствие и сокровище и стяжание великое погибе, наветом вражиим и ополчением брани литовской» [Барс.: 184].

Причем, несмотря на продвинутость исторического анализа и уровня самого текста, в описании самих событий и явлений авторы придерживаются компромиссной установки по отношению к власти предрержащим, господствующей на Выгу. Так, ни разу за все время повествования мы не увидим прямой критики даже патриарха Никона, одного из главных противников «ревнителей древнего благочестия». Формулировки очень обтекаемы и уважительны. В высшей степени это можно выразить в такой цитате из текста:

«И отсюда в людех, как во граде Угличе, так и во иных градах, и весех, и селех, учинились во всей Российской нашей державе во многих о Вере смятения и разлучения промежу новопечатных и староцерковных книг. Ибо едини говеют и приемлют новопечатныя, а другии – староцерковныя книги, и по них Веру за свято себе, якоже и мы и ныне имем. И таковое разлучение в людех и донныне происхо-

дит, и не вем, аще оное смятение едва ли не Концем Света снесется и престанет» [Барс.: 243–244].

Все вышеобозначенные задачи по созданию текста углические книжники в силу традиции должны были решать в ключе риторического сложения словес, подчиняясь форме при отражении содержания. Поэтому очень строго прописанные лекала произведения прячутся за изящными конструкциями и витиеватыми оболочками. Во вступительном слове к Сладкоумильной повести это выражается в высшей степени. К примеру, описание города накануне разорения исполнено стилистических повторений и обращений-рефренов. Обращения к граду постоянны, но при этом конструкция с междометием «О!» опоясывает эту статью с начала и конца:

«О граде ты граде, богоспасающи, граде столны, державнокняжующи прекрасны Угле! Граде, славны до литовского разорения бе, царю Дмитрию уделны, царствующи велики граде! Стоишь ты, граде, по правую сторону реки Волги, издревле, ты просвещен жителми христианы».

«О, граде! Коли жалостнейшее твое разорение, колико бед претерпе, смятени превзыде, колико нещитныя крове пролил еси множайше, яже граждан слезы, яко невозможно изчести, колико граждан болезней и печали! Сие твоего, граде, первое разорение подает путь ко второму» [Сл. Пов.: 7–9].

На приеме повтора строится и описание самого города, преподносимое за счет введения новых сведений через оборот «только...»: «И толико священнолепен», «Толико жителми преименит, толико христианским благочестием украсися» [Сл. Пов.: 7]. Это возведение в абсолют идеального состояния Углича до разорения словно показывает вершину, с которой низвергается в пучину разрушения «царствующи велики град».

Повторение как прием витийства словес находится и в «Плаче на предателя Углича». Драматические обращения в своем виде чем-то напоминают даже ритмический характер акафиста. Только в «Плаче» положительные, восхвалительные характеристики заменяются негативным именованием объекта:

«О, ненасыщаемая утроба! О, дно адовых пропастей! О, житель мрачного адцакого жилища! О сыне помрачения! О, Иудин подражатель, сатанин наперсник, Лазиионов друг! О, ада вселниче!» [Сл. Пов.: 18].

Несомненно, что текст Угличского летописца подчиняется строгой структуре. Однако даже внутри редакций наблюдается динамически меняющийся подход к организации повествования – к тому, что в категориях старообрядческой риторики можно было обозначить как «расположение». С одной стороны, эффект от этого выстраивания частей неочевиден – части повторяют друг друга в смысловом ключе, дублируются и пересекаются. Так, сведения

о разорении находятся буквально везде на всем протяжении Барсовского летописца, не имея при этом некой единой линии взаимосвязи. С другой стороны, этот список интегрирует в свой состав оглавление, задача которого – структурировать имеющийся материал. Пусть это не выходит в полной мере, но само намерение показывает многое. Даже сам составитель не отрицает посредственное качество вышедшей компиляции, о чем прямо сообщает читателю в предисловии:

«Но поне, аще и простыми словами сочиних оную, и кроме наук восприях свободный смысл, и дерзнул предложенную сочиненную мною текущую историю, располагая вещи коеждо силу по статьям» [Барс.: 30].

Таким образом, генеральный памятник старообрядчества Углича – Царе-Угличский летописец – во многом опирается на структуры и категории, присутствующие перу авторов Выгорецкой общины. Базой произведения является риторическая система построения текста, предложенная общиной Денисовых на основе аккумуляции и переосмысления имеющихся текстов Риторик, что фактически подтверждает плотную взаимосвязь двух традиций, помимо уже имеющихся данных палеографии и текстологии. Отдельно следует упомянуть и «витийство», присущее старообрядческой выговской школе, однако элементы и характер применения последнего требуются рассмотреть в отдельной работе.

Примечания

¹ РГБ. Собр. Барсова. № 507. Л. 144–144 об.: «Имать же история разделение свое четверогубое: И тако, егда описует стран имеет положение им начала и окончания, где лежит Азия, где Африка, где Европа и новоизобретенная часть мира Америка. Каковаго состояния жители, земли плодоносие, горы и сим подобная. Тогда именуется Топика, си есть местная. Егда же исчисляет времена от создания мира или от изшествия народа израильскаго от Египта, от олимпиад греческих или от испанских эр и прочая, тогда нарицается Хронология, си есть леточислие. Паки, егда изъясняет домочадства, колена, роды и племена отеческая, благородных человек фамилии и прочая, приемлет себе звание Генеалогия, си есть родословие. Послежде, егда описует вещи содеянные и действия славных мужей, тогда сие имя имать Прагматология, еже есть деесловие» (приведено по: [Гурьянова, 1996: 44]).

² К отбору материала относились достаточно серьезно: «А о чем прежде не стяжах уведати, то и предается безвестию или иным, могущим вящши нас уведати и пространнее описати историевграфически, во удовлетворение ширшее показати, то оставляем на рассуждение исполнительнейших показаний коеждо трудолюбнаго снискателя» [Барс.: 29].

Список литературы

Источники

Сл. Пов. – О разорении града Углича, нарицаемого древле града Угля, слаткоумильная и жалостнейшая повесть вкратце // Царе-Углический летописец / подг. к печати И.В. Сагнак. Углич, 2013. С. 5–23.

Барс. – «Барсовский» Краткий Углический летописец (ГМЗРК, № Р-48) // Царе-Углический летописец / подг. к печати И.В. Сагнак. Углич, 2013. С. 25–336.

Муз. – Музейный Летописец // Царе-Углический летописец / подг. к печати И.В. Сагнак. Углич, 2013. С. 337–592.

Денисов – Денисов С. История об отцах и страдальцах Соловецких // Библиотека литературы Древней Руси Т. 19: XVIII век / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под. ред. Д.С. Лихачева и др. Санкт-Петербург: Наука, 2015. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-19/4#source (дата обращения: 13.03.2026).

Исследования

Дружинин В.Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Петроград, 1921. 66 с.

Дружинин В.Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. Санкт-Петербург: Тип. М.А. Александрова, 1911. 32 с.

Гурьянова Н.С. Исторические штудии противников церковной реформы во второй половине XVII века // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 258–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-shtudii-protivnikov-tserkovnoy-reformy-vo-vtoroy-polovine-xvii-veka> (дата обращения: 22.03.2026).

Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев. Новосибирск: Наука, 1996. 232 с.

Гурьянова Н.С. О традиционализме старообрядцев // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 53–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-traditsionalizme-starooobryadtsev> (дата обращения: 22.03.2026).

Поньренко Н.В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Ленинград, 1981. Т. 36. С. 154–162.

Поньренко Н.В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII в. Санкт-Петербург, 1994. С. 111–112.

Руди Т.Р., Водозазкин Е.Г. Из истории литературной топики: старообрядческая традиция // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 92–99.

Сагнак И.В. Об углическом Староверии: статьи разных лет. Углич: Угличское родословно-краеведческое общество им. Ф.К. Кисселя, 2014. 81 с.

Титова Л.В. Публицистические сочинения старообрядцев как механизм трансляции политических и нравственных идей (на материалах собрания рукописей института истории СО РАН) // Историче-

ский курьер. 2021. № 6 (20). С. 88–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publitsisticheskie-sochineniya-starobryadtsev-kak-mehanizm-translyatsii-politicheskikh-i-nravstvennyh-idey-na-materialah-sobraniya> (дата обращения: 22.03.2026).

Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: в 2 т. Москва: Языки славянских культур, 2002.

Юхименко Е.М. Духовная жизнь староверческой общины и летописание: Выго-Лексинский и Дегуцкий летописцы // Староверие Латвии. Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2005. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/261-1-0-771> (дата обращения: 22.03.2026).

Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства: в 2 т. Москва: Языки славянских культур, 2008.

Юхименко Е.М. Старообрядческая книжность и проблема реконструкции древнерусского литературного обихода // ТОДРЛ. Москва, 2003. Т. 54. С. 231–237.

References

Druzhinin V.G. *Pomorskie paleografy nachala XVIII stoletia* [Pomors' paleographers in the beginning of XVIII c.]. Petrograd, 1921, 66 p. (In Russ.)

Druzhinin V.G. *Slovesnye nauki v Vygovskoi pomorskoj pustyni* [Verbal sciences in the Vygovskaya Pomorskaya poustinia]. Sankt-Peterburg, Tip. M.A. Aleksandrova Publ., 1911, 32 p. (In Russ.)

Iukhimenko E.M. *Vygovskaia starobriadcheskaia pustyn': Dukhovnaia zhizn' i literatura: v 2 t.* [Vygovskaya Old Believer poustinia: Spiritual Life and Literature: in 2 vols.]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2002. (In Russ.)

Iukhimenko E.M. *Dukhovnaia zhizn' starovercheskoi obshchiny i letopisanie: Vygo-Leksinskii i Degutskii letopistsy* [The spiritual life of the Old Believer community and the chronicle: Vygo-Leksinsky and Degutsky chroniclers]. *Staroverie Latvii* [The Old Faith of Latvia]. Riga, Starobriadcheskoe obshchestvo Latvii Publ., 2005. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/261-1-0-771> (access date: 22.03.2026). (In Russ.)

Iukhimenko E.M. *Literaturnoe nasledie Vygovskogo starobriadcheskogo obshchegitel'stva: v 2 t.* [The literary heritage of the Vyg Old Believer community: in 2 vols.]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008. (In Russ.)

Iukhimenko E.M. *Starobriadcheskaia knizhnost' i problema rekonstruktsii drevnerusskogo literaturnogo obikhoda* [Old Believers' Literacy and the problem of reconstruction of Ancient Russian Literary usage]. *TODRL* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, 2003, vol. 54, pp. 231–237. (In Russ.)

Gur'ianova N.S. *Istoricheskie shtudii protivnikov tserkovnoi reformy vo vtoroi polovine XVII veka* [His-

torical studies of opponents of Church reform in the second half of the 17th c.]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2022, no. 2 (22), pp. 258–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-shtudii-protivnikov-tserkovnoy-reformy-vo-vtoroy-polovine-xvii-veka> (access date: 22.03.2026). (In Russ.)

Gur'ianova N.S. *Istoriia i chelovek v sochineniiakh starobriadtsev* [History and person in the writings of the Old Believers]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996, 232 p. (In Russ.)

Gur'ianova N.S. *O traditsionalizme starobriadtsev* [About the traditionalism of the Old Believers]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2022, no. 2, pp. 53–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-traditsionalizme-starobryadtsev> (access date: 22.03.2026). (In Russ.)

Ponyrenko N.V. *Uchebniki ritoriki na Vygu* [Textbooks of rhetoric at Vyg]. *TODRL* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1981, vol. 36, pp. 154–162. (In Russ.)

Ponyrko N.V. *Esteticheskie pozitsii pisatelei vygovskoi literaturnoi shkoly* [Aesthetic positions of the writers of the Vygovskiy literary style]. *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: XVII v.* [Literacy centers of Ancient Russia: XVII c.]. Saint Petersburg, 1994, pp. 111–112. (In Russ.)

Rudi T.R., Vodolazkin E.G. *Iz Istorii literaturnoi topiki: starobriadcheskaia traditsiia* [From the historical and literary theme: The Old Believer tradition]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2019, no. 6 (183), pp. 92–99. (In Russ.)

Sagnak I.V. *Ob uglicheskom Staroverii: stat'i raznykh let* [About the uglichesky Old belief: articles from different years]. Uglich, Uglichskoe rodoslovno-kraevedcheskoe obsh-vo im. F.K. Kisselia Publ., 2014, 81 p. (In Russ.)

Titova L.V. *Publitsisticheskie sochineniia starobriadtsev kak mekhanizm translyatsii politicheskikh i нравstvennykh idei (na materialakh sobraniia rukopisei instituta istorii SO RAN)* [Publicistics writings of the Old Believers as a mechanism for the transmission of political and moral ideas (based on the materials of the manuscript collection of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2021, no. 6 (20), pp. 88–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publitsisticheskie-sochineniya-starobryadtsev-kak-mehanizm-translyatsii-politicheskikh-i-nravstvennyh-idey-na-materialah-sobraniya> (access date: 22.03.2026). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.02.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 28.02.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 24.03.2026.

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32. № 2. С. 85–90. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 85–90. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN WPSNIH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-85-90>

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ: ЖЕСТ «ПРОТЯНУТАЯ РУКА»

Григорян Алла Маратовна, аспирант, Ивановский государственный университет, Кострома, Россия, alla.grigorian@bk.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-7293-8361>

Аннотация. В статье рассматривается жест «протянутой руки» как один из характерных элементов невербального поведения персонажей в творчестве Н.В. Гоголя. В центре внимания находится не столько описание телесного движения как такового, сколько его смысловая нагрузка и функции в художественном тексте. Исследование опирается на положения кинесики, в частности на концепцию Г.Е. Крейдлина о знаковом характере жеста, а также на наблюдения В.Н. Турбина, трактующего протягивание руки как значимый компонент гоголевской поэтики. Показано, что жест протянутой руки у Гоголя проявляется в ситуациях прошения и мольбы, стремления завладеть желаемым, угрозы, предложения помощи, а также попытки вступить в контакт с другим персонажем. Отдельно рассматриваются описания женских и детских рук – случаи, когда диминутивные формы и оценочные эпитеты усиливают экспрессивность образов. Делается вывод о том, что протянутая рука в гоголевском тексте, как правило, не сводится к нейтральному физиологическому описанию, а функционирует как знаковый жест, позволяющий выявить внутреннее состояние героя, углубить смысловую организацию художественного текста, на определенном этапе становясь формой духовного высказывания.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, невербальное поведение, невербальная семиотика, жест, протянутая рука, руки, инвариант.

Для цитирования: Григорян А.М. Невербальные проявления в творчестве Н.В. Гоголя: жест «протянутая рука» // Вестник Костромского университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 85–90. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-85-90>

Research Article

NONVERBAL MANIFESTATIONS IN THE WORKS OF NIKOLAI GOGOL: THE “OUTSTRETCHED HAND” GESTURE

Alla M. Grigorian, postgraduate student, Ivanovo State University, Kostroma, Russia, alla.grigorian@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7293-8361>

Abstract. The article examines the gesture of the “outstretched hand” as one of the characteristic forms of nonverbal behaviour in the works of Nikolai Gogol. The focus is placed not on the physical movement itself, but on its semantic potential and its functions within the literary text. The study draws on the principles of kinesics, in particular Grigoriy Kreidlin’s concept of the gesture as a meaningful sign, as well as on Vladimir Turbin’s observations, which treat the outstretched hand as an important component of Gogol’s poetics. It is shown that this gesture in Gogol’s prose appears in situations of supplication and begging, the desire to obtain or possess something, threat, the offer of help, and attempts to initiate contact with another character. Special attention is paid to the depiction of women’s and children’s hands, where diminutive forms and evaluative epithets enhance the expressive quality of the images. The article concludes that the outstretched hand in Gogol’s works should generally not be regarded as a neutral physiological gesture, but rather as a meaningful sign that reveals the character’s inner state, contributes to the semantic depth of the literary text, and at a certain stage becomes a form of spiritual expression.

Keywords: Nikolai Gogol, nonverbal behaviour, nonverbal semiotics, gesture, outstretched hand, arms, invariant

For citation: Grigorian A.M. Nonverbal manifestations in the works of Nikolai Gogol: the “outstretched hand” gesture. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 85–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-85-90>

Жестово-мимическое поведение героев Гоголя (то, что в невербальной семиотике относят к сфере кинесики [Крейдлин]) настолько многообразно, что, естественно, не могло остаться незамеченным исследователями. Однако интерес, который проявлен к этой грани гоголевского художественного мира, как правило, ограничивается короткими, неразвернутыми замечаниями или – в другом случае – более детальным анализом, но лишь отдельных телесных характеристик, как это сделано Ю.В. Манном по отношению к «формуле окаменения» [Манн: 329]. Требуется скрупулезный анализ, основанный на фронтальном изучении всех повествовательных произведений Гоголя, рассмотренных в обозначенном аспекте. Выстраиваемый на этой основе парадигматический ряд способен глубже раскрыть как инвариантную семантику той или иной невербальной характеристики, так и семантику конкретного ее воплощения в произведениях с разными героями, изображенными в разных ситуациях. В результате в новом свете может открыться и гоголевская антропология, связанная с проявлениями телесного поведения его персонажей, и аксиологические предпочтения писателя.

К числу знаковых, семантически насыщенных проявлений невербального поведения гоголевских героев среди прочих относится жест «протянутая рука». Едва ли не единственная попытка определить смысловую нагрузку данного жеста принадлежит В.Н. Турбину, придающему ему особое значение и трактуящему его как своего рода аксиологический центр творчества Гоголя, манифестирующий функцию «даяния, дарования; напутствия и готовности оказать помощь; объединения, соединения» [Турбин: 13]. Однако наблюдение В.Н. Турбина ограничивается единственным примером из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», хотя исследователь, расширяя в данном случае семантику жеста (в повести он связан только с функцией «объединения, соединения» и отчасти «готовности оказать помощь»), вероятно, имел в виду и какие-то другие гоголевские произведения (какие – остается неясным). Отдельные аспекты телесной семантики у Гоголя, в том числе случаи «застывшей руки», рассматривались автором данной статьи [Григорян: 65]. Однако жест «протянутая рука» требует гораздо большего внимания, и даже на первом уровне рефлексии становится ясно, что сделанное В.Н. Турбиным наблюдение не охватывает всех смысловых проявлений, стоящих за этим телесным движением.

По наблюдениям Г.Е. Крейдлина, существуют «прагматически освоенные жесты», привычно усвоенные в русской культурной традиции [Крейдлин: 96–97]. Движение «протянутой руки» как раз и относится к таким обладающим устойчивым набором значений жестам вследствие их частого ис-

пользования в русской культуре. Но Г.Е. Крейдлина преимущественно интересовала его семантика, реализующаяся в *реально-жизненном* человеческом поведении, причем те его значения, какие стоят за этим телесным проявлением движения, свойственным большинству людей. Понятно, что конкретный писатель, создающий *свою* реальность, *свою* картину мира (в нашем случае Гоголь), даже повторяя общераспространенные значения жеста, подчиняет их *своим* художественным заданиям. Наша задача – рассмотреть реализацию этого жеста на максимально полной источниковой основе и, описав его смыслы, обусловленные контекстом, выявить то, что присуще именно Гоголю.

Интересующий нас жест появляется уже на страницах ранних произведений писателя. *Протянутая рука* материализует стремление героя завладеть чем-либо, дотянуться, дотронуться до желанного объекта (в этом проявлении смысловая нагрузка жеста никак не вписывается в характеризующую позитивной семантикой формулировку В.Н. Турбина). В «Вечере накануне Ивана Купала» Петро протягивает руку к цветку папоротника, как велел черт, с которым герой заключает союз, продав ему свою душу. В овраге, где происходит действие (локусе, которое народное сознание устойчиво соотносит с нечистым местом), гоголевский герой совершает то, что предписано Басаврюком (первоначально прозрачно названным Гоголем Бисаврюком): ««Теперь пора», – подумал Петро и *протянул руку* (здесь и далее курсив мой. – А. Г.). Смотрит, *тянутся из-за него сотни мохнатых рук* также к цветку, а позади его что-то перебегает с места на место. Зажмурив глаза, дернул он за стебелек, и цветок остался в его руках» [Гоголь 1: 144].

Уже сама по себе ситуация – человек в союзе с дьяволом и в то же время в окружении inferнальных сил (мешающих здесь выполнить задуманное) в высшей степени характерна для Гоголя. Менее очевидно то, в чем порой писателю необоснованно отказывают, а именно психологическая нюансировка, сопровождающая жест его персонажа. Поскольку цветок представляет интерес как для героя, так и для окружавшей его нечисти, протягивание руки Петро можно трактовать как проявление нерешительности, связанной с возможным опасением того, что может последовать за его действием – герой именно «*протягивает*» руку к цветку, не срывая его сразу, причем сопровождая итоговое действие, «зажмурив глаза». Воссоздается внутреннее напряжение, чувство страха и возможное отвращение к «мохматым рукам», которое испытывает Петро. Такая фиксация «переходного момента», совершаемого героем своего рода «полудвижения» соотносится с наблюдениями Ю.М. Лотмана о гоголевской поэтике пограничных состояний, в ко-

торых телесный жест становится маркером перехода между разными уровнями бытия и сознания персонажа [Лотман: 112–114].

Другое характерное для Гоголя решение дано в повести «Страшная месть» и связано с кардинальной трансформацией общераспространенной семантики, репрезентирующей иную свойственную писателю черту – тему отклонения от *должного*, его разрушения. В данном случае эта тема решается на уровне микроэпизода. Действительно, подать руку означает пойти на контакт, довериться. Жест *протянутая рука* в таком случае может быть рассмотрен как форма телесного обращения к другому человеку, что соотносится с бахтинским пониманием диалогичности как фундаментального принципа художественного мира Гоголя [Бахтин: 37–38], с чаемым писателем движением человека к человеку. Между тем колдун, отец Катерины, ведет себя совершенно иначе. В надежде прекратить раздор с тестем Данило просит его подать руку: «Дай, Отец, руку! Забудем бывшее между нами. <...> Что же ты *не даешь руки?*» [Гоголь 1: 252]. Отказ равносителен здесь нежеланию наладить отношения и пойти навстречу друг другу.

Нечто подобное присутствует и в «Миргороде», в привлечшей внимание В.Н. Турбина «повести о ссоре», где вроде бы готовое свершиться примирение Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича («Тогда обступили их со всех сторон тесно и не выпускали до тех пор, пока они не решились *подать друг другу руки*» [Гоголь 2: 272–273]) приводит к новому всплеску ненависти и в конечном итоге к бесконечно тянущейся тяжбе бывших друзей. Очевидная причина этого в повести «Миргорода» – заново неосторожно произнесенное Иваном Никифоровичем слово «гусак», которое так ранит Ивана Ивановича (о причинах его обостренной реакции на это слово см.: [Капустин]). Однако есть и менее очевидная, не всегда замечаемая, но чрезвычайно характерная для Гоголя мотивировка происходящего: герои повести (не только Иван Иванович и Иван Никифорович) часто чертыхаются, тем самым создавая благоприятное условие для появления inferнальных сил. Такова художественная логика Гоголя, которому в значительной мере свойственно неконвенциональное восприятие слова – отсутствие зазора между означающим (словом) и означаемым (подробнее см.: [Капустин]). Примечательно, что и трагическая ситуация, в которой оказывается Хома Брут (повесть «Вий»), также в значительной мере спровоцирована чертыханием героя.

В «Страшной мести», однако, есть и другая деформация рассматриваемого нами жеста. Она связана с мотивом лжи и обмана. Отец Катерины, чтобы избежать железных оков, признается: «...я напустил им в глаза туман и *вместо руки протянул сухое дерево*» [Гоголь 1: 262–263]. Гоголевский колорит усили-

вает здесь и характерное для писателя слово *туман*, нередко соотносимое в его произведениях с мотивом обмана.

Вместе с тем интересно отметить, что разные герои Гоголя при интересующем нас жестовом движении могут вести себя сходно. Так, поведение протягивающего к месяцу (чтобы украсть его) руку черта из «Ночи перед Рождеством» невольно напоминает поведение Петруся из «Вечера накануне Ивана Купала», хотя черт, разумеется, делает это с другими целями, чем герой рассказа. Намереваясь похитить месяц с неба, он сначала тоже только протягивает к нему руку, а затем несколько раз отдергивает ее, проявляя нерешительность: «...уже *протянул было руку схватить его*, но вдруг *отдернул ее назад*, как бы обжегшись... снова отскочил и *отдернул руку*. И только потом уже следует решительное действие: «Подбежавши, вдруг *схватил он обеими руками* месяц» [Гоголь 1: 202–203]. Рука находится в движении – медленно тянется к объекту и резко отстраняется от него, тогда как овладение объектом происходит решительно («схватил») и, что немаловажно, обеими руками. В то же время с чертом из «Ночи перед Рождеством» до известных пределов соотносим оживший мертвец («Страшная месть»), который тянет руки к небу, словно стремясь дотянуться до месяца: «*Страшно протянул он руки вверх*, как будто хотел достать месяца...» [Гоголь 1: 248].

При всей очевидной разнице героев (к тому же черт в «Ночи перед Рождеством» подается комически, тогда как в двух других случаях доминирует семантика страшного) у Гоголя прописаны сближающие их «сценарии» действий: гоголевский персонаж «говорит» посредством рук вне зависимости от своей природы – это может быть и обыкновенный человек, и черт, и мертвец. Связано это, вероятно, с тем, что у Гоголя, как любого другого писателя, вырабатываются свои стереотипы, клише при изображении сходных ситуаций, избежать которых довольно сложно.

Однако у Гоголя есть и другие вариации с обрисовкой интересующего нас жеста, не связанные со стремлением дотянуться до человека или какого-либо объекта. Например, в «Заколдованном месте» протянутые руки свидетельствуют о приподнятом настроении и энергетике героя, связанной со стихией танца: «Вот как танцуют! – сказал он, поднявшись на ноги, *протянув руки* и ударив каблуками» [Гоголь 1: 311]. Несколько особняком в этом контексте стоит Чичиков, который, однако, тоже испытывает чувство довольства и приподнятое настроение: «Чичиков проснулся, *потянул руки и ноги* и почувствовал, что выспался хорошо» [Гоголь 6: 135].

Протягивание руки с целью дотронуться можно расценить как минус-прием, когда за ним не следу-

ет прикосновения к объекту интереса. Автор акцентирует внимание на стремлении героя приблизиться к чему-то и тем самым формирует ожидание телесного контакта, которое не оправдывается: «Пульхерия Ивановна *протянула руку*, чтобы погладить ее (кошку. – А. Г.), но неблагодарная... выпрыгнула в окошко» [Гоголь 2: 30]. Прерывистость и незавершенность действия также характерны для гоголевского текста: движение нередко фиксируется в моменте намерения, а не результата, что, по наблюдению В.В. Виноградова, усиливает экспрессивность сцены и создает внутреннее напряжение [Виноградов В.В.: 216].

Есть случаи, когда упоминаемые повествователем руки отличаются типом движений. Например, вытянутая рука, указывающая на что-либо (в данном случае на место), служит инструментом привлечения внимания, а также завлечения и приглашения: «Хозяин... поместился сызнова у дверей, *засывая прохожих и указывая им одной рукой на лавку*» [Гоголь 3: 81]. А описание руки, заслоняющей глаза, говорит о попытке Манилова лучше рассмотреть гостя и вместе с тем помогает увидеть Чичикову его самого – «...хозяина, который стоял... *приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами*, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж [Гоголь 6: 23]. В приведенных примерах движение рук обусловлено бытовыми ситуациями и не несет каких-либо специфических гоголевских признаков. Однако такие случаи у Гоголя наблюдаются довольно редко. Чаще всего он выводит жест за пределы чисто физиологических функций, придавая ему экспрессию и включая в значимые контексты, связанные с inferнальными мотивами, в чем мы уже могли убедиться, или религиозными (об этом речь впереди).

Говоря о женских руках, автор прибегает к использованию диминутивных форм для выражения их красоты, изящества и миниатюрности – типичные средства Гоголя при описании женского пола, обычно связанные с сентиментальной идеализацией героинь персонажами противоположного пола или повествователем: «*Просунь* сквозь окошечко *хоть белую ручку* свою...», «*Белая ручка протянулась...*», «...пошел сначала к *старушкиной ручке*, а после к *ручкам обеих барышень*», «*Хорошенькая ручка* смеющейся, блистающей, как белый сахар, панны», «подносила ко лбу свою *беленькую ручку* с полупрозрачными пальцами», «...казните вашу генеральскою *ручкою*» [Гоголь 1: 154, 177, 298; Гоголь 2: 163; Гоголь 3: 57, 197]. Отметим также частотность употребления эпитета «белый» и его производных по отношению к женским рукам.

Сентиментальность выражается и через диминутивные формы при описании детских рук и их движений, причем у Гоголя это преимущественно лексема

«ручонки»: «...испуганное дитя *протянуло ручонки* и кричало», «дитя... *протянуло к нему ручонки* и засмеялось» [Гоголь 1: 270–271].

В этом плане особенно показателен эпизод из рассказа «Вечер накануне Ивана Купала», где детские руки Ивася останавливают Коржа в порыве гнева и тем самым спасают Петруся: «...прибежал и *в испуге схватил ручонками его за ноги*» [Гоголь 1: 142]. Сентиментальность, которой был не чужд начинающий Гоголь, особенно явно проявлена в сцене, в которой заступившийся за Петро ребенок погибает от его руки, хотя здесь вместо жеста *протянутая рука* (вполне возможного в данной ситуации) появляется другой: «*сложив накрест ручонки*, он (Ивася. – А. Г.), казалось, умолял его о пощаде» [Гоголь 1: 358]. Образ креста (сложенные крестом руки) привносит религиозные смыслы, вплоть до неоднократно замеченного исследователями соотнесения Ивася с Иоанном Предтечей (в то же время этот жест можно расценить как предзнаменование надвигающейся гибели, ведь согласно православной традиции руки покойного складывают на груди крестообразно).

Уже в раннем творчестве обозначается еще один полюс использования Гоголем жеста «протянутая рука», тесно связанный не с его негативно окрашенной семантикой, а с позитивно подаваемыми ситуациями, отражающими те аксиологические предпочтения писателя, которые будут развиты далее. Протянутая рука оказывается выражением желания помочь, прийти на выручку: «Баба, наклонившись, казалось, что-то шептала и, *протянув над нею иссохшую руку свою*, опрыскивала ее холодной водою» [Гоголь 1: 263]. Такова сцена из «Страшной мести». В «Портрете» эта семантика сохранится, но обнаружит себя уже не как зримое, телесное проявление, а в метафорическом плане, как общеизвестный фразеологизм «протянуть руку помощи»: «Кроме того, он (отец художника Б. – А. Г.) ни в каком случае не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бедному художнику; веровал простой, благочестивой верою предков...» [Гоголь 3: 127].

С мотивом помощи и благодеяния соотносится и фрагмент из «Мертвых душ», где протянутые руки – выражение мольбы, сопровождаемое описанием неприглядной одежды детей: «Несколько мальчишек в замаранных рубашках *протянули руки*, приговаривая: “Барин, подай сиротиньке!”» [Гоголь 6: 21].

Все это предвещает ту семантику интересующего нас жеста, которая будет доминантой религиозно-философского дискурса позднего Гоголя, когда жест протянутой руки приобретает нравственное и христианское измерение. Речь идет о книге «Выбранные места из переписки с друзьями». По словам В.А. Воропаева, поздний Гоголь воспринимает мир сквозь призму христианской ответственности личности,

подчиняя внешнее действие внутреннему духовному выбору человека [Воропаев: 78–79]. Закономерно, что в «Выбранных местах...» жест соотносится с темами милосердия, подаяния и смирения, хотя и намеченными, как мы могли наблюдать, в более ранних гоголевских произведениях, но еще не выдвинутых там на передний план: «От нас уже довольно бывает *протянуть руку с тем, чтобы помочь*, помогаем же не мы, помогает Бог...» [Гоголь 8: 216]. Здесь жест *протягивание руки*, обретая метафорический характер (как было уже в «Портрете»), по сути, начисто лишается телесной зримости и метафорически осмысливается как форма соучастия в божественном замысле, что позволяет говорить о трансформации жеста из телесного в духовно-символический.

В контексте религиозно-духовной проблематики «Выбранных мест...» отсутствие изучаемого нами жеста становится даже более значимым, чем его осуществление, поскольку невозможность протянуть руку может обозначать крайнюю степень человеческой немощи и утрату способности к духовному действию со стороны стороннего созерцателя: «Какому же нищему следует прежде помогать: тому ли, кто еще может выходить на улицу и просить, или же тому, который *не в силах уже и руки протянуть?*» [Гоголь 8: 225].

Способность протянуть руку другому – аксиологическая доминанта позднего Гоголя, однако отнюдь не противоположная тем решениям, которые были даны в «Вечерах...», «Миргороде» и «Петербургских повестях», где присутствие либо отсутствие или деформация жеста рассматривалась писателем как *отклонение от должного*.

Вместе с тем в «Выбранных местах...» жест *протянутая рука* в каких-то случаях лишается человеческого измерения, отождествляясь с божественной силой и благодатью: «Бог весть, может быть, за одно это желанье уже готова сброситься с небес нам лестница и *протянуться рука, помогающая взлететь по ней*» [Гоголь 8: 416]. Здесь протянутая рука изображается посредством нисходящего божественного движения сверху вниз как ответ высшей силы на внутреннее «желанье» человека. Тем самым Гоголь показывает, что смысл жеста определяется не самим действием, а внутренним духовным движением, которое за ним стоит. Жест становится знаком посредничества между земным и небесным и выражает веру писателя в возможность спасения через внутреннее преобразование в первую очередь. Рассмотрение жеста в таком ключе отсылает к наблюдению И.А. Виноградова об исповедальном типе психологизма, характерного для творчества Гоголя и предполагающего внешнее выявление духовного опыта, что позволяет рассматривать жест как форму религиозного самовыражения персонажа [Виноградов И.А.: 23–25].

Итак, описание *протянутых рук* полисеманлично и довольно часто встречается у Гоголя прежде всего в ситуациях духовного кризиса, ожидания помощи или нравственного выбора. В этом смысле рассмотренный нами жест приобретает не чисто физиологическую, телесную характеристику, но измеряется Гоголем в духовной системе координат.

В ранних произведениях «Вечеров...» рассмотренный жест преимущественно становится маркером внутреннего напряжения героя, оказавшегося в контакте с нечистой силой («Вечер накануне Ивана Купала») или персонажа, самого наделенного ее признаками (колдун из «Страшной мести»). При этом протянутая рука в первом из названных произведений фиксирует пограничное состояние – момент между намерением и действием, ожиданием и осуществлением, что придает жесту особую психологическую емкость, передавая состояние персонажа, вступившего в контакт с нечистой силой. Опасное соседство с нечистой силой свойственно и чертующимся героям «Повести о ссоре», оказавшимся не способными подать друг другу руку в ситуации возможного примирения (это в равной мере относится и к Ивану Ивановичу, и к Ивану Никифоровичу).

В ряде случаев жест *протянутая рука* связан с ситуацией мольбы и прошения, результат которых неизвестен и взывает к эмоциям и чувствам читателя, с чем соотносимо и подаваемое в сентиментальном плане жестовое поведение детей (в этой связи нужно выделить обретающий и религиозно-нравственный смысл эпизод с убийством Ивася из «Вечера накануне Ивана Купала»). Свойственное Гоголю сентиментальное начало может присутствовать и в диминутивных характеристиках жестового движения женских рук.

Уже в раннем творчестве Гоголя семантика рассмотренного нами жеста обретает не только негативные, но и позитивные характеристики, лишаясь порой телесной явленности («Портрет») и переводимой Гоголем в метафорически-фразеологический по форме и религиозный по содержанию план помощи ближнему. Такие значения жеста с особой силой и постоянством предстают на страницах «Выбранных мест из переписки с друзьями». Видимое различие между подаваемым в негативном свете жесте *протянутая рука* и в его позитивных, взывающих к религиозным чувствам характеристиках в «Выбранных местах...» в действительности подчинено единой на протяжении всего творческого пути аксиологии писателя. В этом смысле напрасно искать какую-либо кардинальную «смену вех» в мировоззрении Гоголя, воссоздававшего негативные характеристики рассмотренного нами жеста в ряде ранних произведений, поскольку здесь они предстают как отступление от должного.

Список литературы

Источники

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / гл. ред. Н.Л. Мещеряков, ред.: В.В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В.А. Десницкий, В.Я. Кирпотин и др.; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Исследования

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 502 с.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избранные труды. Москва: Наука, 1980. 360 с.

Виноградов И.А. Психологизм Н.В. Гоголя // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 6–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73>

Воропаев В.А. Гоголь как политический мыслитель // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 74–85. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-74-85>

Григорян А.М. Мотив неподвижности в петербургских повестях Н.В. Гоголя: семантический инвариант и его варианты // Вестник Костромского университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 63–68. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-63-68>

Капустин Н.В. Почему все-таки обиделся Иван Иванович? // Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения: сб. ст. по материалам Международ. науч. конф. Москва; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2017. С. 264–272.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Лотман Ю.М. О русской литературе. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1997. 845 с.

Мани Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. Москва: Coda, 1996. 474 с.

Турбин В.Н. Герои Гоголя: кн. для учащихся. Москва: Просвещение, 1983. 127 с.

ant i ego variant [The motif of immobility in Petersburg stories by Nikolai Gogol: semantic invariant and its variants]. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 63–68. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-63-68> (In Russ.)

Капустин Н.В. *Pochemu vse-taki obidelsia Ivan Ivanovich?* [Why did Ivan Ivanovich get offended after all?]. *Gogol' i slavianskii mir. Shestnadsatsyie Gogolevskie chteniia: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf.* [Gogol and the Slavic World. Sixteenth Gogol Readings: collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirsk Publ. House, 2017, pp. 264–272. (In Russ.)

Крейдлин Г.Е. *Neverbal'naiia semiotika: Iazyk tela i estestvennyi iazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, 592 p. (In Russ.)

Лотман Ю.М. *O russkoi literature* [About Russian literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1997, 845 p. (In Russ.)

Мани Ю.В. *Poetika Gogolia. Variatsii k teme* [Gogol's poetics. Variations on a theme]. Moscow, Coda Publ., 1996, 474 p. (In Russ.)

Турбин В.Н. *Geroi Gogolia: kn. dlia uchashchikhsia* [Gogol's Characters: a book for students]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983, 127 p. (In Russ.)

Виноградов В.В. *O iazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of literary prose]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 361 p. (In Russ.)

Виноградов И.А. *Psikhologizm N.V. Gogolia* [Psychology of Nikolai Gogol]. *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2020, vol. 2, no. 4, pp. 6–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73>. (In Russ.)

Воропаев В.А. *Gogol' kak politicheskii myslitel'* [Nikolai Gogol as a political thinker]. *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2020, vol. 2, no. 4, pp. 74–85. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-74-85>. (In Russ.)

References

Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniia raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies from different years]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1975, 502 p. (In Russ.)

Grigorian A.M. *Motiv nepodvizhnosti v peterburgskikh povestiakh N.V. Gogolia: semanticheskii invari-*

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 05.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 91–96. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 91–96. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"21"

EDN RHLCEY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-91-96>

КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ РОМАНЕ: А. САЛЬНИКОВ, Д. ДАНИЛОВ, Е. ВОДОЛАЗКИН

Гримова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, astra_vesperia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0691-1078>

Аннотация. Статья посвящена исследованию катастрофического нарратива в современной русской литературе (на материале романов «Оккультрегер» А. Сальникова, «Саша, привет!» Д. Данилова, «Оправдание Острова» Е. Водолазкина). В качестве объекта анализа были выбраны тексты, соответствующие двум условиям: 1) значимость катастрофической событийности для диегетического мира; 2) данный тип событийности становится объектом художественной рефлексии в рассматриваемом произведении. Выбранные романы исследуют как личную, так и социальную катастрофичность, что обеспечивает репрезентативный для выбранной темы охват проблематики. Важной исходной точкой рассуждений становится мысль В.И. Тьюпы о сверхсобытийном статусе катастрофы. В романе А. Сальникова «Оккультрегер» катастрофическое лишено не только сверхсобытийного и событийного статуса, прежде всего в силу лишенности такого признака событийности, как интенциональность: протагонист романа, являющийся основным фокализатором повествования, не воспринимает разрушение мира как нечто фатальное. Событийный статус катастрофического девальвируется также за счет тотальной визуальной закодированности текста, что блокирует нарративную эмпатию. В романе Д. Данилова «Саша, привет!» личная катастрофа героя (смертный приговор) обладает сверхсобытийным статусом, однако это сверхсобытие имеет виртуальную природу. Его условность определена введением обрамляющего повествования, сообщающего читателю о том, что перед ним киносценарий. В романе Е. Водолазкина «Оправдание острова» крушение мира – логичный финал истории Острова, основными мотиваторами которой были жажда наживы, стремление к славе, беззаконие и т. п. Ожидающая Остров катастрофа не событийна, так как полностью подконтрольна трансцендентному уровню бытия. Таким образом, современный роман стремится семантически «обезвредить» страшное. В анализируемых текстах исследуется не только природа катастрофического, но и пути его преодоления. Одним из таких путей становится обращение к трансцендентному уровню бытия.

Ключевые слова: катастрофическое, событийность, А. Сальников, Д. Данилов, Е. Водолазкин, нарратор, фокализатор, прецедентная картина мира.

Для цитирования: Гримова О.А. Катастрофическая событийность в современном русском романе // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 91–96. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-91-96>

Research article

CATASTROPHIC EVENTS IN A MODERN RUSSIAN NOVEL: ALEKSEY SAL'NIKOV, DMITRIY DANILOV, EUGENE VODOLAZKIN

Olga A. Grimova, DSc in Philology, Associate Professor, the Kuban State University, Krasnodar, Russia, astra_vesperia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0691-1078>

Abstract. The article is devoted to the study of catastrophic narrative in modern Russian literature and based on the novels “Occultreger” by Aleksey Sal’nikov, “Sasha, Hello!” by Dmitriy Danilov, “Justification of the Island” by Eugene Vodolazkin. The texts that meet two conditions were chosen as the object of analysis: 1) the significance of catastrophic events for the diegetic world; 2) this type of event becomes the object of aesthetic reflection in the work under consideration. The selected novels explore both personal and social catastrophes, providing a representative coverage of the chosen topic. Valeriy Tyupa’s idea about the super-event status of a catastrophe serves as an important starting point for the discussion. In Aleksey Sal’nikov’s novel “Occultreger,” the catastrophic is not only deprived of its super-event and event status, but also of its characteristic feature of intentionality – the protagonist of the novel, who is the main focaliser of the narrative, does not perceive the destruction of the world as something fatal. The event status of the catastrophic is also devalued due to the text’s total visual encoding, which blocks narrative empathy. In Dmitriy Danilov’s novel “Sasha, Hello!” the hero’s personal catastrophe (a death sentence) has a super-event status, but this super-event is virtual in nature. Its conventionality

is determined by the introduction of a framing narrative that informs the reader that they are reading a screenplay. In Eugene Vodolazkin's "Justification of the Island" the collapse of the world is a logical conclusion to the Island's story, which was primarily motivated by greed, the pursuit of fame and lawlessness. The catastrophe that awaits the Island is not eventful, as it is completely controlled by the transcendent level of existence. Thus, the modern novel seeks to semantically "neutralise" the terrifying. The analysed novels explore not only the nature of the catastrophic, but also the ways to overcome it. One of these ways is the appeal to the transcendental level of existence.

Keywords: catastrophic, eventfulness, Aleksey Sal'nikov, Dmitriy Danilov, Eugene Vodolazkin, narrator, focaliser, precedent worldview.

For citation: Grimova O.A. Catastrophic events in a modern Russian novel: Aleksey Sal'nikov, Dmitriy Danilov, Eugene Vodolazkin. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 91–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-91-96>

Катастрофические события довольно часто составляют основу диегетической реальности современного отечественного романа. Такого рода событийность обладает широким семиотическим потенциалом, провоцируя рефлексию о том, как актуальная культура работает с социополитической, экологической, ментальной и, наконец, онтологической кризисностью современности. Появление катастрофической событийности в романе, как правило, «подсвечивает» целый спектр существующих в современном социуме проблем.

В русле этих размышлений обратимся к отечественной романистике начала 2020-х гг. как к периоду, когда нарастающая катастрофичность внетекстовой реальности неизбежно запускает механизмы художественной рефлексии происходящего. Активнее всего эта рефлексия осуществляется в неомодернистском сегменте современной литературы, к которому и принадлежат исследуемые романы. «Оккультрегер» А. Сальникова, «Саша, привет!» Д. Данилова и «Оправдание Острова» Е. Водолазкина исследуют как личную, так и социальную катастрофичность, что обеспечивает репрезентативный для выбранной темы охват проблематики. Во всех выбранных текстах, во-первых, катастрофа значима для диегетической реальности текста и, во-вторых, ее репрезентация позволяет размышлять о различных аспектах событийного / сверхсобытийного статуса: катастрофа, затрагивающая индивидуальный мир / глобальная катастрофа / катастрофа, реализующаяся на хроно-топическом либо ментальном уровне событийности.

Нарратив представляет собой способ оформления событийного опыта присутствия в бытии [Тюпа 2022: 17]. Неотъемлемым качеством событийности является интенциональность, человеческое сознание удостоверяет сингулярный, а не процессуальный статус происходящего: «С появлением сознания в мире событие бытия... становится совершенно другим, потому что на сцену земного бытия выходит новое и главное действующее лицо события – свидетель и судия» [Бахтин: 396]. Согласно классическому определению Ю.М. Лотмана, статус событийности определяется «картиной мира, дающей масштабы

того, что является событием» [Лотман: 283]. Однако катастрофическое заставляет пересмотреть природу события, так как это то, что нарушает событийные рамки, перекраивает сложившийся уклад жизни. Нарративизированная катастрофа становится, по мысли В.И. Тюпы, «сверхсобытием, необратимой деформацией картины мира, исходной для данного повествования» [Тюпа 2023: 168]. Значима для нас также идея современных теоретиков о противоположности катастрофы нарративной норме, репрезентируемой категорией «повседневности» [Воротынцева, Тюпа: 114]. Суммировав эти наблюдения, обратимся к рассмотрению современного романа.

Роман А. Сальникова «Оккультрегер» (2024) при первом приближении кажется «образцовым» катастрофическим нарративом: он открывается аллюзией на «постапокалиптический» «День триффидов», базовой установкой его диегезиса является постоянное и неуклонное погружение мира во тьму, его остывание, частным проявлением которого становится периодическое сгущение мути (неупорядоченной, неосмысленной энергии хаоса), бороться с которой призваны оккультрегеры в коллаборации с демонами и херувимами.

При ближайшем рассмотрении катастрофичность в этом романе оказывается лишенной не только сверхсобытийного, но и событийного статуса, о чем свидетельствует в первую очередь отсутствие той интенциональности, которая является характерной чертой события. Протагонист романа, являющийся основным фокализатором повествования [Женнет: 204], не воспринимает грядущее разрушение мира как нечто фатальное. Для Прасковьи и ее «коллег» надвигающаяся катастрофа – скорее обыденный фон их существования, процесс, сфера приложения «профессиональных навыков». Парадоксальным образом диалоги героев-сверхлюдей о катастрофических судьбах мира зачастую реализуют этос покоя [Тюпа 2015: 15]: «Когда счет пошел на третью бутылку и херувим перешел на обычную херувимскую риторику насчет того, что нынешний мир должен быть сметен с лица земли за все свои клятвопреступления... Прасковья... успокаивала и без того тихого херувима:

«Раз должен быть разрушен, то и будет. Да и ладно...» На что Иван Иванович порой одобритительно похлопывал ее по плечу...» [Сальников: 176–177]. Потенциально катастрофическое оказывается постоянно помещенным в обыденный, подчеркнута прозаичный контекст, обставляется огромным количеством бытовых деталей, что также способствует его снижению.

Будучи лишено событийной интенциональности, катастрофическое в романе Сальникова лишено и сингулярности. И в пространстве диегетического мира, и в контрфактуальных мирах воспоминаний о прошлых воплощениях ситуации, чреватые катастрофическим, многократно повторяются – герои погибают в битве с тьмой, воскресают, снова сражаются с мутью, теряют и обретают гомункулов и т. д. В повествовании об этом нарушен принцип традиционной романной эпизодизации. Каждая глава представляет собой укрупненный эпизод, напоминающий серию сериала и являющийся столь же замкнутым и сравнительно автономным от соседних. Таким образом, телеологического движения от отдельных проявлений катастрофического к финальной точке не происходит, цепочка серий лишена свойственной кумулятивной цепочке возможности «накапливать» кризисность, она утрачивается в «дурной бесконечности» дублей.

Потенциально катастрофическое девальвируется также за счет тотальной визуальной закодированности текста. Так, «пламя над горящей девяткой», в которой воплотилась в очередной раз муть, «походило на балрога» [Сальников: 107]. Постоянная активизация кинокода наделяет изображаемое большей долей условности, лишает катастрофическое референтной соотнесенности, оно начинает прочитываться просто как составляющая дискурса, а не часть истории. Закодированность также лишает текст возможности активизировать нарративную эмпатию [Keen], без возникновения которой сложно представить себе катастрофическое повествование. Например, так преподносится сцена, в которой у Прасковьи забирают гомункула, что для героини чревато смертью и означает для нее примерно то же, что для обычной женщины – потеря ребенка: «То, что происходило дальше, было скучно: в фильмах и сериалах если и появлялись службы, связанные с ювеналочкой, везде они ходили друг на друга – суровые, бездушные, отстраненные. Всегда в команде по изъятию ребенка находилась женщина, по интонациям в голосе – чисто концлагерная надсмотрщица. Примерно таких людей реальность художественно презентовала Прасковье. <...> Зацепившаяся за дверную ручку Прасковья сама себе напоминала одного из неказистых легионеров, обреченно держащих skutum в то время, как в его сторону вприпрыжку мчался веселый Обеликс» [Сальников: 241]. В этом эпизо-

де очевиден контраст смысла ситуации и того киноассоциативного шлейфа, который ее репрезентирует, что ведет, конечно, к нарушению паттернов эмпатии (утрата ребенка – сериалы про ювеналочку – концлагерь – франшиза про Астерикса, экранизирующая комикс), но кроме того, в данном и подобных эпизодах образуется слишком обширная, блокирующая непосредственность восприятия «буферная зона» между текстом / ситуацией и воспринимающим сознанием. Сама же изображаемая ситуация оказывается избыточно индексированной штампами массовой визуальной культуры. Таким образом, повествование, которому лежащий в его основе диегетический мир позволяет развернуться как катастрофическому нарративу, становится всего лишь обозначающим при слабо связанном с катастрофичностью обозначаемом, суть которого в непроницаемости, недоступности реального (которое, возможно, кризисно) вследствие того, что наше видение опосредовано системой условностей самого разного генезиса.

В романе Дмитрия Данилова «Саша, привет!» (2023) катастрофа разворачивается в личной вселенной героя: филолога Сергея Фролова приговаривают к смертной казни. В отличие от происходящего в романе А. Сальникова, пересечение границы между жизнью и смертью оказывается для героя сверхсобытийным, кардинальным образом меняет его картину мира, как будет продемонстрировано ниже. Сложность, однако, состоит в том, что это сверхсобытие имеет виртуальную природу. Его условность определена, во-первых, введением обрамляющего повествования, в рамках которого нарратор уведомляет читателей / зрителей о том, что перед ними не только роман, но и возможный киносценарий. Во-вторых, поскольку день расстрела, как и в целом факт его осуществления или неосуществления, определяется методом случайных чисел, сверхсобытие происходит исключительно в ментальной сфере героя. По сути, пересечение границы между жизнью и смертью, долженствующее стать хронотопическим событием, разворачивается в романе исключительно как дискурс о пересечении этой границы. И даже в этом качестве катастрофическое существенно преобразует координаты мира героя. Так, обыденное обретает событийный статус (последняя оплата метро картой «Тройка», последняя прогулка по Москве особым образом маркируются сознанием героя). Герой по-новому прочерчивает контуры собственной идентичности. Например, приучая себя ставить личные глаголы в прошедшем времени, он обнаруживает, что может сказать «ходил» о футбольном матче, но не может сказать «любил» о поэзии Введенского и продолжает говорить «люблю». Даже простая речевая констатация пересечения границы (диалоги с окружающими, в которых фигурирует приговор) де-

лает очевидной высокую степень ритуализированности человеческого общения. Тому, кого скоро ожидает смерть, не получится сказать «Хороших выходных!» или «До свидания», от него не получится добиться признания в любви, потому что – в контексте произошедшего – он перестал понимать, что в действительности значит это слово.

Катастрофическое материализовано в образе Саши, автомата, который должен произвести расстрел. Для размышлений о статусе катастрофического значима кумулятивная цепочка, в процессе разворачивания которой восприятие Саши протагонистом изменяется. Во второй половине романа выстраивается последовательность почти тождественных эпизодов, в которых есть лишь одна переменная – поведение героя во время ежедневной прогулки к красной зоне, где может состояться расстрел. Пока катастрофическое событийно для героя, его прогулка всякий раз превращается в разновидность диалога с материализованной смертью: Сережа корчится от страха, видя Сашу, потом учится маскировать страх, потом пытается обратиться к пулемету, потом переходит к оскорблениям и, наконец, просто выходит из диалога, спокойно пересекая красную зону так, как если бы пребывание в ней не было чревато возможной встречей с опасностью. Таким образом, изначальная сверхсобытийная значимость встречи со смертью девальвируется, что нарративно маркируется разрушением границы между обрамляющей и обрамляемой историями. Как в «Приглашении на казнь» В. Набокова, реальность, в которой герою угрожала смерть, предстает иллюзорной. Герой как бы физически преодолевает преграду между своим миром и миром зрителей фильма, наблюдавших за ним все это время, беспрепятственно попадая из расстрельного коридора на улицы Москвы. Таким образом, в рассматриваемом романе катастрофическая сверхсобытийность и существует, и аннулируется, оставаясь в статусе ментальной, так и не обретая референтности за пределами личностного мира.

Роман Е.Г. Водолазкина «Оправдание острова» (2024) открывается, как и роман «Оккультрегер», референцией к ожидаемому катастрофическому событию – текст начинается отрывком из пророчества Агафона: «И земля сотрясется, / и воспламенится черная вода на Севере, и потечет пылающая вода на Юге. / И будет лететь пепел с небес, / и сердца ваши обратятся в пепел» [Водолазкин: 7]. Ожидание исполнения этого пророчества телеологически организует эпизоды романа, на финальную катастрофу указывают постоянно посылаемые Острову предзнаменования, она изначально представляется той точкой, к которой устремлены интриги текста, его динамика в целом. Однако статус катастрофического возможно определять, лишь учтя особенности орга-

низации художественного мира Водолазкина, имеющего, на наш взгляд, эйдетическую природу. Человеческому (эмпирическому) уровню диетического мира предстоит трансцендентный, онтологический. На уровне презентации наррации это аксиологическое соотношение представлено как взаимодействие двух дискурсивных потоков – исторической хроники Острова, транслирующей профанные ценности (стремление к власти, наживе, славе), и комментариев к хронике, написанных Парфением и Ксений, реализующих онтологически ориентированную модель присутствия в бытии. Романное повествование в целом разворачивает прецедентную картину мира [Тюпа 2021: 188], первособытием которой, по свидетельству одного из хронистов, становится воплощение Христа. Каждый эпизод человеческой истории, ставшей основой для хроники, по сути, лишь манифестация удаления от божественного идеала. Визуальной метафорой такой прецедентности становится фреска Островного собора, где сюжет об очередном правителе изображался как палимпсестный слой поверх сюжета об искушении первых людей Змием. Каждый эпизод личной истории, развернутой в комментариях, реализует христологическую модель: князья участвуют в любом кризисном моменте жизни Острова, будучи готовыми пожертвовать собой ради других.

История Острова представляет собой кумулятивную цепочку эпизодов, которая – в отличие серийности «Оккультрегера» и кумуляции в «Саша, привет!» – не аннулирует катастрофичность, а логично к ней приводит. По мере продвижения к финалу усиливается гротескность, маркирующая отклонение островной жизни от нормы, правители государства все более утрачивают человеческий облик, приобретают зооморфные черты, трансформируя аналогичным образом и окружающий их социальный мир. Финальная катастрофа (пробуждение вулкана, грозящего гибелью всему государству), от которой князья спасают остров, не обладает событийным статусом, так как является естественным следствием предшествующей цепочки эпизодов, как бы накапливающей семантику отклонения от предписанного человеку. Не событийно катастрофическое еще и потому, что тотально подконтрольно трансцендентному уровню (в начале Островных времен предсказано не только финальное бедствие, но и способ избавления от него). По-настоящему катастрофичным (и, соответственно, сверхсобытийным), следуя художественной логике Водолазкина, можно признать лишь грехопадение, в результате которого этот уход от идеала начался. Все дальнейшие эпизоды человеческой истории лишь бесконечно дублируют его, а следовательно, тоже лишаются событийного статуса. В изложении хронистов эпизоды островной исто-

рии связаны не причинно-следственными связями, а скорее неким ритмом зарождения и разрушения, напоминающим об органических процессах, не регулируемых никакими смыслами (разрушение империи, порабощение остров, также закономерно, как выветривание горных пород, стачивание скал волнами [Водолазкин: 150]). Отдельное человеческое существование, будучи включенным в поток истории, также утрачивает событийность, личность перестает быть субъектом выбора и поступка, а также значимого слова, не изображается с точки зрения интроспекции.

Линия личностной истории, противопоставленная истории, творимой массами, также задается законами прецедентной картины мира, но в случае Парфения и Ксении предзаданность контуров их личной траектории лишь внешняя, в каждой ситуации они остаются субъектами выбора (решение сохранять духовный брак, пожертвовать собой во имя спасения Острова), и из системы их вполне романских выборов складывается житейный путь.

Подведем некоторые итоги. Анализ названных романов (а также довольно многих, оставшихся «за скобками» данного рассуждения – «Авиатор» Е. Водолазкина, «Принц инкогнито» А. Понизовского, «Улица Холодова» Е. Некрасовой, «Маленький Рай» К. Букши и др.) обнаруживает тенденцию к девальвации не только сверхсобытийного, но и событийного статуса катастрофы в современной литературе. Актуальный роман стремится или виртуализировать катастрофическое, транспонировать его исключительно в зону дискурсивной событийности, или растворить в серийном, или локализовать, сделав «подконтрольным», как бы «обезвредить». Катастрофическое зачастую оказывается актуализированным в текстах с прецедентной картиной мира, но в литературе выбранного периода катастрофа никогда не становится тем самым прецедентом, который потом задает цепочку воспроизводящих его событий (как это происходит, например, в литературе 90-х, скажем, в романах Л. Петрушевской). Катастрофа скорее включается в кумулятивную цепочку, теряя при этом значимость, суггестивность и, соответственно, возможность вызывать нарративную эмпатию.

В современной русской литературе пока не возникли тексты, которые бы формировали посткатастрофический сценарий. Во всех рассмотренных в данной работе романах катастрофическое связано с отчуждением от гуманистического начала. В романе «Саша, привет!» такое отчуждение обусловлено усилением бюрократических тенденций в обществе будущего, в «Оправдании Острова» причины дегуманизации осмыслены как нравственные, а в «Оккультрегер» – как экзистенциальные. Значимо, что современный русский роман не только реф-

лексировать причины катастрофического, но и намечает пути его преодоления. В этом контексте значима мысль Е. Водолазкина о преодолении катастрофического обращением к трансцендентному уровню бытия.

Список литературы

Источники

Водолазкин Е.Г. Оправдание острова: роман. Москва: АСТ, 2024. 416 с.

Данилов Д.А. Саша, привет! Москва: АСТ, 2023. 256 с.

Сальников А.Б. Оккультрегер: роман. Москва: АСТ, 2024. 416 с.

Исследования

Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Москва: ЯСК, 2022. 800 с.

Воротынцева К.А., Тюпа В.И. Повседневность и катастрофа в романе «Доктор Живаго» // Новый филологический вестник. 2014. № 1 (28). С. 110–125.

Женнет Ж. Фигуры. Работы по поэтике: в 2 т. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. 472 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 387 с.

Тюпа В.И. Этнос нарративной интриги // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 2. С. 9–20.

Тюпа В.И. Горизонты исторической нарратологии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 270 с.

Тюпа В.И. Нарративность // Тезаурус исторической нарратологии / ред. В.И. Тюпа. Москва: Эдитус, 2022. С. 17.

Тюпа В.И. Катастрофический нарратив Пастернака («Доктор Живаго») // Энергия травмы: сб. науч. ст. XIX Междунар. науч. конф. Гродно: Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы, 2023. С. 168–173.

Keen S. Narrative Empathy. The living handbook of narratology. URL: <https://www.lhn.uni-hamburg.de/node/42.html> (дата обращения: 14.11.2025).

References

Bakhtin M.M. *Sobraniye sochinenij: v 7 t. T. 6* [Collected works: in 7 vols. Vol. 6]. Moscow, IaSK Publ., 2022, 800 p. (In Russ.)

Lotman Ju.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970, 387 p. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Etos narrativnoy intrigi* [The ethos of narrative intrigue]. *Vestnik RGGU. Ser.: Istoriiia. Filologiiia. Kulturologiia. Vostokovedenie* [RGGU Bulletin. Ser.: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2015, no. 2, pp. 9–20. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Gorizonty istoricheskoy narratologii* [Horizons of historical narratology]. Saint-Petersburg, Aleteiia Publ., 2021, 270 p. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Narrativnost'* [Narrativity]. *Tezaurus istoricheskoj narratologii* [Thesaurus of Historical Narratology], ed. by V.I. Tiupa. Moscow, Editus Publ., 2022, p. 17. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Katastroficheskiy narrativ Pasternaka («Doktor Zhivago»)* [Pasternak's Catastrophic Narrative (“Doctor Zhivago”)]. *Energija travmy: sb. nauch. st. XIX Mezhdunar. nauch. konf.* [The energy of trauma: collection of scientific articles from the XIX International Scientific Conference]. Grodno, Grodnenskiy gos. un-t im. Ianki Kupaly Publ., 2023, pp. 168–173. (In Russ.)

Vorotyntseva K.A., Tyupa V.I. *Povsednevnost' i katastrofa v romane «Doktor Zhivago»* [Everyday life and catastrophe in the novel “Doctor Zhivago”]. *Novyj*

filologicheskij vestnik [New Philological Bulletin], 2014, no. 1 (28), pp. 110–125. (In Russ.)

Zhennet Zh. *Figury. Raboty po poetike: v 2 t. T. 2* [Figures. Works on Poetics: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Izdvo im. Sabashnikovykh Publ., 1998, 472 p. (In Russ.)

Keen S. Narrative Empathy. The living handbook of narratology. URL: <https://www.lhn.uni-hamburg.de/node/42.html> (access date: 14.11.2025).

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 24.03.2026.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРОПЫ И МОТИВЫ В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ ТРУБАДУРА АРНАУТА ДАНИЭЛЯ

Ефимова Мария Сергеевна, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; преподаватель-ассистент, РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, maria.efimova17111998@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9429-3710>

Аннотация. В статье рассматриваются религиозные мотивы и средства выразительности в лирическом наследии Арнаута Даниэля и других трубадуров. В тексте анализируются следующие примеры обращения Арнаута Даниэля к языку и образности христианской религии, распределенные автором статьи по категориям: мольбы лирического героя к Богу с просьбой о помощи в любви, представление о любви как об источнике морального совершенства и добродетелей, близких или тождественных христианским, и указание на божественный источник происхождения красоты возлюбленной и самого чувства любви. Рассматриваемые тропы и мотивы используются для усиления художественного эффекта и создания дополнительной игры смыслов, основанной на использовании знакомых слушателю элементов и формул и наполнении их новым содержанием. Так, христианские добродетели трансформируются, интегрированные в «куртуазную» этику, не теряя в то же время своего изначального смысла; формула «эпической молитвы», распространенная в шансон де жест, становится основой для молитвы о помощи в любви с использованием сложной системы отсылок на персонажей Священной истории, противопоставление Милосердия и Закона. Подобные мотивы также указывают на то, как глубоко были интегрированы образы и языковые формулы, взятые из религиозных источников, в мирской лирике трубадуров. Кроме того, примеры использования религиозных мотивов в любовной поэзии указывают на непротиворечивое присутствие представлений о «fin'amor», «совершенной любви» со своими, иногда противоречащими установлениям религии особенностями, в контексте христианского мировоззрения средневекового автора.

Ключевые слова: трубадуры, любовная лирика, Арнаут Даниэль, религиозные мотивы и образы, кансона, средневековая словесность, XII век, старопровансальский язык.

Для цитирования: Ефимова М.С. Религиозные тропы и мотивы в любовной лирике трубадура Арнаута Даниэля // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 97–103. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-97-103>

Research Article

RELIGIOUS TROPES AND MOTIFS IN THE LOVE LYRICS OF THE TROUBADOUR ARNAUT DANIEL

Maria S. Efimova, postgraduate, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Assistant, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, maria.efimova17111998@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9429-3710>

Abstract. This article examines religious motifs and expressive means in the lyrical legacy of Arnaut Daniel. The following examples of the medieval author's references to the language and imagery of the Christian religion are relevant in the context of the study: the lyrical hero's prayers to God for help in love, the idea of love as a source of moral perfection and virtues close to or identical to Christian ones, and an indication of the divine origin of the beloved's beauty and the love itself. The tropes and motifs under consideration are used to enhance the artistic effect and create an additional play of meanings based on the use of familiar elements and formulas and their transformation: thus, Christian virtues are transformed, integrated into "courtly" ethics, without losing their original meaning; the formula of the "epic prayer", common in chanson de geste, becomes the basis for a prayer for help in love using a complex system of references to characters from Sacred History, contrasting Mercy and Law. Such motifs also indicate how deeply formulas, images and motifs taken from religious sources were integrated into the secular lyrics of the troubadours, and reveal the consistent presence of ideas about "courtly love", sometimes contradictory to the rules of religion, in the context of the Christian worldview of the medieval author.

Keywords: troubadours, love lyric, Medieval literature, Medieval poetry, canso, Old-Provençal language, religious motifs, Christian influence, sacred and profane.

For citation: Efimova M.S. Religious tropes and motifs in the love lyrics of the troubadour Arnaut Daniel. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, № 2, pp. 97–103 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-97-103>

Творчество Арнаута Даниэля принадлежит к периоду расцвета лирики трубадуров – последней четверти XII – началу XIII вв. Среди прочих авторов, писавших на старопровансальском языке, его наследие занимает особое место: это признавали как современники, так и потомки: так, Данте Алигьери в «Божественной комедии» назвал его «il miglior fabbro», «лучшим кузнецом [родного слова]», отмечая поэтическое мастерство предшественника (Чистилище, песнь 27, ст. 117) [The Divine Comedy: 444]. Кроме того, выделял он и особую страстность любовной лирики Арнаута Даниэля, помещая его в Чистилище среди грешников, осужденных за сладострастие, и в стихах, вложенных в уста старопровансальского поэта, говорит о том, что тот горел в огне страстей при жизни (ст. 140–147). Метафоры пламени и огня действительно часто используются в любовной лирике Арнаута Даниэля, но кроме этого значительное место в ней занимает религиозная метафорика, соседствующая с не менее страстным описанием любовного чувства.

Примеры обращения трубадура к религиозной образности и метафорике распределены нами по нескольким тематическим блокам: это молитвенное обращение к Богу с просьбой о помощи в любовных делах, представление о любви как об источнике морального совершенства, новых заповедей и добродетелей, близких или тождественных христианским, а также о Божественном происхождении красоты возлюбленной и самого любовного чувства лирического героя.

Наиболее часто цитируемый фрагмент из корпуса текстов Арнаута Даниэля в связи с религиозной метафорикой содержится в кансоне «Douz braitz e critz» («Сладостное пение и щебет...»):

Deus lo grazitz
per cui foro asautas
las falidas que fes Longis lo secs,
vueilla que eu e midonz iazam
en la chambrà on amdui nos mandem
un covenz per que eu tal joi atendi
que'l seu cors jogan risen descobra
e'l remire contra'l lum de la lampa

[Le canzoni: 404].

Милосердный Господь,
Чьей волей отпущены были
Грехи, совершенные слепым Лонгином,
Изволь сделать так, чтобы мы вместе – я и моя донна – легли
В комнате, где мы заключили
Щедрые клятвы, от которых я ожидаю столь великую радость,

Целуясь и смеясь, раздевать ее прекрасное тело
И созерцать его в свете лампы!

Некоторые исследователи подчеркивают трансгрессивный и богохульный характер такой молитвы из-за ее эротического контекста [Girolamo 2009: 75], однако нам кажется преждевременным оценивать данный отрывок в этом ключе, учитывая количество подобных пассажей в любовной лирике трубадуров – во всяком случае, нельзя сказать с уверенностью, что авторы фиксировали в таких пассажах сознательный акт богохульства – разве что сознательное пересечение установленных границ, создающее то напряжение, чувство игры и балансирования на грани, которые характерны для лирики трубадуров, и форма кансоны становится «попыткой обуздать это напряжение» [Gay-Crosier: 32].

В данном фрагменте примечательно прежде всего само обращение, достаточно подробное и распространенное: Арнаут включает в него не только Бога, но и святого Лонгина. Происхождение таких распространенных обращений возводится к формулам из эпической поэзии, с помощью которых герои призывают Бога и святых в случае угрожающей им опасности [Girolamo 2005: 391].

Лонгин – достаточно популярный персонаж в средневековой словесности и визуальной культуре. Исследователи отмечали, что топоним, связанный с Лонгином, разделяется в эпической (и лирической) традиции на две формы: первую называют нарративной, она представляет собой краткий пересказ жизнеописания Лонгина, а вторая форма, «формальная», – с обращением к Богу, простившему грехи св. Лонгину, в таком или несколько дополненном виде эта формула встречается в шансон де жест [Beggiato: 217–228]. Как мы видим, использование Арнаутом Даниэлем молитвенного обращения полностью вписывается в указанную традицию и может свидетельствовать о знакомстве трубадура с эпическим материалом (молитвенные обращения, относимые к категории эпической молитвы, в том числе с упоминанием Лонгина, встречаются, к примеру, в «Коронации Людовика» [Beggiato: 217–228]).

На первый план в образе Лонгина выводится слепота и прощение прегрешений. Если слепота физическая становится способом выражения слепоты духовной, прощение грехов ассоциируется в данном фрагменте с дарованием зрения, и финальная цель заключается в том, чтобы «созерцать» тело донны в свете лампы. По сути, Арнаут просит Бога о том же, чем Господь одарил святого Лонгина [Girolamo 2005: 405], вкладывая в молитвенное обращение скрытый метафорический смысл.

Подобные просьбы о реализации любовного желания мы находим и у других трубадуров. Например, у Пейре Рамона де Толоза в произведении «No m puosc sufrir d'una leu chanso faire» («Не могу удержаться от того, чтобы не спеть простую песню...») мы сталкиваемся с очень похожей схемой – только здесь нет прямого молитвенного обращения:

...mas que Dieus me do
 Vezer l'or'e l'an
 Que sa grans valors
 Tan vas mi's destrenha
 Qu'en mos bratz la seinha,
 E qu'ieu, en baizan,
 Tot al mieu talan
 Remir son cors benestan
 [Poésies du troubadour Peire
 Raimon de Toulouse: 40].

...кроме того, чтобы Господь дал мне
 Видеть час и год,
 Когда ее великое достоинство
 Снизойдет до меня таким образом,
 Что я сожму ее в своих объятьях
 И, целуя ее,
 Полностью повинуюсь своему желанию,
 Буду созерцать ее прекрасно сложенное тело.

Примечательно, что здесь лирический герой не просто выражает личное желание быть со своей возлюбленной; он хочет, чтобы Бог воплотил это желание в жизнь, действуя через донну. Таким образом, автор не исключает, а наоборот, сознательно встраивает свое эротическое желание в христианскую концепцию мира, руководимого Богом.

В лирике трубадуров образ св. Лонгина зачастую соседствует с образом праведного разбойника, помилованного Иисусом [Aslanov: 148]. Истории этих двух персонажей схожи между собой и связаны с чудесами: Бог, несмотря на грехи этих людей, прощает их только за наличие веры – быть может, отчасти поэтому в «мирской» словесности столь популярны эти образы и актуализируются в контексте описания «запретного» эротического чувства.

У Арнаута Даниэля праведный разбойник встречается в «D'otra guiz e d'otra razo» («Иным образом и по иной причине...»):

Merce dei trobar e perdo
 si-l dreitz uzatges no·m destol
 tal que de merceiar no·m col:
 ja salvet Merce lo lairo
 que autre be no·l podia salvar;
 ieu non ai plus vas ma vida cofort
 que, si-l dreit c'ai no·m val, vailla·m Mercés
 [Le canzoni: 191].

Я должен обрести милосердие и прощение,
 Если справедливый обычай не отвернется от меня

Настолько, что не даст мне просить о пощаде.
 Некогда Милосердие спасло разбойника,
 Которого ничто иное не могло спасти;
 В моей жизни больше нет никакого утешения,
 Если право, которое я имею, не удостоит меня этого [утешения], то удостоит Милосердие.

Здесь мы видим пример противопоставления права (Закона) и милосердия – противопоставления, столь характерного для христианской традиции. Закон и благодать, Ветхий и Новый заветы, Бог-судья и милостивый Христос, отпускающий грехи уверовавшему в него разбойнику, – только эти понятия переносятся здесь в контекст куртуазного дискурса. Знакомые средневековому автору сакральные противопоставления становятся образцом, согласно которому структурируется профанное содержание, наполняясь при этом соответствующими смыслами.

Еще один пассаж, находящийся параллели в других текстах корпуса, мы находим в кансоне «Ab gai so cundet e lerì» («На веселую, забавную и радостную мелодию...»):

Mil messas n'aug e proferi
 E fas lum de ser'e d'oli
 que Deus m'en do bon esert
 de leis on no'm val escrima
 [Le canzoni: 329–330].

Я слушаю и отправляю тысячу месс
 И зажигаю свечи из воска и масла,
 Чтобы Господь поспособствовал моему успеху
 У той, с кем бесполезно фехтование.

Чтобы добиться своей донны, герой слушает и сам отправляет мессы, он служит Богу – но не донне, как Фолькет де Романс, идущий несколько дальше в произведении «Domna, ieu pren conjat de vos» («Донна, я покидаю вас...»):

Qu'eu non sai far autr'orazon,
 Anz pens tant a vostra faisón,
 Que quan eu cuit dir patre nostre,
 Ez eu dic: domna, tot soi vostre
 [Zenker: 78].

И я не могу произнести иной молитвы,
 Думая прежде всего о вашем образе столь усердно,
 Что, когда думаю произнести: «Отче наш»,
 Говорю: «Донна, я весь ваш».

На примере кансоны Арнаута Даниэля мы видим, что мольбы об успехе в любви и милосердии донны вполне встраиваются, по меньшей мере формально, в контекст христианского обращения к Богу. С одной стороны, это содержательное противоречие между сакральным и профанным является частью языковой игры и объясняется любовью Арнаута и многих трубадуров к противоречиям и противопоставлениям, создающим внутреннюю динамику и развитие в про-

изведении, с другой – едва ли исключено, что трубадур мог действительно вполне гармонично встраивать в свое видение религии возможность обращения к Богу с подобными просьбами.

Другая мольба о помощи есть в кансоне Арнаута Даниэля «En breu brisara'l temps braus» («Скоро закончится ненастное время года...»):

...car orar ni jocs ni viola
no'm pot de leis en travers ionc
partir...qu'ai dich? Deu, tu'm somers
o'm peris el peleagre

[Le canzoni: 359–360].

Ибо ни молитва, ни игра, ни виела
Не могут отделить меня от нее на расстояние длинной тростинки
Что я сказал? Господь, ты омыл меня
Или погубил в море горечи
[в соленом море].

Представляется очевидным то, что в этих стихах речь идет одновременно и о влечении к донне, и о том физическом «неотделении» от возлюбленной, о котором герой мечтает. Зачастую соседство откровенного эротического содержания и молитвенных обращений воспринимается как маркер иронии, но здесь подобное толкование не вполне релевантно. Прерывание собственной речи представляется попыткой подражания живой речи, живого процесса формулирования мыслей и в каком-то смысле имитации искренности автором. Такое же двойное чтение, как и в словах о тростинке, раскрывающее в настоящем желанное будущее, отражено в игре с омонимии: *agre*, «горькое» переключается с «*agre*» в последнем стихе, герой хочет, чтобы его кансона оказалась там, где сладостное слово начинается с «*agre*...» (вероятно, имеется в виду «*agreable*»), так в горьком настоящем видится сладостное и приятное будущее. Мольба, обращенная к Господу, также включается в эту игру противопоставлений: герой просит либо поспособствовать ему, либо погубить.

Мольба о милосердии – очень распространенная форма для введения сакральных коннотаций. Это очевидно не только из-за сходства такой формы с молитвенной, но и из-за того, что, желая придать вес своей просьбе и доказать необходимость оказать ему услугу, просящий часто включает в мольбу упоминания сверхъестественных сил, как бы заклиная своего адресата сделать так, как ему угодно.

Схожим образом действует Гаусельм Файдит в сирвенте «Ab nou cog et ab novel so» («С новым настроением и на новую мелодию...»). Прицеливаясь на свою даму за вероломство, он призывает Бога не быть к ней милосердным. Так он отсылает слушателя к известному предписанию из Лк. 6:36 («Будьте милосердны, как Отец ваш милосерден»).

Ja Dieus no.l gar ni be no.ill do,
Cui per amar ni per servir
Per hondrar ni per obezir
Fai vas son amic traicio!

[Les poèmes de Gaucelm Faidit: 565]

Пусть Господь не поможет и не подаст никакого блага
Тому, кто за любовь и за службу,
За почитание и повиновение
Отплачивает другу предательством.

Арнаут Даниэль также сетует и на то, что Господь не услышал его мольбы и не дал возможности ускользнуть время:

e pesa'm car Deus no'm cossint
com pogues temps breuar ab art,
que Loing-Respeiz fai languir fin aman:
Lun'e Soleiz, trop faiz lonc vostre cors!

[Le canzoni: 451]

И тяжело мне, ибо Господь не позволяет,
Чтобы я мог ускорить время своим мастерством,
Ведь длительное ожидание поселяет тоску в совершенном влюбленном:
Луна и солнце, слишком медленен ваш бег!

Выражение «Господь не позволяет», как кажется на первый взгляд, не несет в себе как такового сакрального содержания, его можно было бы заменить на «мне нельзя», однако упоминание способности управлять временем и ходом светил, который герой желает ускорить, носит в себе гораздо более глубокие коннотации. Данный топос достаточно распространен в лирике трубадуров – только обычно с противоположным значением: влюбленный желает, чтобы время остановилось и ночь не кончалась, как это бывает в альбе. Здесь же лирический герой сетует на то, что у него нет возможности ускорить время, а желание управлять ходом светил, чтобы управлять и ходом времени (одновременно с уточнением, что Бог не позволяет этого), не может не напомнить знаменитой библейской сцены, в которой Иисус Навин останавливает солнце и луну над Гаваоном (Нав. 10:12-13). Земная любовь в поэтическом сознании трубадура легко и просто встраивается в христианский универсум и, более того, заимствуя принятые в нем схемы и условия, приобретает поистине вселенский характер.

Другие тексты привлекают наше внимание тем, что в них любовь преподносится как источник добродетелей (в том числе именно христианских), и в изложении этой характеристики используется язык, отсылающий к религиозным первоисточникам. Так, известно, что для трубадуров любовь – безусловный источник морального совершенства (кансона Арнаута Даниэля «Er vei vermeills, vertz, blaus, blancs,

gruocs» («Теперь я вижу алые, зеленые, синие, белые и желтые...»):

...c'Amors enquer los seus d'etal semblan:
verais francs fis merceanz partedors,
car a sa cort nos orgoiz e val blandres
[Le canzoni: 450].

...ибо Любовь требует от своих [служителей] быть такими:
Правдивыми, искренними, готовыми просить о милосердии и прощать,
Ибо при ее дворе гордыня вредна, а услужливость имеет цену.

Здесь, как и «при дворе» христианского Бога, гордыня наказывается, а правдивость, умение служить и способность к милосердию всячески поощряются.

Следует отметить, что сходный характер куртуазных и христианских добродетелей не раз отмечался исследователями, и высказывались предположения об их этимологической общности: так, еще в произведениях церковных авторов раннего Средневековья перечислялись правила достойного поведения при дворе, которые, возможно, и являются идейными прообразами тех качеств, которые воспевают трубадуры в любовной лирике. С.С. Йегер в работе о происхождении куртуазной этики отмечает, что в процессе развития института придворного клира христианские добродетели, необходимые для служения истинного христианина в миру, секуляризируются и впоследствии занимают прочное место в придворной этике последующих столетий [Jaeger: 101]. Такие положительные качества, как дружелюбие, обходительность, чувство меры, акцентируются в жизнеописаниях епископов и других представителей клира при дворах раннего Средневековья (прежде всего, в оттоновскую эпоху). Позднее они приобретают новые значения и цели: если изначально христианский епископ при дворе способствует установлению мира и дружественной атмосферы, то в дальнейшем обходительность превращается в услужливость, а добродетели становятся необходимым средством для приобретения и сохранения статуса при дворе, а также в борьбе и состязании между придворными. Вероятно, именно эту придворную культуру унаследовали дворы средневековой Окситании и Аквитании, а вместе с ними и трубадуры как носители этой культуры. Впоследствии указанные добродетели стали необходимыми для придворного или влюбленного, но все же в более широком контексте христианского мировоззрения не потеряли окончательно значения своих изначальных религиозных источников, что на примере текстов трубадуров создает определенную игру смыслов.

Схожий по содержанию фрагмент мы находим в «Ans que sim reston de branchas» («Прежде чем ветви останутся без листьев...»):

...e tu no fazas de que hom t'esquerna
mas apres Deu leis honors e selebres
[Le canzoni: 533].

И не совершай оплошности, за которую тебя поносят,
Но после Бога ее чествуй и почитай.

Данное указание имеет сходство с настоящей религиозной заповедью [Gay-Croisier: 73–74], которую дает герою Любовь. Хотя в Лионском евангелии на старопровансальском языке (которое может восприниматься как источник старопровансальских аналогов латинским терминам) в цитате с главной заповедью Ветхого завета используются глаголы «adorar» и «server» [Nouveau Testament], глагол «celebrar» также имеет религиозные коннотации, в своей непереходной форме используя в значении «совершать мессу» [Raynouard: 373]. Таким образом, мы видим, что от Любви лирический герой Арнаута Даниэля получает новую заповедь – тем не менее встроенную в контекст заповедей христианских.

Что касается второй непрямой цитаты, то здесь речь идет об отрывке из Иез. 28:16, где говорится о будущем низвержении царя Тирского, вознесшего высоко и мнившего себя равным Богу – этот библейский сюжет в христианской традиции связывается с Сатаной, противящимся власти Бога, который в свою очередь связывается с гордым человеком. У Арнаута Даниэля, разумеется, речь идет о гордом влюбленном, который этим грехом сам лишает себя радости («Canso do'ill mot son plan e prim», «Песню, слова которой просты и совершенны...»):

Petit val orgoil d'amador
c'ades trebuch a so seignor
del luoc auzor
bas el terrail
per tal trebail
que de Joi lo despueilla
[Perugi, p. 105].

Ничего не стоит гордыня любящего,
Ибо скоро низвергает она своего господина
С высоты.
Вниз на землю,
Доставляя ему такую муку,
Что тот совлекает с себя радость.

Мы видим на данном примере, что христианские добродетели и пороки наполняются дополнительными смыслами, актуальными для куртуазного влюбленного.

Еще один немаловажный топос выражен в следующих строках («Lo ferm voler», «Сильное желание...»):

...qu'en Paradis n'aura doble joi m'arma,
si ja neüs om per ben amar lai entra
(PC 29.14) [Le canzoni: 633].

...так что в раю будет иметь моя душа вдвое больше радости,
Если человек попадает туда потому, что хорошо любит.

Здесь допускается (пусть и несколько иронично, учитывая контекст секстины) то, что куртуазная добродетель любви может позволить человеку удостоиться христианского рая, а «joï» остается словом с двояким значением – это и любовная радость, и посмертное блаженство.

Другое свойство любви, вероятно имеющее сакральные параллели или даже сакральное происхождение, – это ее способность защищать от бед и опасностей. Применительно к божественной любви этот мотив присутствует в Пс. 22 («Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня»). Читаем в «Ans que sim reston de branchas»:

...mas greu er c'om no'i aponia
qui s'afortis de preiar mas no cola,
qu'eu'n passaraï part la palus d'Userna
mon, pelegris, on lai on cog Ebres
[Le canzoni: 533].

...едва ли будет такое, что человек не придет к своей цели,
Если он тверд в мольбах и падет,
Он пройдет через болота Узерны
К Горе Пилигримов, где бежит и бурлит Эбро.

И в кансоне «Quan chai la fuelha» («Когда поет листва...»):

...c'Amors mi cobg'e'm cela
e'm fai tener
ma valor e'm capdela
[Le canzoni: 135].

...ибо любовь укрывает меня и хранит,
И помогает сохранить мне
Мое достоинство, и ведет меня.

Ряд интересующих нас фрагментов отражает также весьма распространенный в лирике трубадуров топос: красота – физическая и духовная – донны, сотворенная Богом («Autet e bas entre'ls prim fuelhs», «Вверху и внизу среди первой листвы...»):

Vres es qu'eu l'am e es orgoizl,
mas ab jaucir celar lo trenc,
c'anc, puois sainz Pauls fes pistola
ni nulz om dejus caranta,
no poc plus
neis Iesus
far de tals, car e essemis
a'ls bos aips don plus s'aauta
cela c'om per pros recorda
[Le canzoni: 243–244].

Истинно, что я люблю ее и горжусь этим:
Но с радостью я пресекаю эту гордость, держа ее в тайне;

Ибо, с тех пор как святой Павел написал послание
И хоть кто-то выдержал сорок дней поста,
Никто не может,
Даже Иисус,

Создать такую же, ибо одновременно она совмещает в себе

Те хорошие качества, благодаря которым возвышается

Женщина, которую люди помнят как преисполненную достоинства.

Безусловно, здесь Арнаут имеет предшественника в лице Джауфре Рюделя с его словами о далекой любви, сотворенной Богом, представленных в одном из рукописных вариантов верса «Lanquan li jorn son lonc en mai» («Когда дни в мае становятся длиннее...») [The Songs of Jaufré Rudel: 174–176]. Здесь же мы встречаем распространенную в лирике трубадуров синтаксическую конструкцию, когда значительность временного промежутка обозначается с помощью событий и образов Священной истории, например, у Маркабрюна:

Q'anc pos la serps baisset lo ram
No foron tant enganairiz
[Poésies complètes du troubadour Marcabru: 24].

Ибо с тех пор, как змей склонил ветвь дерева,
Не было столько вероломных женщин.

То же самое лирический герой Арнаута Даниэля говорит о происхождении своего любовного чувства в указанной выше кансоне:

Deu o gratic e a mos oilz
que per lor conoissencha'm venc
Jois, c'a dreit aucí e fola
l'ira qu'eu n'agui e l'anta
[Le canzoni: 241].

Я благодарен Богу за мои глаза,
Ибо через то, что они познают, приходит
Радость, которая справедливо уничтожает и попирает
Горе и стыд, что я имею.

Этот отрывок прекрасно иллюстрирует мысль И. Майороссы о том, что мир средневекового автора пронизан божественным [Majorosy: 224] – он благодарит Бога за физические аспекты своего существования, которые дают ему возможность видеть и воспринимать радость. Устроенный Богом мир становится своего рода матрицей, на которую накладываются переживания лирического героя, и в корне своей любовной радости он узнает создателя.

Приведенные выше отрывки демонстрируют, как прочно интегрированы в поэтический язык Ар-

наута Даниэля религиозная метафорика и образность: лирический герой делает Бога создателем своего чувства и красоты своей донны, говорит о любви как об источнике добродетелей, используя схемы и мотивы языка религиозных текстов, и обращается к Богу за помощью в любви. Таким образом, не только религиозная образность интегрируется в контекст «мирской» любовной лирики, но и мир, где любовь является одной из высших ценностей (Арнаут говорит о том, что ее следует почитать следующей после Бога), оказывается интегрирован в контекст христианского мировоззрения – и становится органичным явлением то, что лирический герой обращается к Богу с мольбой о помощи в земной любви. Этому явлению было дано множество объяснений, делающих акцент на слиянии мирского и религиозного в сознании и мировоззрении средневекового человека и автора, и среди них одно из наиболее убедительных заключается в указании на концепцию градуализма, согласно которой допускается иерархическое сосуществование различных систем ценностей [Saville: 98–100], подобно тому как в лирике Арнаута Даниэля и других трубадуров система ценностей «*fin'amor*» интегрируется внутрь христианского универсума, несмотря на то что ему зачастую противоречат элементы этой системы.

Примечания

¹ Переводы со старопровансальского выполнены автором статьи.

Список литературы

Источники

Die Gedichte des Folquet von Romans, her. von R. Zenker. Halle, Verlag von Max Nimeyer, 1896, 104 S.

Le canzoni di Arnaut Daniel: edizione critica, ed. par M. Perugi. Milan, Naples, R. Ricciardi, 1978, vol. 1, 1424 p.

Les poèmes de Gaucelm Faidit, troubadour du XIIe siècle, ed. par J. Mouzat. Genève-Paris, Slatkine Reprints, 1989, 724 p.

Nouveau Testament de Lyon. URL: <http://www.rialto.unina.it/prorel/NTL/NTL.htm> (дата обращения: 24.02.2026).

Poésies complètes du troubadour Marcabru, ed. par J.M.L. Dejeanne. Toulouse, E. Privat, 1909, 298 p.

Poésies du troubadour Peire Raimon de Toulouse, ed. par J. Anglade. Toulouse, Privat, 1920, 83 p.

The Divine Comedy of Dante Alighieri, ed. by Robert M. Darling. Vol. 2: Purgatorio. Oxford, Oxford University Press, 2003.

The Songs of Jaufré Rudel, ed. by R.T. Pickens. Toronto, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1978, 288 p.

Исследования

Aslanov C. New Perspectives on the Sacred and the Secular in Old French and Old Provençal Poetry. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2019, 197 p.

Beggiato F. Longino il cieco: Origine e diffusione di un topos leggendario nell'Europa medievale, Medioevo romanzo e orientale. Il viaggio dei testi. Atti del III Colloquio internazionale (Venezia, 10–13 ottobre 1996), 1999, pp. 217–228.

Gay-Crosier R. Religious Elements in the Secular Lyrics of the Troubadours. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1971, 109 p.

Girolamo di, C. Longino che vide: una riflessione sulle preghiere formulari e una nota per Arnaut Daniel. Romania, 2005, t. 123, no. 491–492, pp. 384–405.

Majorossy I.G. «Amors es bona voluntatz»: chapitres de la mystique de la poésie des troubadours. Budapest, Akademiai Kiado, 2006, 238 p.

Raynouard F.-J.-M. Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours. Paris, chez Silvestre, 1844, t. 2, 536 p.

Saville J. The Medieval Erotic Alba: Structure as Meaning. New York, London, Columbia University Press, 1972, 315 p.

References

Aslanov C. New Perspectives on the Sacred and the Secular in Old French and Old Provençal Poetry. Cambridge, Cambridge Scholars Publ., 2019, 197 p.

Beggiato F. Longino il cieco: Origine e diffusione di un topos leggendario nell'Europa medievale, Medioevo romanzo e orientale. Il viaggio dei testi. Atti del III Colloquio internazionale (Venezia, 10–13 ottobre 1996), 1999, pp. 217–228.

Gay-Crosier R. Religious Elements in the Secular Lyrics of the Troubadours. Chapel Hill, University of North Carolina Press Publ., 1971, 109 p.

Girolamo di, C. Longino che vide: una riflessione sulle preghiere formulari e una nota per Arnaut Daniel. Romania, 2005, t. 123, no. 491–492, pp. 384–405.

Majorossy I.G. «Amors es bona voluntatz»: chapitres de la mystique de la poésie des troubadours. Budapest, Akademiai Kiado, 2006, 238 p.

Raynouard F.-J.-M. Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours. Paris, chez Silvestre, 1844, t. 2, 536 p.

Saville J. The Medieval Erotic Alba: Structure as Meaning. New York, London, Columbia University Press Publ., 1972, 315 p.

Статья поступила в редакцию 31.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 31.01.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(44).09"19"

EDN MVLHOW

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-104-112>

ТЕНЬ БАЛЬЗАКА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ «ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ»

Чекалов Кирилл Александрович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела классических литератур Западного и сравнительного литературоведения, Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ РАН), Москва, Россия, ktchekalov@mail.ru

Аннотация. Оформление репутации Оноре де Бальзака в качестве классика французской и мировой литературы приходится на период «прекрасной эпохи». В то же время его причастность к возникновению романа-фельетона и некоторые особенности его творчества, которые в ту пору относили к категории «романического», поддерживали восприятие автора «Comédie humaine» как одного из основоположников массового чтения XIX столетия, и в частности детективного жанра. Эта двойственность сказалась как на публикационных стратегиях издателей, так и на рецепции знаменитого писателя в популярном романе рассматриваемого периода. Произведения Бальзака чрезвычайно высоко ценил крупнейший представитель массового чтения «прекрасной эпохи» Гастон Леру, хотя прямые аллюзии на него в творчестве автора «Призрака Оперы» немногочисленны. В нашей статье основное внимание уделено роману-реке Жана-Луи Дюбу де Лафоре «Последние парижские скандалы» (1898–1900) как образцу соединения ориентированного на массового читателя остросюжетного, а подчас и шокирующего нарратива с уроками «Человеческой комедии» (на уровне архитектоники и в отношении отдельно взятых персонажей и ситуаций).

Ключевые слова: роман-река, роман-фельетон, массовая литература, «Человеческая комедия», «прекрасная эпоха», детектив, патология.

Для цитирования: Чекалов К.А. Тень Бальзака во французской массовой литературе «прекрасной эпохи» // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 104–112. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-104-112>

Research article

THE SHADOW OF BALZAC IN FRENCH MASS LITERATURE OF THE “BELLE ÉPOQUE”

Kirill A. Chekalov, DSc in Philology, chief researcher of the Department of Classical Literature of the West & Comparative Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Science, Moscow, Russia, ktchekalov@mail.ru

Abstract. The establishment of Honoré de Balzac’s reputation as a classic of French and world literature occurred during the “Belle Époque”. At the same time, his role in the emergence of the serial novel and certain aspects of his work, which at the time were categorised as “Romanesque”, sustained the perception of the author of “The Human Comedy” as one of the founders of mass reading in the 19th century, particularly of the detective genre. This duality impacted both the publication strategies of publishers and the reception of the famous writer within the popular novel of the period. Gaston Leroux, the most prominent representative of mass literature of the “Belle Époque”, held Balzac’s works in extremely high esteem; however, direct allusions to him in the work of the author of “The Phantom of the Opera” are few. Our article focuses primarily on the saga novel “Les derniers scandales de Paris” (1898–1900) by Jean-Louis Dubut de Laforest as an example of a narrative that combines a plot-driven, and at times shocking, story aimed at a mass readership with the lessons of “The Human Comedy” (on the level of its overall architecture and in terms of individual characters and situations).

Keywords: saga novel, serial novel, popular literature, “Human Comedy”, “Belle Époque”, detective fiction, pathology.

For citation: Chekalov K.A. The shadow of Balzac in French mass literature of the “Belle Époque”. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 104–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-104-112>

Становление Оноре де Бальзака в качестве классика французской и мировой литературы приходится на период «прекрасной эпохи» (1880-е – 1914)¹. Если обратиться к прессе и научной литературе той поры, легко заметить определенную флуктуацию в оценках его вклада в развитие словесности. Многие авторы не скупятся в похвалах и именуют Бальзака «гением», «колосьмом», «горой, сама мысль о возможности покорить которую вселяет ужас» [Flat: IV]; но не менее часто встречается и уходящее своими корнями в 1830-е гг. скептическое отношение к автору «Человеческой комедии». Оно обусловлено причастностью писателя к зарождению нарратива фельетонного типа (публикация романа «Старая дева» на страницах газеты «La Presse» в 1836 г. считается важнейшим этапом в истории этого нарратива), а также его укорененностью в культуре романтизма, которая сквозь призму эстетических представлений конца XIX столетия воспринималась как явление негативное. Со своей стороны французский популярный роман («roman populaire»), который к тому времени занял в «культуре повседневности» чрезвычайно большое место, хранил память о Бальзаке и стремился числить его в своих предшественниках. В качестве примера приведем цитату из произведения одного из лидеров французской массовой литературы рассматриваемого периода, «короля фельетонистов» Жюль Мари (он более всего известен как автор романа «Роже-Ла-Онт», впервые опубликованного в виде фельетона в 1886–1887 гг.; большим успехом пользовалась также сценическая версия романа, впервые сыгранная 28 сентября 1888 г. в парижском театре Амбигю). Элегантный проходимец маркиз Ла Террад, один из персонажей другого романа Мари – «Красотка-хромоножка» (впервые опубликован в виде фельетона в 1882–1883 гг.), – следующим образом похваляется своим опытом ловеласа и одновременно своей начитанностью: «Я прошел хорошую школу! Моими наставниками были великий Бальзак, Эжен Сю, Феваль, Габорио, Монтепен и многие другие – например, Понсон дю Террайль, Эли Берте и Геру»². Как видим, Бальзак в данном случае почти что приравнен к фельетонистам не только первого, но и второго и третьего ряда (таков Констан Геру, продолжатель Понсона дю Террайля). Правда, Мари несколько смягчает это причудливое с точки зрения современного читателя соседство определением «великий» – Бальзак предстает здесь как предтеча популярных романистов XIX столетия. Интересно, что графиня де Морсоф, героиня романа «Лилия долины» (1836), насыщенной поэтичными и вместе с тем точными зарисовками Турени, жила в замке Клошгурд в долине реки Индры – его прототипом стал замок Шевриер, перешедший в конце XIX в. во владение «короля фельетонистов», и газетчики не преминули позубо-

скалить по этому поводу: «г-ну Жюлю Мари повезло больше, чем Бальзаку, и он приобрел себе землю, парк и дом в Турени»³.

Среди наиболее перспективных жанровых разновидностей «популярного романа», возникших в период «прекрасной эпохи», следует в первую очередь назвать детектив. Как нам уже приходилось писать, детективный роман во французской литературе зарождается в 1860-х гг. [Чекалов], но подлинный расцвет жанра относится к 1880 – 1900-м гг. Обозреватели той поры часто сопоставляют Эмиля Габорио (именно он внес наибольший вклад в формирование детектива) с Оноре де Бальзаком. При этом имеется в виду в первую очередь роман Бальзака «Темное дело» (впервые опубликован в виде фельетона в 1841 г.), который по сей день большинство исследователей считает чрезвычайно интересным сочетанием «протодетектива» – или даже собственно детектива [Chamberlin] – с углубленным анализом политической ситуации наполеоновских времен. Впрочем, самый проницательный аналитик связи Бальзака с массовым чтением Рене Гиз отмечал, что наряду с детективными элементами в «Темном деле» присутствует и осознанный демонтаж криминального нарратива [Guise 2005: 9].

Примером внедрения бальзаковского творчества в контекст популярного романа может служить рубрика «Мастера романа-фельетона», которую одна из самых популярных парижских газет «рубежа двух столетий» – «Le Matin» – учредила в 1900 г. Когда в 1884 г. эта газета создавалась, редакция вовсе не планировала печатать романов-фельетонов. Но затем, повинуясь требованиям рынка и вопреки первоначальному решению, «Le Matin» сделалась одним из важнейших поставщиков соответствующей продукции – здесь публиковались, в частности, произведения самого знаменитого из журналистов газеты Гастона Леру, а также Мишеля Зевако, Франсуа де Буагобе, Леона Сази и Жюль Лермина. Примечательно, что рубрику «Мастера романа-фельетона» открыл 9 июня 1900 г. именно Габорио своим романом более чем тридцатилетней давности «Преступление в Орсивале». Что же касается Бальзака, то его роман «Феррагюс» (первая часть трилогии «История тринадцати», 1833–1834) печатался в указанной рубрике с 4 мая по 1 июня 1901 г.; вторая часть трилогии – «Герцогиня де Ланже» – со 2 по 27 июня того же года; третья часть – она именуется «Златоокая девушка», и о ней будет сказано ниже – «Le Matin» проигнорировала; к концу «прекрасной эпохи», в 1912–1913 гг., роман опубликовала другая парижская газета – «L'Événement».

Из всех представительниц массовой литературы «прекрасной эпохи» именно Гастон Леру пылко и публично признавался в любви к творчеству Бальзака:

«...я люблю и постоянно перечитываю все его книги. Самые лучшие – не те, которые у всех на слуху. Благодаря ему эпоха, в которую он жил, останется в веках. Сравнить с ним некого. Да и не только свою эпоху он обессмертил – вылепленные им характеры мы встречаем и в нынешние времена» [Lefèvre].

Между тем прямых отсылок к Бальзаку в творчестве Леру немного, и в основном они приходятся на 1920-е гг., то есть выходят за рамки нашего исследования. Есть основания говорить о перекличках самого знаменитого произведения писателя – романа «Призрак Оперы» (опубликован в виде фельетона в 1909–1910 гг.) – с повестью Бальзака «Сарразин» [Hogle: 45] (опубликована в 1830 г.; известность её связана в первую очередь с книгой Р. Барта «S/Z»). Кроме того, один из серийных персонажей Гастона Леру, Шери-Биби (цикл романов об этом раскаявшемся каторжнике выходил с 1913 по 1925 г.), явно обязан своим именем Бальзаку: имеется в виду начальник тайной полиции Биби-Люпен (он же Гондюро), который фигурирует в «Отце Горио» и «Блеске и нищете куртизанок». Подобно Вотрену и Шери-Биби, Биби-Люпен – бывший каторжник.

Лишь в редких случаях жанровая модель «Человеческой комедии» как нарративного целого становилась образцом для подражания у авторов популярных романов «прекрасной эпохи». Примером тому – *opus magnum* Жана-Луи Дюбю де Лафоре (1853–1902) под названием «Последние парижские скандалы». В период с 1898 по 1900 г. это монументальное сочинение выходило тридцати семью отдельными выпусками в издательстве «Faugard», вполне определенно зарекомендовавшем себя в качестве публикации площадки коммерческой направленности. Выпуски продавались по скромной, доступной широкой публике цене (60 сантимов выпуск; в каждом выпуске содержалось около 150 страниц). Газеты писали о сотысячных тиражах этой книги; точные цифры неизвестны. Автор «Последних парижских скандалов», уроженец городка Сен-Парду-ла-Ривьер в исторической области Перигор, к концу 1890-х гг. уже снискал известность как плодовитый прозаик, эссеист и драматург (в общей сложности Дюбю де Лафоре написал 67 романов, а также ряд сказок, новелл, статей в периодике и нескольких сочинений медицинского содержания). Он дебютировал в 1880 г. социально-психологическим романом «Дамы из Ламет», где отчетливо отразились республиканские убеждения автора; Ламет – несуществующий топоним, название вымышленной деревни, которую автор разместил в родном Перигоре. Новелла «Сплин одного трупа» (1881) – редкий случай использования Дюбю де Лафоре готического нарратива (он возобновляется ближе к концу «Последних парижских скандалов»). Трактровка провинциального адюльтера

в романе «Вверх тормашками» (печатался в виде фельетона в 1882 г.) напомнила обозревателям «Госпожу Бовари»⁴. В остросоциальном романе «Покинутый» (печатался в виде фельетона в 1892 г.) затронута тема детской преступности. Анжела Бушо, главная героиня одноименного романа (печатался в виде фельетона в 1896 г.) – провинциалка, сумевшая завоевать себе положение в парижском магазине готового платья, – может напомнить Денизу Бодю из романа Эмиля Золя «Дамское счастье» (печатался в виде фельетона в 1882–1883 гг.).

Многие произведения писателя не лишены провокативности – таковы романы «Делатель людей» (1884) об искусственном оплодотворении женщин и «Торговля белыми женщинами» (в соавторстве с М. Рамбо; печатался в виде фельетона в 1900 г.), где запечатлен мир парижской проституции. Главная героиня снабженной посвящением знаменитому неврологу Жану-Мартену Шарко повести «Мадмуазель Тантал» (1884), англичанка Мэри Фолкстоун, – ваятельница-нимфоманка; повесть была затем помещена в сборник эссе и художественной прозы под общим названием «Социальная патология» (1897) и снабжена многочисленными ссылками на учёные труды. Роман «Старая развалина» («Le Gaga», 1885), пожилые герои которого предаются разврату, стоил автору двух месяцев тюрьмы и штрафа в тысячу франков; исследователи усматривают в книге отсылки к «Нана» Золя и к «Кузине Бетте» Бальзака [Dufief: 212]; собственно, еще современники сравнивали главного героя, графа де Моваля, с жертвой «стариковской страсти» бароном Юло, одним из персонажей «Кузины Бетты»⁵. О посвященном Цезаре Ломброзо романе «Морфий» (печатался в виде фельетона в 1891 г.) газета «Le Figaro» писала: «...будет замечательно, если книга достигнет своей цели – а именно, её прочитают все токсикоманы и испытают отвращение к этому зелью»⁶. Злободневность романа подкреплена неизменно пользующейся успехом у читателей массовой литературы русской составляющей (главная героиня – петербургская оперная дива Кристина Страдовская). Отметим, что русские персонажи, с их «первобытной натурой» [Dubut 32: 125] и добрым сердцем, не раз возникают на периферии «Последних парижских скандалов».

Со временем возник диссонанс между авторскими намерениями и восприятием книг Дюбю де Лафоре широкой аудиторией: сексуальные перверсии и пороки большого города интересовали писателя именно в научном аспекте и подвергались им суровому осуждению, тогда как публика воспринимала пикантные сюжеты его сочинений как «клубничку», а его самого как «порнографа»⁷ (впрочем, и Бальзаку в отдельных случаях навешивали тот же ярлык⁸). Трагическая смерть писателя (он выбросился из окна)

свидетельствует о его крайней неудовлетворенности собственным статусом: Дюбю де Лафоре совершенно не устраивала репутация «малого Поля де Кока времён fin-de-siècle»⁹, он мечтал о признании в большом литературном мире – при том, что его сочинения тяготели к массовой прозе. «Ему хотелось встать вровень с Бальзаком и Золя», написала в обширном некрологе газета «La Médecine nouvelle»¹⁰.

В ряде публикаций Дюбю де Лафоре заметен не только его особый пиетет по отношению к Бальзаку, но и отчётливое стремление продолжить его дело. Так, в рассказе «Госпожа депутатша», впервые опубликованном на страницах газеты «Le Figaro» под псевдонимом «Жан Тольбиак», он замечает: «Если кому-нибудь хватило бы смелости добавить ту или иную главу к недостроенному зданию “Человеческой комедии”, то этот исполненный недюжинной веры и отваги автор был бы обязан отвести почетное место порожденным нашим демократическим укладом женским типам: “Госпожа Депутатша”, “Госпожа Префектша” и “Госпожа Министерша”»¹¹. После кончины Дюбю де Лафоре журналист и писатель Морис Гиймо в некрологе, опубликованном в той же газете, привёл свидетельство того, что усопший осознанно соревновался с великим писателем: «...он добродушно заявил: “Теперь у меня уже больше персонажей, чем у Бальзака!”. И показал мне тома “Человеческой комедии”, стоявшие у него на книжной полке»¹². Стоит заметить, что в «Последних парижских скандалах» Дюбю де Лафоре неоднократно прибегает к перечислительным рядам персонажей, и это позволяет увеличить их общую численность ad infinitum.

Пространность и многофигурность «Последних парижских скандалов», как и присутствие в книге социально-политической и научной рефлексии, позволяют говорить о том, что «Человеческая комедия» являлась одним из эстетических ориентиров писателя. Структура этого произведения отличается от «принципа объединения отдельных вещей в единую систему», характерного для «Человеческой комедии» [Обломиевский: 381]. С другой стороны, имеются отличия и от несомненно повлиявшего на Дюбю де Лафоре романного цикла Понсона дю Террайля о Рокамболе, и от совершенно затмившей массовую продукцию конца «прекрасной эпохи» тридцатидвухтомной «Фантомасианы» Пьера Сувестра – Марселя Аллена. Автор «Последних парижских скандалов» стремился создать единый роман-реку, а не коллекцию отдельных, доступных для самостоятельного прочтения, хотя и связанных устойчивым набором персонажей книг. В отличие от многих других сочинений писателя, «Последние парижские скандалы» не печатались на страницах газет, хотя «фельетонный» тип нарратива в романе, несомненно, присутствует (нарастание повествовательного напряжения

в конце выпуска; активное использование ресурсов «розовой» и «черной» мелодрамы, сценические эффекты, переодевания, узнавания и смены идентичности; обилие социолектов, в первую очередь арго, и пр.). Держать в уме прихотливую интригу «Последних парижских скандалов» непросто; тем не менее, лишь в очень редких случаях Дюбю де Лафоре идет навстречу читателю и приводит краткое содержание ранее написанных эпизодов (так происходит, например, в начале пятнадцатого выпуска).

Важнейшая структурная особенность «Последних парижских скандалов» – инкорпорирование в состав книги в общей сложности двенадцати ранее написанных писателем романов, причем они, как правило, переработаны лишь незначительно. Следует напомнить, что составные части «Человеческой комедии» подвергались Бальзаком основательной и многократной переработке, а их размещение в составе цикла со временем изменялось. Метод работы Дюбю де Лафоре иной: о содержательных модификациях текста речь не идет – автору важно добиться органичного слияния между собой отдельно взятых частей, ситуаций и персонажей. Лишь в одном случае писателю пришлось произвести кардинальную трансформацию действующих лиц. Речь идет о романе «Мессидор» (опубликован в виде фельетона в 1896 г.), сюжет которого структурирует заключительную часть «Последних парижских скандалов». Не исключено, что название «Мессидор», отсылающее к десятому месяцу революционного календаря, представляет собой аллюзию на «Жерминаль» Золя (опубликован в виде фельетона в 1884–1885 гг.) [Salaün: 121].

«Последние парижские скандалы» вполне оправдывают свое название и в основном сводятся к огромной россыпи криминальных и сенсационных эпизодов столичного быта (временами действие переносится в другие города – Марсель и Дижон, в глухую провинцию и на модные курорты, включая Ниццу). Дюбю де Лафоре подходит к материалу как коллекционирующей насекомых энтомолог [Nathan: 67]. В этом можно усмотреть влияние бальзаковского универсума – на свой лад и Дюбю де Лафоре «ткёт Парижу, как паук, заупокойную обедню». (Кстати, похожий на пастернаковский образ возникает в связи с махинациями «антигероя» романа, демонического Артюра Ла Пласада: «... человек-паук ткал новую паутину» [Dubut 10: 74]).

Роман насыщен ссылками на культурный и общественный контекст эпохи. Например, упоминается доктор Эмиль Ру, как раз в указанный период открывший антидифтерийную сыворотку; фигурируют и такие разноплановые бытовые новинки, как уличные пневматические часы, телефон, автомобиль и биде. Зато кинематограф почти не упоминается, и это объяснимо: после печально знаменитого пожара на Ба-

заре Милосердия 4 мая 1897 г. новый тип зрелища на время уходит из повестки «культуры повседневности». И напротив, много внимания Дюбю де Лафоре уделяет цирковым представлениям, которые высоко ценились многими представителями литературно-художественного авангарда. Упомянуты также Всемирная выставка 1889 г. и Панамский скандал (рубеж 1880–90-х гг.).

В издательской аннотации, которая размещалась на последней странице обложки первого из выпусков, Дюбю де Лафоре представал как продолжатель традиций «Человеческой комедии» и «Парижских тайн», а сам роман аттестовался как произведение «одновременно и литературное, и популярное» («à la fois littéraire et populaire»). Можно было ожидать, что писатель разовьет здесь высказанную им ранее мысль о склонности его современников уподобиться бальзаковским типам («некоторые добропорядочные люди на все лады стараются подражать героям Бальзака, воплощать в себе Вотренов, Юло [...], Люсьенов де Рюбампре, Растиньяков, герцогинь де Мофриньёз и мадам Марнеф»¹³). В случае со светской львицей герцогиней де Мофриньёз – персонаж «Блеска и нищеты куртизанок», «Отца Горио», «Музея древностей» и некоторых других частей «Человеческой комедии» – стрела, видимо, летит в Мопассана, в 1881 г. избравшего себе соответствующий псевдоним. (Мопассан, прочитав в 1888 г. роман «Мадмуазель де Марбёф», положенный в основу тридцать второго выпуска «Последних парижских скандалов», обратился к автору с восторженным письмом, где особо отметил повествовательное мастерство Дюбю де Лафоре, динамичность и изобретательность сюжета¹⁴). Было бы преувеличением сказать, что Дюбю де Лафоре систематически сопоставляет своих героев с бальзаковскими типами, но отдельные тому примеры, как мы увидим далее, в «Последних парижских скандалах» встречаются.

Особенность сюжетосложения романа – постепенное смещение на второй план центральной интриги (несчастливая любовь молодых аристократов Клоэ де О-Брион и Лионеля д'Эбли, которые становятся жертвами двойного шантажа; в результате Лионель вынужден покинуть Францию, Клоэ же сначала превращается в «Деву тротуара» – именно таково название первого выпуска, а затем, скрепя сердце, выходит замуж за нелюбимого человека и меняет идентичность). В первых десяти выпусках эта «любовь с препятствиями» и обрушившиеся на Клоэ невзгоды находятся в фокусе авторского внимания, но со временем центральная интрига всё больше теснится другими сюжетами; начиная с одиннадцатого выпуска и вплоть до двух заключительных она почти полностью исчезает из виду, хотя судьбы других персонажей иногда лаконично сравниваются с судьбой этой пары.

Визуальные особенности обширного иллюстративного ряда (авторы ксилографий и акварелей – Хосе Руа и Джино Стараче; для последнего то был дебют в качестве книжного иллюстратора, а в дальнейшем Стараче снискал известность своими работами для циклов о Рокамболе и Фантомасе) также характерны для популярного чтения. При этом, правда, наиболее шокирующие сцены книги иллюстраторы деликатно обходят. Так, в романе присутствует выполненный в духе кровавого гиньоля эпизод (в цикле романов о Фантомасе таковых значительно больше), а именно автоматизированный процесс умерщвления и последующей утилизации свиней на борту пришвартованного непосредственно рядом с Лувром лайнера «Антарктик» (судном владеет «колбасный король» Сантьяго Фарабинас, «самый богатый человек на земле» [Dubut 11: 4]). Дюбю де Лафоре вначале подробно описывает технологию быстрой переработки свиных туш в колбасные изделия, а затем не менее детально рассказывает о «разделке» трупа взломщика Альфреда Мон-Табора, в силу роковой случайности ставшего жертвой соответствующего механизма [Dubut 22: 104]; художники ограничились демонстрацией лишь начальной стадии производственного процесса. По сообщению автора, на иллюстрациях персонажам романа было придано чересчур выраженное портретное сходство с их реальными прототипами, так что издатель попросил художников снизить узнаваемость образов¹⁵.

Подобно Бальзаку, Дюбю де Лафоре стремится внести в художественный текст научное измерение. «Честь и слава науке!» – так именуется четвертая глава заключительного выпуска романа. Как известно, Бальзак чрезвычайно основательно погружался в различные отрасли научного знания (например, при написании романа «Поиски абсолюта», 1834 – в химию). Особенность бальзаковского подхода к научному материалу – продуманное подчинение его требованиям романного нарратива, установление подчеркнутой дистанции между научным и художественным дискурсом и минимизация строго ученых высказываний [Barel-Moisan]. Автор «Последних парижских скандалов», напротив, стремится к гомогенности изложения, к устранению «зияния» между двумя указанными типами дискурса, а научная составляющая сводится у него главным образом к медицинским выкладкам.

Хотя писатель получил лишь юридическое образование, его произведения демонстрируют обширные познания в области медицины. Среди персонажей интересующего нас романа неоднократно встречаются врачи, в том числе и выдающийся ученый-хирург Филипп Цорн, успешно применяющий в своей работе открытия В. Рентгена (свидетельство высокой актуальности романа, но и ошибочного представления –

опять-таки в духе своего времени – о терапевтических возможностях рентгеновского излучения). Врачом по образованию является и Лионель, но он на протяжении почти всего повествования остается «за занавесом». Автор романа ставит акцент на эскулапах-преступниках, таких, как врач-убийца Жеден Гилас, он же «доктор Смерть-Младенцам», приверженец мальтузианства, специалист по криминальным абортам, восстановлению девственной плевы и удалению яичников. Дюбю де Лафоре упоминает в этой связи реальную криминальную историю 1897 г. (процесс двух парижских гинекологов, Буалё и Ла Жаррига).

Сами по себе броские заголовки отдельных выпусков романа («Дева тротуара», «Сутенёры во фраках», «Жертвы разврата», «Влюбленный бандит», «Любовницы и любовники» и пр.) соответствуют требованиям популярных изданий. (Следует напомнить, что Бальзак в некоторых ранних сочинениях тоже отдал дань поэтике коммерчески ориентированного заглавия). Особенно интересно название тринадцатого выпуска, «Эстеты и взломщики»; нельзя не вспомнить в этой связи Арсена Люпена, знаменитого «джентльмена-взломщика», который впервые появляется на страницах журнала «Je sais tout» в 1905 г.

В повествование врывается и детективное начало, причем заметно, что писатель был знаком с творчеством Конан Дойла (первые французские переводы его произведений вышли в середине 1890-х гг., но подлинная слава создателя Холмсианы во Франции относится к следующему десятилетию). Термин «дедукции» неоднократно звучит в романе в связи с бывшим полицейским Теодором Дарданом, открывшем в Париже собственное сыскное бюро. Этот дальний предшественник комиссара Жюва заводит дело под названием «Красавчик Артюр и его любовницы». И всё же детективная составляющая остается на периферии романного целого; автор делает акцент не на «герменевтическом коде», а на бытовых подробностях работы сыскного бюро, включая и расценки слежки за неверными супругами. Лишь в заключительном выпуске романа Дардан, вернувшийся на работу в полицию, уже в качестве инспектора принимает активное участие в расследовании злодеяний Артюра де Пласада. Симптоматично, однако, что в итоге казнь преступника осуществляет отнюдь не официальное правосудие.

Особенность нарратива «Последних парижских скандалов» – соединение приемов популярного романа с литературностью. Примечательно, что Дюбю де Лафоре снабдил подавляющее большинство выпусков книги эпиграфами из классической прозы и драматургии, в том числе из Шекспира, Ларошфуко, Лабрюйера, Реньяра, Монтескье, Стендаля и Теофиля Готье. Первому выпуску предпослан эпиграф из Рабле (точнее, из пролога к «Гаргантюа»; про-

цитируем перевод Н. Любимова: «...положим даже, вы там найдете вещи довольно забавные, если понимать их буквально, вещи, вполне соответствующие заглавию, и все же не заслушивайтесь вы пенья сирен, а лучше истолкуйте в более высоком смысле все то, что, как вам могло случайно показаться, автор сказал спроста» [Рабле: 24]). Таким образом, Рабле с самого начала оказался здесь в выигрышной позиции, да и в дальнейшем по своей упоминаемости в «Последних парижских скандалах» из всех французских писателей лидирует именно автор «Гаргантюа» (книга Дюбю де Лафоре пестрит цитатами и литературными аллюзиями). Более того, писатель внедрил в текст романа небольшой стилизованный под манеру Рабле фрагмент [Dubut 10: 7–11]. К этому следует добавить, что Дюбю де Лафоре совместно с Оскаром Метенье написали либретто к комической опере «Рабле» (музыка Л. Ганна, премьера 20 октября 1892 г. в парижском Новом театре).

В небольшом авторском предисловии к четвертому выпуску Дюбю де Лафоре выражает свое намерение «проникнуть в самый ад» парижской жизни, вооружившись кнутом [Dubut 4: 4]. Писатель видит свою миссию в том, чтобы бичевать пороки, соединить добросовестную их фиксацию с нравственным уроком; вложить свой вклад в социальное оздоровление. На деле, однако, морализация присутствует в скромных дозах и преимущественно сосредоточена в заключительном выпуске [Nathan: 67], который носит характерное название «Искупление». Если для Бальзака погоня за деньгами становится «универсальным двигателем» парижской жизни [Обломиевский: 478], то в случае с Дюбю де Лафоре не менее, а то и более существенным стимулом оказываются физиологические страсти [Salaün: 71].

Финал книги артикулирован как грандиозный апофеоз, выдержанный в духе социально-политического эссе и насыщенный утопизмом; здесь Дюбю де Лафоре предстает одновременно как наследник Сю («Парижские тайны», опубликован в виде фельетона в 1842–1843 гг.) и отчасти Бальзака («Сельский врач», 1833), но с учетом идеологического контекста «рубежа двух столетий». Апологетом этой утопии как своеобразной альтернативы женского монастыря выступает главная героиня книги: «...в этом доме, благодаря сообразному вашим физическим возможностям труду, вы позабудете о своём прошлом, но не под черным куколом и не под гнетом суровой монашеской дисциплины, а в полной свободе» [Dubut 37: 89]. Именно Клоэ, вместе со своим наконец-то обретенным возлюбленным, а затем и супругом (он возвращается с Кавказа, где скрывался у своего приятеля, князя Дмитрия Воронцова), руководят этим размещенным в Бретани фаланстером, который напрямую связан с идеями Шарля Фурье. Роман венча-

ет цитата из насыщенного идеями утопического социализма стихотворения Беранже «Священный союз народов» (1818; перевод В. Дмитриева):

«Распри, о смертные, вас утомили...
Отдых ваш краток, и сон ваш тяжёл.
Землю по-братски бы вы разделили:
Место бы каждый под солнцем нашёл!»

[Беранже: 146]

Если для положительных героев романа в финале «занимается утренняя заря» [Dubut 37: 136], то антигерой цикла, «Архангел Зла» [Dubut 5: 114] виконт Артюр де Ла Пласад (его «сверхчеловеческая красота» [Dubut 2: 41] сочетается с душой негодяя и убийцы) гибнет от руки монахини (роль женщин в романах писателя вообще очень значительна [Salaün: 64]). Почти точно исполняется процитированный Клоэ стих из Евангелия от Матфея «кто поднимет меч, от меча и погибнет», только меч заменяется кинжалом.

Прямые отсылки к Бальзаку в книге встречаются достаточно редко, причём они обычно относятся не к самым известным частям «Человеческой комедии». Так, голос отвратительного сладострастника Анжелюса автор именуется «мефистофельским» и сочетающимся в себе, как и в случае с бальзаковским «прославленным Годиссаром» (первый вариант одноименной повести вышел в 1834 г.), отраву с клеем («в его речи вы найдете одновременно и купорос, и птичий клей; клей – для того, чтобы засосать, облепить свою жертву и приклеить ее к себе, а купорос, чтобы растворить самые твердые ее расчеты» [Бальзак: 189; пер. Н. Коган]). «Прославленный Годиссар», «мечтающий о том, как бы околпачить покупателей» [Обломиевский: 444], в интересующую нас эпоху воспринимался как точное и талантливое отображение вполне определенного социального типажа, а именно предприимчивого коммивояжера; при этом доминировала трактовка этого типажа как архаического и отжившего свой век в сравнении с современными, просвещенными «торговыми представителями»¹⁶.

И это не единственный персонаж книги, которого автор сравнивает с Годиссаром; в дальнейшем на ее страницах появляется комический преемник бальзаковского героя, коммивояжер Наполеон Буске, президент Союза путешественников и Общества труда. Этот модернизированный Годиссар и тезка императора «знал созданный воображением Бальзака бессмертный образ назубок, но ощущал потребность воплотить его душу в новой реальности. Ведь времена дилижансов и долгих путешествий канули в Лету. Прощай, 1830 год!» [Dubut 28: 20–21]. Буске достаточно начитан, ему знакомы сочинения Дарвина и Льва Толстого; к тому же он республиканец, и в романе описывается его встреча с Леоном Гамбетта (некоторые обозреватели возмутились внедрением этого

известного политического деятеля, в 1881–1882 гг. занимавшего пост премьер-министра Франции, в круг персонажей романа). Но с учетом общего крена книги к «социальной патологии» на первом плане оказываются сексуальные подвиги Буске, которые он заносит в специальную «любовную таблицу».

Оглядка на Бальзака и одновременно полемика с ним ощущается в эпизоде, где героиня созерцает Париж с высокой точки правого берега: сначала мы видим хорошо знакомый читателям «Отца Горио» район между Вандомской колонной и куполом Инвалидов (предмет вожделений Растиньяка), а затем взор Клоэ скользит к разместившемуся на окраине города военному заводу, «с его огромными крышами, черным фасадом, бронзовыми воротами и охристыми трубами, исторгающими клубы черного и красного дыма – своего рода напоминание о крови и трауре на фоне небесной синевы» [Dubut 37: 5]. Этот почти экспрессионистический образ затем получает в романе свое развитие; он предвосхищает эстетику, которая уже в военные годы будет подкреплена дантовскими ассоциациями в шестой части цикла Гастона Леру о Рультабийле – «Рультабийль у Круппа» (1917).

Другая аллюзия относится к уже упоминавшейся повести «Златоокая девушка», причём в данном случае бальзаковское сочинение становится важной пружиной в развитии действия. Мэри Фолкстоун, впавшая в сильнейшую депрессию в связи с собственной фригидностью, одалживает у своей подруги Камиллы (под ее нажимом) «Златоокою девушку» и после прочтения обнаруживает в себе интерес к однополной любви. Камилла едва ли не идентифицирует себя с бальзаковской Пакитой: «...знаешь, Мэри, история главной героини – это и моя история!... Романисты ничего не выдумывают... Страница физиологического романа – кусок жизни... “Златоокая девушка” – это я!» [Dubut 32: 122]. Хотя пикантные аспекты взаимоотношений двух женщин у Бальзака затронуты, но в несравненно более деликатной форме, нежели в творчестве Дюбу де Лафоре; для тридцатых годов, когда вышла его повесть, обращение к лесбийской тематике выглядело чрезвычайно провокативным – в отличие от эпохи fin-de-siècle. Содержание повести Бальзака отнюдь не сводится к физиологическому эпатажу – в ней присутствуют и социальная, и эстетическая составляющие (не случайно повесть снабжена посвящением Эжену Делакруа). Таким образом, Дюбу де Лафоре обедняет смысл «Златоокой девушки», подчиняя её общему «скандальному» вектору своей книги. «Златоокая девушка – наша современница», – утверждал в 1897 г. один из журналистов, – её вычурные увлеченья шокировали наших предков, а ныне сделались общепринятым явлением»¹⁷.

«Последние парижские скандалы» представляют собой не просто подражание «Человеческой коме-

дии» в новом историческом и социокультурном контексте, но и ревизию бальзаковского нарратива в духе сформированной к тому времени поэтики массового чтения. Стремление Бальзака к мировоззренческой энциклопедичности сменяется у Дюбу де Лафоре калейдоскопом приемов и жанровых структур популярного романа. Нам кажется чрезвычайно интересным тезис уже упоминавшегося Р. Гиза: «...то, что принято именовать популярным романом – это не сниженный вариант романа литературного, не его субпродукт; это роман, развивающий традицию романического. А что касается творений Бальзака, который в свое время наилучшим образом представлял этот тип повествования, то я бы, с вашего позволения, назвал их сверх-продуктом популярного романа. Иначе говоря, если предельно схематизировать эту мысль, в перспективе литературной истории романа не Эжен Сю производил на свет сниженного Бальзака, но, напротив, Бальзак изготавливал улучшенного Сю, высшего Сю» [Guise 1994: 199]. Как и в случае с Эженом Сю, книга Дюбу де Лафоре оказалась «улучшенной» благодаря следованию бальзаковским традициям романического, но одновременно и зависшей между литературой идеей и чисто развлекательным чтением.

Примечания

¹ Подробнее об этом см. нашу статью: Чекалов К. А. Бальзак в коллективном сознании и издательских практиках «прекрасной эпохи» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 58–68. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-1-58-68>

² Mary J. La jolie boiteuse. Le Petit Parisien, 17.11.1882, p. 2.

³ Hallays A. En flânant. Pèlerinage balzacien. Journal des débats politiques et littéraires, 14.09.1900, p. 2.

⁴ Cim A. Les livres. Le Radical, 16.08.1882, p. 3.

⁵ Guérin. Courrier du Palais. L'Univers illustré, 27.03.1886, p. 202.

⁶ Gille Ph. Revue bibliographique. Le Figaro, 08.07.1891, p. 5.

⁷ Geffroy G. Causeries, Dubut de Laforest. La Dépêche, 11.04.1902, p. 1.

⁸ Pioch G. La faute de l'obélisque. Gil Blas, 01.08.1911, p. 1.

⁹ Rolle G. Avant la «Première». Paris, 21.02.189, p. 2.

¹⁰ De Salerne E. Chronique générale. La Médecine nouvelle, 19.04.1902, p. 5.

¹¹ Tolbiac J. Madame le Député. Le Figaro, 11.07.1882, p. 1.

¹² Guillemot M. Le romancier. Le Figaro, 03.04.1902, p. 1.

¹³ Dubut de Laforet. La Sous-Préfète à camellias. La Lune troyenne, 12.01.1890, p. 2.

¹⁴ Mademoiselle de Marbeuf. Gil Blas, 22.05.1888, p. 3.

¹⁵ Le Faure G. Les Derniers Scandales de Paris. Le Journal, 22.10.1898, p. 2.

¹⁶ Richepin J. Gaudissart. Le Journal, 09.11.1896, p. 1.

¹⁷ Deluns-Montaud. Tribune littéraire. Paris, 23.12.1897, p. 2.

Список литературы

Источники

Бальзак О. де. Собр. соч.: в 24 т. Т. 6. Москва: Правда, 1960. 526 с.

Беранже П.-Ж. Избранное. Москва: Правда, 1979. 592 с.

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. Москва: АСТ, 2003. 828 с.

Dubut de Laforest J.-L. Les derniers scandales de Paris: 37 vol. Paris, Fayard, 1898–1900.

Исследования

Обломиевский Д.Д. Бальзак. Этапы творческого пути. Москва: ГИХЛ, 1961. 590 с.

Чекалов К.А. Ранний французский детектив: пути самоидентификации // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 79–86.

Barel-Moisan C. Le langage des sciences: savoir et narration dans *La Recherche de l'absolu* de Balzac. Le Partage des savoirs. XVIIIe–XIXe siècles. Lyon, Presses universitaires de Lyon, 2019. URL: <https://books.openedition.org/pul/6570>

Chamberlin W. «Une Ténébreuse affaire», roman policier. Littératures, 1958, no. 6, pp. 21–49.

Dufief P.-J. Dubut de Laforest. Le Gaga. Cahiers Édmond et Jules de Goncourt, 2008, vol. XV, pp. 212.

Flat P. Balzac. Essais sur Balzac. Paris, Plon, 1894, VII, 323 p.

Guise R. Balzac. Nancy: Presses universitaires de Nancy, 1994, 230 p.

Guise R. Introduction. Balzac H. de. Une ténébreuse affaire. Paris, Gallimard, 2005, pp. 7–19.

Hogle J.E. The Undergrounds of the Phantom of the Opera Sublimation and the Gothic in Leroux's Novel and Its Progeny. New York, Palgrave, 2016, 262 p.

Lefèvre F. Une heure avec Gaston Leroux. Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques, no. 133, 2.05.1925. URL: <https://laporteouverte.me/2016/07/10/une-heure-avec-gaston-leroux-journaliste-et-romancier>.

Nathan M. *Les Derniers scandales de Paris* par Dubut de Laforest: des maisons closes au phalanstère. Splendeurs et mysères du roman populaire. Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 1990, pp. 61–74.

Salain F. Jean-Louis Dubut de Laforest. Un romancier populaire. Thèse de doctorat. Paris, Université Sorbonne-Nouvelle, 2014, 827 p. URL: <https://theses.hal.science/tel-01228408>

References

- Chekalov K.A. *Rannij francuzskij detektiv: puti samoidentifikacii* [Early French detective fiction: self-identification paths]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. 1, pp. 79–86. (In Russ.)
- Oblomievskij D.D. *Bal'zak. Ehtapy tvorcheskogo puti* [Balzac. Stages of the creative path]. Moscow, GIKHL Publ., 1961, 590 p. (In Russ.)
- Barel-Moisan C. Le langage des sciences: savoir et narration dans *La Recherche de l'absolu* de Balzac. *Le Partage des savoirs. XVIIIe–XIXe siècles*. Lyon, Presses universitaires de Lyon, 2019. URL: <https://books.openedition.org/pul/6570>
- Chamberlin W. «Une Ténébreuse affaire», roman policier. *Littératures*, 1958, no. 6, pp. 21–49.
- Dufief P.-J. Dubut de Laforest. Le Gaga. *Cahiers Édmond et Jules de Goncourt*, 2008, vol. XV, pp. 212.
- Flat P. Balzac. *Essais sur Balzac*. Paris, Plon, 1894, VII, 323 p.
- Guise R. Balzac. Nancy, Presses universitaires de Nancy, 1994, 230 p.
- Guise R. Introduction. Balzac H. de. *Une ténébreuse affaire*. Paris, Gallimard, 2005, pp. 7–19.
- Hogle J.E. *The Undergrounds of the Phantom of the Opera Sublimation and the Gothic in Leroux's Novel and Its Progeny*. New York, Palgrave Publ., 2016, 262 p.
- Lefèvre F. Une heure avec Gaston Leroux. *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*, 2.05.1925, no. 133. URL: <https://laporteouverte.me/2016/07/10/une-heure-avec-gaston-leroux-journaliste-et-romancier>.
- Nathan M. *Les Derniers scandales de Paris* par Dubust de Laforest: des maisons closes au phalanstère. *Splendeurs et misères du roman populaire*. Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 1990, pp. 61–74.
- Salaün F. Jean-Louis Dubut de Laforest. *Un roman-cier populaire*. Thèse de doctorat. Paris, Université Sorbonne-Nouvelle, 2014, 827 p. URL: <https://theses.hal.science/tel-01228408>

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 17.12.2025; accepted for publication 24.03.2026.

ТВОРЧЕСТВО ФЕРНАНДУ ПЕССОА И ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Овчаренко Ольга Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, Москва Россия, olgaimli@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания автора статьи находится отношение великого португальского поэта Фернанду Пессоа к вопросам теории литературы. Главным из них является вопрос о жанровой принадлежности стихотворного цикла «Послание», в котором португальский поэт видел эпос нового времени. Автор рассматривает различные теории жанровой принадлежности сочинения Пессоа, анализирует его связь с традицией Камоэнса, рассказывает о других попытках Пессоа создать эпическое произведение и приходит к выводу, что «Послание» является не поэмой, а стихотворным циклом. Второй теоретико-литературной проблемой, связанной с творчеством Пессоа, является проблема гетеронимии, которой посвящено немало работ в нашем литературоведении. К сожалению, ни создание стихотворных циклов, ни использование гетеронимии не имели своего продолжения в мировой литературе. От Пессоа сохранились наброски по теории литературы, в статье рассматривается их основная проблематика: о гении, о Шекспире, о Диккенсе, о теории перевода. Также исследуется теория сенсационизма – изобретенного Пессоа литературного направления.

Ключевые слова: Фернанду Пессоа, «Послание», эпос, поэма, поэтический цикл, сенсационизм, гетеронимия.

Для цитирования: Овчаренко О.А. Творчество Фернанду Пессоа и вопросы теории литературы // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 113–118. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-113-118>
Research Article

CREATIVE WORK OF FERNANDO PESSOA AND QUESTIONS OF THE THEORY OF LITERATURE

Olga A. Ovcharenko, DSc in Philology, leading researcher, Institute of World Literature named after A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences, olgaimli@yandex.ru

Abstract. The author of the article pays the main attention at the attitude of the great Portuguese poet Fernando Pessoa to the problems of theory of literature. the main of which is that of the genre belonging of the poetical cycle “Message” seen by Pessoa as the modern epic. The author investigates different theories of the genre of the “Message”, analyses its connection with Camões tradition, refers to the other Pessoa’s attempts of creation of the epic and comes to the conclusion that the “Message” is a poetical cycle rather than a poem. The second theoretical problem connected with Pessoa’s poetry is the problem of heteronymy. Unfortunately both creation of the epic poetical cycles and heteronymy had no continuation in world literature. Pessoa left the papers about theory of literature, and the article analyses their main problematics: the notes on the problem of genius, on Shakespeare, on Dickens, on theory of translation. The author also deals with the theory of sensationism- invented by Pessoa literary trend.

Keywords: Fernando Pessoa, “Message”, epic, poem, poetical cycle, sensationism, heteronymy.

For citation: Ovcharenko O.A. Creative work of Fernando Pessoa and questions of the theory of literature. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 113–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-113-118>

Главным вопросом теории литературы применительно к творчеству Пессоа является вопрос о жанровой принадлежности его «Послания» и его месте в португальской литературе. Вопрос этот ставился самим поэтом, но решен им не был. Как известно, «Послание» было отправлено Пессоа на официальный конкурс поэм, объявленный секретариатом национальной пропаганды, и получило вторую премию (оно не прошло на первую по недостаточному по условиям конкурса объему).

В 1935 г. Пессоа писал: «В октябре прошлого года я опубликовал книгу стихотворений (роетас), которые на самом деле образуют одну большую поэму (роета), озаглавленную «Послание» [Pessoa 2: 340]. Интересно, что слово роета означает по-португальски как стихотворение, так и собственно поэму. В письме Жуану Гашпару Симоэншу от 28 июля 1932 г. Пессоа говорит о том, что хочет опубликовать «Португалию» (как известно, это изначальное название «Послания»), «маленькую книгу стихотворений» [Simões: 656]. Поэмой, насколько нам известно, Пессоа называл «Послание» только однажды, в приведенной выше цитате. Между тем он действительно мечтал написать эпическую поэму: «Мы не способны написать, – говорил он в набросках, – или желать написать эпопею или уметь прочесть, если уж не довелось написать, эпопеи. В качестве компенсации мы пишем романы» [Pessoa 3: 96].

В принципе это вполне профессиональный взгляд на генезис романа, только сам Пессоа романов не писал, но явно тяготел к эпосу и, как уже говорилось выше, примеривался к Камозэнсу. Думается, что именно себя он считал грядущим «супер-Камозэнсом», ибо «очень скоро неизбежно появится один или не один поэт высшего дарования... потому что определенно Великий Поэт, рожденный этим движением, отодвинет на второй план пока доминирующую фигуру Камозэнса» [Pessoa 2: 1153]. В «Лузиадах» Камозэнса, по мнению Пессоа, есть «недостаток мысли»: «Мы уходим от Камозэнса, от всех скучных глупостей португальской традиции, к будущему» [Pessoa 3: 72].

«Лузиады» относятся к низшему классу высшего жанра в литературе» [Pessoa 3: 648]. «Инфант, Албукерк и другие полубоги нашей славы еще ждут своего певца. Он бы мог и не говорить о них, достаточно упомянуть их в своей песне... Камозэнс был очень недалек от мечты о них» [Pessoa 3: 703].

На самом деле Пессоа полностью идет за Камозэнсом в выборе героев своего стихотворного цикла вплоть до «чудовища, хранящего моря», как бы пародирующего камозэнсовского Адамастора. В действительности в олицетворяемом им Мысе Бурь пародийного мало. Достаточно вспомнить цикл португальских повестей «Трагические истории на море», хотя и написанных весьма образованными людьми,

но выражающих народный взгляд на великие географические открытия. Отсутствие мифологической линии у Пессоа по сравнению с Камозэнсом, конечно, является более соответствующим XX в., но лишает читателя таких красивых эпизодов, как Остров Любви, что никак не компенсируется поэтом. Нет у Пессоа и единства действия, обычно присутствующего в поэмах. Его «Послание» представляет собой серию портретов отдельных героев, в чем, по-видимому, сказались влияние Карлейля [Neiva: 33–45]. Поэтому и думается, что в силу присущей Пессоа фрагментарности мышления и творчества «Послание» является стихотворным циклом, а не поэмой. Но в этом цикле явно проявилось эпическое начало как унаследованное от столь нелюбимого поэтом Камозэнса, так и просто соответствующее основным тенденциям развития мировой литературы.

XX в. вызвал к жизни такие значительные романы-эпопеи, как «Жизнь Климата Самгина» М. Горького, «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси, «Семья Тибо» Р. Мартен дю Гара, «Очарованная душа» Р. Роллана, «Тихий Дон» М. Шолохова и многие другие. Пессоа повел португальскую литературу в поисках эпического по другому пути, хотя его поиски также опирались на традиции классических эпопей прошлого. М.М. Бахтин писал: «1) Предметом эпопеи служит национальное эпическое прошлое, “абсолютное прошлое” по терминологии Гете и Шиллера; 2) источником эпопеи служит национальное предание (а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел); 3) эпический мир отделен от современности, то есть от времени певца (автора и его слушателей) абсолютной эпической дистанцией. <...> Эпопея как известный нам литературный жанр с самого начала была поэмой о прошлом» [Бахтин: 204, 206].

«Лузиады» недаром считались «искусственным эпосом», но Р.М. Самарин справедливо настаивал на пересмотре общей оценки «искусственного эпоса» XVI в. и говорил о его «заметной роли в развитии эпической литературы нового времени, в развитии романа» [Самарин: 375]. Камозэнс считал возможным рассказать в своей поэме и о современности (предсказание Фетиды), и ввести в нее личные впечатления (от морской воронки и огнях святого Эльма), и обратиться к своим личным проблемам (в лирических отступлениях), хотя Бахтин полагал это не свойственным для эпопеи. Если подходить к эпопее с критериями Бахтина, то получится, что Пессоа стоит ближе к ним, чем Камозэнс. Кроме того, у Пессоа есть герои (Одиссей, Вириату, Генрих Мореплавателем, Васко да Гама, Афонсу де Албукерк), которые близки к «первопредкам-демиургам, культурным героям», по терминологии Е.М. Мелетинского [Мелетинский 2006: 178]. «Эпос, – полагает исследователь, – всегда историчен. Эпический фон, несущий определен-

ный общественно-исторический смысл, является существенным элементом эпико-героического жанра. Другой его важнейший элемент – образ самого героя, тип богатыря, непосредственного носителя народных идеалов» [Мелетинский 2004: 423]. Все это весьма соответствует содержанию цикла «Послание», в котором, конечно, ярко представлено эпическое начало. Но в таких стихотворениях, как «Горизонт», «Запад», «Португальское море», «Острова Блаженных», «Ночь», «Буря», «Штиль», «Третье», «Мгла», представлено лирическое начало, и в синтезе этих двух начал и состоит специфика «Послания».

В науке есть мнение, что «для эпопеи нужна война» [Гачев: 76]. В «Послании» ее в чистом виде нет, но есть образы героев войны, в описании которых Пессоа добился успеха.

«Послание» знаменует собой завершение определенного цикла португальской истории – восходящей еще к эпохе Возрождения колониальной империи. Г.Д. Гачев полагал: «... эпопея – это когда народ и государство справляют свой день рождения на краю смерти, небытия» [Гачев: 77], и этому определению вполне соответствует «Послание».

Однако, как многие произведения Пессоа, оно не складывается в единое целое, распадаясь на красивые и выразительные фрагменты.

Интересно, что Пессоа действительно мечтал создать эпопею. Разбиравший его бумаги Жорже Немезиу столкнулся с «идеей эпической поэмы, представляющей мореплавание и открытия португальцев как результат войны между старыми и новыми богами» [Pessoa 3:1470]

Еще один проект Пессоа назывался «Легенды», и в него входили такие стихотворения, как «Португальское море», «Вириату», «I династия», «II династия», «Сокрытый» и ряд других [Pessoa 3: 1470–1471]. То есть этот замысел также соотносим с «Посланием».

Из набросков Пессоа следует, что он мучительно размышлял о сущности эпопеи и залоге ее успеха. Так, он говорил о белом стихе, явно соотнося его с возможным стихом эпической поэмы: «Белый стих – это идеальная среда для неудобочитаемой эпической поэмы. Все метрическое искусство Мильтона, а оно очень велико, не может сделать “Потерянный рай” ничем, кроме нечитаемой поэмы. Она скучна, и мы не должны лгать самим себе, отрицая это. Единственный элемент, который, может быть, нужен такой поэме, – быстрота действия, материального или ментального – и тогда, может быть, она не будет скучной. Факт то, что эпическая поэма – это пережиток греко-римских времен... Большая часть славы Гомера, конечно, заслуженной, восходит к людям, не читающим по-гречески. Его престиж напоминает престиж Бога – он и велик, и знаком лишь наполовину» [Pessoa 3:

61–62]; «Не надо вовсе исключать эпическую поэму, но мы можем уменьшить ее размер до пяти книг – это размер драмы... С появлением романа мы можем опустить эпическое начало в поэме» [Pessoa 3: 56].

Написанием эпоса XX в. занимались (и успешно) многие писатели разных стран, но Португалия внесла свой оригинальный вклад и в решение этой проблемы. Этот вклад, возможно, сейчас выглядит бесперспективным, но когда-то такими казались и «Луизады», пока не стало ясным, что от этого произведения протягиваются нити к «Войне и миру» Л.Н. Толстого. Освоение художественного наследия Пессоа пока только начинается. Будем ждать, что найдутся писатели, которые смогут приумножить и лиро-эпическое наследие Пессоа.

Помимо теоретических проблем, выдвинувшихся перед исследователями в связи со стихотворным циклом «Послание», в связи с анализом творчества Пессоа существует еще ряд вопросов, близких к теоретическим. Филологического образования поэт не получил, поэтому некоторые его формулировки с современной точки зрения являются сомнительными, другие же несут на себе печать выдающегося мастера слова и мыслителя.

Пессоа много размышлял о том, кто такой гений. «Гений, – писал он, – это безумие, выздоравливающее благодаря растворению в абстрактном, как яд, превращенный в лекарство в составе микстуры» [Pessoa 3: 39]. Одним из любимых писателей Пессоа был Шекспир, которого португальский поэт называл «великим гением и великим умом, связанными с недостаточным талантом» [Pessoa 3: 39]. Говоря о шутках Фальстафа, Пессоа замечает: «В создании фигур, являющихся авторами всех этих шуток, гению предшествует ум. Велико не то, что Фальстаф говорит, а то, чем он является». «Если бы Шекспир не написал ничего, кроме песни, обращенной Ариэлем к Фердинанду, он бы не стал тем Шекспиром, которым стал, ибо он написал и другие произведения, – но этого было бы достаточно, чтобы показать, что он более великий поэт, чем Теннисон» [Pessoa 3: 57].

Как известно, Пессоа интересовался психологией и сам себя определял как «истеро-неврастеника». Аналогичная «методология» была применена и к Шекспиру: «Основа лирического гения – это истерика... Шекспир был: 1) по природе своей и в молодости истериком; 2) позже и в зрелости – истеро-неврастеником; 3) в конце жизни – истеро-неврастеником, но в меньшей степени» [Pessoa 3: 39]; «Хотя его трагедии велики, ни одна из них не является более великой, чем трагедия его собственной жизни... Он выделяется как величайший пример гения, гения в чистом виде» [Pessoa 3: 43]. В других набросках Пессоа говорит об истеро-неврастении

Гамлета, старческом слабоумии Лира и истеро-эпилепсии леди Макбет, но называет Шекспира, наряду с Гомером, «двумя кульминациями в литературе» [Pessoa 2: 1183].

Пессоа считал двумя вершинами человеческого духа древнегреческую поэзию и поэзию европейского Ренессанса, особенно английского: «Из ночи так называемых средних веков прорывается поэзия, которая, начавшись с Данте, достигает своей кульминации у Шекспира и заканчивается с Мильтоном» [Pessoa 2: 1198]. Пессоа также ценил Шекспира за его способность к «деперсонализации» [Pessoa 3: 87] (мы помним, что он прибегал к этому слову, когда объяснял собственную гетеронимию, которую он назвал «драмой в лицах»). «Четвертая ступень лирической поэзии – это та, встречающаяся довольно редко, когда поэт впадает в полную деперсонализацию. Он не чувствует, а проживает те состояния души, которые непосредственно не испытывает. В большом числе случаев он займется драматической поэзией в полном смысле этого слова, как это сделал Шекспир, поэт по природе своей лирический, но поднявшийся до статуса драматического в силу удивительной степени деперсонализации, им достигнутой» [Pessoa 3: 88].

Надо сказать, что Шекспир, по-видимому, удостоился благожелательных слов Пессоа еще и как драматург, ибо Пессоа, как уже говорилось, уделял большое внимание статическому театру, хотя собственного «Фауста» так и не закончил.

Пессоа пишет о связи поэзии с музыкой и в связи с этим – потенциальной невозможности перевода поэзии из-за ее внутренней музыкальности: «Когда Мильтон писал сонет, он писал его, будто от этого единственного сонета зависят его жизнь и смерть. Нельзя писать сонеты в другом настроении. Эпиграмма может быть соломинкой, но она должна быть соломинкой, за которую схватится умирающий поэт» [Pessoa 3: 55]. «Перевод является совершенным, когда не выглядит переводом» [Pessoa 3: 21].

Любопытно, что в качестве образца непереводаемого стихотворения Пессоа называл сонет Камонса (столько раз им незаслуженно обиженного) “Alma minha gentil” (в переводе В. Левика – «Душа моей души»): «В переводе ни один иностранец не поймет, в чем заключается красота этой речи без образов, метафор или фраз, хотя именно в этом красота этой речи и заключается, в постоянном лирическом движении ненарушаемого и болезненного ритма... Тот, кто хочет читать лирического поэта, не может принять ни одного перевода, как бы он ни был верен душе поэта. Он должен выучить язык, на котором написана эта поэзия. Перевод лирического поэта может дать представление о том, что он писал» [Pessoa 3: 170].

Перевод стихотворения должен обязательно передать: «(1) идею или эмоцию, составляющие стихотворение; (2) словесный ритм, который выражает эту идею или эмоцию; он должен выражать внутренний и визуальный ритм, сохраняя, насколько это возможно, образность оригинала. На этих критериях я основывал свои переводы на португальский язык стихотворений “Эннабел Ли” и “Улалом” По, которые перевел не из-за их неоспоримого достоинства, но из-за того, что они представляют собой вызов для переводчика» [Pessoa 3: 91]. Надо сразу заметить, что внутренний и визуальный ритм стихотворений Пессоа сохранить не удалось, ибо классическое португальское стихосложение является силлабическим, а англо-американское – силлабо-тоническим, однако его соображения о переводе все равно представляют большой интерес.

После Шекспира на втором месте из любимых Пессоа авторов находится Уитмен. Хвалебные отзывы о нем находятся и в оставшихся от португальского поэта набросках по теории литературы, и, главное, в стихотворении «Приветствие Уолту Уитмену», где он сравнивается с ведущими представителями мировой литературы и называется «Жаном-Жаком Руссо мира, который должен был произвести машины, Гомером *непреодолимой* плоти, Шекспиром чувства, которое движется паром, Мильтоном-Шелли горизонта будущего электричества».

Интересно, однако, что Пессоа пишет это приветствие не от себя лично, а от имени своего гетеронима Алвару де Кампуша. Думается, что Пессоа ощущал в Уитмене недостаток того качества, которое он считал главным в португальской литературе и ценил в других литературах – нежности. Пессоа настолько почитал это чувство, что полагал, что оно «преодолевает скорлупу иностранщины Камонса» [Pessoa 3: 79], и перечислял португальских писателей, в творчестве которых оно проявилось.

Вторым после нежности характерным для португальской литературы качеством Пессоа считал «избыток воображения» [Pessoa 3: 178]. Здесь с ним не согласился бы известный испанский исследователь пиренейских литератур Рамон Менендес Пидаль, считавший сдержанность при обращении к чудесам и фантастике одной из дифференциальных черт иберийской культуры: «Издавна считалось, что в героических поэмах Кастилии, в традиционных испанских и португальских романах и сказках отсутствует вымышленное сверхъестественное начало, украшающее песни и сказки других народов Европы. Поэтому Алмейда Гарретт имел все основания заметить, что в тех случаях, когда в португальском романсе сообщается о чудесах, это «почти без колебаний следует приписывать их французскому или иному иностранному происхождению» [Менендес Пидаль: 51–52].

Вообще же современное Пессоа искусство называется им «искусством мечты» [Pessoa 3: 147], искусством аристократическим. Оно и не должно, по мысли Пессоа, быть другим, ибо «наша цивилизация рискует погибнуть, как Греция (Афины) под натиском демократии, либо полностью оказаться в руках рабов, либо попасть в руки императоров, детей случая и упадка, и в руках финансовых групп, не имеющих ни Родины, ни ума, ни моральных норм, ни Бога» [Pessoa 3: 151].

Ф. Пессоа оставил множество разрозненных высказываний по поводу литературных направлений и классиков мировой литературы. Очень часто они выдают недостаток филологического образования и субъективность вкуса. Известно, что Пессоа пытался разными способами моделировать литературный процесс. К этому, в частности, стремилась созданная им система гетеронимного творчества. Эта проблема, конечно, также входит в список встающих в связи с творчеством Пессоа вопросов теории литературы. Нам уже доводилось подробно писать об этом [Овчаренко: 93–99]. Напомним, что гетеронимами Пессоа называл выдуманных им поэтов и прозаиков, каждый из которых отличался своим оригинальным художественным миром и собственной биографией. Гетеронимы вступали в полемику друг с другом, а порой и с Фернанду Пессоа. Трудно назвать их истинное число, но самыми известными были трое – Алберту Казэйру, Рикарду Рейш и Алвару де Кампуш: «Я себя чувствую многообразным, – писал Пессоа. – Я как комната со множеством фантастических зеркал, которые превращают в искаженное отражение ту единственную реальность, которой нет ни в одном из них и которая есть во всех» [Pessoa 2: 1013]; «Настоящий португалец – это несколько человек... Я никогда не чувствую себя так по-португальски, как когда являюсь отличающимся от себя самого. Когда я – Алберту Казэйру, Рикарду Рейш, Алвару де Кампуш, Фернанду Пессоа и сколько там их будет или есть еще! Будь многообразным, как вселенная!» [Pessoa 2: 1014]; «Есть авторы, которые пишут драмы и новеллы и в этих драмах и новеллах приписывают чувства и идеи фигурам, которые их населяют... Здесь субстанция та же, хотя форма является другой» [Pessoa 2: 1020]; «Я с детства испытывал потребность расширить мир за счет фиктивных персонажей» [Pessoa 2: 1024].

Однако следует заметить, что, несмотря на успешность этой попытки, она осталась единственной в истории португальской литературы, и пока никто не осмелился продолжить восходящую к Пессоа традицию. Подобно «Посланию», гетеронимия явилась уникальным опытом в истории португальской литературы.

Одна из попыток Пессоа к обновлению португальского литературного процесса связана с его

стремлением создать многочисленные литературные направления. Все они оказались нежизнеспособными, в том числе и сенсационизм, который Пессоа пропагандировал едва ли не всю жизнь, но у которого не нашлось сторонников. Тем не менее размышления Пессоа о сенсационизме также дают представления о развитии его теоретической мысли.

Он намечает следующие принципы сенсационизма:

1. «Всякий предмет – это наше ощущение (sensação).
2. Всякое искусство – это превращение ощущения в предмет.
3. Следовательно, любое искусство есть превращение одного ощущения в другое» [Pessoa 3: 198].

В архиве Пессоа остался написанный по-английски черновик письма к неизвестному английскому издателю (видимо, Пессоа и сам не решил, кому именно) с предложением издать антологию переводов португальских сенсационистов. Поэт пояснял: «От французского символизма мы заимствуем свое фундаментальное отношение повышенного внимания к своим ощущениям, наше частое обращение к мотивам скуки и апатии... Но есть и отличия. Мы полностью отвергаем, кроме обращения с чисто эстетическими целями, отношение символистов к религии. Бог стал для нас словом, которое может употребляться для создания таинственности, но не для других моральных целей» [Pessoa 3: 192].

Пессоа призывал английского издателя опубликовать произведения Алвару де Кампуша, Алберту Казэйру и Рикарду Рейша. Других адептов у нового направления не нашлось.

Известно, что Пессоа, в силу своего английского воспитания, хорошо знал англо-американскую литературу. Помимо уже упоминавшихся авторов, он очень ценил Диккенса. «Мистер Пиквик, – полагал он, – принадлежит к священным фигурам мировой истории... Читать Диккенса значит получить мистическое зрение, но, хотя он часто провозглашает себя христианином, он не имеет ничего общего с христианским мировоззрением» [Pessoa 3: 165–166].

Из еще не приведенных высказываний Пессоа о португальских писателях хочется отметить его оценку Антониу Виейры, которого в «Послании» он называл «языка родного императором»: «Антониу Виейра – фактически самый большой прозаик и, я бы сказал, самый большой художник португальского языка» [Pessoa 3: 181].

Думается, что в столь хвалебном отзыве о Виейре содержится его скрытое противопоставление Камознсу, которого Пессоа так и не смог превзойти ни в лирике, ни в попытках создания эпоса.

Тем не менее его творческие поиски, в том числе и теоретические, также имеют значение для миро-

вой литературы и заслуживают пристального к себе внимания.

Список литературы

Источники

Менендес Пидаль Рамон. Избранные произведения. Москва: Иностран. лит., 1961, 772 с.

Pessoa Fernando. Obra Poética e em Prosa: Em 3 Volumes. Porto, Lello e Irmao, 1986. Vol. 1. 1212 p.; Vol. 2. 1352 p.; Vol. 3. 1225 p.

Исследования

Бахтин М.М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 303 с.

Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. Москва: МГУ: Флинта, 2008. 287 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Москва: Вост. лит., 2006. 408 с.

Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Москва: Вост. лит., 2004. 462 с.

Овчаренко О.А. Особенности гетеронимии в лирике Фернанду Пессоа // Вестник Костромского государственного госуниверситета. 2023. Т. 29, № 1. С. 93–99.

Самарин Р.М. К проблеме реализма в западноевропейских литературах эпохи Возрождения // Проблемы реализма в мировой литературе. Москва: Гослитиздат, 1959. С. 330–380.

Neiva Alex. Fernando Pessoa leitor de Carlyle. De-sassossego. Dez. 2014, pp. 33–45.

Simões João Gaspar. Vida e Obra de Fernando Pessoa. Amadora, Livraria Bertrand, 4ª edição, 1950.

References

Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epic and novel]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 303 p. (In Russ.)

Gachev G.D. *Soderzhatel'nost' hudojestvennykh form* [Content of Artistic Forms]. Moscow, Moscow State University, Flinta Publ., 2008, 287 p. (In Russ.)

Meletinsky Ie.M. *Proishozhdenie geroicheskogo eposa* [The Origins of Heroic Epic]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2004, 462 p. (In Russ.)

Meletinsky Ie.M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2006, 408 p. (In Russ.)

Ovcharenko O.A. *Osobennosti Heteronimii v Lirike Fernando Pessoa* [Peculiarities of Heteronymy in the Lyrics of Fernando Pessoa]. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 93–99 (In Russ.)

Samarin R.M. *K probleme realizma v zapadnoevropeiskoi literature epochi Vozrozhdeniya* [To the Problem of Realism in West-European Literature of the Renaissance]. *Problemy realizma v mirovoi literature* [Poblems of Realism in World Literature]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959, pp. 330–380. (In Russ.)

Neiva Alex. Fernando Pessoa leitor de Carlyle. De-sassossego. Dez. 2014, pp. 33–45. (In Port.)

Simoes Joao Gaspar. *Vida e Obra de Fernando Pessoa*. Amadora, Livraria Bertrand, 4ª edição, 1950. (In Port.)

Статья поступила в редакцию 03.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 03.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 24.03.2026.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КУРТУАЗНОЙ МОДЕЛИ МИРА В АНГЛИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ

Вышенская Юлия Павловна, доктор филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, clemence_isaure@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-3026>

Аннотация. В настоящей статье предлагается опыт сопоставительного анализа процессов порождения стиля в тексте английской литературной сказки, генетически связанной с куртуазным романом и волшебной кельтской сказкой. На примере образа дракона в сказке «The Reluctant Dragon» известного английского писателя К. Грэма изучаются стилистические приемы и методы стилистической реконструкции модели мира куртуазного произведения. Выявляются и сопоставляются универсальные и индивидуальные, национальные и вненациональные особенности стилистической организации художественного целого в пространственно-временной перспективе. Особое внимание уделяется своеобразию мировидения конкретного временного отрезка в универсальном процессе стилистического развития, динамике генерации стиля в синхронии и диахронии. Методологическую исследовательскую основу составляют традиционные методы анализа текста (стилистический анализ от одного уровня к другому, сравнительно-сопоставительный анализ в рамках одного синхронного среза и в диахронии), а также методы анализа дискурса. В силу специфики эмпирического материала привлекаются результаты исследований из истории литературы, агиографии. Предлагаемая работа являет собой определённый вклад в сферу изучения стилистических явлений и их реконструкций на генетически связанном текстовом материале разных временных эпох.

Ключевые слова: детская литературная сказка, куртуазная стилистика, куртуазный роман, узкий дискурс, широкий дискурс.

Для цитирования: Вышенская Ю.П. Стилистическая реконструкция куртуазной модели мира в английской детской литературной сказке // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 119–124. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-119-124>

Research Article

STYLISTIC RECONSTRUCTION OF THE COURTLY WORLD MODEL IN THE TEXT OF THE FAIRY-TALE FOR CHILDREN

Yuliya P. Vyshenskaya, DSc in Philology, Professor, Institute of Foreign Languages, Herzen Russian State Pedagogic University, Saint Petersburg, Russia. clemence_isaure@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-3026>

Abstract. The present article contains some experience of comparative analysis of style generating processes in the text of the English literary fairy-tale for children, connected with the romance and the Celtic fairy-tale. Stylistic reconstruction of the courtly universe makes the research focus. Universal and individual as well as national and supranational characteristic features proper to the stylistic organisation of the piece of art in dynamics are identified and compared. Special attention is paid to peculiar details of the world vision in the universal stylistic development, style generation evolution both in synchrony and diachrony. The style generating investigation as a part of a translation process, the image system creating, in particular, makes the present paper new and topical as well. The methodological basis contains traditional text analysis methods (cohesive stylistic analysis, synchronic and diachronic comparative analysis). The illustrative material makes it necessary to apply some data from the literature history and hagiography. The present work contributes to the sphere of investigating stylistic phenomena and their reconstruction as well when applied to the genetically connected textual material.

Keywords: courtly stylistics, fairy-tale for children, image, romance, style, text, usual discourse, universal discourse.

For citation: Vyshenskaya Y.P. Stylistic reconstruction of the courtly world model in the text of the fairy-tale for children. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 119–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-119-124>

В предлагаемом исследовании представлены наблюдения за преобразованиями, претерпеваемыми ключевыми понятиями куртуазной стилистики в диакронии. На текстовом материале детской литературной сказки «The Reluctant Dragon» («Дракон Лежебока») К. Грэма, известного английского писателя XIX в., выявляется и анализируется специфика стилистического воссоздания куртуазного универсума, номенклатуры куртуазных персонажей и образного строя в самостоятельном литературном жанре. Прослеживается преемственность стилистического развития в генетически связанных жанрах волшебной кельтской сказки, куртуазного романа и литературной сказки для детской аудитории.

Художественный стиль, согласно определению академика В.В. Виноградова, являет собой «внутренне цельную и единую систему взаимосвязанных структурных элементов, находящихся между собою в разных формах связи, соотношений и взаимодействий». Подобное толкование стиля предполагает расширение сложившегося в науке о языке спектра исследовательских задач, осуществляемых посредством обновленных традиционных методов [Виноградов: 79].

Подобное понимание стиля вписывается в теорию анализа дискурса и сочетается с идеей о существовании универсальных и широких дискурсов и дискурсов более частного и узального характера. Согласно точке зрения О.Н. Гронской, текст представляет собой в широком понимании форму существования концептуально-эстетического аппарата дискурса. Текстуальное порождение происходит путем удовлетворения объективных потребностей субъекта в текстовом выражении некоторых значений и смыслов, характер которых определяет виды градации дискурса. Существование определённого рода «концептуальных отношений, системных и/или иерархических» дает основание полагать дискурс метадискурсом и его модификациями. Так, в концептуальном ряду «культура – литература – архитектура – скульптура – изобразительное искусство» культуре отводится роль метадискурса. Прочие его формы являются метадискурсивными модификациями [Гронская: 14].

В рамках настоящего исследования под метадискурсом культуры понимается культура Средних веков, специфика которой формируется, в частности, под влиянием социокультурных изменений. В рамках культуры средневековой Европы начинает создаваться теория стиля. Взаимоотношения последовательно элементов дискурсивной модели складываются на основе принципа иерархичности, одновременно выступающего также и основополагающим принципом средневекового социального устройства.

В подобном понимании находит отображение диалогичность культуры и литературы средневековой эпохи, присущая литературе восприимчивость к но-

вым тенденциям, а также акцентуация параметров языка, маркирующих осознание говорящим голоса другого [Fowler: 94].

В метадискурсе Средневековья обособляется куртуазная культура, в рамках которой создается богатая самобытная литература. Под влиянием куртуазной идеологии и средневековой философии разрабатывается свод правил их стилистического конструирования,

Важное место в системе куртуазных жанров занимает куртуазный роман. Куртуазная стилистика возникает и развивается на основе сочетания фольклорного и собственно куртуазного стилистического. Генетической связью куртуазного романа и волшебной кельтской сказки обуславливается наследие выразительных средств и стилистических приемов, специфики модели мира куртуазного произведения (куртуазного универсума).

Одним из центральных образов куртуазной номенклатуры выступает образ дракона. Под воздействием куртуазной идеологии фольклорное восприятие животного усложняется. Образ чудовища сохраняет унаследованное от фольклора восприятие, в рамках которого предстает воплощением зла и враждебной природной стихии [Елина: 17]. В структуре куртуазного художественного целого сражение и победа куртуазного героя над крылатым змеем становится одним из обязательных узлов куртуазного сюжетного движения.

По мере развития английской жанровой системы куртуазный роман утрачивает свою значимость. Последним крупным произведением этого жанра является «Le Morte D'Arthur» сэра Т. Мэлори (XV в.). Своего рода возрождение жанр рыцарского романа переживает в Новое время, становясь, в свою очередь, основой литературной сказки для детей. Одним из ярких примеров жанра можно считать «The Reluctant Dragon» К. Grahame. Ряд куртуазных линий и образов, в том числе образ дракона, сама модель куртуазного мироустройства подвергаются в произведении авторской интерпретации, обусловленной, в частности, факторами экстралингвистического характера под влиянием изменившейся действительности.

В процессе предпринимаемого анализа используется триада «текст – стиль – дискурс» [Гончарова: 2012], заимствованная из анализа дискурса. Сфера приложения триединства расширяется также и в сторону изучения взаимодействия некоего дискурсивного стержня при исследовании реконструкции стилистической организации художественного целого и трансформации стилистических средств создания художественного образа. В предлагаемом исследовании на элемент «стиль» возлагается функция скрепы «текста» и «дискурса». Принимая во внимание специфику эмпирического материала, «текст» понимается как текст литературной сказки для детей. «Дискурс»

предстает как «когнитивное и коммуникативное пространство, манифестируемое в совокупности текстов... определенной социально-коммуникативной сфере...» [Смирнова: 113].

Корпус примеров, зарегистрированных в тексте сказки «The Reluctant Dragon», даёт возможность выявить и оценить процессы стилепорождения как реконструирующие исходную образную систему на генетически связанном материале в пространственно-временной перспективе.

Сюжетная основа и система образов на избранном для анализа сказочном тексте формируется на куртуазно обработанном кельтском сказочном материале. В анализируемом произведении представлена авторская трактовка модели мироздания куртуазного произведения, известная как «куртуазный универсум», «нравственно-эстетический кодекс куртуазных ценностей» [Смолицкая: 49].

В самом названии, оксюморонном по своей природе, заложена интрига сюжетной спирали. Дракон, главный герой, вводится в повествование посредством приема *suspense* (напряженное ожидание, способствующее возникновению интриги), усиливая тем самым интерес реципиента:

It began some nights ago, said the shepherd. 'You know that cave up there —I never liked it, somehow, and the sheep never liked it neither, and when sheep don't like a thing there's generally some reason for it. Well, for some time past there's been faint noises coming from that cave noises like heavy sighings, with grunts mixed up in them; and sometimes snoring, far away down-real snoring, yet somehow not honest snoring, like you and me o' nights, you know! [Grahame]

(«Это началось несколько ночей назад, – сказал пастух. – Вы помните пещеру там, наверху? Мне она никогда не нравилась, сам не знаю почему, и овцам тоже, а уж коли овцам что не нравится, на это всегда есть резон. Ну, так вот, последнее время оттуда доносились какие-то звуки, вроде бы тяжелые вздохи вперемежку с бормотанием, а иногда храп глубоко под землей, заправдашный храп, но, как бы это сказать, не натуральный, вроде как у нас с тобой, когда мы спим. Сама знаешь») [Грэм].

Выделенный прием *suspense* можно рассматривать также и как своего рода перифраз традиционного древнего приема ретардации, анализируемый в ряде работ на французском материале (см., например: [Смирнов: 1965; Вышенская: 2022]). Определённый артикль в названии сказки выступает своеобразным соединителем персонажа анализируемой сказки с его средневековым предшественником, героем сказаний и легенд.

Аллюзивная связь укрепляется посредством использования стилистического приема метонимии *that cave* («та пещера»). Данный метонимический перенос возникает на основе переноса по месту обитания дракона, что закреплено в традиционном

представлении об отводимом хищнику пространстве. Отмеченная метонимия может восприниматься как своего рода аллюзия на прочих средневековых драконов, в том числе из куртуазных рыцарских романов.

Приведённый текстовый фрагмент являет собой яркую иллюстрацию конвергенции – сочетания приёмов разной стилистической природы (графо-фонетической, лексической и синтаксической), чем усиливается эмоциональная доминанта страха и тревожности.

Ведущее место на всех стилистических уровнях занимает повтор. Такова реприза сочетания *never liked* (никогда не нравилась), использованием которой передается нарастание тревоги и волнения пастуха: "I never liked it, somehow, and the sheep never liked it neither" («Мне она никогда не нравилась, сам не знаю почему, и овцам тоже»; выделено мною. – Ю. В.). Анализируемая комбинация *never neither* примечательна и как пример аллитерации, иного способа создания архаичного флёра.

Метонимические обозначения дракона становятся объектом репризы по рамочному принципу расположения в тексте. Так, отмечаемая выше метонимия *that cave* сочетается с синонимичным выражением *down-real snorting* («храп – глубоко под землей, заправдашный храп»). Выражение *down snorting* допускает интерпретацию метонимического переноса, в основу которого положена одна из характеристик мифического животного, способность производить устрашающий шум.

Следует отметить авторскую вариативность толкований выделенного явления. Так, в интерпретационном контексте обыгрываются присущие сущительному *snorting* значения «фырканье» и «звуки, издаваемые свиньями». Для пастуха, очевидно, в силу его ремесла актуализируется второй из представленных вариантов. Маленькому мальчику, сыну пастуха, слышится кошачье мяуканье или мурлыканье (урчание). Примечательно восприятие обоими персонажами опасного, незнакомого им ещё чудовища как одомашненного, укрощённого.

Портретное описание впервые появляющегося в сказочном континууме дракона соответствует сложившемуся в искусстве и фольклоре стереотипу облика рептилии:

He was sticking half-way out of the cave, and seemed to be enjoying of the cool of the evening in a poetical sort of way. He was as big as four cart-horses, and all covered with shiny scales deep-blue scales at the top of him, shading off to a tender sort o' green below. As he breathed, there was that sort of flicker over his nostrils that you see over our chalk roads on a baking windless day in summer. ... Oh, yes, a peaceable sort o beast enough, and not ramping or carrying on or doing anything but what was quite right and proper. I admit all that. And yet, what

am I to do? Scales, you know, and claws, and a tail for certain, though I didn't see that end of him I ain't used to 'em, and I don't hold with 'em, and that's a fact! [Grahame].

(«Он вылез до половины из пещеры и, похуже, услаждался вечерней прохладой с эдаким восторженным видом. Огромный, как четыре ломовые лошади цугом, и весь покрытый блестящей чешуей: на спине темно-голубая, а к брюху переходит в светло-зеленую. Когда он дышит, вокруг ноздрей у него видно мерцанье, как над меловыми дорогами летом в жаркий, безветренный день. ... Ничего не скажешь, вполне мирная тварюга, и на дыбы не становится, и не кидается ни на кого, и ведет себя как положено. Спору нет. Но мне-то что делать, а? Чешуя, понимаете, и когти, а уж о хвосте и говорить нечего, хоть я и не видел его с того конца, я к этому непривычный, и мне это не по нутру, как там ни крути») [Грэм].

Выбор стилистических приёмов и выразительных средств индивидуальной и стереотипной природы попадает под влияние жанровой принадлежности произведения.

Таково, например, характерное для детской речи сочетание *as ... as*, фиксируемое в индивидуальной гиперболе [he was] *as big as four cart-horses* («как четыре ломовые лошади цугом»), в которой находит отображение род деятельности пастуха.

Стереотипное стилистическое проявляется в упоминании грозного оружия змея – *claws and a tail* («когти и хвост»), а также застывших эпитетах, используемых в описании: чешуи дракона – *shiny scales* («блестящая чешуя»), традиционного цвета – *deep blue tender sort of green below* («темно-голубая, а к брюху переходит в светло-зеленую»).

Иным примером стилистической стереотипности выступают детали тактильной природы. Таково, например, умение дышать огнем, приписываемое сказочным рептилиям, репрезентируемое стилистическим приёмом метонимии: *as he breathed that sort of flicker over his nostrils* («Когда он дышит, вокруг ноздрей у него видно мерцанье»).

Индивидуальные черты персонажа заключаются в его незлобности и получают стилистическое закрепление в использовании оксюморонов, по своей структуре представляющих наличие эпитетов: *to be enjoying of the cool of the evening in the poetical sort of way* («услаждался вечерней прохладой с эдаким восторженным видом») [Grahame].

Эпитетный ряд продолжается парафразами: *a peaceable sort o'beast enough* («вполне мирная тварюга»), факультативной детали драконьего нрава, также оксюморона.

Сцену первой встречи мальчика и дракона можно интерпретировать как пример приема обманутого ожидания. В зафиксированном феномене находит многогранную актуализацию эпитет *reluctant* («праздный, ленивый») из названия сказки, что позволяет

вести для его обозначения рабочий термин «пролонгированный эпитет».

Общая атмосфера умиротворения усиливается пейзажными описаниями сельской местности, благоприятно влияющими на настроение дракона:

No wonder the dragon seemed in a peaceful and contented mood; indeed, as the Boy approached he could hear the beast purring with a happy regularity [Grahame].

(«Ничего удивительного, что дракон пребывал в самом мирном настроении и казался довольным жизнью; хотите верьте, хотите нет, но, когда Мальчик подошел поближе, он услышал, что тот мерно и блаженно мурлычет») [Грэм].

Подобного рода авторские «зарисовки» можно рассматривать как своего рода реплики или вербальную синонимию пейзажам в искусстве средневековой иллюминации и малоформатной живописи.

В образе дракона в анализируемой сказке объединяются зоо- и антропоморфные черты. Так, ономастический *purring* («мурлыканье») – звуки, издаваемые драконом, – выступает объектом повтора, возвращая читателя к сравнению хищника с кошкой. В этом, как представляется, находит отражение традиционная для британцев любовь к кошкам. Таким образом, звукоподражательное *purring/purr* можно рассматривать не только как пример ономастической, но и как этнически окрашенный метонимический перенос с опорой на характерную для животного черту.

Антропоцентризм репрезентирован воспитанностью и безупречными манерами дракона, столь ценимыми в Англии времени создания сказочного текста: *...made the beginning of a courteous effort to rise...* [Grahame].

(«Услышав приближающиеся шаги, дракон было учтиво приподнялся») [Грэм].

Сентенция дракона об утомительности безделья выступает иным примером хорошо усвоенного урока о необходимости быть полезным:

Never without an occupation [Grahame].

(«Я занят с утра до вечера, мой юный друг, с утра до вечера!») [Грэм].

Авторское индивидуальное стилистическое в использовании приёма обманутого ожидания для лингвистический объективации самокритичности персонажа:

I'm a confoundedly lazy beggar [Grahame].

(«Признаться по совести, я ужасный лентяй») [Грэм].

Антропоморфные черты персонажа раскрываются как присущие человеческому существу чувства и эмоции в сочетании с правилами куртуазного вежества:

The dragon coloured slightly and looked away. Presently he said bashfully: Did you ever just for fun try to make up poetry verses, you know? [Grahame].

(«Дракон слегка покраснел и отвел глаза в сторону. Наконец сказал застенчиво: "Ты никогда... просто ради шутки... не пробовал сочинять... ну, знаешь... писать стихи?"») [Грэм].

Цитату можно интерпретировать и как очередной приём обманутого ожидания, также объекта репризы. Это проявляется в стремлении дракона изменить своё положение в куртуазном универсуме и перейти в статус трубадура рыцаря, посвящая своё время поэтическому творчеству: *did you ever ... try to make up poetry verses* («Ты никогда... не пробовал сочинять... стихи») – здесь находит отображение взаимосвязь с карнавальным мировоззрением Средневековья, следование принципу колеса.

Дальнейшее развитие сюжета представлено как аллюзия на рыцарский турнир в куртуазных романах:

My dear little man, said the dragon, solemnly, just understand, once for all, that I can't fight and I won't fight. I've never fought in my life, and I'm not going to begin now, just to give you a Roman holiday. In old days I always let the other fellows the earnest fellows do all the fighting, and no doubt that's why I have the pleasure of being here now [Grahame].

(«Милая моя крошка, – серьезно, даже торжественно сказал дракон, – пойми раз и навсегда, что я не могу драться и не буду. Я не дрался ни разу в жизни и не собираюсь начинать это сейчас и устраивать бой гладиаторов ради твоего удовольствия. В прежние времена я предпочитал драться другим – тем, кто относился к этому поделовому, потому-то, бесспорно, я имею удовольствие находиться здесь») [Грэм].

Цитата из сказочного текста допускает множественность толкований.

Одним из них может быть использование принципа обратности, основополагающего для карнавального мировоззрения, обнаруживаемого и в выдуманном мире английских детских стихов (*nursery rhyme*).

Следует обратить внимание на специфику морфосинтаксической организации реплики чудовища. Особый интерес вызывает раскрытие стилистического потенциала модальных глаголов *can* и *will*. Отказ дракона вступать в битву звучит не только как оправдание неумения и нежелания сражаться, но одновременно и как обещание персонажа не вступать в битву. Торжественность усиливается повторением глагола *to fight*, ключевого для куртуазного словаря, в *Present Perfect* и *Future Indefinite*.

Использование тематического глагола в неличной форме *fighting* в качестве объекта репризы в синонимическом *to do all fighting* способствует его стилистической интенсификации.

Куртуазное вежество дракона неоднократно дублируется ценностью хороших манер и воспитания, столь важных в британском обществе, что подчёркивается в характеристике животного:

The dragons a real gentleman, every inch of him, and I may say that no one would be more shocked and grieved than he would, at hearing you talk in that loose way about matters on which he has very strong views! [Grahame].

(«Дракон – истинный джентльмен, джентльмен до кончиков когтей, и, поверь мне, никто не был бы так поражен и опечален, как он, если бы он услышал, как... как вольно ты говоришь о вещах, относительно которых у него такие твердые взгляды») [Грэм].

Таково, например, гиперболическое *a real gentleman, every inch of him [dragon]*.

Куртуазность, таким образом, несколько видоизменяется. Куртуазное вежество заменяется знанием и следованием этикету, блюстителем которого выступает дракон.

Согласно развитию сюжетной линии турнир превращается в сделку святого Георгия и дракона с целью превратить схватку в своего рода инсценировку битвы. Турнир также заканчивается уже неоднократно встречавшимся в тексте приемом обманутого ожидания, используемым в силу действия принципа колеса.

Так, святой Георгий читает небольшую проповедь о необходимости не поддаваться предрассудкам и, сообразно законам карнавального мировоззрения, все жители деревни отправляются на банкет (торжественный ужин) в таверну неподалёку от импровизированного ристалища:

So they set off up the hill arm-in-arm, the Saint, the Dragon, and the Boy... And, as they turned the last corner and disappeared from view, snatches of an old song were borne back on the night-breeze. I cant be certain which of them was singing, but I think it was the Dragon! [Grahame].

(«И вот они пустились в путь рука об руку – Святой Георгий, дракон и Мальчик. И когда они завернули за последний угол и исчезли из виду, ночной ветерок донес до деревни обрывки старинной песни. Я не могу с уверенностью сказать, кто именно из них пел, но думаю, что это был дракон!») [Грэм].

Завершающий сказку пассаж представляет собой замыкание репризного цикла преобразованием куртуазного универсума, перераспределением куртуазных ролей и статусов сообразно действию принципа обратности. Пародийность заключается в том, что в результате действия принципа колеса дракон, пройдя испытание, предусмотренное для лирического героя куртуазной вселенной, вопреки общему правилу, восстанавливает куртуазную гармонию.

Проделанный анализ показывает очевидную стилистическую преемственность, наблюдаемую в генетически связанных произведениях одного узкого дискурса широких дискурсов культур, разделённых значительным временным промежутком.

Роль стиля как скрепы текста и дискурса определяет вовлечение в этот процесс философско-культурных доминант, принципов и правил, в частности принципа обратности.

В литературном произведении, репрезентированном текстом литературной сказки нового времени, адресованной детской аудитории, открывается иная стилистическая картина, формирующаяся на осно-

ве преемственности. В основу реконструкции стилистической организации генетически связанного с куртуазным романом текста кладется принцип обратности, унаследованный от карнавального мировидения Средневековья и заимствованный английским детским фольклором.

Принцип обратности положен в основу авторской интерпретации средневековых сюжетов, в частности легенды о подвиге святого Георгия. Традиционные колористические метонимии и эпитеты, а также ономастопеи, заимствуемые из каталога фигур средневековой риторики, переосмысливаются в новом текстовом окружении, одновременно выполняя функции стилистических скреп с произведениями английского фольклора.

Изучение реконструкции стилистической организации генетического текста в произведении для детской аудитории демонстрирует плодотворность идеи об узких и широких дискурсах для исследований диалогического характера.

Список литературы

Источники

Грэм К. Дракон-лежебока. URL: https://royallib.com/read/grem_kennet/dragon_legeboka.html#0 (дата обращения: 25.11.2025).

Grahame K. The Reluctant Dragon. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://readmeastoryink.com/wp-content/uploads/stories/the_reluctant_dragon.pdf. (access date: 25.11.2025).

Исследования

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.

Вышеская Ю.П. Формирование категории «художественный стиль» в средневековом художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2022. 720 с.

Гончарова Е.А. Текст – дискурс – стиль как когнитивное, коммуникативное и интерпретационное триединство // Текст – дискурс – стиль в современной этнокультуре Германии: монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 10–34.

Гронская О.Н. Нарративный фантастический дискурс в немецкой этнокультуре: монография. Санкт-Петербург: СПбГИЭУ, 2012. 424 с.

Елина Н. Предисловие // Народные сказки Британских островов. Москва: Радуга, 1987. С. 9–28.

Смирнов А.А. Из истории западноевропейской литературы Москва; Ленинград: Художественная литература, 1965. 367 с.

Смирнова Т.Ю. Прагматическое значение versus дискурсивное значение грамматической единицы // Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. науч. ст. Санкт-Петербург, 2020. С. 113–115. URL: <http://chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://>

www.elibrary.ru/download/elibrary_44225526_14656503.pdf. (дата обращения: 30.11.2025).

Смолицкая О.В. Проблема традиции и авторской индивидуальности в лирике труверов XII–XIII веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1986. 24 с.

Fowler R. Literature as social discourse. Bloomington, Indiana University Press, 1981, 215 p.

References

Elina N. *Predislovie* [Preface]. *Narodnye skazki Britanskikh ostrovov* [Fairy-Tales of the British Isles]. Moscow, Raduga Publ., 1987, pp. 9–28. (In Russ.)

Goncharova E.A. *Tekst – diskurs – stil kak kognitivnoe, kommunikativnoe i interpretacionnoe triedinstvo* [Text – Discourse – Style as Cognitive and Interactive Unity]. *Teks – diskurs – stil v sovremennoj jetnokulture Germanii* [Narrative Fantastic Discourse in German Ethnoculture]. Saint Petersburg, RGPU Publ., 2012, pp. 10–34. (In Russ.)

Gronskaja O.N. *Narrativnyj fantasticheskij diskurs v nemeckoj jetnokulture* [Narrative Fantastic Discourse in German Ethnoculture]. Saint Petersburg, SPbGIeU Publ., 2012, 424 p. (In Russ.)

Smirnov A.A. *Iz istorii zapadnoevropejskoj literature* [Glimpses of West European Literary History]. Moscow, Leningrad, Hudozhestvennaya literature Publ., 1965, 367 p. (In Russ.)

Smolickaya O.V. *Problema tradicii i avtorskoj individualnosti v lirike truverov XII–XIII vekov* [The Matter of the Tradition and the Author's Individuality in Trouvers' Lyrics: PhD thesis]: avtoref. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1986, 24 p. (In Russ.)

Smirnova T.Ju. *Pragmaticheskoe znachenie versus diskursivnoe znachenie grammaticheskoi edinicy* [Pragmatic versus Discursive Grammar Unit Meaning]. *Gerzenovskie chtenija. Inostrannye jazyki: sb. nauch. trudov* [Herzen Readings. Foreign Languages: Collection of Scientific Articles.]. Saint Petersburg, 2020, pp. 113–115. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44225526_14656503.pdf (access date: 18.07.2025). (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika* [Stylistics. Poetic Speech Theory. Poetics]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, 255 p. (In Russ.)

Vyshenskaja Ju.P. *Formirovanie kategorii «hudozhestvennyj stil» v srednevekovom hudozhestvennom tekste: Dis. ... d-ra filol. nauk* [The Category “Poetic Style” Under Forming in the Medieval Literary Composition: DSc Thesis]. Saint Petersburg, 2022, 720 p. (In Russ.)

Fowler R. Literature as social discourse. Bloomington, Indiana University Press, 1981, 215 p.

Статья поступила в редакцию 31.01.2026; одобрена после рецензирования 18.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 31.12.2026; approved after reviewing 18.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 125–130. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 125–130. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821(410.1).09"19/20"

EDN EAEQWX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-125-130>

ТВОРЧЕСТВО Г.К. ЧЕСТЕРТОНА В ОСМЫСЛЕНИИ И.А. КАШКИНА

Трушина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, филиал Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, Пенза, Россия, rousebude@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0939-4714>

Аннотация. Статья посвящена литературно-критическому осмыслению творчества классика английской литературы Г.К. Честертона в работах выдающегося советского литературоведа и критика Ивана Александровича Кашкина. В статье анализируются как отдельные работы Кашкина, посвящённые Честертону, так и словарные статьи, написанные исследователем. Сопоставляется мнение Кашкина о творчестве Честертона в различных текстах критика, созданных на протяжении более двадцати лет, делается вывод том, что восприятие Кашкиным произведений английского писателя не было неизменным и однозначным. Кашкин анализирует сочинения писателя на философские темы, его критико-биографические работы, эссе, исторические, теологические, поэтические и прозаические произведения (романы и рассказы), политические воззрения и приходит к выводу, что Честертон, являясь блестящим мастером слова и имея узнаваемый писательский стиль, в художественных текстах выражает ортодоксальное мировоззрение, на первый взгляд оптимистическое и направленное на устранение социальной несправедливости, а в итоге представляющееся трагическим и довольно утопичным. Наиболее яркими и идейными у Честертона, продолжателя традиций английской классической литературы, Кашкин считает эссе, поэзию и детективные рассказы, а наименее удачными – романы.

Ключевые слова: Иван Александрович Кашкин, Гилберт Кийт Честертон, литературная критика, анализ поэтических и прозаических произведений.

Для цитирования: Трушина Е.А. Творчество Г.К. Честертона в осмыслении И.А. Кашкина // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 125–130. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-125-130>

Research Article

IVAN KASHKIN'S RECEPTION OF THE WORKS BY GILBERT KEITH CHESTERTON

Elena A. Trushina, PhD in Philology, Associate Professor, Branch of the Military Academy of Logistics Management Named after the General of the Army A.V. Khrulev, Penza, Russia, rousebude@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0939-4714>

Abstract. The article deals with literary critical perception of art created by the English literature classic G.K. Chesterton reflected in the works of the outstanding Soviet literary scholar and critic Ivan Aleksandrovich Kashkin. The author of the article analyses separate works by Kashkin as well as the critic's dictionary entries. The article compares Kashkin's opinion on Chesterton's art in the various works by the critic written within more than twenty years. Kashkin analyses the writer's works on philosophical topics, his critical and biographical works, essays, historical, theological, poetic and prosaic works including novels and short stories as well as his political views. Kashkin concludes that being a skillful author with a recognisable writing style, in his art Chesterton expresses primarily Orthodox worldview. At first sight, it seems optimistic and oriented on eliminating social injustice. In the end, however, his worldview seems tragic and rather utopian. Kashkin considers essays, poetry and detective stories to be the most impressive and idea-driven works by Chesterton who bears the traditions of classic English literature, whereas his novels seem to Kashkin of a lesser quality.

Keywords: Ivan Kashkin, Gilbert Keith Chesterton, literary criticism, analysis of poetic and prosaic works.

For citation: Trushina E.A. Ivan Kashkin's reception of the works by Gilbert Keith Chesterton. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 125–130 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-125-130>

Иван Александрович Кашкин (1899–1963) – выдающийся литературовед, критик, переводчик первой половины XX в., который внес большой вклад в популяризацию и осмысление английской и американской художественной литературы в России. Он открывал новые имена для российских читателей и переводил классические тексты. Одним из авторов, творчеством которого интересовался Кашкин как критик и произведения которого неоднократно переводил, был Г.К. Честертон.

Гилберт Кийт Честертон (1874–1936) – классик английской литературы, любитель парадоксов, автор знаменитых рассказов об отце Брауне, романов, философских и публицистических сочинений, почитатель творчества Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, человек, относившийся к России с большим уважением и лично знакомый с Н.С. Гумилевым.

Отношение к творчеству Честертон в России было неоднозначным и настороженным в связи с его особым религиозным мировоззрением и политическими взглядами. Книга «Ортодоксия» (1908) и эссе на тему христианства были запрещены к публикации, роман «Человек, который был четвергом» (1908) был переведен Е.С. Кудашевой и опубликован только в 1914 г. [Честертон 1914]. Знакомство русского читателя с творчеством Честертон происходило в основном в 20-х гг. XX в., когда произведения писателя начали переводить на русский язык.

После 1930-х и до 1970-х гг. Честертон в России почти не издавали, но продолжали читать. С середины XX в. Честертон начала переводить Н.Л. Трауберг, которая высоко ценила творчество писателя и писала: «Честертон был для нас противоядием в 50-е и 60-е годы. Прежде всего, конечно, его апология радости противостояла неизжитому горю» [Литвак].

Положительно отзывалась о творчестве Честертон и А. Цветаева («О Честертоне совершенно согласна. В нем есть пошлость. Но “Человека” его – люблю», – писала она в письме 21 июня 1927 г. М. Горькому), частично соглашаясь с писателем, который характеризовал его детективы как пошлые [Цветаева].

Критик С.С. Динамов в своих статьях говорил о Честертоне в первую очередь как об авторе сочинений на тему христианства, а не художественных текстов [Динамов 1926: 34–35], [Динамов 1928: 165–168].

Один из первых критиков Честертон и переводчик его романа «Жив человек» (1924) К.И. Чуковский считал удачными публицистические работы писателя, о чем читаем в дневниковой записи от 30 марта 1921 г. [Чуковский 11: 328]; писал о Честертоне как о «подлинном мастере эссеистического стиля» [Жаткин, Морозова: 40], в то время как «в большинстве своих отзывов... критиковал писателя» [Жаткин, Морозова: 38], тем не менее отмечая его тонкий юмор, блестящий ум и эрудицию.

«Он... доказал, что призыв к вере в человека... является не слабостью английского писателя, а отражением его гуманистического восприятия мира», – пишут исследователи литературно-критического наследия К.И. Чуковского [Жаткин, Морозова: 45].

Литературный критик Д.П. Святополк-Мирский в статье 1934 г. для Большой советской энциклопедии о Честертоне характеризовал творчество писателя в первую очередь с позиций соцреализма и отмечал, что писатель «щеголял радикальными фразами, выступая против парламентской олигархии и колониального грабежа», но одновременно являлся «защитником традиционного христианства» [Мирский: 424].

И.А. Кашкин перевел рассказ Честертон «Лицо на мишени» (1924) [Честертон 1924], сборник рассказов из цикла об отце Брауне «Сапфировый крест» (1925) [Честертон 1925], цикл рассказов «Человек, который слышал много знал» (1926) [Честертон 1926], стихотворение поэта «Потаенный народ» [Революционная поэзия: 213] и посвятил творчеству писателя несколько литературно-критических работ.

Произведения Честертон представляли для Кашкина большой научный интерес. Он готовил главу в «Истории английской литературы» ИМЛИ им. А.М. Горького, где наряду со статьей о писателе должны были быть представлены работы критика о Р.Л. Стивенсоне и Д. Конраде (книга не была опубликована по политическим причинам). Кроме того, исследователь одним из первых в русской литературной критике проанализировал творчество Г.К. Честертон как художника слова в целом, а не представил разбор отдельных его произведений.

В 1926 г. в разделе «Англия и Америка. Обзор литературы» книги «Восток и Запад» среди новинок Кашкин упоминает «Рассказы о большом луке» Честертон [Кашкин 1926: 155] и называет их «по-честертонски острыми» [Кашкин 1926: 163], отмечая особый стиль автора, но пишет о них как о «совершенно непереводаемых» с точки зрения используемых писателем приемов выразительности. И ранее Честертон любил «языковые каламбуры», а в данном сборнике все основано на «игре слов» и представляет собой «сплошную языковую головоломку» [Кашкин 1926: 163]. Кашкин характеризует стилистическую манеру писателя как «блестки», но эти «блестки», по мнению критика, содержат «серьезное ядро» и рассчитаны исключительно на вдумчивого читателя [Кашкин 1926: 163].

В статье 1929 г. в словаре «Гранат» [Кашкин 1929: 824–828] Кашкин анализирует творчество Честертон более подробно, насколько это возможно в рамках библиографической справки, при этом критик не только констатирует факты биографии писателя и упоминает его известные произведения, но и выделяет их основные мотивы и особенности.

Кашкин пишет, что творчество Честертона – «обильное, многостороннее, причудливое, насквозь оптимистическое» [Кашкин 1929: 825]. Так как художественные тексты, по мнению Кашкина, должны содержать в себе социальное зерно и протест против несправедливости, то критик в первую очередь отмечает, что писатель борется против «усталого аристократизма эстетов» «веселой бессмыслицей», «он ждет взрыва народного гнева против притеснителей-плутократов». Способом борьбы Честертон избирает проповедь: он «хочет быть социальным проповедником... Он демократ и нестрашный потрясатель основ» [Кашкин 1929: 825]. Последнюю характеристику писателя Кашкин повторит в своей объемной статье 1947 г., посвященной Честертону [Кашкин 1968: 337]. В конечном итоге протест писателя заканчивается ничем: «он человек, который слишком много знал о социальных мерзостях окружающего, но и слишком тесно связан был с ним, чтобы бороться до конца» [Кашкин 1929: 825]. Вся революция Честертона – в возвращении «к старой веселой Англии», где простой народ «обеспечен, здоров, весел и беззаботен» [Кашкин 1929: 825–826], то есть ничего радикального и решительного Честертон предложить не может, а это, по мнению Кашкина, «утопия», «побег от действительности в красивую сказку прошлого»; как борец Честертон «слишком беспочвен и беспредметен», его «критика капиталистической цивилизации» [Кашкин 1929: 826] оказывается бесполезной и нестрашной. Для критика представлялись принципиально важными решительная позиция по борьбе с социальной несправедливостью и конкретные действия по воплощению данной позиции, всего этого в творчестве Честертона Кашкин не усматривает и находит лишь отвлеченные рассуждения и мечты.

Между тем Кашкин видит в Честертоне продолжателя традиций английской народной поэзии, «народной баллады», а также последователя творчества Д. Чосера, Т. Делонэ, У. Шекспира и Ч. Диккенса [Кашкин 1929: 825], и в этом заключается неоспоримое достоинство произведений английского писателя.

Кашкин перечисляет книги эссе Честертона и говорит, что в написании эссе писатель «достиг исключительного мастерства». Но эссе, как и романы, – «либо потрясающие и блестящие пустяки, либо фанатическое обоснование и защита явно безнадежных позиций» [Кашкин 1929: 827] об исправлении несправедливости путем оптимистического философствования.

Кашкин считает Честертона создателем нового жанра детектива без преступника [Кашкин 1929: 825], однако называет «психологические детективы» писателя о патере Брауне в его творчестве «второстепенными» и пишет, что «социальная сатира» Честертона «быстро приедается» [Кашкин 1929: 827].

Кашкин пишет о противоречиях и нестабильностях как языка писателя, так и формы его произведе-

ний: «Язык Честертона парадоксален, блестящ и небрежен, когда он сам устает от своего острословия. Композиционно он крайне неровен, колеблясь от чарующей легкости... до утомительной запутанности и явных несообразностей» [Кашкин 1929: 827].

Таким образом, хотя Кашкин считает Честертона продолжателем лучших традиций классической английской литературы в плане блестящего владения словом, искрометного юмора, прозорливого видения общественных противоречий, он не находит в его творчестве четкого и последовательного протеста против общественного устройства, призыва к реальным действиям по устранению социальной несправедливости, что представляется критику наиболее важным и ценным в литературе.

К творчеству Честертона Кашкин возвращается в объемной статье 1947 г. «Г.К. Честертон». Эта статья вместе с работами о Р.Л. Стивенсоне и Д. Конраде «должна была составить главу “История английской литературы”» [Топер, Лорие: 557] в издании ИМЛИ им. А.М. Горького, но не была опубликована по политическим причинам.

В статье критик подробно анализирует политические и религиозные взгляды писателя, его критико-биографические труды, поэтические и прозаические произведения в целом и несколько меняет свое мнение о творчестве Честертона, говоря, что именно «блестки» [Кашкин 1926: 163] в произведениях писателя часто преобладают и затмевают идею. Но в целом отметим, что мнение Кашкина о Честертоне на всем протяжении обращения к творчеству английского писателя оставалось последовательным.

Статью «Г.К. Честертон» предваряет биографическая справка, написанная характерным стилем Кашкина – максимально просто, кратко и интересно. Уже в биографическом вступлении критик отмечает, что Честертон – «писатель необычайно плодовитый и разнообразный» [Кашкин 1968: 327]. Как пишет Кашкин, сам Честертон называл свои романы и рассказы «пустяки» [Кашкин 1929: 827], с чем в конечном итоге соглашается критик, а наибольшую ценность представляют его стихотворения, эссе и критические работы.

Кашкин начинает критический разбор творчества Честертона с политических взглядов и публицистических работ английского писателя. Важно отметить, что Кашкин анализирует творчество Честертона с точки зрения соцреализма, выводы и заключения критика соответствуют его собственным убеждениям о важности социальной направленности литературного творчества и отрицательному отношению к его религиозной составляющей. Кашкин прослеживает творческий путь писателя от «раннего радикализма» до «мистика, поборника католицизма и крайнего реакционера» [Кашкин 1968: 328].

Критик анализирует книги Честертон «Еретики» (1905) и «Ортодоксия» (1908), содержащие политические и религиозные взгляды писателя, и приходит к выводу, что данные книги составили основу его «реакционного мировоззрения» [Кашкин 1968: 330], в рамках которого Честертон не признает материализм. Одновременно Кашкину близки статьи Честертон, опубликованные в еженедельниках «Очевидец» (1911–1912) и «Новый очевидец» (1913–1923), в которых английский писатель выступает «против торговли титулами», «против взяточников и их высоких покровителей», продажности чиновников [Кашкин 1968: 330], но попытки противостоять общественной несправедливости оканчиваются ничем, и «религиозно-мистическая» [Кашкин 1968: 331] философия писателя берет верх. Критик констатирует: «В результате его эссе – это непринужденный... перегруженный острословием разговор о том о сём, а чаще ни о чём» [Кашкин 1968: 370].

Являясь переводчиком стихотворений Честертон, Кашкин особое внимание уделяет его поэтическому творчеству. Критик тщательно и вдумчиво подходит к разбору особенностей поэзии Честертон, отмечая, что в стихотворениях «в сжатом виде проходят почти все основные мотивы его творчества» [Кашкин 1968: 333], в том числе «недовольство английским порядком» [Кашкин 1968: 334]. Однако, по мнению Кашкина, реальные чаяния народа Честертону чужды и все заканчивается в итоге, как и в публицистических работах, «оптимизмом и религиозным примирением». Даже в своих самых сильных лирических произведениях Честертон предстает перед читателем как «нестрашный потрясатель основ» [Кашкин 1968: 337]. Кашкин отмечает общий позитивный настрой поэзии английского автора в противовес модному в конце XIX – начале XX в. пессимизму.

Более детальную оценку Кашкин дает прозаическому художественному наследию Честертон, отмечая, что каждое произведение английского писателя так или иначе отражало его философские или политические убеждения, являясь полем для «задорного отстаивания своих излюбленных мыслей» [Кашкин 1968: 339]. Кашкин ценит «блестящее остроумие и парадоксальное мастерство» [Кашкин 1968: 339] писателя, которое в конечном итоге, по мнению критика, тратится на защиту сомнительных или вовсе несостоятельных тезисов и «вызывает ряд вопросов и коренных возражений» [Кашкин 1968: 373].

Анализ художественных произведений Честертон Кашкин начинает с романа «Наполеон из Ноттингхилла» (1904), подробно пересказывая его содержание. Критик приходит к выводу, что лозунги писателя в этом романе – «Юмор – последняя вера человечества» и «Локальный патриотизм “Малой Англии” в противовес агрессивному империализму» [Кашкин 1968: 341] – весьма утопичны.

Итоговым лозунгом следующего романа «Жив человек» (1911), по словам Кашкина, является фраза «Так давайте же дурачиться!» [Кашкин 1968: 342]. Кашкин подробно останавливается на образе Инносента Смита, который «покидает свой дом затем, чтобы найти его, обогнув весь земной шар» [Кашкин 1968: 343], то есть занят бесполезным делом. Кашкин пишет: «Жив человек» – характернейшее произведение Честертон. Написано оно легко, весело, артистично... Когда приходится так упорно твердить себе и другим, что ты здоров и весел, это вызывает подозрение, что в глубине души ты далеко в этом не уверен» [Кашкин 1968: 343], то есть под маской оптимизма Кашкин усматривает в романах Честертон определенный трагический подтекст, проистекающий от желания и невозможности изменить ситуацию.

Вышеназванные романы Кашкин считает «лучшими» и обозначает их жанр как «роман-фантазия» [Кашкин 1968: 344] в отличие от романа «Человек, который был четвергом» (1908), традиционно считающегося самым известным и лучшим романом Честертон по сей день. Его смысл Кашкин называет «туманным» и пишет, что «блестяще и убедительно начатая книга» закончилась «сумбурным кошмаром» [Кашкин 1968: 344]. Критик анализирует содержание романа, в котором «воинствующий оптимизм Честертон уже нащупывает пути компромисса и примирения» [Кашкин 1968: 345]. «Попытка отшутиться от тоски, заслониться бессмыслицей от явной безнадежности всех чаяний и надежд – этот озорной оптимизм... очень близок к разочарованию и усталости, вопящей, чтобы не плакать» [Кашкин 1968: 373] и оказывается хуже откровенного пессимизма.

Романы Честертон Кашкин оценивал как наименее удачные в творчестве писателя, как выражение его «наиболее реакционных взглядов» [Кашкин 1968: 346].

Напротив, рассказы Честертон, которые сам писатель называл «пустяками», по мнению Кашкина, «при всей их анекдотичности и самоповторении ближе других к реальной жизни и содержат элементы социальной сатиры» [Кашкин 1968: 346], хотя в ранних статьях критик считал жанр рассказа у Честертон «второстепенным» [Кашкин 1929: 827]. Кашкин называет Честертон «изобретательным и блестящим рассказчиком» [Кашкин 1968: 346], который выбрал «избитый» жанр детективной новеллы, но сумел привнести в него много нового, в первую очередь нарушив логику, составлявшую основу данного жанра [Кашкин 1968: 347]. Кашкин на основе цикла рассказов «Простодушные патера Брауна» (1911), «Мудрость патера Брауна» (1914), «Неверие патера Брауна» (1926), «Тайна патера Брауна» (1927), «Клевета на патера Брауна» (1935) анализирует образ отца Брауна, необычного сыщика, и приходит к выводу, что «добровольный уголовный суд – уже не паром»

дия, а настоящая сатира на государственный английский суд, где все переводится на язык денег и сумму штрафа. Здесь от смешного Честертон действительно делает шаг к трагическому» [Кашкин 1968: 352]. Именно в рассказах Честертону, как считает Кашкин, удалось наконец затронуть «острые социальные проблемы» [Кашкин 1968: 346].

Кашкин, подробно разбирая тексты рассказов сборника «Человек, который слишком много знал» (1922), отмечает, что Честертон «мог бы сам сказать словами своего Хорна Фишера: «Я нахожу гнусным... очень многое. Если бы вам, молодежи, когда-нибудь удалось подложить динамиту в эту полойку и разнести ко всем чертям весь этот высший свет, то не думаю, чтобы от этого сильно пострадало человечество...» – и говорит, что образ главного героя максимально похож на самого Честертон: «В молодости Хорн Фишер пытался протестовать и бороться; подобно самому Честертону, он выступает с утопически-народнической программой в защиту свободного йомена» [Кашкин 1968: 360], но реальными действиями его призывы не подкрепляются.

Кашкин обращается к анализу последнего романа Честертон «Возвращение Дон Кихота» (1926) и характеризует его как «последнюю вспышку иллюзий и разбитое корыто надежд» и «демагогию» [Кашкин 1968: 364]. Неодобрительно отзывается Кашкин и о форме романа «Возвращение Дон Кихота»: «Все это написано Честертоном поспешно и сбивчиво, сюжетные линии то и дело обрываются без всякого разрешения, временные планы смещаются, создавая полный сумбур» [Кашкин 1968: 367].

Кашкин считает, что последним романом замыкается круг бессильных попыток писателя изменить социальную действительность. В итоге во всех романах Честертон, по мнению Кашкина, герой оказывался увлечен исключительно идеей «малых дел» и «растратил себя по пустякам» [Кашкин 1968: 367], все закончилось «религиозным примирением» [Кашкин 1968: 368].

Этот вывод, по мнению критика, уместно применить и ко всему литературному творчеству писателя. Кашкин резюмирует, что блестящий мастер «словесной игры» [Кашкин 1968: 370], «на редкость яркая и характерная фигура» [Кашкин 1968: 368], Честертон «очень талантлив, он... изобретательный рассказчик, парадоксальный стилист, но если говорить о большом писательском мастерстве, то у Честертон оно мнимое» [Кашкин 1968: 368] в первую очередь потому, что никаких прогрессивных идей не содержит. «Честертон любит все большое, яркое... но больших органических произведений у него не получается. Его книги... как-то иссякают в “потрясающих пустяках”» [Кашкин 1968: 368], – таково заключительное мнение Кашкина о Честерто-

не. В итоге писатель не создал «ни одного цельного и убедительного характера» и все его творчество представляет собой «бег на месте и возврат к исходному положению» [Кашкин 1968: 369]. Начиная с серьёзных проблем, Честертон неизменно заканчивает «острословием» [Кашкин 1968: 370] и в целом «свое словесное мастерство он растрчивает на болтовню ни о чем» [Кашкин 1968: 373].

Таким образом, несколько раз обращаясь в своих литературно-критических работах к произведениям Честертон, глубоко анализируя самые разные направления творчества писателя – его публицистику, поэзию, романы, рассказы, Кашкин признает литературное мастерство и неоспоримый талант Честертон, его блестящее владение словом и различными приёмами выразительности, особенно техникой парадокса, отмечает «языковую эквилибристику» его писательского стиля [Кашкин 1968: 361]. Вместе с тем критик считает, что творчество Честертон в конечном итоге представляет собой хождение по кругу, «утопию» [Кашкин 1929: 826], «излом» и «великолепные нелепости» [Кашкин 1968: 328].

Отношение Кашкина к творчеству Честертон не было неизменным и однозначным. В его литературно-критических работах можно увидеть, что оно сочетало как достаточно резкие высказывания о политической позиции английского писателя, так и скрупулезный анализ произведений Честертон и признание его мастерства как художника слова и блестящего юмора. На наш взгляд, критик иногда преувеличивает религиозную составляющую творчества английского автора, но делает это в духе времени; осмысление Кашкиным произведений Честертон, как художественных, так и публицистических, отличается объективностью и глубоким интересом. Вклад Кашкина в популяризацию творчества классика английской литературы в России является очень весомым. Он одним из первых обратил внимание на произведения Честертон и представил их целостный анализ, акцентируя внимание на философских и религиозных взглядах писателя.

Список литературы

Источники

БСЭ – Большая советская энциклопедия: в 65 т. / под ред. О.Ю. Шмидта. Москва: Советская энциклопедия, 1934. Т. 61: Ч – Шахт. 448 с.

Революционная поэзия современного Запада: антология / под ред. П.С. Когана. Москва: Московский рабочий, 1927. С. 213.

Честертон Г.К. Лицо на мишени // Англия. Избранные произведения. Москва: Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1924. С. 14–33. (Библиотека «Красной Нивы»; вып. 9).

Честертон Г.К. Сапфировый крест: сб. рассказов. Москва: Межрабпом, 1925. 85 с.

Честертон Дж.К. Человек, который был Четвергом. Кошмар. Москва: Польша, В. Антик и К°, 1914. 264 с.

Честертон Г.К. Человек, который слишком много знал. Москва: Никитинские Субботники, 1926. 217 с.

Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Бр. А. и И. Гранат и К°»: в 58 т. Москва: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1929. Т. 45, ч. 3: Христианстад – Чети.

Исследования

Динамов С.С. Охотничьи рассказы. Ленинград, 1926; Человек, который слишком много знал. Москва, 1926 // Книгоноша. 1926. № 15. С. 34–35.

Динамов С.С. Переведенные англичане: Честертон – О'Флахерти – Мак Гилл // Вестник иностранной литературы. 1928. № 1. С. 165–168.

Кашкин И.А. Англия и Америка. Обзор литературы // Запад и Восток: сб. Всесоюз. о-ва культурной связи с заграницей. Кн. 1, 2. Москва: ВОКС, 1926. С. 155, 163.

Кашкин И.А. Г.К. Честертон // Кашкин И.А. Для читателя-современника: статьи и исследования. Москва: Сов. писатель, 1968. С. 327–374.

Кашкин И.А. Честертон Г.К. // Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Бр. А. и И. Гранат и К°»: в 58 т. Москва: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1929. Т. 45, ч. 3: Христианстад – Чети. С. 824–828.

Литвак Д. Переводчица для жизни // Коммерсантъ. 2009. № 59 (4114). URL: <https://trauberg.com/memoria/perevodchitsa-dlya-zhizni/> (дата обращения: 04.02.2026).

Мирский Д.П. Честертон Г.К. // Большая советская энциклопедия: в 65 т. Москва: Сов. энциклопедия, 1934. Т. 61: Ч – Шахт. С. 423–424.

Морозова С.Н., Жаткин Д.Н. Творчество Г.К. Честертон в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского // Известия Смоленского гос. ун-та. 2020. № 3 (51). С. 37–47.

Тонер П.М., Лорие М.Ф. Комментарий // Кашкин И.А. Для читателя-современника: статьи и исследования. Москва: Сов. писатель, 1968. С. 557.

Цветаева А.И. Воспоминания. Поездка к Горькому. Встреча с Мариной. URL: <https://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/vospominaniya/cvetaeva-anastasiya/poezdka-k-gorkomu.htm> (дата обращения: 02.02.2026).

Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 11: Дневник 1901–1921. Москва: ТЕРРА–Книжный клуб, 2013. С. 328.

References

Chukovskij K.I. *Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 11: Dnevnik 1901–1921* [Collected Works: in 15 vols. Vol. 11: Diary 1901–1921]. Moscow, TERRA–Knizhnyj klub Publ., 2013, 592 p. (In Russ.)

Cvetaeva A.I. *Vospominaniya. Poezdka k Gor'komu. Vstrecha s Marinoj* [Memoirs. Visiting Gorky. Meeting Marina]. URL: <https://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/vospominaniya/cvetaeva-anastasiya/poezdka-k-gorkomu.htm> (access date: 02.02.2026). (In Russ.)

Dinamov S.S. *Ohotnich'i rasskazy. Leningrad, 1926; Chelovek, kotoryj slishkom mnogo znal. Moscow, 1926* [Hunting Stories; The Man Who Knew Too Much]. *Knigonosha* [Bookseller], 1926, no. 15, pp. 34–35. (In Russ.)

Dinamov S.S. *Perevedennye anglichane: Chesterton – O'Flaherti – Mak Gill* [English Authors Translated: Chesterton – O'Flaherty – Mac Gill]. *Vestnik inostranoj literatury* [Bulletin of Foreign Literature], 1928, no. 1, pp. 165–168. (In Russ.)

Kashkin I.A. *Angliya i Amerika. Obzor literatury* [England and America. Literature Review]. *Zapad i Vostok: sb. Vsesoyuz. ob-va kul'turnoj svyazi s zagranicej. Kn. 1, 2* [West and East: Collection of the All-Union Society of Cultural Relations with Foreign Countries. Vol. 1, 2]. Moscow, VOKS Publ., 1926, pp. 155, 163. (In Russ.)

Kashkin I.A. *G.K. Chesterton. Dlya chitatelya-sovremennika: stat'i i issledovaniya* [G.K. Chesterton. For Contemporary Readers: Articles and Research]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1968, pp. 327–374. (In Russ.)

Kashkin I.A. *Chesterton G.K.* [Chesterton G.K.] *Enciklopedicheskij slovar' Russkogo bibliograficheskogo instituta «Br. A. i I. Granat i K°»: v 58 t. T. 45, ch. 3: Hristianstad – Cheti* [Encyclopedic dictionary of the Russian Bibliographic Institute “Br. A. and I. Granat and Co.”: in 58 vols. Vol. 45, iss. 3]. Moscow, T-vo «Br. A. i I. Granat i K°» Publ., 1929, pp. 824–828. (In Russ.)

Litvak D. *Perevodchica dlya zhizni* [Translator for life]. *Kommersant* [Trader], 2009, no. 59 (4114). URL: <https://trauberg.com/memoria/perevodchitsa-dlya-zhizni>, (access date: 04.02.2026). (In Russ.)

Mirskij D.P. *Chesterton G.K. Bol'shaya sovetskaya enciklopediya: v 65 t. T. 61: Ch – Shaht* [Chesterton G.K. Great Soviet Encyclopedia: in 65 vols. Vol. 61]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1934, pp. 423–424. (In Russ.)

Morozova S.N., Zhatkin D.N. *Tvorchestvo G.K. Chestertona v literaturno-kriticheskom osmyslenii K.I. Chukovskogo* [Chesterton's Works in the Literary and Critical Analysis by K.I. Chukovsky]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Smolensk State University], 2020, no. 3 (51), pp. 37–47. (In Russ.)

Toner P.M., Lorie M.F. *Kommentarij* [Commentary]. Kashkin I.A. *Dlya chitatelya-sovremennika: stat'i i issledovaniya* [For Contemporary Readers: Articles and Research]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1968, p. 557. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 11.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.

ФУТУРИСТСКАЯ ЭСТЕТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ АКИЛЛЕ КАМПАНИЛЕ

Гуренкова Юлия Викторовна, преподаватель, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, jgurenkova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7682-5574>

Аннотация. Статья посвящена изучению раннего творчества мало известного в России итальянского писателя-комика XX в. Акилле Кампаниле и выявлению в его произведениях характерных черт, свойственных футуристскому движению. Кампаниле не принадлежал к группе футуристов, но был близок к ним по стилю, форме изложения, выстраиванию композиции. Стилистически новаторские идеи итальянского писателя-комика отвечают требованиям, изложенным футуристами в многочисленных манифестах и программах. Особенно заметно влияние Ф.Т. Маринетти, А. Палаццески и Ф. Канджullo на творчество Кампаниле. Его «Трагедии в две реплики» – результат поисков новых театральных решений. В отказе от традиционных приемов и сюжетной линии, чрезмерной краткости действия, нежелании раскрывать характеры персонажей прослеживается подражание футуристам. «Трагедии» в то время стали воплощением современности, быстроты, антилиричности: молниеносный диалог из двух реплик, мгновенная шутка или комическая сцена, которая разворачивалась с головокружительной скоростью после необходимых сценических ремарок. В эпизодах романов «Так что же такое любовь?» и «В августе жену знать не желаю» речь героев и стихотворение поэта сведены к футуристской звукописи. Писатель прибегает к авангардным идеям футуристов, тем самым обогащая принципы построения комического. Кампаниле не сосредотачивается на судьбах своих героев, на переломных исторических моментах, он исследует возможности языка, создавая каламбуры, игру интерпретаций, нарушает условности, законы композиции, обращается к бессмысленным звуко сочетаниям, приводящим к несостоятельности речи. В шутках Кампаниле нет политического содержания (по крайней мере, в явном виде). Отголоски футуристской эстетики в произведениях Кампаниле отражены лишь на формальном уровне.

Ключевые слова: футуризм, Акилле Кампаниле, итальянская литература XX в.

Для цитирования: Гуренкова Ю.В. Футуристская эстетика в творчестве Акилле Кампаниле // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 131–140. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-131-140>

Research Article

FUTURIST AESTHETICS IN THE WORKS OF ACHILLE CAMPANILE

Yulia V. Gurenkova, lecturer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, jgurenkova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7682-5574>

Abstract. The article is devoted to the study of the early works of the 20th century Italian comic writer Achille Campanile, little-known in Russia, and the identification of characteristic features of the Futurist movement in his works. Campanile did not belong to the group of Futurists, but was close to them in style, form of presentation, and composition. In many ways, the innovative ideas of the Italian comic writer meet the requirements set out by the Futurists in numerous manifestos and programs. The influence of Filippo Tommaso Marinetti, Aldo Palazzeschi and Francesco Cangiullo on the work of Campanile is especially noticeable. His “Tragedies in Two Cues” are the result of the search for new theatrical solutions. Imitation of the Futurists can be traced in the rejection of traditional techniques and plot lines, excessive brevity of action, and unwillingness to reveal the characters’ personalities. “Tragedies” at that time became the embodiment of modernity, speed, anti-lyricism: a lightning-fast dialogue of two lines, an instant joke or a comic scene that unfolded at a dizzying speed after the necessary stage directions. In the novels “So What Is Love?” and “In August I Don’t Want to Know My Wife” the speech of the characters and the poet’s poem are reduced to futurist sound painting. The writer resorts to the avant-garde ideas of the futurists, thereby enriching the principles of constructing the comic. Campanile does not focus on the fates of his characters, on turning points in history, he explores the possibilities of language, creating puns, a play of interpretations, violates conventions, turns to meaningless sound combinations that lead to the inconsistency of speech. Campanile’s comedy has no provocative origins, there is no political content in his jokes (at least in an explicit form). Echoes of futurist aesthetics in Campanile’s works are reflected only at a formal level.

Keywords: futurism, Achille Campanile, 20th century Italian literature.

For citation: Gurenkova Yu.V. Futurist aesthetics in the works of Achille Campanile. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 131–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-131-140>

Акилле Кампанале (1899–1977) – автор многочисленных рассказов, пьес, романов, сценариев фильмов, шуток и анекдотов, журналист и телевизионный критик – многогранный интеллигент, внесший большой вклад в формирование итальянского юмористического сознания. Карло Бо относит Кампанале к «одному из изобретателей нового литературного жанра» [Во: 5] и называет писателя «рассказчиком, выходящим за рамки традиционных канонов» [Во: 6]. Кампанале отличает его оригинальный стиль, рожденный слиянием таких форм, как повествование, театр и журналистика. Даже при поверхностном чтении можно обнаружить многочисленные переложения текстов, написанных для театра, в романы и наоборот. Джорджо Каваллини характеризует стиль Кампанале как «легкий и гибкий», выделяет «разнообразие стилистических приемов и чувство ритма» [Cavallini: 9]. Кампанале талантливо умеет «сбить с толку» читателя. В его произведениях нарушены правила здравого смысла, отсутствуют предсказуемость и привычная логика.

В творческих кругах начала XX в. отмечается общая тенденция, связанная с поиском новых форм, переосмыслением художественных приемов, экспериментами в целом. Авангардное сознание эпохи определяется потребностью в культурном и духовном обновлении. Ранние работы Акилле Кампанале были замечены и оценены А.Д. Брагальей, основателем Театра Независимых в Риме, представителем авангардного экспериментализма XX в. Кампанале называл себя самым освиствляемым автором Италии, что говорит о его приверженности футуризму – в «Речи к жителям Триеста» Ф.Т. Маринетти заявлял, что футуристы не требуют «от враждебной публики ничего, кроме свистков» [Итальянский футуризм 1: 60]. Футуристы нарочито вызывающе вели себя по отношению к буржуазному классу, тем самым провоцируя реакцию.

Итальянский футуризм был чрезвычайно популярным художественным движением. Он воплощал непреодолимую силу современности, прославлял скорость и технологии, отличался своей радикальностью и, безусловно, революционностью.

Выражая общую установку модернистского искусства на новаторство и разрыв с прошлым, итальянский футуризм прославился особенно грозными проклятиями в адрес всего, что олицетворяло культурную традицию, художественный мейнстрим и обывательский вкус буржуазного общества [Итальянский футуризм 1: 21].

Начало футуристским экспериментам положил театр символистов.

В «Манифесте драматургов-футуристов» (опубликован 11 января 1911 г. в футуристском журнале «Поэзия») были представлены общие позиции футуристского театрального нигилизма: «презрение к публике», «отвращение к немедленному успеху», «наслаждение быть освиствленным» [Итальянский футуризм 1: 225–227].

О влиянии футуризма на творчество Кампанале говорят многие критики и литературоведы. Нил Корнуэлл замечает, что ранние работы Кампанале восходят к итальянскому футуризму [Cornwell]. Катерина де Каприо отмечает близость творчества Кампанале к Альдо Палаццески (яркому и самобытному представителю итальянского футуризма), прежде всего, в понимании мира и жизни как гротескной игры [De Caprio: 62–63]. О влиянии Палаццески на Кампанале пишут Барбара Сильвия Англани [Anglani: 126, 158] и Энцо Сичилиано [Siciliano: 5]. Вальтер Педулла говорит о «родстве» Кампанале с футуристами А. Палаццески и Ф.Т. Маринетти и с авангардистами того времени – Л. Пиранделло, А. Савинио, М. Бонтемпелли [Pedulla: 128].

Главный теоретик футуризма Маринетти заявлял о необходимости формирования нового мышления и мировоззрения, настаивал, что новый театр должен быть бунтарским, способным поражать публику. Эта попытка явно была предпринята Кампанале, но не увенчалась успехом. Поиски новых театральных решений – отказ от традиционных приемов и сюжетной линии, чрезмерная краткость действия – оказались настолько радикальными и малопонятными, что зачастую зрители приходили в негодование, воспринимали увиденное не иначе как бред. Бывало, что актеры футуристского театра были вынуждены спасаться бегством от гнева публики. Говоря о постановке комедии «Любовь заставляет делать это и многое другое», Кампанале вспоминал «дикие сцены» футуристских вечеров: «шум общественного нетерпения», «ураган аплодисментов, за которыми сразу следует ураган свиста и крика», публику, разделенную на два лагеря – восторженных фанатов, лихорадочно аплодирующих, и противников, которые в негодовании бежали. Писатель отмечает:

Третий акт так и не был услышан, я мог бы избавить себя от необходимости писать его. В Турине одна часть публики пела студенческие гимны, чтобы комедия не была услышана, другая часть публики пела другие гимны, чтобы не слышать песни оппонентов. Дежурные карабинеры поссорились между собой, потому что одни были за, а другие против. На следующий день зрители приходили ко мне в гостиницу с целью показать свои синяки, разбитые очки

и раны, чтобы продемонстрировать свою солидарность, проявленную в схватке в театре [Campanile: 11].

Согласно утверждению Дж. Папини, «футуристские вечера превращаются в шутовство не столько по вине футуристов, сколько по вине слушателей. <...> Публика развлекает сама себя – то есть своим воем, грубым хохотом, метанием овощей. Футуризм – это предлог: люди смеются над собой и только над собой» [Итальянский футуризм 1: 156].

В начале 1920-х гг. Кампаниле публикует в периодических изданиях «Иль Коррьере Италиано», «Ла Фьера леттерариа», «Иль Драмма» и «900» свои первые одноактные комедии «Трагедии в две реплики» (окончательно собраны в 1978 г., но известны уже с начала 1920-х гг.) и заявляет о себе в театральных кругах. Писатель не был понят публикой: его «Трагедии в две реплики» были слишком необычными и, безусловно, новаторскими. Джан Мария Доссена отмечает, что трагедии и комедии Кампаниле «не имели успеха в театре <...> было еще слишком рано, широкой публике они были непонятны» [Il sito di Achille Campanile (a)].

Впервые «трагедии» (около 40) были опубликованы в 1931 г.¹ В дальнейшем часть пьес выходила в сборнике *L'inventore del cavallo e altre quindici commedie* («Изобретатель лошади и другие комедии»), 1924–1939². В 1978 г. опубликована наибольшая часть «Трагедий» в сборнике «Tragedie in due battute»³. Книга была переиздана в 2000 г.

В «Трагедиях в две реплики» («Tragedie in due battute»⁴) наиболее четко прослеживается увлечение Кампаниле «новым жанром». «Трагедии» в то время стали воплощением современности, быстроты, антилиричности: молниеносный диалог из двух реплик, мгновенная шутка или комическая сцена, которая разворачивалась с головокружительной скоростью после необходимых сценических ремарок. «Трагедии» представляют собой пьесы буквально из нескольких фраз. В начале автор дает довольно объемное описание, которое обрисовывает сцену, чтобы лучше использовать эффект минимума слов. Кампаниле вспоминал, что такая особенность была непонятна зрителю, эффект обманутого ожидания вызывал не смех, а негодование. Публика, привыкшая к буржуазному театру (к серьезным трагедиям и часто скучным комедиям), не готова была столкнуться с новыми идеями, оценить риск драматурга, критически взглянуть на мир. Постановка трагедии «Завтрак на природе» провалилась. Кампаниле отмечал:

Моя «трагедия» из-за своей краткости осталась незамеченной. Многие зрители, пришедшие в театр с опозданием на несколько минут, совсем ее пропустили, счастливики, которые были пунктуальны, не уловили «сюжет», потому что не могли представить, что диалог будет сведен к двум строчкам. <...> Они были удивлены, увидев, что занавес

почти сразу опустился. Кто-то подумал, что веревки, которые поддерживали его, порвались, кто-то решил, что механик допустил ошибку, и все ждали, когда спектакль начнется снова. А вместо этого вышел балет [Campanile: 10].

«Трагедии» имеют важное значение в творчестве Кампаниле, так как они не только свидетельствуют об оригинальности письма повествователя, но и, по словам Г. Календоли, являются «универсальным строительным материалом, который может найти любое применение» [Calendoli: 4435]. По словам критика, «трагедии» – это не журналистика, не театр и не художественная литература. «Строительный материал» произведения сам по себе носит настолько междисциплинарный и повсеместный характер, что не попадает в рамки классического разделения жанров. Луиджи Малерба отмечает: «Молчание можно рассматривать как литературное совершенство. Двухстрочные комедии Акилле Кампаниле близки к этой модели совершенства, как и двухстрочные стихотворения Джузеппе Унгаретти» [Il sito di Achille Campanile (в)].

Сичилиано указывал, что комизм Кампаниле уходит корнями в футуристский театр и рассматривал «Трагедии в две реплики» как гэги, стаскивающие юмор «с пьедестала морализаторства, где он так любит красоваться, и низводят его до низшей точки, до устарелых трюизмов, до глупости» [Siciliano: 2]. Джованни Антонуччи также связывает появление «Трагедий в две реплики» с увлечением Кампаниле футуристским театром [Antonucci].

В манифесте «Футуристский синтетический театр» (1915 г.) Маринетти объявил о создании нового театра – синтетического (то есть кратчайшего), атехнического, динамичного, автономного, алогичного, ирреального. Основатель футуризма призывает «сжать до нескольких минут, нескольких слов и нескольких жестов многочисленные ситуации, чувства, идеи, ощущения, факты и символы» [Итальянский футуризм 1: 364] и добавляет, что «акты могут стать мгновениями и длиться несколько секунд» [Итальянский футуризм 1: 365]. Таким образом, футуристы заявили о необходимости отказаться от доминирующей роли текста. Маринетти заявляет об отвращении к медленности, к мелочам, к анализам и к подробным объяснениям, провозглашает любовь к скорости, к сокращению, к резюме и к синтезу: «Скажите мне всё, живо, живо, в двух словах!» [Итальянский футуризм 1: 288]. Дж. Папини, говоря о новой литературе, выступал за «краткость выражения, равную краткости впечатления» [Papini: 111]. Именно в краткости «Трагедий» прослеживается приверженность Кампаниле требованиям футуристской драматургии, выделяющейся, согласно Маринетти, «ускоренной и лаконичной футуристской чувствительностью» [Итальянский футуризм 1: 365].

В «трагедии в две реплики» под названием «Первая женщина-рыбачка» («La prima donna pescatrice») к молниеносности действия Кампаниле добавляет еще и игру слов (созвучие Adamo – ad amo):

Personaggi:

ADAMO

EVA

Nel Paradiso Terrestre.

All'alzarsi del sipario EVA si avvia a pescare in un lago.

ADAMO

Vai a pescare a reti?

EVA

No, Adamo, ad amo.

(Sipario)⁵ [Campanile 1978: 132].

В трагедии «Это был не зонтик» Кампаниле использует комический прием, основанный на омонимии. В диалоге обыгрывается слово «fungo» – в значении «гриб» и «исполнять обязанности» (в форме 1-го лица, единственного числа от глагола «fungere»):

NON ERA UN OMBRELLO

Personaggi:

IL FUNGO

IL FIORELLINO

La scena si svolge in un bosco, ai giorni nostri.

All'alzarsi del sipario si vedono IL FUNGO e

IL FIORELLINO, che è nato proprio accanto alla radice del FUNGO. Piove.

IL FIORELLINO al fungo: Che bella cosa esser nato vicino a te. Così tu mi ripari dalla pioggia.

Ma dimmi, sei un vero ombrello o funghi semplicemente da ombrello?

IL FUNGO Fungo.

(Sipario)⁶ [Campanile 1978: 49].

Слова, имеющие несколько значений, как правило, проясняются контекстом. Кампаниле обходится без уточнений, создавая таким образом каламбур.

Маринетти выступал против щепетильности и педантичности при создании литературных произведений: «Глупо писать сто страниц там, где хватило бы одной, потому только, что публика, повинуясь привычке и детскому инстинкту, хочет видеть, как из серии событий вытекает характер героя, или готова оценить художественный образ, только поверив в реальное существование персонажа, и отказываясь признавать его, если автор ограничился указанием лишь нескольких черт» [Итальянский футуризм 1: 366].

Кампаниле, подражая футуристам, не стремится раскрывать характеры персонажей. В трагедии «Детектив» автор обходится лишь одним определением для каждого героя – «сообразительный полицейский» и «рассеянный убийца», об остальных персонажах известно только то, что они молчат.

DRAMMA GIALLO

Personaggi:

L'ASTUTO POLIZIOTTO

L'ASSASSINO DISTRATTO

MEMBRI DELLA FAMIGLIA, SERVITORI, AMICI

ECC. *che non parlano*

L'ASSASSINATO

che non parla

La scena si svolge nel salone d'una villa in cui è stato commesso un assassinio, e l'

uccisore non

può essere che uno dei presenti.

L'ASTUTO POLIZIOTTO

dopo aver tentato invano tutti i sistemi per scoprire chi fra i

presenti è l'uccisore della vittima, ha un'idea: con aria indifferente chiama a bruciapelo:

Uccisore, senta una cosa.

L'ASSASSINO DISTRATTO Dica.

Viene arrestato.

(Sipario)⁷ [Campanile 1978: 10].

В манифесте «Театр-сюрприз» Маринетти и Канджулло заявляют о необходимости «целиком поражать чувствительность публики радостным удивлением», «провоцировать публику на слова и действия, абсолютно непредвиденные, чтобы каждый сюрприз порождал новые сюрпризы в партере, в ложах и в городе в тот же вечер, день спустя, до бесконечности» [Итальянский футуризм 2: 172]. Излюбленный комический прием Кампаниле – обман ожиданий читателя. У. Эко называет писателя прямым учеником Альфонса Алле, известного своими абсурдистскими выходками. Кампаниле также издевательски смеется над общепринятыми условностями, над привычным образом действий и способами выражения:

PRESENTAZIONE

Personaggi:

IL SIGNOR PERICLE FISCHETTI

L'ALTRO SIGNORE

All'aprirsi del sipario IL SIGNOR PERICLE FISCHETTI si avvicina all'ALTRO SIGNORE.

IL SIGNOR PERICLE FISCHETTI (*Presentandosi all'altro signore*) Permette? Io sono il signor Pericle Fischetti. E lei?

L'ALTRO SIGNORE Io no. (Sipario)⁸ [Campanile 1978: 62].

В «трагедиях» Кампаниле прибегает не только к краткости сюжета и разнообразным комическим приемам, но и к полной «пустоте» смысла и исключению какого-либо действия. Так, в «трагедии в две реплики» под названием «Несостоятельная драма» («Un dramma inconsistente») главного героя зовут Никто, и он не произносит ни слова. Зритель и читатель сталкивается с неким «несобытием». Писатель отказывается от традиционной концепции драматического произведения и от сюжета в принципе:

Personaggi:
NESSUNO
La scena si svolge in nessun luogo.
NESSUNO
tace⁹ [Campanile 1978: 192].

По мнению Д'Амико, этой «трагедией» Кампаниле предвосхитил появление «Действий без слов» (1956) Самюэля Беккета [D'Amico: 3], ведь «эксперименты “театра абсурда”... были направлены на то, чтобы разрушить устоявшуюся структуру “аристотелевского” театра, построенного на конфликте» [Басыров, Новикова]. В 1920-х гг. публика не приняла безмолвия на сцене, демонстрации бессилия языка как средства коммуникации. Этот феномен будет вновь представлен благодаря театру абсурда Беккета, эстетические корни которого восходят, в частности, к футуризму.

Кампаниле отказывается от сюжетных схем, сосредотачивается на полной бессобытийности и безмолвии, тем самым констатируя абсурд сюжета как такового – бездействие, бессловесность и отсутствие цепочки событий, развертывания ситуаций.

Кампаниле наиболее приближен к творчеству футуриста Франческо Канджулло, который также демонстрирует отсутствие сюжета как такового:

NON C'è UN CANE
Sintesi della notte

Personaggi: QUELLO CHE NON C'è

Via di notte, fredda, deserta.

Un cane attraversa la via.

Tela¹⁰ [Marinetti, Settimelli, Corra: 87].

DETONAZIONE

Sintesi di tutto il teatro moderno

Personaggi: UN PROIETTILE

Via di notte, fredda, deserta.

Un minuto di silenzio. – Una revolverata.

Tela¹¹ [Marinetti, Settimelli, Corra: 87].

В «Трагедии, которую удалось избежать» (“Una tragedia evitata in tempo”) [Campanile 1978: 7] Кампаниле также не предполагает какого-либо разворачивания действия: Карло подходит к дому своего друга Франческо, звонит в дверь, стучит кулаком, затем палкой, пинает дверь ногой, но никто не открывает, тогда Карло понимает, что Франческо нет дома и уходит.

Кампаниле, несомненно, находился под влиянием программ и манифестов, пропагандируемых футуристским движением. «Трагедии» близки к синтезам футуристов: краткость выразительных сценок вызывала эффект удивления. И синтезы футуристов, и «Трагедии» Кампаниле стали воплощением абсурда. Задумка Кампаниле не увенчалась успехом, постановка «трагедий» в театре провалилась, зрители не оценили новаторство драматурга. Но автор не пал

духом, он продолжал писать, компенсируя неудачи театральных постановок успехом романов, в которых также отразились отдельные авангардные идеи футуристов. Так, образ несчастного поэта, декламирующего стихотворение, в котором непонятно ни слова – в духе футуристской звукописи – появляется в романе «Так что же такое любовь?» (1924). Этот персонаж (но уже с определением «проклятый»¹² поэт) предстанет перед читателями и зрителями и в пьесе «Изобретатель лошади» (1925).

Зародившийся в 1909 г. в Италии футуризм, провозглашавший революцию формы, независимой от содержания, и отказ от академизма, привел к переосмыслению поэзии. Футуристы *по-новому почувствовали звучащее поэтическое слово, само звучание поэзии*. Пристрастие к звуку в каком-то смысле победило величие смысла. Поэтические декламации приобрели перформативный характер. В этих строках из романа «Так что же такое любовь?» Кампаниле читается явное подражание Альдо Палаццески:

Tarazòn, tarazun tiritò

piricòccolo, trallalà,
tiriti, tiriti, biribò,
parapà, parapà, parapà!

<...>

Corocò, corocò, coccodè

firipizzoli, chicchiricà

<...>

parapà, parapà, parapà!

[Campanile 1989: 130]

В «период футуризма» Палаццески публикует стихотворение «Дайте мне порезвиться» (1910), в котором отражено пристрастие поэта к звуковым экспериментам:

Дайте мне порезвиться

Кри кри кри,
фру фру фру,
уйи уйи уйи,
ийу, ийу, ийу.

Поэт забавляется
бесконечно.

Мешать ему бессердечно.

Тем паче не надо злиться
дайте ему порезвиться,

бедняжке,

ведь он и не помышляет
о большей поблажке.

<...>

Фарафарафарафа,
Таратаратарата,
Парапарапарапа,
Ларалараларала!

<...>
 Ууууу!
 А! Э! И! О! У!
 <...>
 Хахахахаха!
 Хахахахаха!
 Хахахахаха!

[Итальянская поэзия: 270–277]

В футуристском манифесте Палаццески «Противоболь» (1913) отмечено, что «смех (радость) гораздо глубже плача (боли)» [Итальянский футуризм 1: 322]. Палаццески уверен, что смеяться от души может только тот, кто прежде познал немало горя. Автор манифеста декламирует: «Придите! Придите! Новые герои, новые гении смеха, придите в наши раскрытые объятия, прильните к нашим губам – смеющимся, смеющимся, смеющимся – вырвитесь из колющих зарослей человеческой боли» [Итальянский футуризм 1: 328]. Для него смех – спасение от безысходности и безнадежности. Палаццески выступает за создание эпиграмм «с каламбурами и игрой слов». К этим приемам в своем творчестве обратится и Кампанале, иногда доводя «игру» до абсурда.

Новаторские устремления Кампанале проявлены также в намерении создавать новые слова. Так, писатель изобретает неологизм «benattia», который подчеркивает положительную сторону болезни (ведь больной исцелится, в случае если не умрет). Итальянское слово «malattia» («болезнь») включает в себя корень «mal» (от «male» – «плохо», «зло», «боль»). Кампанале заменяет этот корень на противоположное по смыслу слово «ben» (от «bene» – «хорошо», «добро», «благо»). В результате автор предлагает читателю преобразованные слова и словосочетания: вместо «mal di mare» («морская болезнь») – «ben di mare», вместо «ho mal di capo» («у меня болит голова») – «ho ben di capo», а также пословицы: «non tutto il male viene per nuocere» («нет худа без добра») приобретает противоположный смысл – «non tutto il bene viene per nuocere». Обращение автора к неологизмам и словотворчеству говорит о попытке обновить язык, что свидетельствует о приверженности авангардному течению. Неологизм «benattia» встречается в романе «Так что же такое любовь?» и в пьесе «Изобретатель лошади».

Порой итальянский автор даже намеренно разрушает язык, превращая слова в звуковые бессмысленные сочетания. Так, в конце романа «В августе жену знать не желаю» (1930) речь персонажей невнятна, недоступна для понимания: после размолвки Мистерья предлагает Катерине «хотя бы делать вид», что они разговаривают, чтобы окружающие не поняли, что в паре разлад. Мистерья произносит: «Балаба, раката бараба» [Кампанале: 507], Катерина отвечает: «Майрилу онеси витали» [Кампанале: 507]. Им

вторит другая пара – Камилло и Марина. Их диалог сводится к следующему:

– Карадита марадита.
 – Видизнаетбольше, да больше никогда, нет больше никогда [Кампанале: 508].

Подобный набор звуков отсылает читателя к языковым экспериментам футуристов, а особенно А. Палаццески. В «Техническом манифесте футуристской литературы» (1912) Маринетти выступал за уничтожение синтаксиса, прилагательных, наречий, знаков препинания, спряжения глаголов. Важно отметить, что в дальнейшем подобный прием использует один из основоположников театра абсурда, классик театрального авангарда XX в. Э. Ионеско в пьесе «Лысая певица» (1950):

Мистер Мартин. Буза, бурда, бравада!
 Миссис Мартин. а, е, и, о, у, э, ю, я!
 Миссис Смит. б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ!
 Миссис Мартин. Пиф, паф, ой-ой-ой!
 Миссис Смит (изображая поезд). Пуф-паф, пуф-паф, пуф-паф, пуф-паф!
 Мистер Смит. Э!
 Миссис Мартин. -то!
 Мистер Мартин. Не!
 Миссис Смит. Там!
 Мистер Смит. Э!
 Миссис Мартин. -то!
 Мистер Смит. Ту!
 Миссис Смит. Да! [Ионеско 1990: 44]

Ионеско называл свою пьесу «трагедией языка». В произведении выражена тщетность попыток осмысленной коммуникации в современном обществе. «Абсурд подвергает сомнению саму возможность понимания через слово» [Борботько: 24]. Отсутствие осмысленной коммуникации, разговор героев «мимо друг друга», бессвязная речь персонажей – все эти характеристики отражены как в работах футуристов, так и в литературе абсурда. Но если для футуристов противоречие между знаком и его смыслом превращалось в языковой эксперимент, позволяющий отойти от традиционного повествования, то для представителей литературы абсурда язык, который не способен донести реальное значение явлений, создает трагический образ реальности. Сам Ионеско писал: «Я чувствую, что жизнь кошмарна, что она тяжела и невыносима как дурной сон. Посмотрите вокруг: войны, катастрофы и бедствия, ненависть и смятение, гонения и смерть, подстерегающие нас, люди говорят и не понимают друг друга» [Ионеско 1992: 96]. В произведениях Ионеско человек бессилён, обречен на жизнь в бессмысленном мире, в хаосе. Драматургу важно было показать тот же распадающийся мир на сцене – распад слова, действия, характеров, обстоятельств, драматургических жанров и стилей.

Абсурд по своей этимологии восходит к явлению глухоты. Представленные диалоги в произведениях А. Кампаниле и Э. Ионеско отвечают данной характеристике: коммуникация между персонажами напоминает общение с плохо слышащими, отвечающими невпопад людьми, так и создается бессмысленность и рассогласованность. Футуристы, в контексте звуковой культуры, выделяли «шумы» как источник новых возможностей для создания музыкальных произведений. Шум воспринимался футуристами не как помеха, а как уникальный компонент для расширения звучания и создания новых футуристских музыкальных форм. В новом мире машин и техники шум стал неизбежным явлением и, безусловно, привлек внимание футуристов. Но нельзя отрицать, что шум явился и одной из причин затрудненной коммуникации, приведшей в итоге к «глухоте абсурда».

В футуристском сознании особая, созидательная функция отведена смеху. Футуристы Дж. Балла и Ф. Делперо заявляют о необходимости «реконструировать Вселенную, развеселив её, то есть полностью создав её заново» [Итальянский футуризм 1: 371]. Смех выступает в качестве творца. По сути, футуристы вспоминают о первоначальной природе смеха, о его творческой силе. В архаическом мышлении смех – это особое колебательное, спазматическое движение, способное «воззвать» к силам природы, повлиять на нее. В сознании древних людей смех, несомненно, был одним из важнейших «средств общения» с другим миром, определенным сигналом, вызывающим к высшим силам. Футуристы стремятся «похоронить» старый мир и создать новый с помощью смеха. Маринетти мыслит создание футуризма как новую космогонию, как творение новой реальности.

В манифесте «Футуристский синтетический театр» (1915) Маринетти, Сеттимелли и Корра приходят к выводу о необходимости «братски дружить с комиками, одними из немногих, кто думает» [Итальянский футуризм 1: 370]. Цель футуристского театра – прежде всего развлечение и удивление (эпатирование) публики посредством динамики действия и проч.

Комическая литература в Италии по большей части рассматривалась как второстепенный жанр. Умберто Эко и Мазолино д'Амико сходились во мнении, что комический жанр всегда недооценивали в Италии, поэтому талант Кампаниле оставался долгое время непризнанным.

Юмор Кампаниле – интеллектуальный: чтобы понять его, читателю необходимо обладать обширными знаниями о мире, хорошо разбираться в особенностях языка. Писатель будто внимает призыву футуристов бороться с «отвратительной ленью ума» [Итальянский футуризм 1: 202]. В произведениях Кампаниле показаны обширный культурный багаж

и начитанность автора. Тексты изобилуют скрытыми цитатами и сотканы из множества аллюзий и отсылок к самым разным культурным и историческим контекстам. Маринетти в «Манифесте драматургов-футуристов» отмечал, что для понимания новаторских произведений необходимо интеллектуальное усилие. Основатель футуризма презрительно относился к банальным и посредственным трудам, провозглашал оригинальность в искусстве. Юмор Кампаниле вполне отвечает этим требованиям футуристов. Стиль писателя далек от традиционных схем: каждая лингвистическая и синтаксическая деталь тщательно продумана, особое внимание уделено лексике. Критик Франческо Флора писал, что тексты Кампаниле – это «удивительные коммуникативные игры», полные «юмористических изобретений» [Il sito di Achille Campanile (6)].

В творчестве Кампаниле отражены также «отдельные» уроки футуризма как отрицание логики и линейного дискурса, разрыв связей (на уровне слова и смысла). Отдельно стоит обратить внимание на специфический характер времени в произведениях футуристов и Кампаниле. Время движется не линейно. Так, в романе «В августе жену знать не желаю» клиентам гостиницы приносят почтительную газету, датированную 27 августа 1930 г. до Рождества Христова. Представление о необходимости времени разрушено в произведении Маринетти «Футурист Мафарка. Африканский роман». В первом манифесте футуризма было заявлено: «Время и Пространство умерли вчера. Мы живем уже в абсолютном, так как уже создали вечную вездесущую скорость» [Итальянский футуризм 1: 28]. К «игре» со временем в дальнейшем прибегает и Ионеско в «Лысой Певнице». Ход времени в произведении не поддается пониманию. Настенные часы в пьесе Ионеско бьют «семнадцать раз», «семь раз», «три раза», «ноль раз», «пять раз», «два раза», «два – один раз» и даже «двадцать девять раз». Согласно рассказу мистера Смита, Бобби Уотсон сначала умирает «четыре года назад», затем «два года назад», а хоронят его «полтора года назад». В пьесе «Король умирает» Ионеско, по словам Марии, король «неожиданно постарел на четырнадцать столетий» [Ионеско 1991: 163].

Роман «Так что же такое любовь?» тоже выделяется нелинейностью композиции. Основной сюжет романа обрывается в четырех местах: в главах VI, XII и между главами VIII и IX, где появляются два автономных рассказа. Между этими рассказами читатель сталкивается с главой XIII*. Текст выстроен не в соответствии с линейной логикой повествования, в нем отчетливо прослеживается динамичность, череда неожиданных перебросов в пространстве и времени. Писатель отказывается соблюдать какие-либо правила изложения, требуемые для романа. Его

текст фрагментарен, носит составной характер. Очевидно влияние авангардных идей футуристов на художественный стиль писателя. В манифесте «Футуристский синтетический театр» пропагандируется отказ от логики, целостности произведения, последовательности: «Глупо пытаться мелочной логикой объяснить все представленное, когда даже в жизни нам не удастся схватить событие целиком, со всеми его причинами и следствиями, потому что реальность вибрирует вокруг нас, осажая нас шквалом фрагментов событий, соединяющихся между собой, вставляющихся одни в другие, неясных, запутанных, хаотичных. Например: глупо изображать на сцене спор между двумя людьми последовательно, логично и ясно, тогда как наш жизненный опыт схватывает только обрывки спора, который наша современная жизнь застает на мгновение в трамвае, кафе, на вокзале, и который наш дух запечатлевает как динамичные фрагментарные симфонии жестов, слов, шумов и света [Итальянский футуризм 1: 366–367].

Таким образом, линейное повествование и следование хронологии противоречат требованиям футуристов. Они, напротив, выбирают фрагментарность текста как констатацию внезапного озарения, мгновенной вспышки, а также протест против системы, устоявшихся законов и правил повествования. Созданной авангардистами «новой литературе» свойственны черты кинематографа: стремительное в своем порыве «искусство будущего» характеризуется стремительной сменой кадров, сцен.

Принцип фрагментарности, «мозаичности» текста присутствовал в произведениях многих писателей журнала «Воче» (издавался во Флоренции с 1908 по 1916 гг.). В литературных журналах начала XX в. разрабатывалась новая поэтика, велась активная деятельность по созданию литературы авангарда, или «новой литературы». К ярким произведениям последней относятся эпистолярно-мистификации А. Соффичи «Безвестный тосканец» (1909), «Лемоннио Борео» (1912), «Бортовой журнал» (1915); сочинение Ш. Златапера «Мой Карст» (1912); хроника Дж. Папини «Конченный человек» (1913). Произведения выполнены в мозаичной технике чередования разных по стилистике фрагментов. Программа «Воче», безусловно, носила провокационный характер. Согласно Папини, теоретическая база и философия «новой литературы» должна иметь в своей основе «парадоксальное, аморальное, дерзкое и свободное мышление» [La cultura italiana: 16]. Таким образом, авангардистские приемы «новой литературы» продиктованы увлечением футуризмом.

Начало творческого пути Кампаниле выпало на годы фашизма в Италии. Литературная критика, явно находившаяся в строгом подчинении у государственной власти, не могла принять Кампани-

ле, ведь он не воспевал ценности, пропагандируемые фашистами. Кампаниле не поддерживал фашизм открыто, как, например, Пиранделло или Маринетти, но и не выступал с прямой критикой режима. В его творчестве не прослеживается ни аллюзий, ни отсылок к политическим реалиям того времени. Кампаниле не пропагандировал милитаризм, шовинизм, не прославлял революцию, агрессию и силу. Абсурдность произведений Кампаниле абстрактна, она не является утрированным отражением той или иной эпохи, в ней нет намеков на несправедливость жизни или жестокость власти и отчаяние общества, она не сопряжена с кризисом бытия, мысли и языка в трагическом понимании. И хотя в «Дневнике Джино Корнабо» (1942) Кампаниле высмеивает фашистскую буржуазию, как правило, в шутках Кампаниле нет политического содержания (по крайней мере, в явном виде). Писатель утверждал, что комики не созданы для того, чтобы заниматься политикой.

Особенность творчества Кампаниле, возможно, заключается в том, что писатель не стремится вдаваться в полемику, отстаивать те или иные философские идеи, прогнозировать будущее, заниматься просветительством. Кампаниле подбирает ситуации, характеры и слова и создает юмор вне времени и вне политики. Это юмор, который не устареет. На первый взгляд, легкий и простой, но в то же время – поразительно точный и изящный с лингвистической точки зрения. Кампаниле не ставит перед собой цель наказать или проучить смехом, и тем более уязвить. Комизм Кампаниле – тонкая игра, удивительные находки, переворачивание и представление в новом свете обыденных вещей. Автор сосредотачивает внимание на двусмысленных ситуациях, вызывающих смех и часто доходящих до абсурда. Развитие сюжета в произведениях Кампаниле во многом зависит от случая или тех или иных обстоятельств.

Кампаниле прибегает к новаторским идеям футуристов, тем самым обогащая принципы построения комического. Но важно отметить, что за маской веселья скрывается истинная трагедия – трагедия коммуникации. Поднимаемые автором темы относятся к числу важнейших для культуры XX в.: невозможность взаимопонимания или общения между людьми. Кампаниле подходит к этой проблеме не с философской точки зрения, а с лингвистической: его герои остаются непонятыми ввиду многозначности и двусмысленности слов, игнорирования концепций коммуникативных моделей для построения конструктивных диалогов, нежелания выстраивать систему внятной и вразумительной речи, отсутствия внимания к контексту или уточнениям в погоне за краткостью. Писатель не сосредотачивается на судьбах своих героев, на переломных исторических моментах, он исследует возможности языка, создавая каламбу-

ры, игру интерпретаций, нарушает условности, обращается к бессмысленным звуко сочетаниям, приводящим к несостоятельности речи. Таким образом, отголоски футуристской эстетики в произведениях Кампаниле отражены лишь на формальном уровне. В дальнейшем эти приемы будут реализованы и представителями литературы абсурда.

Примечания

¹ Teatro Completo I. Firenze, Treves, 1931.

² Campanile A. *L'inventore del cavallo e altre quindici commedie, 1924–1939*, a cura di Giuseppina Bellavita. Torino, Einaudi, 1971.

³ Campanile A. *Tragedie in due battute*, a cura di Giuseppina Bellavita. Milano, Rizzoli, 1978.

⁴ Интересно, что в названии заложена двусмысленность: «battuta» в переводе с итальянского – «реплика», «фраза», а также «шутка», «розыгрыш».

⁵ Персонажи:

АДАМ.

ЕВА.

В земном раю.

После поднятия занавеса ЕВА отправляется рыбачить на озеро.

АДАМ:

Идешь ловить рыбу сетями?

ЕВА:

Нет, Адам, на крючок.

Занавес (здесь и далее перевод наш. – Ю. Г.).

⁶ «Это был не зонтик»

Действующие лица:

Гриб.

Цветочек.

Действие разворачивается в лесу, в наши дни. При поднятии занавеса можно увидеть гриб и цветочек, который вырос прямо рядом с грибницей. Идет дождь.

Цветочек (грибу): Как здорово, что я родился рядом с тобой. Ведь ты меня защищаешь от дождя. Но признайся, ты настоящий зонт или исполняешь его обязанности?

Гриб: Исполняю / гриб.

Занавес.

⁷ «Детектив»

Действующие лица:

Сообразительный полицейский.

Рассеянный убийца.

Члены семьи, слуги, друзья и т. д., которые молчат.

Убитый, который молчит.

Действие разворачивается в холле виллы, где было совершено убийство, и убийца точно среди присутствующих.

У сообразительного полицейского после тщетных попыток распознать убийцу возникает идея: с равнодушным видом спрашивает в упор:

Слушай, убийца.

Рассеянный убийца: Говорите.

Его арестовывают.

Занавес.

⁸ «Знакомство»

Действующие лица:

Синьор Перикл Фискетти.

Другой синьор.

Как только занавес поднимается, синьор Перикл Фискетти приближается к другому синьору.

Синьор Перикл Фискетти (представляясь другому синьору): Позвольте? Я синьор Перикл Фискетти. А вы?

Другой синьор: А я нет.

Занавес.

⁹ Персонажи:

НИКТО.

Действие нигде не разворачивается.

НИКТО

молчит.

¹⁰ «СОБАКИ НЕТ»

Синтез ночи.

Персонажи: ТОТ, КОГО НЕТ.

Холодная пустынная улица ночью.

Собака перебегает дорогу.

Занавес.

¹¹ «ВЗРЫВ»

Синтез всего современного театра.

Персонажи: ПУЛЯ.

Холодная пустынная улица ночью.

Минута тишины. – Выстрел из револьвера.

Занавес.

¹² Возможно, отсылка к «Проклятым поэтам» П. Верлена.

Список литературы

Источники

Ионеско Э. Лысая певица: пьесы. Москва: Известия, 1990. С. 44.

Ионеско Э. Носорог. Пьесы и рассказы. Москва, 1991. С. 163.

Ионеско Э. Трагедия языка // Как всегда об авангарде. Москва, 1992. С. 96.

Итальянская поэзия в переводах Евгения Солоновича: сборник. Москва: Радуга, 2002. С. 270–277.

Итальянский футуризм. Манифесты и программы 1909–1941 гг.: в 2 т. Москва, 2020.

Кампаниле А. В августе жену знать не желаю: романы. Москва: Эксмо, 2004. 511 с.

Campanile A. Autoritratto. С. 11. URL: <https://www.campanile.it/index.asp?action=autoritratto&do=1> (дата обращения: 11.09.2025).

Campanile A. *Ma che cosa e' quest'amore? // Opere. Romanzi e racconti 1924–1933 a cura di Oreste del Buono.* Milano, 1989, p. 130.

Campanile A. Tragedie in due battute, a cura di Giuseppina Bellavita. Milano, Rizzoli, 1978. 197 p.

Marinetti F.T., Settimelli E., Corra B. Il Teatro Futurista Sintetico. Piacenza, Ghelfi Costantino, 1921, p. 87.

Исследования

Басыров Р.Р., Новикова В.Ю. Понятие «Абсурд» в лингвистике и литературоведении // Культура и время перемен. 2021. Вып. 2 (33). URL: timekguki.esrae.ru/49-658 (дата обращения: 11.09.2025).

Борботько Л.А. Абсурд в театре, театр абсурда, абсурд жизни // Все нелепицы мира: абсурд в литературе и искусстве. Санкт-Петербург; Тверь, 2019. С. 24.

Anglani B.S. Giri di parole. Lecce, Piero Manni, 2000, p. 126, 158.

Antonucci G. Teatro italiano del Novecento. Roma, Studium, 1988.

Bo C. Il manuale senza regole. A. Campanile. Manuale di conversazione. Milano, BUR, 1976, p. 5.

Calendoli G. Achille Campanile, in Novecento, a cura di G. Grana. Milano, Marzorati, 1980, p. 4435.

Cavallini G. Estro inventivo e tecnica narrativa di Achille Campanile. Roma, Bulzoni, 2000, p. 9.

Cornwell N. The Absurd in Literature, Manchester, Manchester University Press, 2006.

D'Amico M. Le tragedie in due battute. Campanile A. Tragedie in due battute. Milano, BUR, 2008, p. 3.

De Caprio C. Achille Campanile e l'alea della scrittura. Napoli, Liguori, 1990, pp. 62–63.

Il sito di Achille Campanile (a). URL: <https://www.campanile.it/index.asp?action=biografia&do=successi> (дата обращения: 11.09.2025).

Il sito di Achille Campanile (б). URL: <https://www.campanile.it/index.asp?action=biografia&do=pensiero> (дата обращения: 11.09.2025).

Il sito di Achille Campanile (в). URL: <https://www.campanile.it/index.asp?action=critica&do=altri> (дата обращения: 11.09.2025).

La cultura italiana del' 900 attraverso le riviste: “Lacerba”, “La Voce” (1914–1916). Torino, Einaudi, 1961, p. 16.

Papini G. Le speranze di un disperato. Papini G. Maschilata. Firenze, Libreria della Voce, 1915, p. 111.

Pedulla W. La “falsificazione globale” di Achille Campanile. Le armi del comico. Milano, Mondadori, 2001, p. 128.

Siciliano E. Achille Campanile, o l'inutilita del riso, in Agosto, moglie mia non ti conosco. Milano, BUR, 1974, p. 5.

References

Basyrov R.R., Novikova V.Iu. *Ponjatje «Absurd» v lingvistike i literaturovedenii* [The concept of

“Absurd” in linguistics and literary criticism]. *Kul'tura i vremia peremen* [Culture and time of change], 2021, no. 2 (33). URL: timekguki.esrae.ru/49-658 (access date: 11.09.2025). (In Russ.)

Borbot'ko L.A. *Absurd v teatre, teatr absurda, absurd zhizni* [Absurdity in the theatre, theatre of the absurd, absurdity of life]. *Vse nelepicy mira: absurd v literature i iskusstve* [All the absurdities of the world: absurdity in literature and art]. St. Petersburg, Tver, 2019, p. 24. (In Russ.)

Anglani B.S. Giri di parole. Lecce, Piero Manni, 2000, p. 126, 158.

Antonucci G. Teatro italiano del Novecento. Roma, Studium, 1988.

Bo C. Il manuale senza regole. A. Campanile. Manuale di conversazione. Milano, BUR, 1976, p. 5.

Calendoli G. Achille Campanile, in Novecento, a cura di G. Grana. Milano, Marzorati, 1980, p. 4435.

Cavallini G. Estro inventivo e tecnica narrativa di Achille Campanile. Roma, Bulzoni, 2000, p. 9.

Cornwell N. The Absurd in Literature, Manchester, Manchester University Press, 2006.

D'Amico M. Le tragedie in due battute. Campanile A. Tragedie in due battute. Milano, BUR, 2008, p. 3.

De Caprio C. Achille Campanile e l'alea della scrittura. Napoli, Liguori, 1990, pp. 62–63.

Il sito di Achille Campanile (a). URL: <https://www.campanile.it/index.asp?action=biografia&do=successi> (дата обращения: 11.09.2025).

Il sito di Achille Campanile (б). URL: <https://www.campanile.it/index.asp?action=biografia&do=pensiero> (дата обращения: 11.09.2025).

Il sito di Achille Campanile (в). URL: <https://www.campanile.it/index.asp?action=critica&do=altri> (дата обращения: 11.09.2025).

La cultura italiana del' 900 attraverso le riviste: “Lacerba”, “La Voce” (1914–1916). Torino, Einaudi, 1961, p. 16.

Papini G. Le speranze di un disperato. Papini G. Maschilata. Firenze, Libreria della Voce, 1915, p. 111.

Pedulla W. La “falsificazione globale” di Achille Campanile. Le armi del comico. Milano, Mondadori, 2001, p. 128.

Siciliano E. Achille Campanile, o l'inutilita del riso, in Agosto, moglie mia non ti conosco. Milano, BUR, 1974, p. 5.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 24.03.2026.

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 141–146. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 141–146. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09”20/21”

EDN IDFOJG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-141-146>

ТЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В РОМАНЕ ЗЭДИ СМИТ «БЕЛЫЕ ЗУБЫ»

Сафарова Зера Адиль-Гареевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, zera.safarova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2696-6199>

Аннотация. Тема идентичности и мультикультурализма – одна из центральных в современном литературоведении. Ее изучением занимались представители как постколониальной теории, так и культурных исследований и мультикультурализма. Научная новизна работы заключается в переосмыслении основных концептов мультикультурализма и идентичности в произведении Зэди Смит «Белые зубы» через призму современных литературоведческих подходов. Предлагается рассмотреть британский мультикультурализм XX в. не как гармоничное разнообразие, а как часто противоречивую систему управления различиями, а конструирование идентичности – как преобразование, осуществляемое не через сопротивление колониализму, а через религиозные секты, виртуальные и научные идеи (проект о мышши). Актуальность исследования заключается в попытке проследить исторические корни современных конфликтов идентичности, апробировать постколониальные и деколониальные теории на литературном тексте конца XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: идентичность, мультикультурализм, гибридность, многоголосие, колониальное прошлое, иммигрант.

Для цитирования: Сафарова З. А.-Г. Тема идентичности и мультикультурализма в романе Зэди Смит «Белые зубы» // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 141–146. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-141-146>

Research Article

THE THEME OF IDENTITY AND MULTICULTURALISM IN ZADIE SMITH’S NOVEL “WHITE TEETH”

Zera A.-G. Safarova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of Yaqubov Crimean Engineering and Pedagogic University”, zera.safarova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2696-6199>

Abstract. The theme of identity and multiculturalism is a central one in contemporary literary studies. It has been studied by both postcolonial theory and cultural studies and multiculturalism. The research’s novelty lies in its rethinking of the key concepts of multiculturalism and identity in the work through the lens of contemporary literary approaches. It proposes examining multiculturalism not as diversity, but as a system for managing differences, and the construction of identity not through resistance to colonialism, but through religious sects, virtual reality, and scientific ideas (the mouse project). Topicality of the research lies in its attempt to understand the historical roots of contemporary identity conflicts and to test postcolonial and decolonial theories on literary material.

Keywords: identity, multiculturalism, hybridity, polyphony, colonial past, immigrant.

For citation: Safarova Z. A.-G. The theme of identity and multiculturalism in Zadie Smith’s novel “White Teeth”. Bulletin of Kostroma State University. 2026, vol. 32, no. 2, pp. 141–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-141-146>

Введение. Проблема идентичности в условиях глобализированного и мультикультурного общества является одной из наиболее дискуссионных в гуманитарных науках рубежа XX–XXI вв. Для стран с колониальным прошлым и активной иммиграционной историей, таких как Великобритания, этот вопрос приобретает особую остроту. Идентичность перестает восприниматься как данность, превращаясь в динамичный, часто конфликтный процесс самоопределения, в котором сталкиваются личные устремления, семейные традиции, давление социума и груз исторического прошлого.

Мультикультурализм как политический курс 1970–80-х гг., призванный обеспечить равноправное сосуществование культур, к 1990-м гг. демонстрировал свою внутреннюю противоречивость. Критики (например, Стюарт Холл, Сара Ахмед) отмечали, что на практике он зачастую превращался в инструмент «управления различиями», сводя культурное многообразие к безопасному декоративному «колодцу», не решая проблем структурного неравенства и расизма [Hall 2000: 210; Ahmed 2014: 132].

Теоретическая основа исследования формируется на стыке нескольких дисциплин: политической философии, культурологии и литературоведения. Понятие мультикультурализма, возникшее в 1970-е гг. как обозначение политики признания культурного разнообразия в западных обществах (Канада, Австралия, Великобритания), к концу XX в. подверглось серьезной критике. В политических науках (У. Кимлика, Ч. Тейлор) дискуссия велась вокруг баланса между групповыми правами и либеральными ценностями. Однако в рамках культурных исследований (С. Холл) и постколониальной теории критика приняла иную направленность: мультикультурализм стал рассматриваться как технология управления, которая, институционализируя различия, нейтрализует их политический потенциал и воспроизводит структурное неравенство [Hall 2000: 214; Ahmed 2012: 190]. Именно этот критический подход, перенесенный в поле литературы, является ключевым для анализа романа Смит.

Ключевым для исследования выступает неэссенциалистское понимание идентичности, сформулированное в рамках постколониальной теории и культурных исследований. Его философские истоки восходят к критике европоцентризма и феноменологии Другого. Так, работы франко-мартиникского психиатра и философа Франца Фанона, особенно «Черная кожа, белые маски» (1952) и «Проклятьем заклейменные» (1961), заложили основу для анализа психопатологии колониализма. Фанон показал, как колониальная система порождает у угнетенного «расколотое сознание» (раздвоение между самоощущением и навязанным образом в глазах колонизатора) и внутреннее стремление к «обелению» [Фанон: 70].

Эту линию развил теоретик постколониализма Хоми К. Бхабха. В своей ключевой работе «Место культуры» (1994) он, опираясь на психоанализ и постструктурализм, ввел концепции «гибридности» (hybridity) и «мимикрии» (mimicry). Бхабха отошел от бинарной модели Фанона, утверждая, что в межкультурном контакте рождаются не синтезы, а «третьи пространства» – амбивалентные, нестабильные формы. «Мимикрия» как навязанное подражание колонизатору, по Бхабхе, всегда содержит в себе угрозу: копия не равна оригиналу, и в этом зазоре может таиться ирония, пародия и подрыв власти [Bhabha: 60, 65].

В британском контексте эти идеи были адаптированы и социологизированы Стюартом Холлом. В своей программной статье «Кто нуждается в идентичности?» (1996) Холл определяет идентичность не как сущность, а как процесс «становления» (becoming), конструируемый в дискурсе и всегда незавершенный [Hall 1996: 5]. Именно Холл и его последователи (например, Сара Ахмед) применили эту модель к анализу мультикультурного общества, показав, как политика разнообразия может превращаться в инструмент «управления различиями» (managing difference) и создавать лишь «видимость толерантности», маскирующую расизм и неравенство [Ahmed 2012: 151].

Для анализа психологических аспектов колониального прошлого и его трансгенерационной передачи фундаментальное значение имеют работы Ф. Фанона [Фанон: 112]. В «Черной коже, белых масках» он представил феномен «расколотого сознания» колонизованного субъекта, вынужденного примерять на себя маску колонизатора [Фанон: 18]. Хоми Х. Бхабха в работе «Место культуры» (1994) развил эти идеи, предложив концепции «мимикрии» – амбивалентного подражания, подрывающего власть колонизатора, – и «гибридности» – возникновения новых, «третьих» форм идентичности в зоне культурного контакта [Bhabha: 86, 112]. Теория «эмоционального поворота» (С. Ахмед, Л. Берлант) позволяет анализировать, как коллективные аффекты (ностальгия, травма, стыд) формируются и передаются в рамках семейных и социальных нарративов, что особенно значимо для исследования поколенческой динамики в романе Смит.

Именно в период публичного оптимизма и скрытого кризиса британского мультикультурализма 1990-х годов появляется дебютный роман Зэди Смит «Белые зубы» (2000), ставший культовым и закрепивший за автором статус голоса нового, мультикультурного поколения. Британские 1990-е характеризовались глубокой идеологической двойственностью: на смену индивидуализму М. Тэтчер пришла риторика «новых лейбористов» о социальной сплоченности

и инклюзивности, что на практике показало противоречие между публичной пропагандой мультикультурализма и сохраняющимся культурным неравенством. Этот период стал также временем активного пересмотра исторической памяти, когда дебаты об имперском прошлом и национальной идентичности стали почвой для художественного исследования травм колониализма и опыта диаспоры. Будучи дочерью англичанина и уроженки Ямайки, Смит исследует проблему изнутри, помещая глобальные вопросы в локальный контекст лондонского района Уиллсден и в частные истории трех переплетенных семей – Джонсов, Икбалов и Чаффенов. Ее подход отличается от классиков постколониальной литературы (С. Рушди, В.С. Найпол) острым комическим пафосом, вниманием к внутренним конфликтам в среде иммигрантских сообществ и смещением фокуса с диалекты «колонизатор – колонизируемый» на сложности второго и третьего поколений.

Роман «Белые зубы» не существует в литературном вакууме; он является ярким представителем новой волны британской постколониальной и мультикультурной прозы, сформировавшейся в 1990-е гг. Эта литература наследует традициям, заложенным авторами первого поколения постколониальных писателей, такими как Сэмюэл Селвон («Одинокие лондонцы», 1956), Джордж Лэмминг («Эмигранты», 1954) и, позднее, Салман Рушди («Дети полуночи», 1981). Однако если их творчество часто фокусировалось на травме разрыва с родиной, проблеме неприятия в метрополии и поисках утраченных корней, то новое поколение (Ханиф Курейши, Андреа Леви, Моник Роффи, сама Зэди Смит) смещает акцент. Их герои – это уже второе и третье поколение иммигрантов, рожденные в Великобритании. Для них «дом» – это не мифическая родина предков, а сложный, конфликтный, но и родной мультикультурный Лондон. Соответственно, меняется и проблематика: на первый план выходят не вопросы диаспоры и изгнания, а внутренние конфликты сообществ, проблема «некорневых» идентичностей, критика как расизма белого большинства, так и фундаментализма внутри меньшинств. Ирония, гротеск и полифоничность становятся ключевыми стилистическими чертами этой литературы, что в полной мере проявляется в романе Смит [Lamming: 67].

Цель исследования – выявить и проанализировать критическую репрезентацию процессов формирования идентичности и идеологии мультикультурализма в романе, раскрывая их внутренние противоречия через призму современных теоретических подходов.

Для достижения цели ставятся следующие **задачи**:

1. Определить место романа в историко-литературном контексте британской постколониальной прозы 1990–2000-х гг.

2. Исследовать, как колониальная травма трансформируется в поколенческих нарративах семей Джонсов и Икбалов на материале концептов «корней» и «путей».

3. Рассмотреть альтернативные, часто тотализирующие проекты идентичности (религиозный фундаментализм, научный рационализм, перформативная самоидентификация).

4. Проанализировать стратегии авторской иронии, пародии и гротеска как основные нарративные инструменты деконструкции этих проектов.

Научная новизна работы заключается в комплексном применении междисциплинарных подходов (постколониального, деколониального, эмоционального поворота) для анализа романа, что позволяет продемонстрировать, как Смит переосмысляет классические концепции гибридности и мимикрии, смещая фокус с диалекты «колонизатор – колонизируемый» на внутренние конфликты второго и третьего поколений иммигрантов.

Роман строится вокруг исследования того, как колониальная травма прошлого видоизменяется, но не исчезает, в жизни последующих поколений. Смит предлагает не бинарную, а спектральную модель реакций на эту травму, варьирующуюся от полного вытеснения до фанатичной ностальгии.

В семье Джонсов происходит бегство от прошлого и его вытеснение. Арчи Джонс представляет фигуру «англичанина без прошлого», чьи корни (неудачный брак, травма Второй мировой) воспринимаются как обуза:

Archie Jones was a man whose history was deliberately erased. He had no known parents, no known childhood. He had been, it seemed, born into the army at the age of eighteen, a fully formed private, blank as a page [Smith: 57]. (Арчи Джонс был человеком, чью историю намеренно стерли. У него не было известных родителей, не было известного детства. Казалось, он был рожден в армии в восемнадцать лет – полностью сформированным рядовым, чистым, как белый лист)¹.

Его стратегия – разрыв и вытеснение через брак с Кларой и растворение в мультикультурном Уиллсдене. Однако травма не исчезает, а трансформируется в пассивность и избегание конфликтов. Так он, будучи англичанином, ассимилирует, пытаясь стать человеком без «национальности»:

He was English in the way that cabbage is green – a fact so basic, so unremarkable, it defied examination [Smith: 80]. (Он был англичанином так же, как капуста зелена – факт настолько базовый, настолько не стоящий внимания, что не подлежал какому-либо анализу).

Его английское происхождение – просто биологическая принадлежность, а не культурная или историческая. Происходит некая трансформация травмы, она вытесняется, но проявляется в стремлении избе-

гать конфликты и пассивности. Клара, в свою очередь, совершает сознательный отказ от своих ямайских и религиозных (свидетели Иеговы) корней, меняя имя и конструируя «чисто английскую» идентичность через смену имени:

She was not 'Clara' by birth. That came later. She was born Ambrosia Bowden, a name that carried the weight of Jamaica, of the Bowden family saga, of prophecy and madness. 'Clara' was her own creation, a clean, English, short, and toneless sound [Smith: 94]. («Кларой» она была не от рождения. Это имя появилось позже. При рождении её нарекли Амброзией Боуден – именем, в котором ощущался груз Ямайки, семейной саги Боуденов, пророчеств и безумия. «Клара» же была её собственным творением – чистым, английским, коротким и бесцветным звучанием).

Однако вытесненная травма материализуется в её дочери Айри в форме культурного стыда – ненависти к своим кучерявым волосам и телу, что является яркой иллюстрацией теории Сары Ахмед об аффективной передаче исторического опыта через семейные отношения [Ahmed: 110].

В семье Икбалов, выходцев из Бангладеша, травма проявляется как фанатичная ностальгия и «расколотое сознание» (Ф. Фанон). В образе Самада Икбала находит воплощение внутренний конфликт между мифическим прошлым Бенгалии и позором коллаборационизма в семейной истории. Нарратор определяет его состояние как «a walking civil war» («раздираемый внутренней борьбой»; перевод наш. – З. С.):

Samad Iqbal was a man divided: a waiter in the present, a soldier in the past; a Muslim in theory, a drinker and fornicator in practice; a Bengali in London, a Londoner in Bengal. He was a walking civil war [Smith: 309]. (Самад Икбал был человеком расколотым: официант в настоящем, солдат в прошлом; мусульманин в теории, пьяница и блудник на практике; бенгалец в Лондоне, лондонец в Бенгалии. Он был раздираем внутренней борьбой).

Жизнь в Лондоне для него – не путь вперед, а постоянное оглядывание назад. Его попытка разрешить внутренний конфликт через тотальный контроль над сыновьями оборачивается крахом и порождает две зеркальные неудачи:

He would send Maguid back to Bangladesh – not to the real, muddy, modern Bangladesh, but to the idea of it he carried in his head: pure, Islamic, uncorrupted. In Maguid, he would correct the course of history. In Millat, he saw only his own failed rebellions [Smith: 409]. (Он отошлёт Маджида обратно в Бангладеш – не в настоящую, грязную, современную Бангладеш, а в ту её идею, что он носил в своей голове: чистую, исламскую, неиспорченную. В Маджиде он исправит ход истории. В Миллате же видел лишь собственные неудавшиеся бунты).

Гипермимикрия находит свое воплощение в образе Маджита (термин Х.К. Бхабхи) и проявляется в стерильном и слепом следовании указаниям отца.

Он превращается в образцового «британского мусульманина» без подлинной идентичности.

В образе Миллиата бунт принимает форму пародийной мимикрии в виде «воинственного пакистанца», который, по сути, является перформансом, игрой с навязанными стереотипами:

To his teachers, he was 'trouble' in a salwar kameez. To his father, he was 'a Western devil' in prayer beads. But to himself, Millat was performing a perfect, furious mimicry – mimicking the white idea of a Paki, mimicking the Paki idea of a believer, never being either, always playing both [Smith: 402]. (Для своих учителей он был «проблемой» в шальвар-камизе. Для своего отца – «западным дьяволом» в четках. Но для себя самого Миллат исполнял идеальную, яростную мимикрию – подражая белому представлению о «паки», подражая пакистанскому представлению о верующем, никогда не будучи ни тем, ни другим, всегда играя обе роли одновременно).

Этот образ является продуктом ориенталистского дискурса, описанного Э. Саидом [Саид: 209], и демонстрирует тупиковость стратегии тотального отрицания.

Лишенные прямой колониальной травмы, Чаффены являются носителями травмы западного рационализма – веры во всеисилие разума и науки. Проект Маркуса Чаффена «Будущая мышшь» служит в романе аллегорией биополитики (М. Фуко [Фуко: 256]) и метафорой государственного подхода к мультикультурализму как к социальной инженерии. Это попытка полного управления жизнью, «биополитика, облеченная в плоть»:

FutureMouse® was not just an experiment; it was a manifesto. A living proof that chaos could be scheduled, that life could be fully regulated. Every cell, every heartbeat, every tumor of the creature was predicted, mapped, and owned. It was biopolitics made flesh (and fur) [Smith: 420]. («Будущая мышшь» (FutureMouse®) была не просто экспериментом; это был манифест. Живое доказательство того, что хаос можно распланировать, а жизнь – полностью регламентировать. Каждая клетка, каждый удар сердца, каждая опухоль этого существа были предсказаны, нанесены на карту и принадлежали [создателям]. Это была биополитика, воплощенная в плоти (и в мехе).

Комичный и тотальный провал этого проекта (мышшь сбегают) символизирует крах любой идеологии, стремящейся устранить иррациональное, историческое и случайное, и становится актом сопротивления самой идее «управляемого будущего»:

And when FutureMouse® chewed through its wires and escaped its maze, it did more than ruin an experiment. It protested. It became random. It reintroduced chance. In that one, glorious act of rodent disobedience, it mocked the very idea of a governable future [Smith: 480]. (И когда «Будущая мышшь» перегрызла провода и сбежала из своего лабиринта, она сделала больше, чем просто разрушила эксперимент.

Она заявила протест. Она стала случайностью. Она вернула в игру фактор неопределенности. Этим одним, великолепным актом грызуного неповиновения она высмеяла саму идею управляемого будущего).

Иной выглядит жизнь третьего поколения мигрантов, например дочери Арчи Джонса. В противовес типичным стратегиям родителей и окружающих, Айри Джонс воплощает живой и динамичный процесс становления гибридной идентичности. Она не выбирает между ямайским и английским, а постоянно пребывает в прострации, в «третьем пространстве» Бхабхи:

She realized she didn't have to be Clara's daughter or Archie's daughter or even a daughter of Jamaica or England. She could be a stir-fry, a hybrid, a minestrone. Her identity wasn't a tree with one root, but a rhizome, spreading and connecting in all directions [Smith: 479]. (Она поняла, что ей не обязательно быть дочерью Клары или дочерью Арчи, или даже дочерью Ямайки или Англии. Она может быть жарким перемешанным блюдом, гибридом, минестроне. Её идентичность – не дерево с одним корнем, а ризома, расширяющаяся и соединяющаяся во всех направлениях).

Ее идентичность – перформативна и изменчива: она примеряет и отбрасывает маски бунтарки, интеллектуалки, дочери. Ее беременность в финале романа от неизвестного отца (подразумеваются оба сына Самада) – мощный символ гибридного будущего:

And looking at her own child – a boy whose father could be one of two twins, whose ancestry was a glorious, unsolvable equation of Jamaica, England, Bengal, and beyond – she felt not anxiety, but a kind of awe. He was the future. A future nobody could design, predict, or control. A beautiful accident [Smith: 460]. (И, глядя на своего собственного ребенка – мальчика, чьим отцом мог быть любой из близнецов, чье происхождение было великолепным, неразрешимым уравнением из Ямайки, Англии, Бенгалии и чего-то ещё, – она чувствовала не тревогу, а нечто вроде благоговения. Он и был будущим. Будущим, которое никто не мог спроектировать, предсказать или контролировать. Прекрасной случайностью).

Это не запланированный проект, а стихийный акт принятия неопределенности и непрерывности жизни. Будущее ее ребенка принципиально непрочитаваемо и свободно от тотализирующих нарративов прошлого, указывая на единственно жизнеспособную, по Смит, модель – открытость становлению.

Зэди Смит в романе «Белые зубы» применяет специфические нарративные стратегии, например авторскую иронию. Ирония у Смит выступает многоуровневым инструментом деконструкции, который разоблачает внутреннее противоречие в тотализирующих идеологиях – расизме, религиозном фундаментализме или официальном мультикультурализме. Автор с легким сарказмом описывает даже самые драматичные ситуации. Это создает критическую дистанцию между читателем и идеологически-

ми позициями персонажей. Например, фанатичная ностальгия Самада Икбала, его попытка «исправить историю» через своих сыновей.

Смит активно использует художественное преувеличение (гиперболу) для доведения идеи до абсурда, после чего она саморазрушается. Например, в образе Маджида и его стерильном соответствии отцовским идеалам, что превращает его в карикатуру. Преувеличенность образа Миллета, «воинственного пакистанца», показывает его искусственность и вторичность, деконструируя саму идею «аутентичного» бунта, основанного на реактивных, а не подлинных импульсах.

Кульминацией иронической деконструкции становится абсурд. Абсурд у Смит – это не хаос, а логическое завершение неправильно поставленных задач, обнажающее их несостоятельность. Побег «Будущей мыши» – это абсурдный с точки зрения науки, но глубоко символический акт. Он демонстрирует, что реальная, живая, человеческая (и животная) жизнь всегда ускользает от любых идеологических схем.

Таким образом, роман Зэди Смит «Белые зубы» представляет собой сложную критическую рефлексию о кризисе британского мультикультурализма и поисках идентичности на рубеже тысячелетий. Последовательно применяя междисциплинарный теоретический аппарат (С. Холл, Х.К. Бхабха, Ф. Фанон, С. Ахмед, Э. Саид, М. Фуко), мы показали, как Смит переосмысляет классические постколониальные концепции, смещая фокус на внутренние конфликты иммигрантских сообществ и вторых-третьих поколений.

Анализ демонстрирует, что в романе мультикультурализм предстает не как успешная интеграционная политика, а как противоречивая «система управления различиями», порождающая новые формы отчуждения. Смит деконструирует как эссенциалистские проекты идентичности, основанные на тотальном контроле (религиозный фундаментализм Самада, научный рационализм Маркуса), так и стратегии полного отказа от прошлого (Арчи и Клара Джонс). Ключевым нарративным инструментом этой деконструкции выступает авторская ирония, принимающая формы пародии, гротеска и абсурда. Именно ирония позволяет Смит дистанцироваться от упрощенных решений и показать мультикультурную реальность как пространство неловких соседств, бытовых предубеждений и комических несоответствий, сопротивляясь как фундаментализму, так и официальному, «лакированному» мультикультурализму.

В финале романа Смит намечает альтернативу через фигуру Айри Джонс и ее нерожденного ребенка. Эта альтернатива заключается не в синтезе или выборе, а в принятии гибридности как перманентного процесса становления, открытого случайности и свободного от диктата тотализирующих идеологий прошлого. Тем самым «Белые зубы» не только

фиксируют кризис идентичности в мультикультурном обществе, но и предлагают эстетически убедительную модель посттравматического существования, основанную на иронии, гибкости и принятии неопределенности будущего.

Примечания

¹ Здесь и далее все переводы иноязычных текстов принадлежат автору статьи.

Список литературы

Источники

Smith Zadie. White Teeth. United Kingdom, 2000, 480 p.

Исследования

Саид Э. Ориентализм. Нью-Йорк: Пантеон Букс, 1978. 351 с.

Франц Фанон. Черная кожа, белые маски / пер. с франц. Д. Тимофеева. Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2022. 224 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет: пер. с франц. Москва: Касталь, 1996. 448 с.

Alfred A. Knopf. The Enigma of Arrival. New York, Alfred A. Knopf, 1987, 354 p.

Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2014, 256 p.

Ahmed S. On Being Included: Racism and Diversity in Institutional Life. Durham, Duke University Press, 2012, 243 p.

Bhabha H.K. The Location of Culture. London, Routledge, 1994, 285 p.

Hall S. Introduction: Who Needs 'Identity'? Questions of Cultural Identity, ed. by S. Hall, P. du Gay. London, Sage, 1996, pp. 1–17.

Hall S. Conclusion: The Multi-cultural Question. Unsettled Multiculturalisms: Diasporas, Entanglements, 'Transruptions', ed. by B. Hesse. London, Zed Books, 2000, pp. 209–241.

Lamming G. The Emigrants. London, Published by Michael Joseph, 1954, 271 p.

Said E.W. Orientalism. New York, Pantheon Books, 1978, 351 p.

Young R.J.C. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race. London, Routledge, 1995, 230 p.

References

Franc Fanon. *Chernaya kozha, belye maski* [Black Skin, White Masks]. transl. from French by D. Timofeev. Moscow, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh» Publ., 2022, 224 p. (In Russ.)

Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: raboty raznyh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality: works from various years], transl. from French. Moscow, Kastal' Publ., 1996, 448 p. (In Russ.)

Said E. *Orientalism* [Orientalism]. New York, Panteon Buks Publ., 1978, 351 p. (In Russ.)

Alfred A. Knopf. The Enigma of Arrival. New York, Alfred A. Knopf Publ., 1987, 354 p.

Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh, Edinburgh University Press Publ., 2014, 256 p.

Ahmed S. On Being Included: Racism and Diversity in Institutional Life. Durham, Duke University Press Publ., 2012, 243 p.

Bhabha H.K. The Location of Culture. London, Routledge Publ., 1994, 285 p.

Hall S. Introduction: Who Needs 'Identity'? Questions of Cultural Identity, ed. by S. Hall, P. du Gay. London, Sage Publ., 1996, pp. 1–17.

Hall S. Conclusion: The Multi-cultural Question. Unsettled Multiculturalisms: Diasporas, Entanglements, 'Transruptions', ed. by B. Hesse. London, Zed Books Publ., 2000, pp. 209–241.

Lamming G. The Emigrants. London, Publ. by Michael Joseph, 1954, 271 p.

Said E.W. Orientalism. New York, Pantheon Books Publ., 1978, 351 p.

Young R.J.C. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race. London, Routledge Publ., 1995, 230 p.

Статья поступила в редакцию 03.01.2026; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 03.01.2026; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 24.03.2026.

ДИАСПОРА КАК КАТЕГОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Коробко Кристина Вячеславовна, соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия, kristina.korobko@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-9432-8836>

Аннотация. В статье диаспора рассматривается как категория литературоведческого анализа, применимая к интерпретации памяти и этнической идентичности в китайско-американской прозе конца XX – начала XXI вв. Материал исследования составляют англоязычные художественные тексты авторов китайского происхождения, включенные в литературное пространство США, на примере произведений Эми Тан, Анчи Мин, Июнь Ли, Ребекки Ф. Куанг и Эмили С.Р. Пэн. Проблема исследования определяется переходом от социально-демографического понимания диаспоры к ее трактовке как аналитической рамки, позволяющей описывать, каким образом миграционный опыт и связь с родиной реальной и «воображаемой» преобразуются в художественную поэтику текста. Методологическую основу составляют теоретические модели диаспоры (У. Сафран, Р. Коэн) и концепции культурной памяти (М. Хальбвакс, Я. Ассман), а также интерпретационный и нарратологический анализ, направленный на выявление повторяющихся поэтических решений в корпусе материала. В результате выделяются типовые стратегии репрезентации памяти и идентичности: нарратив «семейного архива» и межпоколенческая передача опыта; перекодирование культурных знаков; двуязычие и транслингвальные включения как форма памяти; конфликт канона и архива. Делается вывод, что диаспора в данном корпусе выступает ракурсом интерпретации, позволяющим выявлять способы переработки опыта культурного разрыва в художественную поэтику, посредством чего этническая идентичность получает сюжетное и смысловое оформление.

Ключевые слова: диаспора, миграционный опыт, художественная поэтика, китайско-американская проза, этническая идентичность, культурная память, гибридная идентичность, транслингвизм.

Для цитирования: Коробко К.В. Диаспора как категория литературоведческой интерпретации памяти и этнической идентичности в китайско-американской прозе конца XX – начала XXI вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 147–153. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-147-153>

Research Article

DIASPORA AS A CATEGORY FOR LITERARY INTERPRETATION OF MEMORY AND ETHNIC IDENTITY IN CHINESE AMERICAN PROSE OF THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Kristina V. Korobko, Kazan (the Volga Region) Federal University, Kazan, Tatarstan autonomy, Russia; Lugansk Pedagogic University, kristina.korobko@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-9432-8836>

Abstract. The paper examines diaspora as a category of literary analysis applicable to the interpretation of memory and ethnic identity in Chinese American prose of the late 20th and early 21st centuries. The corpus comprises English-language literary texts by authors of Chinese origin situated within the U.S. literary field, represented by works by Amy Tan, Anchee Min, Yiyun Li, R.F. Kuang, and Emily X.R. Pan. The research problem is defined by a shift from a socio-demographic understanding of diaspora to its treatment as an analytical framework that enables one to describe how migratory experience and ties to both a real and an “imagined” homeland are transformed into the text’s poetics. The methodological framework draws on theories of diaspora (W. Safran, R. Cohen) and concepts of cultural memory (M. Halbwachs, J. Assmann), as well as interpretive and narratological analysis aimed at identifying recurrent poetic patterns across the corpus. The study delineates typical strategies of representing memory and identity – the “family archive” narrative and the intergenerational transmission of experience; the recoding of cultural signs; bilingualism and translanguing insertions as a mnemonic device; and the conflict between canon and archive. The paper concludes that, in the texts examined, diaspora functions as an interpretive perspective that

reveals how the experience of cultural rupture is reworked into literary poetics, whereby ethnic identity acquires narrative and semantic articulation.

Keywords: diaspora, migration experience, literary poetics, Chinese American prose, ethnic identity, cultural memory, hybrid identity, translanguaging.

For citation: Korobko K.V. Diaspora as a category for literary interpretation of memory and ethnic identity in Chinese American prose of the late 20th – early 21st centuries. *Vestnik of Kostroma State University*, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 147–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-147-153>

В современном литературоведении понятие диаспоры описывает не только социально-исторический факт расселения, но и особую *культурно-текстовую среду*, в которой коллективный опыт миграции и адаптации встраиваются в устойчивые нарративные модели. Диаспора выступает «пространством письма» – зоной, в которой переизобретаются язык, культурная память и субъектность, а этническая идентичность оформляется как гибридная конструкция: принадлежность к «родине» и «принимающему обществу» постоянно продуцируется и подвергается рефлексии в тексте.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в условиях глобализации и усиления миграционных процессов литература диаспоры становится одной из ключевых зон формирования новых моделей культурной и этнической субъектности и требует уточнения аналитического инструментария. Дополнительную значимость проблеме придает актуальная для современного литературоведения ориентация на изучение нарративов памяти: в диаспорной прозе прошлое является повествовательной конструкцией, организующей сюжет и систему ценностных акцентов. В этом отношении китайско-американская проза конца XX – начала XXI вв. выступает репрезентативным материалом, поскольку позволяет проследить, как семейная, межпоколенческая и культурная память становится механизмом сюжетного и смыслового оформления этнической идентичности, а также как языковые и жанровые гибриды фиксируют опыт культурной пограничности.

Понятие диаспоры сформировалось в междисциплинарном поле, однако в современном литературоведении оно продуктивно как категория анализа поэтики, позволяющая описывать способы художественного моделирования принадлежности и памяти в зоне пересечения культурных и языковых кодов. Не менее важно то, что диаспора мыслится не как «тема», а как *оптика чтения и модель художественного мира*. В зарубежных исследованиях [Safran; Cohen] диаспора задает понятийную рамку для обсуждения устойчивых моделей «родины», мотивов утраты и возвращения, а в культурной теории и литературной критике осмысливается как способ художественного высказывания [Chow; Ma; Shih]. Принципиально важно, что диаспора рассматривается не как «внешний социальный фон» ми-

грации, а как структурирующий принцип литературного текста. Так, в работах по мультикультурализму и этническим литературам США [Ань; Ващенко; Марченко; Тлостанова] обозначается, что «пограничные» литературы производят собственные эстетические формы – от гибридных жанров до особых стратегий репрезентации инаковости. Также стоит отметить, что существенным методологическим ресурсом для литературоведческого анализа диаспорной прозы выступают исследования культурной памяти [Ассман; Хальбвакс; Assmann; Hirsch], что согласуется с отечественной традицией описания культуры как механизма хранения и переработки смыслов [Лотман]. Наконец, применительно к корпусу китайско-американской прозы значимы отечественные исследования [Бутенина; Букатая], в которых внимание переносится с бинарных оппозиций культурной принадлежности на анализ промежуточных и гибридных форм идентичности в художественном тексте. Характеризуя трансформацию исследовательской парадигмы, Е.М. Бутенина отмечает: «Современный мультикультурный подход открыл, что возможны различные промежуточные образования, пограничные феномены, гибриды, которые, очевидно, и являются наиболее характерными для сегодняшней культурной ситуации» [Бутенина].

Цель статьи состоит в обосновании диаспоры как категории литературоведческой интерпретации и в выявлении того, каким образом в китайско-американской прозе конца XX – начала XXI вв. репрезентация памяти функционирует как механизм конструирования этнической идентичности.

Материал исследования составляют произведения китайско-американской прозы конца XX – начала XXI вв. Под китайско-американской прозой в настоящей работе понимаются англоязычные художественные тексты авторов китайского происхождения, включенные в литературное пространство США и адресованные преимущественно американскому читателю; при этом обращение к китайскому культурному наследию не ограничивается лишь внешней тематикой. Корпус включает тексты пяти авторов, репрезентирующие разные поколения эмиграции и типы диаспорного самосознания. Эми Тан (китайско-американская проза семейной памяти) представляет модель, в которой этническая идентичность реализуется через материнско-дочерний/сестринский

нарративы, семейную хронику и ретроспективную композицию. Анчи Мин (автобиография и исторический роман) соединяет личное свидетельство и реконструкцию «большой» истории, включая травматический опыт и историческую память в англоязычную повествовательную форму. Июнь Ли (психологическая проза с акцентом на фрагментарность и «ненадежность» памяти и травматическое прошлое) показывает, как прошлое встраивается в повествование через различные субъективные версии событий, превращая память в ключевой механизм рефлексии. Ребекка Ф. Куанг вводит в анализ тексты, в которых вопрос о том, кто имеет право говорить от имени культуры и как язык становится инструментом власти, выносится в центр сюжета и одновременно осмысливается на метатекстовом уровне. Эмили С.Р. Пэн представляет «поздний» сегмент китайско-американской прозы, ориентированный на подростковую аудиторию (*young adult*): в ее текстах проблематика идентичности и семейной памяти раскрывается через призму взросления, переживания утраты и эмоциональной травмы. Таким образом, временной диапазон материала (от 1989 до 2023 г.) позволяет проследить эволюцию китайско-американской литературной традиции от семейно-мемуарных и «романных» форм памяти к текстам, где этническая принадлежность и способы культурной репрезентации получают художественное осмысление с помощью усложнения нарративной перспективы, усиления метатекстового компонента и расширения жанрового спектра.

В связи с возможной вариативностью употребления понятий в исследовательской традиции введем терминологическое уточнение. В настоящей статье «диаспора» используется прежде всего как категория литературоведческого анализа, позволяющая описывать способы художественного моделирования в текстах, возникающих в ситуации миграционного/транснационального опыта. Употребление определения «диаспорный» относится не к «жанру» или «национальной литературе» в целом, а к поэтическим и нарративным механизмам, формирующим в тексте образ идентичности. «Литература диаспоры / диаспорная литература» далее используется в рабочем смысле как обозначение корпуса художественных произведений, созданных авторами эмиграции первого и последующих поколений; при этом в рамках данного исследования материал конкретизируется как китайско-американская проза. Таким образом, диаспора выступает аналитической категорией, а китайско-американская проза – обозначением рассматриваемого корпуса.

Итак, категория пограничности позволяет описать диаспорную субъектность через режим *жизни-на-границе* (между языками, нормами, историческими

нарративами, эстетическими канонами). Сообщества могут «усиливать» или «ослаблять» связь с родиной, менять стратегии видимости/невидимости, а идентичность – зависеть от политических и культурных условий. На уровне текстовой организации мотив гибридной идентичности обычно маркируется следующими приемами и сюжетными узлами: *фигура посредника / переводчика* (буквального или символического): персонаж, который вынужден объяснять «свое» чужим и «чужое» своим – Робин Свифт из романа Ребекки Ф. Куанг «Вавилон. Сокрытая история» (*Babel, or the Necessity of Violence*, 2022) или авторская фигура Анчи Мин в ее мемуарах «Красная азалия» (*Red Azalea*, 1994); *сюжеты множественной принадлежности*: не «выбор между», а сосуществование несовпадающих лояльностей (семья / карьера, родной язык / язык успеха, память предков / норма гражданства) – конфликт поколений в творчестве Эми Тан, в частности в романах «Клуб радости и удачи» (*The Joy Luck Club*, 1989), «Жена кухонного бога» (*The Kitchen God's Wife*, 1991), «Сто тайных чувств» (*The Hundred Secret Senses*, 1995) и т. д.; *дискурс стыда / акцента / имени*: имя, произношение, «ошибка» в неродном языке превращаются в маркеры включенности / исключенности – главная героиня из «Ослепительный цвет будущего» (*The Astonishing Color of After*, 2018) Эмили С.Р. Пэн, Ли, практически не знает китайского языка, что лишает возможности восстановить внутреннюю связь с культурой матери и полноценно прожить опыт ее скоропостижной утраты; *раздвоенный хромотоп*: параллель «там / здесь» задается не географически, а как два режима времени – время памяти (возврат в коллективное / личное прошлое, травматическая петля) и время адаптации (ускоренный ритм жизни, практическая направленность, ориентация на социальную мобильность) – двойная временная линия в сюжете романа «Добрее одиночества» (*Kinder Than Solitude*, 2014) Июнь Ли выстраивается как чередование воспоминаний о детстве главных героев, проведенном в Пекине до травматического события, определившего их дальнейшие судьбы, и повествования об их взрослой жизни в Китае и за его пределами, протекающего уже в режиме адаптации и дистанцированного настоящего; *эстетика гибридности*: смешение жанров (мемуар / роман / эссе), монтаж документов и вымысла, интертекстуальная «двойная адресация» (к канону родины и к канону принимающей культуры) – романы Анчи Мин «Стать Мадам Мао» (*Becoming Madame Mao*, 2001), «Императрица Орхидея» (*Empress Orchid*, 2004), «Воспоминания императрицы» (*The Last Empress*, 2007) как альтернативная версия национальной истории.

Вышеперечисленное позволяет прийти к выводу, что художественные тексты диаспоры выполня-

ют двойную функцию: с одной стороны, они создают *архив* культурных практик «покинутого» мира; с другой – демонстрируют, как коллективная память неизбежно изменяется под воздействием иных языков, институтов и норм и становится основой для новой гибридной идентичности. Для анализа диаспорной литературы это различие принципиально – художественный текст часто становится средством перехода от семейной/устной памяти к культурной, «закрепленной» форме, и наоборот, что на уровне поэтики проявляется в типовых стратегиях:

1. **Нарратив «семейного архива».** Романы и мемуарные тексты строятся как собрание свидетельств (письма, дневники, семейные легенды), где личное становится метонимией истории. Внутри этого механизма особенно заметно то, что М. Хирш обозначает как *постпамять* – межпоколенческую передачу опыта (в том числе травматического), который «второе поколение» помнит как бы «своим», хотя получает его через рассказы, образы, поведенческие сценарии [Hirsch]. Например, в романе Эми Тан «Сто тайных чувств» одна из главных героинь, Гуань, утверждает, что в своей прошлой жизни жила в небольшой деревне на склоне Чертополоховой горы, расположенной к югу от Чанмяня, в период восстания тайпинов (1850–1864) – одного из крупнейших крестьянских восстаний в истории Китая, направленного против маньчжурской династии Цин. Вспоминая о своей прошлой жизни, она рассуждает: «А какая моя страна? А народ? А семья? На первые два вопроса я сразу знала ответы. Моя страна – Китай, и ей я принадлежала. Я принадлежала к хакка. Но что касалось последнего вопроса, то тут мы с Ибанем были похожи: я не принадлежала никому, только самой себе. Посмотри на меня, Либби-а. Теперь я принадлежу множеству людей. У меня есть семья, у меня есть ты...» [Тан 2025: 213]. Таким образом, память у Эми Тан выступает как форма духовного опыта, связывающая временные линии в единое поле культурной и этнической идентичности. Память о прошлых жизнях становится философским механизмом осмысления судьбы, позволяя осознать смысл принадлежности, родства и любви, выходящих за рамки времени и пространства.

2. **Перекодирование культурных знаков.** Мифы, ритуалы, национальные метанарративы (о родине, происхождении, коллективном историческом опыте) в диаспорном тексте редко сохраняются в «чистом» виде; они переводятся на язык новой аудитории, вступают в диалог с чужой культурной семиосферой, иногда – иронизируются, фрагментируются, соединяются с поп-культурой принимающей страны. Эта трансформация не отменяет факта памяти, а меняет ее режим: память становится *переводимой* и *коммуникативной* в транснациональном поле. Так, в одном из романов

Эми Тан – «Кухонный бог и его жена» – обнаруживается переосмысление легенды о Кухонном боге, который, несмотря на то что, будучи человеком, не вел добродетельный образ жизни и предал свою жену, тем не менее был помилован Нефритовым императором и возведен в ранг божества, которому в китайской традиции воздвигались домашние алтари и оказывалось почитание. В конце произведения главная героиня, Уинни Лю, дарит статую для домашнего алтаря своей дочери: «Она будет там жить, но никто не станет называть ее “миссис Кухонный бог”. С чего бы ей носить это имя, раз они с мужем в разводе? <...> Леди Беспечальная. Та, что превращает горе в счастье и не оставляет сожалений» [Тан 2020: 603–605]. Тем самым традиционный миф перекодируется в персонализированный символ женского достоинства и автономии, адресованный уже не коллективной ритуальной практике, а индивидуальному опыту и межпоколенческому диалогу в диаспорном контексте.

3. **Двуязычие и транслингвальные практики как форма памяти.** Включения «родного» языка (лексика, имена собственные, речевые формулы) работают как маркеры культурной принадлежности и одновременно – как напоминание о непереводаемом остатке опыта. Диаспорный текст нередко обращается к категориям телесности и быта, закодированных в слове, – названия национальных блюд, семейные обращения, топонимы, а также в слова, фиксирующие вкусовые, тактильные и пространственные ощущения, – благодаря чему лингвистическая деталь приобретает функцию носителя этнокультурной памяти. В «Ослепительный цвет будущего» Эмили С.Р. Пэн мы читаем следующее: «В магазине также продают *fantuan* – это блюдо я знаю: рисовые пирожки с начинкой из сладкой сушеной свинины *song*, красновато-коричневые и пушистые, как хлопок. В начальной школе я как-то принесла *fantuan* на обед. Когда мои одноклассники увидели начинку *rousing*, то принялись дразнить меня, приговаривая, что я ем пряжу и потом буду кашлять волосяными шариками, как кошка» [Пэн: 90]. Непереводаемые на английский язык реалии Китая сохраняются в тексте как знаки «своего» культурного пространства, однако их присутствие сопровождается переживанием стыда. Языковая отличность запускает механизм насмешки и отчуждения, превращая еду – традиционный носитель памяти и семейной идентичности – в источник уязвимости. Важно подчеркнуть, что этот эпизод относится к подростковой прозе (*young adult*), в рамках которой тема идентичности обычно разворачивается в контексте школьной социализации, зависимости от мнения сверстников и переживания телесной/бытовой «видимости» инаковости.

4. **Конфликт канона и архива.** Диаспорная литература нередко выступает как «архивирующая»

практика: она возвращает маргинализированные сюжеты (женский опыт миграции, бытовую историю, локальные и индивидуальные травмы), которые не включены в официальный национальный канон – ни исходной культуры, ни принимающей страны. «Культурная память питает традицию и коммуникацию, но не исчерпывается ими» [Ассман: 22]. Роман «Стать Мадам Мао» Анчи Мин наглядно демонстрирует описанный выше конфликт: официальный исторический канон представляет образ Цзян Цин как однозначно негативный символ культурной революции, тогда как художественное повествование возвращает в культурную память вытесненный индивидуальный и гендерный опыт. Это особенно ясно проявляется в финальном обращении героини, когда она принимает свою мифологическую природу и обращается к читателям как к зрителям спектакля, в котором сыграла предначертанную роль: «Что ж, пора уходить со сцены. Помните, что вы всегда будете встречать мое имя в книгах о Китае. Не удивляйтесь, если оно будет кое-где вымарано. <...> Я играла со всей страстью и любовью. Те, кто очарован мною, могут сейчас аплодировать. Ну а те, кто возненавидел меня, могут плюнуть. И все же я благодарю вас всех за то, что вы пришли ко мне» [Мин: 443].

Таким образом, обращение диаспорной литературы к мотивам вытесненной памяти и частного переживания создает условия для переосмысления не только исторического прошлого, но и самой этнической идентичности как категории художественного сознания. Особую роль в этом процессе играет женская и межпоколенческая перспектива. Женские персонажи и рассказчицы выступают исполнителями культурной передачи, в рамках которой этническая идентичность воссоздается посредством семейных историй, телесной памяти и опыта миграции. Показательно, что в литературе китайской диаспоры наблюдается значительно более высокая представленность авторов женского пола: Эми Тан, Максин Хонг Кингстон, Юн Чжан, Чжан Лин, Гиш Джен, Июнь Ли, Джин Квок, Го Сяолу, Анчи Мин и др. Произведения женской эмигрантской волны нередко обращаются к историческим и семейным нарративам, для них не характерен феминистский откровенный протест, «они не спорят, но выражают свой взгляд на окружающий мир, их произведения полны чувства собственного достоинства и покоя» [Букатая: 6].

Представленные положения можно проследить на материале романа Эми Тан «Долина забвения» (*The Valley of Amazement*, 2013), в котором двойная этническая идентичность раскрывается через женский опыт культурной пограничности, что особенно ярко проявляется в судьбе главной героини Вайолет, которую обманом разлучают с матерью и продают в китайский бордель. В этой ситуации

звучит жестокая формула ее положения: «Однажды судьба распорядилась так, что ты родилась американкой. И судьба же отняла у тебя все права. Теперь ты – полукровка, половина тебя от крови твоего отца – китаец, маньчжура, кантонца, кем бы он ни был. Ты цветок, который будут срывать снова и снова. Ты находишься на дне общества» [Тан 2021: 140]. Принадлежность к двум культурам становится источником ее уязвимости и одновременно основой для формирования специфического женского опыта. Двойственность культурной принадлежности неизбежно порождает внутренние конфликты, связанные с невозможностью однозначного выбора идентичности. Подобная двойственность проявляется как в переживаниях героини, стремящейся обрести устойчивое «я», так и в ее столкновениях с внешними социальными нормами: «Но чем бы я ни занималась, я боялась неизвестного отца, проявлявшегося в моей крови. Неужели его характер тоже проявится, и я стану еще более походить на китайцев? И если это случится, к какому миру я тогда буду принадлежать?» [Тан 2021: 59]. Мы можем наблюдать не только страх Вайолет перед «чужой» частью собственного происхождения, но и более широкий культурный кризис идентичности, связанный с невозможностью интеграции в единую культурную традицию.

Сделанные наблюдения позволяют рассматривать диаспору как продуктивную категорию литературоведческой интерпретации, выявляющую связь между поэтикой текста и механизмами памяти, через которые оформляется этническая идентичность. На материале китайско-американской прозы конца XX – начала XXI в. установлено, что память в диаспорном письме выступает организующим принципом повествования. В корпусе произведений выявлены устойчивые стратегии репрезентации памяти и идентичности: моделирование «семейного архива» как формы культурной передачи, перекодирование знаков исходной традиции в условиях иной культурной среды, двуязычные и транслингвальные включения как средство фиксации опыта культурной принадлежности, а также конфликт канонического исторического нарратива и «архивирующей» функции художественного текста. Совокупность этих приемов формирует художественную модель пограничной субъектности. Литературоведческая значимость полученных результатов состоит в том, что указанные стратегии описываются как элементы поэтики – как способы организации нарратива, композиции и речевой структуры, – и тем самым позволяют анализировать диаспорный опыт не на уровне социологической типологии миграции, а на уровне художественной формы, при помощи которой формируются смысловые и ценностные акценты текста. Такой подход уточняет инструментарий исследования транскультурной прозы:

он показывает, какие именно формальные механизмы обеспечивают превращение культурной памяти в сюжетную динамику и в систему образов, а также каким образом перестраиваются традиционные модели повествования и репрезентации исторического опыта в литературе.

Перспективы дальнейшего исследования связаны, во-первых, с расширением корпуса за счет сравнения китайско-американской прозы с текстами других ветвей китайской диаспоры и с современной прозой материкового Китая, что позволит точнее описать специфические и универсальные механизмы работы памяти в условиях культурного разрыва. Во-вторых, требует отдельной разработки соотношение личной, семейной и культурной памяти в гендерной перспективе, включая способы представления женского опыта миграции и межпоколенческой передачи травматического прошлого.

Список литературы

Источники

Куанг Р.Ф. Вавилон, или Необходимость насилия: сокрытая история революции оксфордских переводчиков / пер. с англ. Н. Рокачевской. Москва: Эксмо, 2024. 640 с.

Куанг Р.Ф. Йеллоуфейс / пер. с англ. А. Шабрина; под ред. И. Куралесиной, Н. Никитиной. Москва: Эксмо, 2025. 432 с.

Куанг Р.Ф. Опиумная война / пер. с англ. Н. Рокачевской. Москва: Эксмо, 2022. 480 с.

Ли Июнь. Добрее одиночества / пер. с англ. Л. Мотылева. Москва: АСТ: CORPUS, 2018. 416 с.

Мин Анчи. Воспоминания императрицы / пер. с англ. Н. Вуля. Санкт-Петербург: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 462 с.

Мин Анчи. Статья Мадам Мао / пер. с англ. М. Павловой. Москва: Гелеос, 2006. 448 с.

Мин Анчи. Императрица Орхидея / пер. с англ. М.Л. Карасева. Москва: Гелеос, 2007. 512 с.

Пэн Эмили С.Р. Ослепительный цвет будущего / пер. с англ. А. Захарьевой. Москва: Porcogn Books, 2023. 512 с.

Тан Эми. Долина забвения / пер. с англ. А. Лазаревой. Санкт-Петербург: Аркадия, 2021. 656 с.

Тан Эми. Клуб радости и удачи / пер. с англ. О. Савоскул. Санкт-Петербург: Амфора. ТИД Амфора, 2007. 414 с.

Тан Эми. Кухонный бог и его жена / пер. с англ. Н. Кузовлевой. Санкт-Петербург: Аркадия, 2020. 608 с.

Тан Эми. Сто тайных чувств / пер. с англ. Н. Власовой. Москва: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. 512 с.

Min Anchee. Red Azalea. New York, Berkley Books, 1994, 306 p.

Исследования

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. Москва: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 416 с.

Ань Л. Этническая идентичность и отечественная культура сквозь призму онтологии предметов на материале рассказа Кена Лю «Бумажный зоопарк» // Современное педагогическое образование. 2025. № 7. С. 373–376.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольский. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Букатая А.М. Развитие современной китайской женской прозы // Карповские научные чтения. Минск: Белорусский Дом печати, 2015. Вып. 9, ч. 2. С. 3–7.

Бутенина Е.М. Гибридная идентичность как литературная проблема: На материале китайско-американской женской прозы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 26 с.

Ващенко А.В. Мексикано-американская (чикаго) этническая литература на пути к трансграничью // Язык. Словесность. Культура. 2013. № 2-3. С. 69–80.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 200–202.

Марченко Т.В. Гибридная языковая личность как междисциплинарная проблема // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. материалов III Национал. (Всерос.) науч.-практ. конф. с междунар. участием; Благовещенск, 17–26 дек. 2024 г. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2025. С. 87–90.

Глостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. Москва: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 399 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. Москва: Новое изд-во, 2007. 348 с.

Assmann J. Communicative and Cultural Memory. The Geographical Point of View. Knowledge and Space. Springer, 2011, vol. 4, pp. 15–27. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8945-8_2

Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. London, New York, Routledge, 2008, 219 p.

Chow R. Writing Diaspora: Tactics of Intervention in Contemporary Cultural Studies. Bloomington, Indiana University Press, 1993, 223 p.

Hirsch M. Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory. Cambridge, Harvard University Press, 1997, 304 p.

Ma S.-m. Immigrant Subjectivities in Asian American and Asian Diaspora Literatures. Albany, SUNY Press, 1998, 188 p.

Safran W. *Diaspora in Modern Societies: Myths of Homeland and Return*. *Diaspora A Journal of Transnational Studies*, 1991, vol. 1, pp. 83–99. <https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004>

Shih S.-M. *Visuality and Identity: Sinophone Articulations across the Pacific*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2007, 243 p.

References

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], trans. from English by V. Nikolaeva. Moscow, Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2001, 416 p. (In Russ.)

An' L. *Etnicheskaia identichnost' i otechestvennaia kul'tura skvoz' prizmu ontologii predmetov na materiale rasskaza Kena Liu "Bumazhnyi zoopark"* [Ethnic Identity and National Culture Through the Ontology of Things: A Study of Ken Liu's "The Paper Menagerie"]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2025, no. 7, pp. 373–376. (In Russ.)

Assmann J. *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination], trans. from German by M.M. Sokol'skii. Moscow, Iazyki slavianskii kul'tury Publ., 2004, 368 p. (In Russ.)

Bukataia A.M. *Razvitie sovremennoi kitaiskoi zhen'skoi prozy* [The Development of Contemporary Chinese Women's Prose]. *Karpovskie nauchnye chteniia* [Karpov Scientific Readings], 2015, no. 9, p. 2, pp. 3–7. (In Russ.)

Butenina E.M. *Gibridnaia identichnost' kak literaturnaia problema: na materiale kitaisko-amerikanskoi zhenskoi prozy XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Hybrid Identity as a Literary Problem: A Study of 20th-Century Chinese American Women's Prose]. Moscow, 2006, 26 p. (In Russ.)

Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamiati* [The Social Frameworks of Memory], trans. from French and with an introductory essay by S.N. Zenkin. Moscow, Novoe izd-vo Publ., 2007, 348 p. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Pamiat' v kul'turologicheskom osveshchenii* [Memory in a Cultural Studies Perspective]. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1* [Selected Articles: in 3 vols. Vol. 1]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 200–202. (In Russ.)

Marchenko T.V. *Gibridnaia iazykovaia lichnost' kak mezhdistsiplinarnaia problema* [The Hybrid Linguistic Personality as an Interdisciplinary Problem]. *Aktual'nye*

problemy lingvistiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii: sb. materialov III Natsional. (Vseros.) nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem [Current Issues of Linguistics and Intercultural Communication: Proceedings of the 3rd National (All-Russian) Scientific and Practical Conference with International Participation], 7–26 December 2024. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2025, pp. 87–90. (In Russ.)

Tlostanova M.V. *Problema mul'tikulturalizma i literatura SShA kontsa XX veka* [The Problem of Multiculturalism and U.S. Literature of the Late Twentieth Century]. Moscow, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (IMLI RAS), Nasledie Publ., 2000, 399 p. (In Russ.)

Vashchenko A.V. *Meksikano-amerikanskaia (chikano) etnicheskaia literatura na puti k transgranich'iu* [Mexican-American (Chicano) Ethnic Literature on the Path toward the Transborder]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2013, no. 2–3, pp. 69–80. (In Russ.)

Assmann J. *Communicative and Cultural Memory. The Geographical Point of View. Knowledge and Space*. Springer, 2011, vol. 4, pp. 15–27. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8945-8_2.

Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction*. London, New York, Routledge Publ., 2008, 219 p.

Chow R. *Writing Diaspora: Tactics of Intervention in Contemporary Cultural Studies*. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1993, 223 p.

Hirsch M. *Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1997, 304 p.

Ma S.-m. *Immigrant Subjectivities in Asian American and Asian Diaspora Literatures*. Albany, SUNY Press Publ., 1998, 188 p.

Safran W. *Diaspora in Modern Societies: Myths of Homeland and Return*. *Diaspora A Journal of Transnational Studies*, 1991, vol. 1, pp. 83–99. <https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004>.

Shih S.-M. *Visuality and Identity: Sinophone Articulations across the Pacific*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press Publ., 2007, 243 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 154–159. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 154–159. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1'37

EDN EOSDVE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-154-159>

РОЛЬ ОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СКАЗКЕ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «КАРАСЬ-ИДЕАЛИСТ»

Брысина Татьяна Николаевна, соискатель, Государственный университет просвещения, Москва, Россия; ГБПОУ МО «Серпуховский колледж», г. о. Серпухов, пос. Большевик, Россия, tania.brygina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1103-1341>

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика употребления односоставных глагольных определённо-личных предложений в сатирическом произведении М.Е. Салтыкова-Щедрина. Проведён структурно-семантический анализ различных композиционно-речевых структур художественного текста из сказки писателя, в которых содержатся определённо-личные предложения. В процессе анализа обращено внимание на семантические и структурные особенности главного члена односоставного предложения. Выявлено, что одним из приёмов сатиры в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина является употребление разнообразных синтаксических конструкций, включающих определённо-личные предложения. Это связано с композиционными особенностями художественных текстов и замыслом писателя. Определённо-личные предложения используются как в диалогической, так и в монологической речи. Частотность их употребления зависит от специфики построения текста. Определённо-личные предложения оживляют повествование, придают тексту динамику и лаконизм. Одно из свойств данных синтаксических конструкций заключается в том, что они приближают язык художественного текста к разговорному стилю, свойственному жанру сказки. Результаты исследования дополняют информацию о специфике языка произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина. Используемые принципы разбора предложений могут быть применены при изучении произведений разных авторов.

Ключевые слова: диалог, М.Е. Салтыков-Щедрин, описание, определённо-личное предложение, повествование, рассуждение, текст, фрагмент

Для цитирования: Брысина Т.Н. Роль определённо-личных предложений в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист» // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 154–159. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-154-159>

Research Article

THE ROLE OF DEFINITE-PERSONAL SENTENCES IN THE TALE “THE IDEALIST CARP” BY MIKHAIL SALTYKOV-SHCHEDRIN

Tatiana N. Brygina, applicant, Federal State University of Education, Moscow; Serpukhov College, Bolshevik settlement, Serpukhov urban area, Moscow Region, tania.brygina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1103-1341>

Abstract. This article examines the specifics of the use of one-member compound verb definite-personal sentences in a satirical text by Mikhail Saltykov-Shchedrin. Structural and semantic analysis of various compositional and speech structures of the author's tale artistic text, which contains definite-personal sentences, is carried out. During the analysis, attention is drawn to the semantic and structural features of the main member of a one-member compound sentence. It is revealed that among the satiric techniques of e in Saltykov-Shchedrin's tale, there is the use of a variety of syntactic constructions that represent definite-personal sentences. Their use is related to the compositional features of artistic texts and the writer's intention. Definite-personal sentences are used in both dialogical and monologue speech. The frequency of their use depends on the specifics of the text structure. Definite-personal suggestions enliven the narrative, giving dynamics and laconism to the text. The properties of these syntactic constructions include those which bring the tale language closer to the conversational style of the genre. The results of the study complement the information about the specifics of the language of Saltykov-Shchedrin's texts. The principles of sentence analysis used, can be applied when studying the texts of different authors.

Keywords: dialogue, Mikhail Saltykov-Shchedrin, description, definite-personal sentences, narrative, reasoning, text, fragment.

For citation: Brygina T.N. The role of definite-personal sentences in the tale “The Idealist Carp” by Mikhail Saltykov-Shchedrin. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 154–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-154-159>

Вопрос односоставности предложения не теряет своей актуальности. Острота противостояния сторонников и противников не ослабевает. В настоящее время и среди учёных – сторонников односоставности существует много спорных вопросов по классификации односоставных предложений, отнесению предложений к односоставным или двусоставным, разграничению между собой односоставных предложений. В школьных и вузовских учебниках отсутствуют чёткие алгоритмы определения типов и подтипов односоставных глагольных личных предложений. Большую трудность испытывают обучаемые при определении структуры и семантики односоставных предложений в составе текстов художественной литературы. Особенно много разногласий по поводу определённо-личных предложений. Выделенные А.А. Шахматовым, они длительное время не имели статуса односоставных [Грамматика-54]. Определённо-личные предложения вновь причислены к односоставным предложениям в учебнике А.Н. Гвоздева в 1968 г.

В дальнейшем вышли в свет вузовские учебные пособия по русскому синтаксису (авторами являются В.В. Бабайцева, Н.С. Валгина, Е.М. Галкина-Федорук, П.А. Лекант и другие учёные), в которых также представлен раздел, посвященный односоставным предложениям.

В настоящее время всё больше исследований направлено на изучение текста как языкового явления, включающего в себя предложение в качестве образующего элемента. В свете этого изучение односоставных предложений в составе различных типов текста представляет необычайный интерес. Ведь независимо от того, принимать или не принимать как грамматический факт существование односоставных предложений, объективно они существуют и находят широкое применение в речи и текстах.

Данная статья посвящена исследованию функционирования определённо-личных предложений на примере текста сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист».

В 2026 г. отмечается 200 лет со дня рождения великого русского сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. В своём творчестве он продолжил традиции Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, а также внёс новое в сатиру как жанр. На страницах произведений писатель обсуждал острые вопросы своего времени: несправедливость, трусость, хищничество, пассивность, безволие и пр. Эти вопросы актуальны и сегодня. Творческим итогом Салтыкова-Щедрина стало обращение к сказкам. Новаторство писателя заключается в том, что он создал новый жанр – сатирическая сказка. Его произведения содержат обобщения и осмеяние существующих порядков в обществе («Дикий помещик», «Коняга», «Карась-идеалист», «Самоотверженный заяц» и др.).

Среди используемых автором сатирических приёмов прежде всего следует назвать гиперболу, антитезу, афоризмы, авторскую иронию. Язык сказок близок к устному народному творчеству, к разговорной речи. Высокая частотность употребления односоставных определённо-личных предложений также является особенностью разговорной речи.

Целью работы стало выявление структурно-семантических особенностей определённо-личных предложений в композиционно-речевых структурах художественного текста. Алгоритм такого анализа представлен в работах: «Специфика употребления определённо-личных предложений в художественных текстах различных функционально-смысловых типов речи» [Брысина 2016], «Роль определённо-личных предложений в прозе А.И. Куприна» [Брысина 2025].

Структурно-семантические особенности определённо-личного предложения. В данной работе делается попытка раскрыть потенциал односоставных определённо-личных предложений в художественном тексте, предлагается связать функционирование подтипов этих предложений с особенностями их структурных схем. Теоретической базой исследования служат труды отечественных лингвистов: В.В. Бабайцевой, Н.С. Валгиной, В.В. Виноградова, Е.М. Галкиной-Федорук, П.А. Леканта, Т.Е. Шаповаловой, А.А. Шахматова и других учёных.

За основу анализа взята концепция Т.Е. Шаповаловой, в которой она, опираясь на труды П.А. Леканта, выделяет и исследует спрягаемо-личный, спрягаемо-инфинитивный, связочно-именной, связочно-модально-инфинитивный подтипы односоставных глагольных предложений [Шаповалова].

В соответствии с этой концепцией предлагается применительно к определённо-личным предложениям выделить три подтипа предложений:

- определённо-личные с главным членом в форме полнозначного глагола, спрягаемо-личные предложения;
- определённо-личные с главным членом, представленным сочетанием спрягаемой формы фазисного или модального глагола с инфинитивом, спрягаемо-инфинитивные предложения;
- определённо-личные с главным членом, представленным сочетанием спрягаемой формы связки с именным компонентом, связочно-именные предложения.

На практике наиболее изучены спрягаемо-личные определённо-личные предложения по причине более простого их выделения и определения в текстах. Другие подтипы определённо-личных предложений изучены недостаточно.

В качестве отличительной особенности определённо-личных предложений П.А. Лекант отмечает следующее. «В определённо-личных предложениях

выражается действие (признак), соотносённое с определённым деятелем (носителем признака), который, однако, словесно не обозначен. Указание на конкретного деятеля содержится в формах глаголов 1–2-го лица, а также повелительного наклонения, которые выступают в роли главного члена предложения (или входят в состав главного члена в качестве вспомогательного компонента): «*После этого буду свободен?*» – «*После этого можете убираться ко всем чертям*» (А. Т.) [Лекант 2004: 135].

Таким образом, указанные формы глаголов могут участвовать в трёх подтипах определённо-личных предложений. Это обстоятельство придаёт особую актуальность и новизну исследованию этих предложений.

Среди полнозначных глаголов, используемых в роли главного члена определённо-личных предложений, П.А. Лекант различает лексико-грамматические разряды акциональных и неакциональных глаголов [Лекант 2009: 508].

Для языка сказки «Карась-идеалист» М.Е. Салтыкова-Щедрина характерны акциональные глаголы со значением физического действия: «*Брысь... заколю!*» [Салтыков-Щедрин: 441]; неакциональные глаголы зрительного восприятия: «*Вот ужю увидишь!*» [Салтыков-Щедрин: 439]; глаголы ментального действия: «*Не знаю*» [Салтыков-Щедрин: 444]; стальные: «*Дождись! – иронизировал ёриш*» [Салтыков-Щедрин: 440]; реляционные: «*Хоть ты мне и супротивник, – начала опять первая щука, – да, видно, горе моё такое: смерть диспуты люблю! Будь здоров, начинай!*» [Салтыков-Щедрин: 447].

В произведении М.Е. Салтыкова-Щедрина широко используется спрягаемо-личный структурно-семантический подтип определённо-личного предложения, в котором главный член выражен синтетическим способом: либо в одном слове: «*В первый раз слышу*» [Салтыков-Щедрин: 446] – одной лексической единицей передаётся и вещественное, и грамматическое значение главного члена; либо лексикализированным сочетанием слов: «– *Держи карман!*» [Салтыков-Щедрин: 440]. Фразеологическая единица – одна лексикализованная единица – *держи карман <шире>* передаёт вещественное значение главного члена: «Не надейся, не рассчитывай на что-либо, не жди чего-либо. О напрасных ожиданиях, расчётах и т. п.» [Молотков: 138]. Грамматическое значение главного члена содержится в спрягаемом глаголе лексикализованной единицы. Это значение ирреальной модальности в объективном аспекте, семантика синтаксической временной неопределённости и синтаксического второго лица.

Главный член спрягаемо-личного подтипа определённо-личного предложения может иметь осложнённую форму, в которой осложнение осуществляется

за счёт частицы, восходящей к глаголу – слову знаменательной части речи: «*Поди проспись!*» [Салтыков-Щедрин: 446]. Благодаря частице *поди* в главном члене и во всей конструкции проявляется осложняющая грамматическая семантика приступа к действию *проспись*.

Спрягаемо-личный подтип определённо-личного предложения используется писателем в коротких репликах героев сказки. В них главный член имеет форму 1-го лица единственного числа изъявительного наклонения или 2-го лица единственного числа повелительного наклонения: «*Дождись! – иронизировал ёриш*» [Салтыков-Щедрин: 440]; «*И дождусь! – отзывался карась. – И не я один, все дождутся*» [Салтыков-Щедрин: 440]. То же наблюдается в структуре сложносочинённого предложения: «*Схоронился, где погуще, и молчи, остолоп!*» [Салтыков-Щедрин: 440].

В сложноподчинённых предложениях определённо-личные конструкции используются в роли главной предикативной единицы, не распространённой второстепенными членами и неполной, нуждающейся в облигаторном дополнении, в роли которого выступает придаточная часть: «*Сравни, что некогда было, с тем, что есть, – и ты без труда согласишься, что не только внешние приёмы зла смягчились, но и самая сумма его приметно уменьшилась*» [Салтыков-Щедрин: 441]; «*Полагаю, что многие устыдятся*» [Салтыков-Щедрин: 445]; «*Скажи: какую такую они вину перед тобой сделали, что ты их ежеминутно казнишь?*» [Салтыков-Щедрин: 447].

Определённо-личные предложения могут приобретать вопросительную форму: «*Да просто спрошу: знаешь ли, мол, щука, что такое добродетель и какие обязанности она в отношении к ближним налагает?*» [Салтыков-Щедрин: 444]. Показательна роль частицы *ли*: «функция частицы заключается в выделении информативно значимого слова, после которого она располагается» [Рожкова: 116–117]; «из-за вопросительной формы сообщение или побуждение приобретает эмоционально-экспрессивный характер» [Канафьева: 68].

Особое место занимают случаи употребления определённо-личных предложений в качестве вводного компонента: «*Ибо, повторяю, караси представляют такое лакомое блюдо (особливо изжаренные в сметане), что предводители дворянства охотно потчуют ими даже губернаторов*» [Салтыков-Щедрин: 439]. Они придают тексту непосредственность, живость.

Спрягаемо-инфинитивное определённо-личное предложение «*Мировые задачи разрешать хочешь, а о щуках понятия не имеешь!*» [Салтыков-Щедрин: 440] содержит в качестве главного члена инфинитив полнозначного глагола, передающий лексическое зна-

чение главного члена, и спрягаемую форму модального глагола, указывающую на деятеля.

Связочно-именное определённо-личное предложение «*Будь здоров, начинай!*» [Салтыков-Щедрин: 447] характеризуется использованием в качестве основного компонента главного члена, эксплицирующего его лексическое значение, краткой формы качественного прилагательного. Вспомогательный компонент – идеальная связка *быть* в форме повелительного наклонения – выражает грамматическое значение предложения: ирреальную синтаксическую модальность в объективном аспекте, временную синтаксическую неопределённость, второе синтаксическое лицо.

Используя в сказке «Карась-идеалист» определённо-личные предложения, автор приближает изложение к разговорной речи.

Определённо-личные предложения в функционально-смысловых типах речи. Определённо-личные предложения используются в различных композиционно-речевых структурах. К ним относят функционально-смысловые типы речи (повествование, описание, рассуждение) и субъективно-речевые структуры (диалогическая речь, прямая речь, внутренняя речь, несобственно прямая речь, цитатная речь).

Рассмотрим повествовательные фрагменты из сатирической сказки «Карась-идеалист», по форме напоминающей басню.

«*Повторяю: дни проходили за днями, а карась всё бредил. Другому за это хоть щелчок бы в нос дали, а ему – ничего. И растабарывал бы он таким родом аридовы веки, если бы хоть крошечку поостерёгся. Но он так уж о себе возмечтал, что совсем из расчёта вышел. Припускал да припускал, как вдруг к нему головель с повесткой: на завтра, дескать, щука изволит в заводь прибыть, так ты, карась, смотри! Чуть свет ответ держать явись!*» [Салтыков-Щедрин: 445]; «*Каким образом случилось, что карась с ершом сошлись, – не знаю; знаю только, что однажды, сошедшись, сейчас же заспорили. Поспорили раз, поспорили другой, а потом и во вкус вошли, свидания друг другу стали назначать. Сплывутся где-нибудь под водяным лопухом и начнут умные речи разговаривать. А плотва-белобрюшка резвится около них и ума-разума набирается*» [Салтыков-Щедрин: 439].

В повествовательных текстах глаголы передают этапы действий. В первом фрагменте текста можно выделить завязку – первое предложение; развитие действия – со второго по четвёртое предложения; кульминация – в пятом предложении, завязка – в шестом предложении. Выделена определённо-личная конструкция, которая является частью сложного предложения. В спрягаемо-личном определённо-личном предложении *Повторяю* главный член указывает на повторяющееся активное действие говорящего.

Отсутствие второстепенных членов в предложении концентрирует внимание на речевом действии. Ощущается намеренное присутствие автора, задача которого – убедить читателя в реальности происходивших в прошлом событий.

Во втором фрагменте текста использовано два определённо-личных предложения: *не знаю; знаю только*. Ограничительная частица *только* актуализирует эмоциональный настрой автора. Таким образом, с помощью определённо-личных предложений внимание фокусируется на ментальном действии. Замысел автора сводится к воздействию на читателя. «Сложная стилевая природа сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина обусловлена использованием совокупности различных языковых средств и приёмов повествования» [Морозова, Макаренко: 686].

Рассмотрим фрагмент текста, относящийся к описательному функционально-смысловому типу речи.

«*Карась – рыба смиренная и к идеализму склонная: недаром его монахи любят. Лежит он больше на самом дне речной заводи (где потише) или пруда, зарывшись в ил, и выбирает оттуда микроскопических ракушек для своего продовольствия. Ну, натурально, полежит-полежит, да что-нибудь и выдумает. Иногда даже и очень вольное. Но так как караси ни в цензуру своих мыслей не представляют, ни в участке не прописывают, то в политической неблагонадёжности их никто не подозревает. Если же иногда и видим, что от времени до времени на карасей устраивается облава, то отнюдь не за вольнодумство, а за то, что они вкусны*» [Салтыков-Щедрин: 439].

Данный фрагмент можно сопоставить со сложным синтаксическим целым, в котором выделяют зачин, развитие темы и концовку действия [Папуша, Халикова 2025]. В анализируемом фрагменте завязку, или название описываемого предмета, представляет первое простое предложение; перечисление признаков содержится со второго по пятое предложение; вывод заключён в последнем предложении. С помощью определённо-личного предложения обозначен автор описания. Выделенная определённо-личная конструкция является частью сложноподчинённого предложения. Спрягаемо-личная форма 1-го лица множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения полнозначного глагола в роли главного члена выполняет фатическую функцию, называя совместное действие говорящего и адресата. Некоторую степень эмоциональности передают наречие *иногда* в сочетании с частицей *же*.

Рассмотрим фрагмент текста-рассуждения.

«*Даже ёрш, видя такую его веру, задумался, не слишком ли он уж далеко зашёл в отрицательном направлении. Может быть, и в самом деле щука только того и ждёт, чтобы её полюбили, благой совет ей дали, ум и сердце её просветили? Может*

быть, она... добрая? Да и карась, пожалуй, совсем не такой простофиля, каким по наружности кажется, а, напротив того, с расчётом свою карьеру облаживает? Вот завтра явится он к щуке да прямо и ляпнет ей самую суицую правду, какой она отроду ни от кого не слыхивала. А щука возьмёт да и скажет: «За то, что ты мне, карась, самую суицую правду сказал, жалую тебя этою заводью; будь ты над нею начальник!» [Салтыков-Щедрин: 445].

Внутриабзачное членение позволяет выделить три смысловых фазы в тексте-рассуждении: тезис, доказательство и вывод. Выделенное определённо-личное предложение входит в состав сложного предложения и указывает на действие говорящего. При сопоставлении данной части сложного предложения с остальными можно судить о лаконичности, которую придаёт тексту определённо-личное предложение.

Применение определённо-личных предложений «объясняется задачами стилистическими, так как определённо-личные предложения в сравнении с двусоставными придают речи лаконизм, динамичность» [Разакова: 1357].

Итак, употребление определённо-личных предложений в функционально-смысловых типах речи связано с решением автором определённых задач.

Определённо-личные предложения в диалогической речи. Одной из черт диалогической речи является употребление в ней определённо-личных предложений. При анализе фрагмента используем понятие «диалогическое единство». П.А. Лекант отмечал, что «диалогическое единство – это структурно-смысловая общность, текст двух или более участников речи. Оно обеспечивается наличием одной темы, согласием / несогласием собеседников. По структуре диалогическое единство представляет собой последовательность взаимосвязанных реплик. Они объединяются не только накоплением информации по данной теме, но и мотивированностью форм, сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплику» [Лекант 2009: 756].

Рассмотрим фрагмент текста-диалога.

«– Да за что же меня есть, коли я не провинился? – по-прежнему упорствовал карась.

– Слушай, дурья порода! Едят-то разве “за что”? Разве потому едят, что казнить хотят? Едят потому, что есть хочется – только и всего. И ты, чай, ешь. Не попусту носом-то в иле роешься, а ракушек вылавливаешь. Им, ракушкам, жить хочется, а ты, простофиля, ими мамон с утра до вечера набиваешь. Сказывай: какую такую они вину перед тобой сделали, что ты их ежеминутно казнишь? Помнишь, как ты намеднишь говорил: “Вот кабы все рыбы между собой согласились...” А что, если бы ракушки между собой согласились – сладко ли бы тебе, простофиля, тогда было?» [Салтыков-Щедрин: 443].

Диалог построен по классическому вопросно-ответному образцу. Во фрагменте можно выделить три фазы: начало, основную часть и концовку. Каждый диалог в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина раскрывает героев по-новому. Выделенные спрягаемо-личные определённо-личные предложения выполняют функцию побуждения к действию. Главный член в них представлен спрягаемо-личными формами 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Главные члены выражают отнесённость потенциального действия к собеседнику. В первом предложении **Сказывай** категоричность волеизъявления смягчается эмоциональным обращением в предшествующем контексте; конситуация помогает читателю понять замысел автора.

В процессе анализа были выявлены семантические и грамматические особенности определённо-личных предложений, которые придают тексту эмоциональность и связаны с композиционной структурой фрагмента текста. М.Е. Салтыков-Щедрин использовал спрягаемо-личные, спрягаемо-инфинитивные и связочно-именные подтипы определённо-личных предложений. Спрягаемо-личный подтип определённо-личных предложений является наиболее распространённым и используется для указания на конкретные действия говорящего субъекта или его собеседника. В функционально-смысловых типах речи определённо-личные предложения адресованы потенциальному читателю, а в диалогических единствах – внутреннему адресату. Использование определённо-личных предложений приближает язык сказки к разговорной речи, что типично для этого жанра. Выбор конструкций определяется замыслом автора и характеризует его художественный стиль.

Список литературы

Источники

Салтыков-Щедрин – Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлёвы; История одного города; Сказки / худож. А. Котляров. Алма-Ата: Мектеп, 1982. 448 с.

Молотков – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. Москва: Советская энциклопедия, 1967. 543 с.

Исследования

Брысина Т.Н. Специфика употребления определённо-личных предложений в художественных текстах различных функционально-смысловых типов речи. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2016. № 3. С. 8–14.

Брысина Т.Н. Роль определённо-личных предложений в прозе А.И. Куприна // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 18–25.

Грамматика русского языка. Т. 2, ч. 2. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 444 с. (Грамматика-54)

Канафьева А.В. Вопросительные модификации односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 67–73.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Высш. шк., 2004. 242 с.

Морозова Т.В., Макаренко Л.В. Лексический состав и функционал языка М.Е. Салтыкова-Щедрина в цикле «Сказки для детей изрядного возраста» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6 (39). С. 684–688.

Пануша И.С., Халикова Н.В. Инвариантные матрицы внешней формы сложного синтаксического целого // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 38–47.

Разакова Н. Употребление односоставных предложений в речи // Scientific Journal Impact Factor (SJIF). 2021. № 2 (4). С. 1355–1361. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotreblenie-odnosostavnyh-predlozheniy-v-rechi> (дата обращения: 17.12.2025).

Рожкова А.В. Структура, сюжетно-композиционные и риторические функции вопросительных и восклицательных предложений в сказках И.И. Дмитриева // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 115–121.

Современный русский литературный язык: новое издание: учебник / П.А. Лекант, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков и др.; под ред. П.А. Леканта. Москва: Высшая школа, 2009. 766 с.

Шаповалова Т.Е. Односоставные глагольные предложения в цикле очерков Василия Пескова «Земля за океаном» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2022. № 3. С. 68–76.

References

Brisina T.N. *Spetsifika upotrebleniya opredelyonno-lichnykh predlozhenii v khudozhestvennykh tekstakh razlichnykh funktsionalno-smislovikh tipov rechi* [Use specifics of definite-personal sentences in fiction of various functional-semantic speech types]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Ser.: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow State Region University], 2016, no. 3, pp. 8–14. (In Russ.)

Brisina T.N. *Rol opredelyonno-lichnykh predlozhenii v proze A.I. Kuprina* [The role of sentences with defined subjects in A.I. Kuprin's prose]. *Otechestvennaya filologiya* [In Russian studies in philology], 2025, no. 5, pp. 18–25. (In Russ.)

Grammatika russkogo yazika. T. 2, ch. 2 [Grammar of the Russian language. Vol. 2, iss. 2]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1954, 444 p. (In Russ.)

Kanafeva A.V. *Voprositelnie modifikatsii odnosostavnykh i dvusostavnykh predlozhenii v sovremennom russkom yazike* [Interrogative modifications of single- and two-part sentences in modern Russian]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2021, no. 1 (24), pp. 67–73. (In Russ.)

Lekant P.A. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazike* [Syntax of a simple sentence in modern Russian], *ucheb. posobie dlya studentov vuzov*, 3-e izd., ispr. i dop. Moscow, Vissh. shk. Publ., 2004, 242 p. (In Russ.)

Sovremennii russkii literaturnii yazik: novoe izdanie: uchebnik [Modern Russian literary language], P.A. Lekant, L.L. Kasatkin, Ye.V. Klobukov et al., ed. by P.A. Lekant. Moscow, Visshaya shkola Publ., 2009, 766 p. (In Russ.)

Morozova T.V., Makarenko L.V. *Leksicheskii sostav i funktsional yazika M.E. Saltikova-Shchedrina v tsikle «Skazki dlya detei izryadnogo vozrasta»* [The lexical composition and functionality of the M.E. Saltykov-Shchedrin language in the cycle “Fairy Tales for children of a fair age”]. *Uchenie zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Novgorod State University], 2021, no. 6 (39), pp. 684–688. (In Russ.)

Papusha I.S., Khalikova N.V. *Invariantnie matritsi vneshnei formi slozhnogo sintaksicheskogo tselogo* [Invariant matrices of the external form of a complex syntactic whole]. *Otechestvennaya filologiya* [Russian Philology], 2025, no. 5, pp. 38–47. (In Russ.)

Razakova N. *Upotreblenie odnosostavnykh predlozhenii v rechi* [The use of single-part sentences in speech]. *Scientific Journal Impact Factor (SJIF)*, no. 2 (4), 2021, pp. 1355–1361, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotreblenie-odnosostavnyh-predlozheniy-v-rechi> (access date: 17.12.2025). (In Russ.)

Rozhkova A.V. *Struktura, syuzhetno-kompozitsionnie i ritoricheskie funktsii voprositelnykh i vosklitsatelnykh predlozhenii v skazkakh I.I. Dmitrieva* [The structure, plot-compositional and rhetorical functions of interrogative and exclamation sentences in the tales of I.I. Dmitriev]. *Uchenie zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2023, vol. 45, no. 6, pp. 115–121. (In Russ.)

Shapovalova T.E. *Odnosostavnie glagolnie predlozheniya v tsikle ocherkov Vasiliya Peskova «Zemlya za okeanom»* [One-part verb sentences in the cycle of essays by Vasily Peskov “The Land beyond the Ocean”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser.: Russian Philology], 2022, no. 3, pp. 68–76. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СЕТЕВОЙ МИКРОПОЭЗИИ

Третьякова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, Россия, Кострома, trirfr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7981-3156>

Аннотация. Статья посвящена изучению фразеологических единиц, функционирующих в языковом и трансформированном виде в интернет-поэзии. Отбор фразеологических единиц в таких произведениях обусловлен спецификой содержания и формы стихов, а также их стилистическими особенностями – близостью к разговорному стилю. В произведениях малых форм функционирует в основном разговорная фразеология, являющаяся средством выражения размышлений обыкновенного русского человека, передающего своё видение мира в стихотворной форме. Трансформации фразеологических единиц в микропоэзии происходят посредством элементарных приёмов окказионального преобразования фразеологизмов, свойственных разговорной речи, – расширения и сокращения компонентного состава, замены компонентов. Однако самым распространённым приёмом, характерным для художественных произведений, является двойная актуализация значения фразеологической единицы. Фразеологизмы становятся средством организации текста, в котором авторы создают комический эффект, основанный на совмещении прямого и переносного значения фразеологической единицы, включая таким образом фразеологизм в языковую игру.

Ключевые слова: фразеологизмы в сетевой микропоэзии, окказиональные преобразования фразеологизмов, трансформация фразеологизмов, фразеологизмы в языковой игре

Для цитирования: Третьякова И.Ю. Фразеологизмы в сетевой микропоэзии // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 160–164. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-160-164>

Research Article

IDIOMS IN NETWORK MICROPOETRY

Irina Yu. Tretiakova, DSc in Philology, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, trirfr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7981-3156>

Abstract. The article is dedicated to the study of phraseological units functioning in their linguistic and transformed forms in the Internet poetry. The choice of the idioms is conditioned by specific content, a form of a poem and their stylistic features – affinity with the colloquial style. In the works of the small forms mostly colloquial phraseology functions as a means to convey an ordinary Russian citizen's thoughts about the way they perceive the world, in the poetic form. Phraseological transformations in micropoetry are based on the elementary techniques of occasional changes that are common for colloquial speech – expanding and reducing the component composition, substituting components. However, the most widely-spread technique applied in works is double actualisation of a phraseological meaning. Idioms become means of organising the text in which authors create the comic effect through combining the literal and figurative meanings. In this way, an idiom becomes a part of a language game.

Keywords: idioms in network micropoetry, occasional transformations of phraseological units, phraseological changes, pun idioms.

For citation: Tretiakova I.Yu. Idioms in network micropoetry. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 160–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-160-164>

В современном интернет-пространстве широко представлены стихотворные тексты, по своему формату являющиеся произведениями малых форм. Данные стихи достаточно активно исследуются филологами, которые, учитывая формат и содержание этих произведений, именуют их «стишками». Стишки имеют ряд особенностей и, в связи с этими особенностями, подразделяются на жанры: «пирожки», «порошки», «артишоки», «депрессашки», «экспромты» и др. Выявляются следующие общие черты микростихов: «...они характеризуются регламентированными размером и количеством строк, а также наличием либо отсутствием рифмы и обязательной юмористической составляющей» [Бартош: 89]. Кроме этого, в микропоззии намеренно отсутствуют знаки препинания, нарушаются орфографические нормы; имя автора заменено сетевым псевдонимом (ником).

Исследователи микропоззии отмечают связь стишков, с одной стороны, с литературным творчеством, с другой – с народной культурой. Так, С.Н. Петренко видит общие черты микропоззии и фольклора (частушек-нескладушек, детских стихов-страшилок), микропоззии и произведений обэриутов (Даниила Хармса, Александра Введенского, Николая Олейникова) [Петренко: 132], В.Н. Дымарский находит сходство сетевых стихов с произведениями более современных авторов – с «гариками» Игоря Губермана, одностишиями Владимира Вишневецкого [Дымарский: 387].

Важные выводы об определении типологических признаков микропоззии сделали известные учёные М.А. Кронгауз и М.Л. Ковшова, посвятившие своё исследование языку и механизму комического в новых жанрах интернет-поззии. Учёные, сравнив стишки с поэтическими произведениями, отметили следующее: «Поэзия определяется (по Роману Осиповичу Якобсону) через доминирование поэтической функции, однако эта функция не является главной функцией стишков, их ключевая функция – комическая, смеховая, существующая при этом во взаимосвязи с содержательной функцией. Поэтичность стишков образуется в контексте языкового, смехового и смыслового творчества. В задачи авторов стишков входит не только удачно сострить, развлечь и повеселить себя и читателя, получить удовольствие от языковой игры и свободы, но и произвести неожиданный смысл, вызвать появление второго смыслового плана и этим удивить читателя» [Кронгауз, Ковшова: 48].

Все вышеназванные особенности сетевых стихов оказывают прямое влияние на выбор авторами строевых единиц стихотворных текстов, в том числе на выбор фразеологических единиц.

Изучение фразеологических единиц, функционирующих в микропоззии, на предмет выявления особенностей употребления фразеологизмов позволило сделать следующие выводы.

1. Фразеологические единицы (идиомы и единства), которым свойственна образность, оценочность и экспрессивность, в микростихах редко раскрывают свой образный потенциал. Если в поэтической речи при доминировании эстетической функции поэты часто используют фразеологизмы для создания яркого образа лирического героя, передачи эмоциональности, при этом красочно обыгрывают детали фразеологического образа, то в микростихах эта функция явно ослаблена. Стихи часто «...настроены на сентенцию, на то, чтобы в иносказательной форме и часто не без юмора высказать нравоучение или назидание» [Кронгауз, Ковшова: 50]:

на самом деле если честно
если совсем **без дураков**
то никому на этом свете
мы абсолютно не нужны¹

Фразеологизмы могут участвовать в изображении действий, события, однако это событие будет истолковано как повод для рассуждения и выводов.

попала оля пальцем в небо
спросив наверно ты женат
а небо от таких вопросов
напоминает решето²

2. Микропоззия тяготеет к разговорной речи; в стихах происходит имитация разговорной речи, поэтому используются фразеологизмы разговорные и нелитературные: просторечные, бранные. Анализ большого количества микростихов, собранных на сайте «Поэторий», позволил сделать вывод о существенном преобладании разговорных фразеологических единиц (далее ФЕ) над общелитературными, см. примеры разговорных, просторечных фразеологизмов: *больной на голову, ломать голову, ни зги, соображать на троих, сыграть в ящик, из грязи в князи, зла не хватает, ходить налево, не ахти, без дураков, вешать лапшу на уши, плюнуть в лицо, морда кирпичка просит* и мн. др. Однако доминирование разговорных фразеологизмов вовсе не исключает употребления фразеологизмов общелитературных, см.: *войти во вкус, в сто крат, быть на высоте, возводить на пьедестал, указать на дверь, тет-а-тет* и др.; стоит отметить, что количество таких фразеологизмов в микропоззии существенно снижено.

Употребление в основном разговорной фразеологии обусловлено выбором темы, идеи стишка, связанных с событиями повседневной жизни авторов, с их размышлениями на самые разные темы. Микростишки показывают, что происходит в обществе, в семье, в душе обыкновенного человека, не связанного общественными и социальными условностями.

не для того меня растили
чтоб вдруг какой нибудь мужык
мне **мозг** всё время **канифолил**
вжик вжик³

3. Одна из причин преобладания разговорных ФЕ кроется в авторстве стихов. В большинстве случаев реальный автор скрывается за интернет-псевдонимом, а многие стишки, при их популярности, с течением времени «теряют» автора, становятся своеобразным выразителем общих – народных – мыслей и идей. В четырёх строках уместается целая философия жизни «маленького человека», иногда душевная драма, трагикомедия. Поскольку авторство спрятано за ником, постольку создатель микростиха достаточно свободно чувствует себя в возможности самовыражения, в том числе в отношении использования слов и фразеологизмов, запрещённых в «приличном обществе».

олег умеет все на свете
и починить и поломать
поскольку **руки** золотые
растут из жо...ы у него⁴

4. Яркой особенностью стишков является нарушение правил и норм письменной литературной речи. Кронгауз и Ковшова связывают принципиальное отступление от нормативности с комической основой микропоэзии: «В стишках комизм во многом образуется благодаря языковым девиациям, стилистическому и смысловому контрасту и игре на разных уровнях языка, что создаёт основу для логических и других “когнитивных” искажений и в то же время является способом “выходить” на неожиданный, часто парадоксальный смысл» [Кронгауз, Ковшова: 71]. Авторы стишков используют фразеологизмы не только в языковом, но и в трансформированном виде, прибегая к изменению как внешнего, так и внутреннего планов узуальных ФЕ. Тяготение к разговорности обуславливает использование авторами элементарных структурно-семантических приёмов окказионального преобразования фразеологизмов: расширения, сокращения компонентного состава ФЕ, замены компонентов. Анализ текстов позволил выявить преобразованные фразеологические единицы.

4.1. Приём расширения компонентного состава ФЕ:

олег **сыграл в тяжолый ящик**
прикован намертво к земле
а рядом в ящичке из пуха
смеясь взмывает николай⁵

ФЕ сыграть в ящик (‘умереть’) функционирует в трансформированном виде: расширение компонентного состава происходит за счёт введения адъективного компонента *тяжолый*, который, в свою очередь, способствует появлению дуплановости значения словосочетания *сыграть в ящик* – буквального (под словосочетанием *тяжолый ящик* понимается гроб) и метафорического.

4.2. Приём замены компонента ФЕ:

стал похож валера
в маске на врача

но **лицо** всё так же
просит кирпича⁶

В стишке употреблён фразеологизм *морда кирпича просит* в трансформированном виде. Языковой фразеологизм *морда кирпича просит* относится к просторечным, вульгарным, употребляется для характеристики человека с неприятным, вызывающим отвращение, грубым, часто наглым лицом. Замена на основе системных (синонимичных) связей просторечного слова-компонента *морда* литературным словом *лицо* связана с образом валеры, надевшим в стишке маску врача – человека интеллигентной профессии.

мясные суетные люди
спокойных каменных людей
то **водрузят на пьедесталы**
то гневно **сбрасывают** с них⁷

В стишке использованы языковой фразеологизм *поднять/водрузить на пьедестал* (‘возвеличить, возвысить кого-либо’) и его трансформ *сбросить с них* (с пьедесталов). Трансформация языковой единицы происходит на основе системной антонимической связи компонента *водрузить* и слова *сбросить*, то есть ‘низложить, развенчать, ниспровергнуть кого-либо’). Контрастные отношения глаголов *возвести* – *сбросить* подчёркивают трагикомизм ситуации.

аккурат в июне
лопнула труба
до свиданья отпуск
закатись губа⁸

Фразеологизм *закатись губа* является трансформом разговорной языковой ФЕ *раскатать губу* (‘желать получить что-либо невозможное или малодоступное’). Замена компонента *раскатать* глаголом-антонимом *закатить* (нетрадиционная форма от *закатать*) обусловлена содержанием стишка.

4.3. Приём сокращения компонентного состава ФЕ

При использовании этого приёма в стишке функционирует или фразеологизм в неполном составе компонентов, или отфразеологическое слово – один компонент фразеологизма.

фундаментальные науки
дают для тела и души
богатый выбор всевозможной
лапши⁹

Слово *лапша* является компонентом фразеологизма *вешать лапшу на уши* (‘передавать ложь, вводить в заблуждение’). *Лапша* в данном фразеологизме является символом лжи, обмана. В представлении автора стишка, как, впрочем, и многих людей, не имеющих отношения к научной деятельности, открытия учёных часто бездоказательны (враньё). Существенное сокращение компонентного состава до одного

слова обусловлено как экстралингвистическим фактором (широкой известностью разговорного фразеологизма), так и контекстуальным смыслом.

говоришь что нету
денег **ни шиша**
сядь за стол на ужин
ждёт с **ушей лапша**¹⁰

В стихе вновь использован фразеологизм *вешать лапшу на уши* в сокращённой форме. В контексте стиха фразеологизм получает двойное значение: прямое – ‘продукт’ и фразеологическое – ‘отсутствие пищи’, то есть ‘обман’.

сизу в *грязи* и размышляю:
свинья? потенциальный **князь?**¹¹

В стихе функционируют две устойчивые единицы в трансформированном виде: пословица *свинья грязи найдёт* (‘о человеке с дурными наклонностями, который всегда попадает в какую-нибудь предосудительную историю, оказывается в нехорошей ситуации’) и фразеологизм *из грязи в князи* (‘о человеке, выбравшемся из бедности, безвестности, жалкого существования, добившемся высокого положения в обществе, богатства, успехов’). Автор использует приём аллюзии, которая возникает как результат разрушения грамматической модели каждой из единиц, извлечения из пословицы и фразеологизма субстантивных компонентов и функционирования этих компонентов как самостоятельных слов. В словосочетании *сизу в грязи* актуализируется прямое значение слова *грязь*; в свою очередь, глагол *размышляю* отсылает читателя к представлению об умственной деятельности героя стиха, которому вспоминается пословица и фразеологизм. Соединение слова *грязь* с компонентами *свинья* и *князь* обеспечивает двойное восприятие значения этого слова, в столкновении прямого и связанного значения слова возникает языковая игра.

4.4. Приём двойной актуализации значения ФЕ. Фразеологизм – как структурный элемент стиха – взаимодействует с несколькими элементами текста, причём одни элементы актуализируют фразеологическое значение устойчивого словосочетания, а другие – буквальное значение словосочетания. Это один из частотных приёмов преобразования фразеологизмов, связанный с языковой игрой, актуальной для микропоэзии.

во время ольгиных истерик
аркадий **был на высоте**
периодически кидая
ей сверху реплики про мать¹²

Фразеологизм *быть на высоте* в контакте с актуализаторами *во время истерик* реализует значение ‘вести себя спокойно, разумно’. В сочетании с деепричастием *кидая* (‘перемещая что-либо сверху вниз’) и наречия *сверху* словосочетание теряет ста-

тус фразеологизма и воспринимается как свободное. Создаваемая при этом языковая игра подчёркивает комизм ситуации.

Результаты исследования функционирования фразеологизмов в микропоэзии позволяют сделать вывод о том, что фразеологизмы широко используются в микропоэтических текстах, при этом наблюдается специфика их отбора – тяготение к разговорным ФЕ, а также стремление авторов использовать особенности внешнего и внутреннего планов фразеологизма при их включении в языковую игру.

Примечания

¹ на самом деле если честно. URL: <https://www.livelib.ru/quote/472858-nepoeziya-izbrannye-pirozhki-bez-avtora>

² попала оля пальцем в небо. URL: <https://stihi.ru/2026/01/30/8391>

³ не для того меня растили. URL: <https://subscribe.ru/group/veselyie-anekdotyi/12308615/>

⁴ олег умеет всё а свете. URL: <https://poetry.ru/pig/27>

⁵ олег сыграл в тяжёлый ящик. URL: <https://poetry.ru/24951>

⁶ стал похож валера. URL: poetry.ru/101591

⁷ мясные суетные люди. URL: <https://poetry.ru/64857>

⁸ аккурат в июне. URL: <https://poetry.ru/all?search=труб>

⁹ фундаментальные науки. URL: <https://poetry.ru/por/rating/274>

¹⁰ говоришь что нету. URL: <https://poetry.ru/authors/dikovinka/depr>

¹¹ сизу в грязи и размышляю. URL: <https://poetry.ru/105330>

¹² во время ольгиных истерик. URL: <https://poetry.ru/authors/natalie/all/23>

Список литературы

Источники

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. Москва: ИТИ Технологии, 2003. 944 с.

Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков; под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд. Москва: Русский язык, 1986. 543 с.

Поэторий: поэзия в кармане: онлайн-архив. URL: <https://www.poetry.ru>

Исследования

Бартош Ю.В. Микропоэзия коронавирусной тематики // Учёные записки / Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. 2022. Т. 36. С. 89–94.

Дымарский М.Я. Между жанром и творчеством, или К становлению пирожкового мышления языковой личности // *Жанры речи: сб. науч. ст.* Саратов: Москва: Лабиринт, 2012. Вып. 8: Памяти К.Ф. Седова. С. 385–390.

Кронгауз М.А., Ковшова М.Л. Смех не без причины. Язык и механизмы комического в новых жанрах интернет-поэзии. Москва: Дискурс, 2024. 208 с.

Петренко С.Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // *Известия ВГПУ*. 2014. № 7 (92). С. 129–135.

References

Bartosh Yu.V. *Mikropoeziia koronavirusnoi tematiki* [Micropoetry on the Coronavirus Theme]. *Uchenye zapiski* [Scientific Notes], Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P.M. Masherova, 2022, vol. 36, pp. 89–94.

Dymarsky M.Ya. *Mezhdu zhanrom i tvorchestvom, ili K stanovleniiu pirozhkovogo myshleniia iazykovoii lichnosti* [Between Genre and Creativity, or Toward the Formation of Pie-Based Thinking in the Linguistic Personality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres:

Collected Research Articles]. Saratov, Moscow, Labyrinthusn Publ., 2012, vol. 8: In Memory of K.F. Sedov, pp. 385–390.

Krongauz M.A., Kovshova M.L. *Smekh ne bez prichiny* [Laughter Not Without Reason]. *Iazyk i mekhanizmy komicheskogo v novykh zhanrakh internet-poezii* [Language and Mechanisms of the Comic in New Genres of Internet Poetry]. Moscow, Diskurs Publ., 2024, 208 p.

Petrenko S.N. *Pirozhki i poroshki setevaia poeziia mezhdur folklorom i literaturoi* [Pirozhki i Poroki: Online Poetry Between Folklore and Literature]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2014, no. 7 (92), pp. 129–135.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 24.03.2026

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 24.03.2026

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 165–169. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 165–169. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 316.77 ; 81'27:378.147

EDN NZLLTI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-165-169>

МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЯ

Краснобаева-Черная Жанна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Приазовский государственный технический университет (филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета), Мариуполь, Россия, zh.krasnobaieva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7819-8094>

Бороденко Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, Приазовский государственный технический университет (филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета), Мариуполь, Россия, bogodenkoluda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4409-8615>

Аннотация. В исследовании медиакомпетентность трактуется как цель медиаобразования и рассматривается как неоспоримое условие социализации личности в современном обществе, показатель способности языковой личности к трансформации в ситуации стремительно меняющейся этнокультурной среды и социально-экономического пространства. В работе сформирован кейс «медиакомпетентность языковой личности» в рамках современной научно-образовательной среды. Выделены и описаны шесть структурных компонентов кейса «медиакомпетентность языковой личности»: актуальность, типичность ситуации в реальной жизни; наличие проблемности (с актуализацией лингвистического блока проблем); дискуссионный характер, альтернативность решения, оценка. Метод кейса позволил: 1) позиционировать медиаграмотность как феномен, включающий комплекс технологических и лингвистических навыков и умений, критическое мышление и креативность, законность и психологическую безопасность личности; 2) определить значимость языковых, коммуникативных и лингвострановедческих компетенций в рамках лингвистических дисциплин (стилистика, жанроведение, дискурсология, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, концептология) и 3) показал выход проблемы на новый уровень – переход к фундаментальным междисциплинарным исследованиям явления медиатизации общества в целом и процессов медиатеатральности (медиапотребления, медиаповедения, медиапредпочтения) в современной научно-образовательной среде в частности.

Ключевые слова: кейс-технология, лингвистика, медиакомпетентность, медиатизация, медиаобразование, научно-образовательная среда, языковая личность.

Для цитирования: Краснобаева-Черная Ж.В., Бороденко Л.Н. Медиакомпетентность языковой личности в современной научно-образовательной среде: кейс-технология // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 165–169. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-165-169>

Research Article

MEDIA COMPETENCY OF LINGUISTIC PERSONALITY IN THE MODERN SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT: CASE TECHNOLOGY

Zhanna V. Krasnobaieva-Chernaya, DSc in Philology, Professor, Technical University by the Sea of Azov (branch of Moscow State University of Civil Engineering), Mariupol, zh.krasnobaieva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7819-8094>

Liudmyla N. Borodenko, PhD in Philology, Technical University by the Sea of Azov (branch of Moscow State University of Civil Engineering), Mariupol borodenkoluda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4409-8615>

Abstract. The study interprets media competency as the goal of media education and considers it an indisputable condition for the socialisation of an individual in modern society, an indicator of the individual's ability to transform in the context of a rapidly changing ethnic and cultural environment and social and economic space. The paper develops a case study of “media competency of linguistic personality” within the framework of the modern scientific and educational environment. Six structural components of the “media competency of linguistic personality” case study are identified and described – relevance, typicality of the situation in real life; presence of a problem (with actualisation of the linguistic block of problems); debatable nature, alternative solutions, and evaluation. The case study method allowed us to 1) position media competency

as a phenomenon that includes a set of technological and linguistic skills and abilities, critical thinking and creativity, legality, and psychological safety of the individual; 2) determine the significance of linguistic, communicative and linguacultural competences within the framework of linguistic disciplines (stylistics, genre studies, discourse studies, communicative linguistics, linguocultural studies, conceptology) and 3) demonstrate the emergence of the problem to a new level – the transition to fundamental interdisciplinary research of the phenomenon of society mediatisation in general, and the processes of media activity (media consumption, media behaviour, media preferences) in the modern scientific and educational environment in particular.

Keywords: case technology, linguistics, media competency, mediatisation, media education, scientific and educational environment, linguistic personality.

For citation: Krasnobaeva-Chernaya Zh.V., Borodenko L.N. Media competency of linguistic personality in the modern scientific and educational environment: case technology. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 165–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-165-169>

Одной из важных составляющих концепции образования XXI в. является медиаобразование, направленное на формирование медиакомпетентности (см. работы Т.А. Абрамовских [Абрамовских], И.А. Купцовой и Т.Н. Владимировой [Купцова, Владимирова], Е.Н. Приступы [Приступа], А.В. Федорова [Федоров], Н.Ю. Хлызовой [Хлызова] и др.). Последняя сегодня – это неоспоримое условие социализации личности в современном обществе и показатель ее способности к трансформации в ситуации стремительно меняющейся этнокультурной среды и социально-экономического пространства, что *актуализирует* научный интерес к данному понятию.

Цель работы: сформировать кейс «медиакомпетентность языковой личности» в рамках современной научно-образовательной среды и определить роль лингвистических, коммуникативных и лингвострановедческих компетенций.

Основной метод исследования – кейс-метод. Кейс-метод интерпретируется в работе как модель проблемной ситуации, которая является темой общественной или научной дискуссии и требует комплексного подхода и анализа с конкретными вариантами решения этой проблемы. В статье также использовались: метод критического анализа, дефиниционный метод и описательный метод.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые кейс-метод применен к понятию медиакомпетентности личности.

В работах ученых медиакомпетентность трактуется как:

1) «совокупность ее [личности] мотивов, знаний, умений, способностей (показатели: мотивационный, контактный, информационный, перцептивный, интерпретационный/оценочный, практико-операционный/деятельностный, креативный), способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиатекстов в различных видах, формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме» [Федоров: 25–26];

2) «средство познания поликультурного мира, средство получения знаний, способ самопрезентации

и реализации потенциальных возможностей личности» [Жижина: 48], то есть как «качество личности» и как «система требований к определенному виду социального поведения в медиапространстве» [Жижина: 48–49].

Медиакомпетентная личность, в свою очередь, характеризуется способностью решать практические задачи в информационном обществе, умением пользоваться информацией и общаться с помощью информационных коммуникационных технологий в медиапространстве (см.: [Тархов: 67]).

Материалы кейса «медиакомпетентность личности» соответствуют всем необходимым критериям:

- актуальность;
- типичность ситуации в реальной жизни;
- наличие проблемности, включая «скрытые» проблемы, формирующие определенный уровень сложности;
- дискуссионный характер с демонстрацией различных точек зрения;
- альтернативность решения;
- оценка.

Рассмотрим каждый критерий по отдельности.

1. *Актуальность* кейса обусловлена активными процессами цифровизации и информатизации общества и усилена вектором на обогащение образовательного процесса и повышение творческого начала в учебных заведениях. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что основы медиакомпетентности личности закладываются в основном общем образовании, развиваются в высшей школе и концентрируются не только на умении осознанного восприятия медиаинформации, но и на производстве медиаконтента. Все это требует повышенного внимания к изучению особенностей различных жанров речи и специфики функциональных стилей языка. Различные образовательные площадки предлагают обучающимся в целях: а) расширения и совершенствования коммуникационных навыков и умений; б) повышения творческой самореализации; в) обучения современным AI-инструментам и др. – подготовить медиапродукты в рамках конкурсно-олимпиадной деятельно-

сти (например, создать видеоролик и опубликовать его на странице «ВКонтакте», придумать буктрейлер (раскадровку и визуализацию к выбранному произведению с помощью GigaChat), разработать обложку книги, афишу спектакля, информационный плакат в цифровом формате и др.). Таким образом, уже в школе актуализируются умения и навыки, формирующие медиакомпетентность:

- исследование первоисточников (поиск, получение, потребление, обработка, передача, хранение) с распознаванием достоверных данных и дифференциацией фактического материала (аналитическое восприятие информации с верификацией данных и практикой критической оценки);

- знание принципов речеведения и коммуникативной лингвистики;
- создание текстов и аудиовизуальных материалов в разных медиа-форматах и умение осваивать технологические новшества (производство собственного контента);

- владение платформами медиа (навигация в цифровом пространстве);

- построение онлайн-взаимоотношений, опираясь на соответствующие этикет и нормы (цифровая социализация).

2. *Типичность ситуации в реальной жизни.* Практически каждый день человек регулярно использует медиасреду в разных целях: личным (развлечение, заработок), образовательных, профессиональных и др.

3. *Проблемность.* Основные, явные и «скрытые», проблемы данного кейса можно сгруппировать в блоки:

а) *технологический блок проблем:*

- владение современными технологиями и техниками, средствами и способами передачи данных (компьютер, смартфон, планшет, мультимедийные устройства с различным программным обеспечением и т. д.);
- умение пользоваться онлайн-платформами, приложениями и т. п., онлайн-услугами и т. д.;

б) *информационный блок проблем,* связанный в большинстве случаев с аналитикой и направленный на способность ориентироваться в информационных потоках, а также на объективность мышления:

- большой объем информации;
- поверхностное восприятие информации с низким уровнем критического мышления;
- надежность источников;
- внимание на качество информации (достоверность, достаточность, полнота, актуальность, доступность, объективность и др.);

- фейковая информация (дезинформация);

- вовлекающий и отвлекающий контент;

в) *коммуникационный блок проблем:*

- создание информационного контента и персональная идентичность;

- этика информационного взаимодействия;

г) *лингвистический блок проблем:*

- лингвистический и дискурсивный аспекты жанроведения;

- тенденции речеведения картины страны (термин цит. по: [Дементьев: 148]), актуальные процессы жанровой коммуникации внутри культуры;

д) *психологический блок проблем:*

- психологическая безопасность личности;

- медиавирус;

- границы приватности;

е) *экономический блок проблем:*

- информация как товар;

- информация как средство заработка;

ж) *юридический блок проблем:*

- правовое регулирование;

- плагиат.

4. *Дискуссионный характер с демонстрацией различных точек зрения.* Анализ литературы по проблематике статьи показал высокий исследовательский интерес к вопросам формирования медиакомпетентности (см. работы А.С. Быкадоровой и Е.В. Шаповаловой [Быкадорова, Шаповалова], В.Г. Мамчук [Мамчук], Т.И. Мясниковой [Мясникова], О.В. Перезовой [Перезова], Ш.Ф. Рахмоновой [Рахмонова], С.И. Симаковой [Симакова] и др.) с выделением положительных и отрицательных аспектов.

Среди положительных аспектов можно назвать:

- повышение качества и эффективности образования;

- огромный потенциал для профессионального и общекультурного роста личности;

- ярко выраженный уровень креативности.

К отрицательным аспектам можно причислить:

- высокий риск информационных перегрузок личности и манипулятивного воздействия, что усугубляется постоянным совершенствованием манипулятивных практик;

- стереотипизация коммуникативных моделей;

- анонимность;

- масштабное распространение фейков и сложность проверки недостоверной информации.

Обратим внимание, что определенных усилий требует также профилактика информационного здоровья, направленная на поддержание информационной гигиены личности.

5. *Альтернативность решения,* на наш взгляд, заключается в необходимости: а) разработки дорожной карты медиаграмотности педагога и обучающегося и б) системного внедрения медиаобразовательных учебных программ, семинаров и курсов, проведения просветительских акций на всех уровнях образования. Решение проблем лингвистического характера должно опираться на соответствующие разделы дисциплин «Стилистика», «Коммуникативная лингвисти-

ка», «Жанроведение» и «Дискурсология», «Концептология» и «Лингвокультурология» с направленностью на формирование лингвистических, коммуникативных и лингвострановедческих компетенций.

6. *Оценка*. Важность формирования медиакомпетентности личности в современном образовании неоспорима: она уже позволяет эффективно решать задачи в любой предметной области не только в рамках учебной деятельности, но и в повседневной жизни.

Метод кейса позволил: 1) позиционировать медиаграмотность как феномен, включающий комплекс технологических и лингвистических навыков и умений, критическое мышление и креативность, законность и психологическую безопасность личности; 2) определить значимость языковых, коммуникативных и лингвострановедческих компетенций в рамках лингвистических дисциплин (стилистика, жанроведение, дискурсология, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, концептология) и 3) показал выход проблемы на новый уровень – переход к фундаментальным междисциплинарным исследованиям явления медиатизации общества в целом и процессов медиатеатральности (медиапотребления, медиаведения, медиапредпочтения) в современной научно-образовательной среде в частности.

Список литературы

Абрамовских Т.А. Организация деятельности руководителя по введению медиаобразования как направления развития образовательной организации в условиях становления информационного общества // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2018. № 2 (28). С. 7–16.

Быкадорова А.С., Шановалова Е.В. Медиабезопасность как актуальное направление медиаобразовательной деятельности // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2017. № 4 (26). С. 53–57.

Дементьев В.В. Общие проблемы теории речевых жанров // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 172–194.

Жижина М.В. Медиаграмотность как стратегическая цель медиаобразования: о критериях оценки медиакомпетентности // *Медиаобразование*. 2016. № 4. С. 47–65.

Купцова И.А., Владимирова Т.Н. Медиаобразование как средство формирования ценностных ориентиров и интеллектуально-творческого потенциала личности // *Наука и школа*. 2024. № 3. С. 55–64.

Мамчук В.Г. Медиаобразование в условиях цифровизации общества // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2020. № 6. С. 36–41.

Мясникова Т.И. Развитие медиакомпетентности студентов университета: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2011. 200 с.

Перевозова О.В. Медиакомпетентность как условие профессионального развития соискателя в циф-

ровой трансформации рынка труда // *Экономика труда*. 2021. Т. 8, № 4. С. 391–402.

Прустуня Е.Н. Формирование и развитие медиакомпетентности будущих педагогических работников // *Преподаватель XXI век*. 2022. № 2. Ч. 1. С. 46–53.

Рахмонова Ш.Ф. Понятие медиакомпетентности и ее роль в образовании // *Universum: психология и образование: электрон. науч. журнал*. 2024. Вып. 1 (127). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/19108> (дата обращения: 20.10.2025).

Симакова С.И. Формирование медиакомпетентности в системе вузовского образования // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 22 (313). С. 160–165.

Тархов С.В. Медиакомпетентность и электронное обучение: проблемы, задачи, пути решения // *Медиаобразование*. 2016. № 4. С. 66–80.

Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. 64 с.

Федоров А.В. Медиаобразование: история и теория. Москва: МОО «Информация для всех», 2015. 450 с.

Хлызова Н.Ю. Медиаобразование и медиакомпетентность в эпоху информационного общества // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 342. С. 188–191.

References

Abramovskikh T.A. *Organizatsiia deiatel'nosti rukovoditel'ia po vvedeniiu mediaobrazovaniia kak napravleniia razvitiia obrazovatel'noi organizatsii v usloviakh stanovleniia informatsionnogo obshchestva* [Organization of managerial activity in implementing media education as a development direction of an educational organization in the conditions of the information society]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia* [Sign: Problem Field of Media Education], 2018, no. 2 (28), pp. 7–16. (In Russ.)

Bykadorova A.S., Shapovalova E.V. *Mediabezopasnost' kak aktual'noe napravlenie mediaobrazovatel'noi deiatel'nosti* [Media security as a relevant area of media education activity]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia* [Sign: Problem Field of Media Education], 2017, no. 4 (26), pp. 53–57. (In Russ.)

Dement'ev V.V. *Obshchie problemy teorii rechevykh zhanrov* [General issues of speech genre theory]. *Zhanyr rechi* [Speech Genres], 2020, no. 3 (27), pp. 172–194. (In Russ.)

Fedorov A.V. *Slovar' terminov po mediaobrazovaniiu, mediapedagogike, mediagramotnosti, mediakompetentnosti* [Dictionary of terms in media education, media pedagogy, media literacy, media competence]. Taganrog, Taganrog State Pedagogical Institute Publ., 2010, 64 p. (In Russ.)

Fedorov A.V. *Mediaobrazovanie: istoriia i teoriia* [Media education: history and theory]. Moscow, Information for All Publ., 2015, 450 p. (In Russ.)

Khlyzova N.Iu. *Mediaobrazovanie i mediakompetentnost' v epokhu informatsionnogo obshchestva* [Media education and media competence in the era of the information society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2011, no. 342, pp. 188–191. (In Russ.)

Kuptsova I.A., Vladimirova T.N. *Mediaobrazovanie kak sredstvo formirovaniia tsennostnykh orientirov i intellektual'no-tvorcheskogo potentsiala lichnosti* [Media education as a means of forming value orientations and intellectual-creative potential of personality]. *Nauka i shkola* [Science and School], 2024, no. 3, pp. 55–64. (In Russ.)

Mamchuk V.G. *Mediaobrazovanie v usloviakh tsifrovizatsii obshchestva* [Media education in the context of digitalization of society]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific Works of Moscow University for the Humanities], 2020, no. 6, pp. 36–41. <https://doi.org/10.17805/trudy.2020.6.7> (In Russ.)

Miasnikova T.I. *Razvitie mediakompetentnosti studentov universiteta* [Development of media competence of university students: DSc thesis]. Orenburg, 2011, 200 p. (In Russ.)

Perevozova O.V. *Mediakompetentnost' kak uslovie professional'nogo razvitiia soiskatelia v tsifroi transformatsii rynka truda* [Media competence as a condition for professional development in the digital transformation of the labor market]. *Ekonomika truda* [Labor Economics], 2021, vol. 8, no. 4, pp. 391–402. (In Russ.)

Pristupa E.N. *Formirovanie i razvitie mediakompetentnosti budushchikh pedagogicheskikh rabotnikov* [Formation and development of media competence of future teachers]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the 21st Century], 2022, no. 2, part 1, pp. 46–53. (In Russ.)

Rakhmonova Sh.F. *Poniatie mediakompetentsii i ee rol' v obrazovanii* [The concept of media competence and its role in education]. *Universum: psikhologiya i obrazovanie* [Universum: Psychology and Education], 2024, no. 1 (127). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/19108> (access date: 20.10.2025). (In Russ.)

Simakova S.I. *Formirovanie mediakompetentnosti v sisteme vuzovskogo obrazovaniia* [Formation of media competence in the system of higher education]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 22 (313), pp. 160–165. (In Russ.)

Tarkhov S.V. *Mediakompetentnost' i elektronnoe obuchenie: problemy, zadachi, puti resheniia* [Media competence and e-learning: problems, tasks, solutions]. *Mediaobrazovanie* [Media Education], 2016, no. 4, pp. 66–80. (In Russ.)

Zhizhina M.V. *Mediagramotnost' kak strategicheskaia tsel' mediaobrazovaniia: o kriteriakh otsenki mediakompetentnosti* [Media literacy as a strategic goal of media education: on criteria for assessing media competence]. *Mediaobrazovanie* [Media Education], 2016, no. 4, pp. 47–65. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 12.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1'37

EDN PFTUPG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-170-176>

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В РОМАНЕ СЕРГЕЯ ГОРОДЕЦКОГО «САДЫ СЕМИРАМИДЫ»

Туманова Вероника Александровна, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, artnikulya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4805-0933>

Аннотация. В статье рассматривается проблема интертекстуальности в незавершенном романе Сергея Городецкого «Сады Семирамиды» (1971). Цель исследования заключается в выявлении интертекста и его источников, характеристике структуры и семантики интертекстуальных элементов романа, определении особенностей функционирования ключевых интертекстов в повествовательном дискурсе писателя. Особое внимание уделяется роли прецедентных имен, крылатых выражений и цитат-реминисценций, создающих межтекстовое взаимодействие. В ходе исследования проводится анализ употребления библенима «Сады Семирамиды», выявляются коннотации в контексте античной и армянской мифологии, включая связь с легендой о царице Шамирам и городом Ваном. Метафора *сад* рассматривается как сквозной символ, приобретающий различные смыслы в русской классической литературе и в романе Городецкого. Проводится анализ использования библейских аллюзий и их роли в раскрытии темы геноцида армян как нового «грехопадения», разрушения армянской культуры и истории. Выявляются автотекстуальные связи романа с циклом стихотворений Городецкого «Ангел Армении», а также элементы интермедальности, проявляющиеся во взаимодействии романа с музыкой и живописью. Результаты исследования показывают, что Городецкий активно использует интертекстуальные связи для углубления смысла произведения, создания многогранных образов и выражения авторской позиции.

Ключевые слова: литературный нарратив, повествовательный дискурс, Сергей Городецкий, языковые средства, интертекстема.

Для цитирования: Туманова В.А. Языковые средства создания интертекстуальных связей в романе Сергея Городецкого «Сады Семирамиды» // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 170–176. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-170-176>

Research Article

FIGURES OF SPEECH OF CREATING INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN THE NOVEL “THE GARDENS OF SEMIRAMIS” BY SERGEY GORODETSKY

Veronika A. Tumanova, postgraduate, Kostroma State University, Kostroma, Russia, artnikulya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4805-0933>

Annotation. This article examines the problem of intertextuality in the unfinished novel “The Gardens of Semiramis” by Sergey Gorodetsky (1971). The aim of the study is to identify the intertext and its sources, characterise the structure and semantics of the novel’s intertextual elements, and determine the functioning of key intertextual elements in the writer’s narrative discourse. Particular attention is paid to the role of precedent names, catchphrases, and reminiscence quotations that create intertextual interaction. The study analyses the use of the biblical name “the Gardens of Semiramis”, identifying connotations in the context of classical and Armenian mythology, including its connection to the legend of Šamiram and the city of Van. The metaphor of *garden* is considered a recurring symbol, acquiring various meanings in Russian classical literature and in Gorodetsky’s novel. The article analyses the use of biblical allusions and their role in revealing the theme of the Armenian Genocide as a new “Original Sin”, the destruction of Armenian culture and history. It identifies the novel’s autotextual connections with Gorodetsky’s poem cycle “Angel of Armenia”, as well as elements of intermediality evident in the novel’s interaction with music and painting. The study’s findings demonstrate that Gorodetsky actively utilises intertextual connections to deepen the work’s meaning, create multifaceted images, and express his authorial position.

Keywords: literary narrative, narrative discourse, Sergey Gorodetsky, figures of speech, intertexteme.

For citation: Tumanova V.A. Figures of speech of creating intertextual connections in the novel “The Gardens of Semiramis” by Sergey Gorodetsky. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 170–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-170-176>

Одним из характерных признаков повествовательного дискурса является интертекстуальность, которая связана с глобальной текстовой категорией диалогичности. Художественное произведение приобретает необходимую смысловую полноту благодаря его соотносительности и взаимодействию с другими текстами в общем интертекстуальном пространстве культуры [Николина: 223].

Понятие *интертекстуальности* в современных лингвистических исследованиях не имеет однозначной трактовки. В широком смысле модель интертекстуальности рассматривает отношения между текстами, которые автор не предполагал, в узком смысле – сближается с теорией прецедентности, где выявляются тексты, в которых автор намеренно взаимодействовал с другими дискурсами [Петрова: 45]. *Интертекстуальность* представляет собой функционально-ориентированную единицу интертекста, репрезентирующую претекст, выступает в качестве реляционного сегмента содержательной структуры текста, охватывая различные уровни: смысловой, грамматический, морфологический, синтаксический, лексический, просодический, строфический и композиционный. Основной характеристикой интертекстуальности является её вовлечённость в систему межтекстовых связей, формирующих интертекстуальное пространство [Сидоренко: 143].

Изучению интертекстуальности в художественном тексте посвящены исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов и литературоведов: Р. Барта [Барт], М.М. Бахтина [Бахтин], Ю. Кристевой [Кристева], В.М. Мокиенко [Мокиенко], Н.А. Николиной [Николина], Н. Пьеге-Гро [Пьеге-Гро], К.П. Сидоренко [Сидоренко], Н.А. Фатеевой [Фатеева] и др. М.М. Бахтин разработал теорию «чужого слова» и выдвинул идею о том, что язык романа – это художественная система, включающая в себя различные языковые пласты [Бахтин: 228]. В 1967 г. Ю. Кристева продолжила исследование М.М. Бахтина в работе «Бахтин, слово, диалог и роман» и ввела термин *интертекстуальность*: «Любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*» [Кристева: 429]. Затем Р. Барт в своих исследованиях по семиотике и поэтике сместил акцент с авторского намерения на активную роль читателя в формировании художественных значений [Барт: 33]. Николь Пьеге-Гро систематизировала различные подходы к интертекстуальности, определила ее ключевые характеристики и выделила разнообразные формы проявления интертекстуальных связей в тексте [Пьеге-Гро: 51–126]. Н.А. Фатеева раскрыла особенности организации художественного времени в интертекстуальном пространстве текста и предло-

жила типологию межтекстовых элементов [Фатеева 16–120]. Н.А. Николина представила интертекстуальность как аспект филологического анализа текста, заключающийся в выявлении «чужих» дискурсов в его составе, определении их функций, выделила интертекстуальные элементы в составе художественного произведения [Николина: 223–226].

В современной филологии активно изучаются языковые средства межтекстового взаимодействия в художественной прозе. А.И. Яковлев [2011] исследовал интертекстуальные связи в романе А. Белого «Петербург». М.А. Фокина, М. Шохра [2024] изучили пушкинское слово в романах В.Е. Максимова «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти». Учёные единодушно отмечают, что интертекстуальность является значимой составляющей жанровой структуры романа, который относится к повествовательному нарративному тексту, излагающему историю посредством нарратора [Schmid: 7].

Целью нашего исследования является комплексный анализ ключевых интертекстов романа Сергея Городецкого «Сады Семирамиды»: выявление их структурно-семантических и функциональных особенностей, обоснование роли ведущих интертекстуальных элементов текста в повествовательной структуре произведения, в экспликации его концептуального содержания. Изучение межтекстового взаимодействия в литературном нарративе опирается на принципы дискурсивного исследования, а также используются исследовательские методы контекстуального анализа и семантического анализа языковых единиц.

В незавершенном романе Сергея Городецкого «Сады Семирамиды» (1971) отражен личный опыт автора во время его путешествий по Кавказскому региону. Произведение представляет собой трагическое изображение событий, постигших армянское население. Автор детально описывает напряженные военные действия, развернувшиеся на Кавказском фронте в период Первой мировой войны.

Языковыми средствами создания интертекстуальности являются лексические, фразеологические и синтаксические единицы. Интертекстуальные связи романа «Сады Семирамиды» представлены разнообразно, нами выделено четыре уровня межтекстового взаимодействия: 1) собственно интертекстуальность (непосредственное обращение к претекстам); 2) архитектурность (межжанровое взаимодействие); 3) автотекстуальность (смысловые ассоциации с другими произведениями данного автора); 4) интермедальность (связи художественного текста с музыкой и живописью).

Собственно интертекстуальности – прецедентные имена, крылатые единицы и цитаты-реминисценции – формируют первый уровень межтекстового взаи-

модействия в романе Городецкого. В современной лингвистике использование прецедентных имен рассматривается как особая разновидность метафоры. Ключевые метафоры характеризуют героев и события, создают семантические доминанты и/или семантические оппозиции текста, выражают авторскую модальность, раскрывают концептуальное содержание произведения [Фокина 2025: 61]. Сергей Городецкий употребляет крылатое выражение, библионим *сады Семирамиды* – книжн. ‘нечто чудесное, великолепное, прекрасное’. Согласно древнегреческой мифологии *Семирамида* – легендарная ассирийская царица, с ее именем связаны завоевательные походы. *Семирамида* вырастила «висячие сады» в Вавилоне. Древний мир считал *сады Семирамиды* одним из семи чудес света [БСКСРЯ: 435]. В контексте древнеармянской мифологии *Семирамида (Шамирам)* – легендарная царица Ассирии, которая воздвигла город Ван [Хоренаци: 14].

Прецедентный оним *Шамирам* напрямую связан с заглавием романа и с именем одной из героинь произведения. Городецкий использует отсылку к античной и армянской мифологиям, в связи с чем интертекстема приобретает следующие коннотации.

1. Легенда о Висячих садах Семирамиды является метафорой, отражающей изящество, красоту и чувственность героини, автор использует определения-апеллятивы, сопровождающие оним: «А *Шамирам* – *взрослая* девушка, *красивая* девушка...» [Городецкий 2: 36].

2. Символ армянской земли, погруженной во мрак, жаждущей искупления и грядущего возрождения: «Слезы хлынули из ее глаз... Спустите же меня на землю! Спустите! Неужели нет в людях ни капли жалости?» [Городецкий 2: 21].

Метафора *сад* является сквозным символическим образом русской классической литературы. Например, в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» интертекстема *сад* приобретает глубокий символический смысл в афористическом высказывании Саши Трофимова: «Вся Россия наш *сад*» [Чехов: 60]. Эти слова подводят итог авторским раздумьям о будущем России и ее народа в начале XX в., когда ощущались надвигающиеся социальные перемены. Характеризуя разное отношение персонажей к *саду*, Чехов выражает их чувства к родной земле, представляя *сад* как метафору России. В известной поэме «Соловьиный сад» А. Блок раскрывает образ *сада* в качестве символа мечты, удаленной от жизни:

Только все неотступнее снится
Жизнь другая – моя, не моя...
И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий *саду*? [Блок: 241].

У Владимира Маяковского *сад* является синонимом красивого, цветущего города будущего: «Я знаю, город будет, я знаю, *саду* цвеств...» [Маяковский: 84]; «Через четыре года здесь будет город-*сад*...» [Маяковский: 83].

Интертекстема *сад* в романе Городецкого объемно раскрывается в контексте русской и мировой литературы и культуры, является символом природного великолепия, воспоминаний армянского народа о довоенной жизни: автор использует эпитет «какой *сияющий сад*» [Городецкий 2: 11], метафору «белорозовые *жемчужины повисли в воздухе*... лепестками распускающихся цветов плодового *сада*...» [Городецкий 2: 11].

Противопоставляя довоенную жизнь послевоенной, автор использует антитезу *созидание* – *уничтожение*: «...это *сад* возле их дома, там в Ване, посаженный дедом и выхоженный отцом» [Городецкий 2: 11] – «Никакого *сада нет!*»; «...небольшие уступы... напоминают о *висячих садах Семирамиды*. Давно *погибли сады*...» [Городецкий 2: 11]. В этом контексте автор представляет *сад* как метафору разоренной родины: *сад* – это разрушенный армянский город Ван. Создается текстовая энантиосемия: лексема *сад* приобретает семантическую объемность, объединяет противоположные смыслы.

Имя собственное *Анаид*, в армянской мифологии *Анаит (Анаида)* – богиня материнства, любви и войны [Шифман: 62]. Образ Анаид, связанный с плодородием, отражает трагическую участь беременных женщин, вынужденных покидать дома и выживать в тяжёлых условиях: «Она была беременна, *Анаид*. <...> ...Она, лежа на уже успевшем запылиться холсте, укладывала свои маленькие ноги так, чтоб было удобно зародышу, с самой весны развивавшему в ней свою жизнь» [Городецкий 2: 22].

Автор использует интертекстуальную метафору, заимствованную из Библии. Библейская цитата обладает высокой художественной пластичностью в отечественной культуре по сравнению с другими литературными источниками [Колесников: 10]. Три имени собственных – *Адам*, *Ева* и *Вавилон* – крылатизмы, которые выступают в качестве интертекстуальных элементов в художественном произведении. Использование имен *Адам* и *Ева* отсылает к библейскому мифу о сотворении мира и грехопадении:

«...Где войско?

– Англичанам помогает. Там, за Евфратом, где рай был.

– Какой рай?

– Где *Адам* с *Евой* согрешил.

– И там мы?

– А что? Казаку везде дорога.

– А этих англичан тоже турки режут?

– Не режут, а бьют, дурья голова. Союзники они наши. Они тут не живут. У них свой остров. Там, за Архангель-

ском. Сюда воевать пришли. А их турки бьют. Выручать надо» [Городецкий 2: 51].

Городецкий использует крылатизмы *Адам и Ева* в речи казаков, простых людей, участвующих в войне. Массовые убийства армян рассматриваются как новое «грехопадение». Образ утраченного рая становится символом уничтоженной армянской культуры и истории. Тема изгнания из рая, центральная для библейского нарратива, находит свое отражение в горькой судьбе армянского народа, лишённого родины и подвергнутого геноциду.

Имя собственное *Вавилон*, неразрывно связанное с библейским повествованием о Вавилонской башне, в романе является метафорой, отражающей хаос, смешение языков и культур в Армении:

«– В Персии ангелов изображают не на церквах, а знате где?»

– Ну?

– Над входом в бани! Мне один профессор говорил, что это правильно. Ангелов выдумали в *Вавилоне*, и там они были не просто вестниками, а вестниками любви. А бани ведь на всем свете служат не только для мытья, но и для любви. Значит, ангелы там вполне на месте. Да, слушайте, – захохотал он, – ведь и в Евангелии то же самое!» [Городецкий 2: 52].

В библейской книге «Бытие» [Библия] *Вавилон* выступает как многозначный символ, соединяющий в себе различные смыслы: символ гордыни и богоотступничества, связанный со строительством *Вавилонской башни*, попыткой человечества возвыситься до уровня Бога, и символ смешения языков и культур. Османская империя, совершившая геноцид армян, может метафорически сопоставляться с *Вавилоном* как с империей-завоевателем и угнетателем. Насилие и несправедливость являются проявлением гордыни и богоотступничества, характерных для библейского *Вавилона*. Разрушение армянских церквей и культурных памятников, уничтожение национальной идентичности можно рассматривать как взаимосвязь с разрушением Иерусалимского храма вавилонянами. Эта параллель указывает на глубокие культурные и религиозные корни конфликта.

Через призму библейских аллюзий Городецкий расширяет границы понимания трагедии, показывает ее культурно-исторические истоки, поднимает вопросы о моральной ответственности и человечности.

Архитекстуальность, отражающая межжанровое взаимодействие, создает второй уровень интертекстуальности. В литературном произведении употребляется фольклорное изречение: «В каждом армянце живет поэт» [Городецкий 2: 94]. Это старинная поговорка, о которой писал Валерий Брюсов в работе «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» [Брюсов: 42]. Использование паремии в романе позволяет Городецкому образовать межжанровое вза-

имодействие, обогатить произведение лирическими отступлениями, поэтическими образами и метафорами. Он не только рассматривает исторические и культурные аспекты, но и пытается проникнуть в суть армянской души.

Прозаическое повествование органично переплетается также с элементами поэзии, создавая уникальное межжанровое пространство. В художественный диалог героев произведения добавляется стихотворение армянского поэта начала XX в. Даниэля Варужана [Варужан]:

Там, над озером зеркальным,
Домик мой в краю далеком.
Настежь дверь. Родимым оком
В нем горит огонь печальный...
Гроб уж вынесли оттуда –
Унесли мою с ним душу.
На пороге плачет – слушай!
Кот лохматый, белогрудый.
День придет. Вернусь с тоскою
В дом, к лампаде бездыханной.
Дверь закрою с болью странной
И с котом заплачем двое [Городецкий 2: 96].

Сергей Городецкий вплетает в повествование биографию Даниэля Варужана, который был убит турецким правительством: «...его жизнь – это свеча, зажженная от костра, на котором горит армянский народ...» [Городецкий 2: 95] Метафора формирует архитекстуальную связь: лирические строки отражают печаль армянского народа, тоску по утраченным домам. Так создаются психологизм повествования, полифония романа.

Ещё одним важным элементом интертекстуальности становится автотекстуальность, характеризующаяся отсылками к другим произведениям Сергея Городецкого. Перед тем, как приступить к работе над «Садами Семирамиды», Городецкий создал цикл стихотворений «Ангел Армении», который стал своеобразным претекстом для его последующего творчества. В стихотворении «Душевнобольная» читаем:

Ее никто не кормит, не ласкает,
Ей голодно, ей странно все, ей жутко.
Бежать отсюда? Сердце не пускает...
<...>
Болит душа. Скорей бы ночь настала!
А ночь придет, она, больною тенью.
Начнет бродить, мяукая устало...

[Городецкий 1: 326].

Эти строки позволяют увидеть автотекстуальные связи поэтического текста с романом: создаются смысловые ассоциации с изображением *Шамирам*. Название стихотворения – авторская характеристика девушки, лишённой разума, это результат трагических событий: её терзают ужасные воспоминания о том, как курдские отряды похитили Шамирам

в военное время и посадили в колодец, откуда ей чудом удалось выбраться.

Автотекстуальная связь проявляется также со стихотворением Городецкого «Ребенок»:

Насилье исказило землю!
Как страшно правду понимать!
Ответу бедственному внемлю:
Ребенок – будущая мать [Городецкий 1: 325].

Городецкий воплотил в своем романе девятилетнюю *Анаид* – беременную девочку, над которой надругались. Городецкий использует оксюморон: «*Ребенок – будущая мать*», чтобы показать противоестественность произошедшего, когда ребенок вынужден нести бремя материнства.

Интермедийность как взаимодействие романа «Сады Семирамиды» с музыкой и живописью расширяет границы повествовательного нарратива. Многочисленны связи с музыкальными произведениями – песнями, которые поют герои романа. Во время войны песни помогают людям выразить горечь утраченных домов: «По родным садам тоскует на чужбине соловей» [Городецкий 2: 95]. Песенная метафора олицетворяет армянский народ: «Все народы – цветы с одной грядки» [Городецкий 2: 95]. Автор показывает бессмысленность вражды между странами и народами. Герои радуются окончанию военных действий, в строках их песен встречаются многократные риторические восклицания *Вот это так!*, метафоры *песней мы прогоним грусть и страх, пляской смерть растопчем в прах* [Городецкий 2: 101].

Художественные пейзажи, насыщенные цветопищью, связывают текст романа с живописными полотнами. Например, в красочных описаниях природы Армении используются различные изобразительно-выразительные средства, которые помогают читателю визуализировать изображаемое, зрительно представить колоритные образы:

- метафора и эпитет: *желто-зеленые пирамиды спелых осенних дынь вздымались над землей* [Городецкий 2: 8];
- сравнение в изображении Ванской скалы: *как загорелый пальчик маленькой девочки, поднимается в небо с ее середины минарет* [Городецкий 2: 30];
- колоративы: *темно-голубые шелковые волны выбрасывают рыжий, табачного цвета песок на берег* [Городецкий 2: 12].

Таким образом, интертекстуальный анализ романа Сергея Городецкого «Сады Семирамиды» позволяет глубже понять авторскую позицию и точнее интерпретировать культурно-исторический контекст произведения. Межтекстовое взаимодействие образует разноуровневую, объемную структуру в организации художественного повествования. Первый уровень межтекстового взаимодействия представлен прецедентными именами, крылатыми единицами и цита-

тами-реминисценциями. Вторым уровнем интертекстуальности является архитектстуальность, которая реализуется в межжанровом взаимодействии: использование паремии обогащает роман лирическими отступлениями, прозаическое повествование интегрируется с элементами поэзии. Третий уровень представлен автотекстуальными связями: лирические тексты Городецкого-поэта воспринимаются читателем как своеобразные претексты, которые обогащаются новыми смыслами в прозе Городецкого-романиста. Четвертый уровень основывается на интермедийности, заключается во взаимодействии с музыкой (песни героев, выражающие горечь и надежду) и живописью (описание природы с использованием колоративной лексики, метафор, сравнений и эпитетов). Интертекстемы занимают сильные позиции текста, способствуют экспликации концептуального содержания романа, обеспечивают динамику текстовых смыслов, создают психологизм и повествовательную полифонию на всех уровнях литературной коммуникации.

Список литературы

Источники

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва: Российское Библейское Общество, 2014. 1378 с.

Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. Москва; Ленинград: Гос. изд. худож. лит-ры, 1960. Т. 3. 714 с.

Большой словарь крылатых слов русского языка / под ред. В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой. Москва: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с. (БКСРЯ)

Варужан Д. Стихи / пер. с арм. Б. Окуджавы. Москва: Художественная литература, 1984. 222 с.

Городецкий С.М. Избранные произведения: в 2 т. Москва: Художественная литература, 1987. 574 с.

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. Москва: Гослитиздат, 1958. 251 с.

Шифман И.А. Мифы народов мира: энциклопедия / под ред. С.А. Токарева. Москва: Советская энциклопедия, 1980. С. 62.

Чехов А.П. Вишневый сад: пьеса. Москва: Детская литература, 1980. 96 с.

Исследования

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.

Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.

Брюсов В. Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. Ереван: Айастан, 1966. 512 с.

Колесников О.М. Библийские цитаты и аллюзии в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2022. 23 с.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму, пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 2000. С. 427–456.

Мокиенко В.М. Интертекстемы и текст в славянских языках // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. конф. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 4–27.

Николина Н.А. Филологический анализ текста. Москва: Академия, 2003. 256 с.

Петрова Е.В. Природа и сущность понятий «интертекстуальность» и «прецедентность» // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. 2020. Т. 1. С. 45–49.

Пеэге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.

Сидоренко К.П. От крылатого слова к интертекстеме (межуровневая проекция) // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. Москва: ЭЛПИС, 2005. С. 143–145.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. Москва: Агар, 2000. 280 с.

Фокина М.А. Ключевые метафоры в повести Владимира Корнилова «Искра» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 60–65.

Фокина М.А., Шохра М. Пушкинское слово в повествовательном дискурсе В.Е. Максимова (по романам «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти») // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 91–97.

Хоренацци М. История Армении. Ереван: Айастан, 1990. 291 с.

Яковлев А.И. Интертекстуальная цветопись и интермедийные связи как средства создания образа Христа в романе А. Белого «Петербург» // Вестник Костромского государственного университета. 2011. № 1. С. 113–116.

Schmid W. Narratology: an introduction, transl. by A. Starritt. Boston, De Gruyter, 2010, 259 p.

References

Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russ.)

Bakhtin M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Research from Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, 504 p. (In Russ.)

Briusov V. *Poeziia Armenii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Poetry of Armenia from ancient times to the present day]. Yerevan, Aiastan Publ., 1966, 512 p. (In Russ.)

Iakovlev A.I. *Intertekstual'naia tsvetopis' i intermedial'nye svyazi kak sredstva sozdaniia obraza Khrista v romane A. Belogo «Peterbur»* [Intertextual color painting and intermedial connections as means of creating the image of Christ in A. Bely's novel "Petersburg"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2011, no. 1, pp. 113–116. (In Russ.)

Fateeva N.A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts.]. Moscow, Aгар Publ., 2000, 280 p. (In Russ.)

Fokina M.A. *Kliuchevye metafory v povesti Vladimira Kornilova «Iskra»* [Key Metaphors in Vladimir Kornilov's Story «Spark»]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2025, vol. 31, no. 1, pp. 60–65. (In Russ.)

Fokina M.A., Shokhra M. *Pushkinskoe slovo v povestvovatel'nom diskurse V.E. Maksimova (po romanam «Zaglianut' v bezdnu» i «Kochevanie do smerti»)* [Pushkin's Words in the Narrative Discourse of V.E. Maksimov (based on the novels "Look into the Abyss" and "Wandering to Death")]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 3, pp. 91–97. (In Russ.)

Khorenatsi M. *Istoriia Armenii* [History of Armenia]. Yerevan, Aiastan Publ., 1990, 291 p. (In Russ.)

Kolesnikov O.M. *Bibleiskie tsitaty i alliuzii v proze A.P. Chekhova: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Biblical quotations and allusions in the prose of A.P. Chekhov]. Omsk, 2022, 23 p. (In Russ.)

Kristeva Ju. *Bakhtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, word, dialogue and novel]. *Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism], transl. from French and introductory article by G.K. Kosikov. Moscow, Progress Publ., 2000, pp. 427–456. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Intertekstemy i tekst v slavianskikh iazykakh* [Intertextualities and text in Slavic languages]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskurse: sbornik dokladov mezhdunarodnoĭ konferentsii* [Intertext in artistic and journalistic discourse: collection of papers from the international conference]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003, pp. 4–27. (In Russ.)

Nikolina N.A. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademiia Publ., 2003, 256 p. (In Russ.)

Petrova E.V. *Priroda i sushchnost' poniatii «intertekstual'nost'» i «pretsedentnost'»* [The nature and essence of the concepts of "intertextuality" and "precedent"]. *Tatishchevskie chteniia: aktual'nye problemy nauki i praktiki* [Tatishchev Readings: Current Issues in Science and Practice], 2020, vol. 1, pp. 45–49. (In Russ.)

Pege-Gro N. *Vvedenie v teoriu intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality],

ed. by G.K. Kosikova. Moscow, URSS Publ., LENAND Publ., 2015, 240 p. (In Russ.)

Schmid W. *Narratology: an introduction*, transl. by A. Starritt. Boston, De Gruyter Publ., 2010, 259 p.

Sidorenko K.P. *Ot krylatogo slova k interteksteme (mezhurovnevaia proektsiia)* [From catchphrase to intertexteme (interlevel projection)]. *Grani slova: sb. nauch. st. k 65-letiiu prof. V.M. Mokienko* [Facets of the Word: A Collection of Scientific Articles for the 65th An-

niversary of Professor V.M. Mokienko]. Moscow, ELPIS Publ., 2005, pp. 143–145. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «*HALAL*» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Жезлова Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия zhezlova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9354-6114>

Белопухова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, klepa3367@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6679-8831>

Аннотация. Миграционные процессы в Евросоюзе оказывают значительное влияние на образ жизни граждан ЕС. Роль мусульманского сообщества в Европе растет, в связи с этим в медиадискурсе появляется много новых понятий мусульманского толка. Авторы статьи на примере немецкоязычного медиадискурса прослеживают изменения в лексике немецкого языка на примере лексемы *halal* и через анализ речевых структур выявляют отношение немецкоязычного социума к признанному явлению исламской культуры. В ходе исследования было выявлено, что понятие *halal* является самым частотным заимствованием в современной немецкоязычной прессе. Лексическая единица часто используется журналистами в прямом и переносном значении и чаще всего встречается в следующих тематических группах: «Еда», «Политика», «Туризм», «Косметика», «Образ жизни». Лексема *halal*, обозначающая специфическую исламскую реалию и не имевшая аналогов в немецком языке, приобретает в немецкоязычном медиадискурсе новые значения и адаптируется к языковым нормам немецкого языка. Изначально несклоняемое прилагательное образует сложные детерминативные композиты, чаще всего по модели словосложения с дефисом и, реже, без него, многие неологизмы носят окказиональный характер. Лексические единицы с компонентом *halal* чаще имеют нейтральную коннотацию, но при описании конфликтных ситуаций с представителями мигрантов из мусульманских стран в немецкоязычной прессе реализуется и отрицательная коннотация.

Ключевые слова: арабские заимствования, халяль, немецкоязычные СМИ, немецкий язык, субстантивные композиты.

Для цитирования: Жезлова С.А., Белопухова О.В. Трансформация лексемы «*halal*» в современном немецкоязычном медиадискурсе // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 177–182. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-177-182>

Research Article

THE TRANSFORMATION OF THE LEXEME “*HALAL*” IN CONTEMPORARY GERMAN-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

Svetlana A. Zhezlova, PhD in Pedagogy, Kostroma State University, Kostroma, Russia, zhezlova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9354-6114>

Olga V. Belopukhova, PhD in Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, klepa3367@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8895-0083>

Abstract. Migration processes in the European Union have a significant impact on the lifestyle of the EU citizens. The role of the Muslim community in Europe has been growing, leading to the emergence of many new Muslim-related concepts in the media discourse. Using the German-language media discourse as an example, the authors of this article trace the changes in the vocabulary of the German language using the example of the lexeme “*halal*”. Through the analysis of speech structures, they reveal the attitudes of German-speaking society toward this recognised phenomenon of the Islamic culture. The study revealed that the concept of “*halal*” is the most frequent borrowing in the contemporary German-language press. The lexical unit is often used by journalists both literally and figuratively and is most often found in the following thematic groups: Food, Politics, Tourism, Cosmetics, and Lifestyle. The lexeme “*halal*”, which once denoted an Islamic culture-specific concept and had no equivalent in German, is acquiring new meanings in the German-language media discourse and adapting to the linguistic norms of the German language. The initially indeclinable adjective forms complex determinative noun compounds, most often using a hyphenated model, and less often without one. Many neologisms are of an occasional nature. Lexical units containing the component “*halal*” often have a neutral connotation, but when describing conflict situations involving migrants from Muslim countries, the German-language press also resolves a negative connotation.

Keywords: Arabic loanwords, halal, German-language media, German language, noun compounds.

For citation: Zhezlova S.A., Belopukhova O.V. The transformation of the lexeme “halal” in contemporary German-language media discourse. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 177–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-177-182>

Языковая модель мира Германии и других немецкоговорящих стран меняется под влиянием миграционных процессов, культурное и религиозное разнообразие Европы находит свое отражение в немецком языке. Особенно сильное влияние на немецкоязычное пространство в последнее время оказывает исламская культура. Согласно официальной германской статистике, в стране в настоящее время проживает примерно 5,5 миллиона граждан мусульманского вероисповедания, что соответствует 6,5 % всего населения ФРГ; мусульмане являются второй по величине религиозной группой в стране после христиан. Современное европейское сообщество воспринимает мусульман как неотъемлемую социальную группу, имеющую равные права. Являясь значительной частью европейского общества, последователи ислама оказывают влияние на культуру, язык и общественные настроения [Statistisches Bundesamt].

К проблематике влияния мусульманского сообщества на европейское пространство неоднократно обращались как германские, так и российские специалисты в области культуры, истории и языкознания. Так, Э.Ф. Рязанова, обобщая опыт российских исследователей, называет темы, которые последние два десятилетия находились в центре внимания отечественных ученых: чаще всего изучались политические, социальные и исторические причины мусульманской иммиграции, роль мусульманских общин в социально-политической жизни Европы, интеграция мусульман в ФРГ, трансформация ислама в условиях Западной Европы, трансляция СМИ негативного образа мусульман, использование мигрантами ресурса «мягкой силы» [Рязанова: 75–77]. Отечественные и зарубежные лингвисты в последние годы чаще обращались к таким темам, как проблематика арабских заимствований (Новикова С.Ю., Рагасова С., Хуснутдинов А.А., Sefiane F.Z., и др.), особенности исламизмов (арабизмов) в современном немецком языке (Егорочкина Л.В., Жилинская Л.А., Купцова О.Г.), цифровизация ислама и использование новых технологий в религии и в языке (Чеснова Е.Н.). В зарубежном научном сообществе появилось значительное количество исследований, посвященных вопросам исламских заимствований в медиадискурсе и их влиянию на европейские языки. Исследуются тесные взаимосвязи между арабским и немецким языком [Achour N.; Sefiane], лингвистические аспекты в рекламных слоганах халяльной продукции [Meliyeva] и т. д.

Как показал анализ научного материала, влияние исламской идеологии и арабского языка на немец-

кий язык достаточно велико. Немецкий язык активно заимствует понятия исламского мира, лексические единицы из восточных языков, в частности арабского, большинство заимствований связано с религиозной тематикой. Это позволило авторам данной статьи сделать вывод о том, что тема воздействия мусульманской культуры на европейское, в частности немецкоязычное, сообщество исследуется в последнее время довольно интенсивно. Не в полной мере, однако, раскрыта проблематика языковой экспансии и влияния исламской языковой картины мира на немецкоязычные страны через СМИ.

Согласно проведенному анализу актуального немецкоязычного медиадискурса, одним из самых частотных исламских заимствований на современном этапе является понятие *халяль* (*halal*). Арабское слово *халяль* (от *hallala* – «объявлять дозволенным»), иногда встречается в турецком варианте *helal*) означает все, что разрешено согласно исламским убеждениям [Ожегов] Это понятие зафиксировано в немецком толковом словаре Дуден, где рассматривается как заимствование и несклоняемое прилагательное [Duden]. Лингвистическая интерпретация термина *халяль* представляет собой перспективное направление и открывает новые области для исследований. По мнению М.З. Ибрагим, сегодня можно говорить о существовании так называемого халяльного дискурса, включающего в себя тексты таких тематических групп, как «устойчивое развитие», «экологическая сознательность», «безопасность пищевых продуктов», «забота о животных» и т. д. Немусульманское общество понимает слово *halal* чаще всего как «соответствие», «осведомленность», «принятие» и «признанный», что подразумевает положительную коннотацию. Однако есть примеры и негативной коннотации в медиадискурсе, например в значениях «замешательство» и «чувствительность». Исследователи предлагают выделить пять категорий реализации понятия «халяль» в дискурсе, а именно: халяльная еда, сертификация халяльной продукции, знак «халяль», халяльное название или бренд и цепочка поставок халяльной продукции [Ibrahim, Nordin: 700].

Х. Исам разделяет семантическое поле термина *halal* на пять категорий, где первая является основной, а остальные – периферийными, например:

1. Закон (живые существа – люди, животные и растения, неживые существа, доход, процесс, отношения, деятельность).

2. Источники (материалы, виды деятельности, средства к существованию, права собственности).

3. Прощение / извинение / отпущение грехов (услуги / жертвоприношение, дар, грех, профессия).

4. Разрешение (одобрение / разрешение / обеспечение, погашение долга).

5. Доказательства (сертификаты, логотип, знаки, статус) [Isam: 5218].

Учитывая данные вышеназванных исследований, авторы статьи предприняли попытку проанализировать актуальные аутентичные медиатексты немецкоязычного пространства, содержащие заимствование *halal*, описать наиболее частотные значения понятия и выявить закономерности его трансформации. Таким образом, через анализ речевых структур можно констатировать отношение немецкоязычного социума к определенному явлению исламской культуры.

Материалом настоящего исследования являются статьи из периодических онлайн-изданий Австрии, Германии, Швейцарии за 2025 г. Это статьи немусульманского контента, которые представляют собой неспециализированную прессу, доступную широкому кругу читателей, например: *Deutschlandfunk*, *Focus*, *Kurier*, *Neue Zürcher Zeitung*, *Puls24*, *Spiegel*, *Tagesanzeiger*, *Tagesschau*, *Tageszeitung*, *Zeit* и др.

Работа с эмпирическим материалом проходила в несколько этапов: анализ немецкоязычных электронных версий СМИ Германии, Австрии и Швейцарии, составление корпуса примеров (с помощью метода сплошной выборки); распределение материала по тематическим группам; выделение частотных групп; анализ лингвистических способов актуализации. Всего авторами было проанализировано около 800 текстов, содержащих лексическую единицу *halal*. Корпус примеров для непосредственного анализа составил 124 фрагмента, было выделено 5 частотных фреймов. По сфере употребления весь собранный материал можно распределить по следующим тематическим группам: “Essen”, “Tourismus”, “Arzneien und Kosmetik”, “Politik”, “Lebensweise”.

Рассмотрим примеры употребления заимствования *halal* в порядке частотности его употребления в немецкоязычном медиадискурсе.

Фрейм “Essen”/ Большинство примеров использования слова *halal* в исследуемом нами контенте касается мяса и мясных продуктов: “*Die jungen Männer unterhielten sich darüber, ob Mozzarella halal und wie Hirschfleisch am besten zuzubereiten sei*”. На фоне увеличения спроса на халяльные продукты в немецкоязычных странах требуется обучение персонала мясозаготовительных предприятий и ресторанов «правильному» по мусульманским традициям забиванию скота и приготовлению блюд: “*Halal-Schulung für Fachkräfte: Richtlinien und Best Practices*”; “*Halal- und Koscher-Kochausbildung: Folgt das auf den veganen Siegeszug?*”. В прессе часто обсуждаются выявленные случаи неправильного забоя скота, свя-

занные с мучением животных или мошенничеством, когда нехаляльные продукты выдаются за халяльные: “*In einer "Halal-Metzgerei" im Bezirk Braunau soll es seit 2021 zu Fällen von illegalen Schächtungen gekommen sei*”; “*Eine Halal-Metzgerei in Eggelsberg mit Zweigstelle in Salzburg steht unter dem Verdacht*”.

Немецкие производители ориентируются на спрос потребителей, в том числе и на мусульман, составляющих довольно большую часть населения. Так, на Кёльнском карнавале карамель присутствует и в халяльном варианте: “*Kaufen kann man bei ihm nun zum Beispiel auch viele Süßigkeiten, die halal sind - also nach islamischen Vorschriften hergestellt*”. Многие товары известных европейских марок, например сладости, имеют сертифицированные халяльные варианты, что приносит несомненную выгоду производителям на фоне растущего спроса: “*Die Gelatine in den deutschen Haribos ist nicht halal, wegen der Schweinegelatine*”, “*Die Toblerone ist seit einigen Monaten halal*”.

Увеличение количества детей мигрантов из мусульманских стран в школах привело к тому, что активно обсуждается вопрос о халяльной еде в школьных столовых: “*FP-Sommer im Talk – Halal-Essen in Schulen: "Nicht wir müssen uns anpassen"*”, “*Volksschüler fragen: – Ist ein Schokolade-Nikolo halal oder haram?*”

Фрейм “Tourismus”/ Прочно закрепилось в немецкоязычной прессе понятие *Halal-Tourismus* (халяльный туризм). Данный термин обозначает не только еду, но и мусульманский дресскод для отдыхающих и персонала, места для молитв и т. д., например: “*Der Halal-Tourismus boomt, das macht den Markt auch für die Schweiz relevant*”, “*Batiste Pilet erklärt, wie Schweiz Tourismus Südostasien die Schweiz als gastfreundliches Reiseland bei den Halal-Zielgruppen vermarkten will*”. Лексические новообразования в сфере туризма и отдыха представляют отдельную большую группу, многие из них носят окказиональный характер: *Halal-Cruises*, *Halal-Holidays*, *Halal Barbeque*, *Halal Hotels*, *Halal-Passagiere*, *Halal-Tourismus*, *Halal-Zielgruppen*.

Фрейм “Arzneien und Kosmetik”. В СМИ активно обсуждаются вопросы разрешенных для мусульманского населения медикаментов: “*Halal oder haram? Warum sich nicht alle Medikamente für Muslime eignen?*” Экологически чистая, без спирта и агрессивных химических веществ халяльная косметика противопоставляется ненатуральной косметике: “*In den letzten Jahren ist weltweit eine erhöhte Produktnachfrage zu verzeichnen, da sich die Verbraucher zunehmend der nachhaltigen Lebensweise und der Umweltprobleme im Zusammenhang mit Nicht-Halal-Kosmetika bewusst werden*”. В группе “Arzneien und Kosmetik” активно реализуется такое значение слова *halal*, как «чистый». Эксперты подчеркивают чистоту и экологичность такой продукции: “*Um als*

Halal-Kosmetik verkauft zu werden, müssen Produkte mit einem speziellen Siegel zertifiziert werden. Dafür müssen Unternehmen nachweisen, dass sie keine "unsauberen" Inhaltsstoffe enthalten".

Фрейм "Politik". Халяль становится в немецкоязычных странах темой политических дебатов, в прессе встречается множество новых сложных композитов политической тематики: *Halal-Debatte, Halal-Solution, Halal-Begriff, Halal-Bedingungen, Halal-Aufreger, Halal-Zwang, Halal-Wirbel, Halal-Aussage, Halal-Haram-Prinzip, Halal-Regeln, Halal-Frage, Halal-Entscheid, Halal-Vorschriften, Halal-Rituale, Halal-Normen, Halal-Bedürfnisse, Halal-Warnung, Halal-Hub*. Например: *"Und alle, die etwas anderes sagen, bekommen sofort zu hören, dass sie Halal-Hippies sind und die dänische Gesinnung untergraben."*

В единичных статьях, например в статье "Jung, weiblich, radikal - die Kopftuch-Islamistinnen", обсуждается понятие "Halal Feminismus": *"Islamistischer Terror beginnt immer öfter am Smartphone und immer öfter spricht er Mädchen an. Was kann man gegen den Halal Feminismus tun?"*

Фрейм "Lebensweise". Важное в мусульманской религии понятие «халяль» активно дискутируется в немецкоязычной прессе в связи с необходимой сертификацией халяльной продукции: *"Das Halal-Siegel war ursprünglich auf bestimmten Lebensmitteln zu finden. Mittlerweile gibt es diese Zertifizierung auch für Kosmetikprodukte. Der Grund: Im Islam muss alles halal sein, was in den Körper gelangt – egal ob oral oder über die Haut"*. Приведем примеры композитов группы «Сертификация халяль»: *Halal-Gesetz, Halal-Zertifizierungsverfahren, Halal-Pflicht, Halalcheck-Termin, Halal-Etikett, Halal-Gütesiegel, Halal-Zertifizierung, Halal-Standard, Halal-Siegel*.

Исконное значение слова *halal* – «разрешенный» – применительно к нормам поведения и стиля жизни появляется в прессе редко. Примером может служить неологизм *Halal-Philosophie*: *"Er kaufte sich eine Rikscha und hat beschlossen, sein Geld halal (rein) zu verdienen, also mit sauberen Geschäften. Durch eigene, harte Arbeit"*. Появились новые слова с компонентом *halal*, называющие специализированные предметы, помогающие мусульманскому населению соблюдать религиозные нормы в европейском пространстве, например: *Halal-Handy, Halal-Netz*. В медиадискурсе иногда наблюдается ироничное отношение к мигрантам-мусульманам, что приводит к появлению таких новообразований, как *Halal-Esser* (предпочтения в выборе еды).

Авторы статьи приходят к выводу, что арабизм *halal* активно употребляется в немецкоязычном медиадискурсе как прилагательное, наречие, сложное двухкомпонентное или трехкомпонентное составное существительное с первым компонентом *halal*

и демонстрирует различные словообразовательные модели. Самая распространенная модель – словосложение компонента *halal* и существительного (с дефисом, редко без дефиса), например: *Halal-Bratwurst, Halal-Kuchen*. Лексическая единица *halal* выступает как в форме наречия, так и прилагательного: *"Muslime entscheiden sich beispielsweise beim Barbecue- und Grill-Buffer für Beef Ribs mit dem Prädikat halal"*.

Изначально несклоняемое прилагательное (зафиксировано в словаре Дуден) приобретает черты склоняемого прилагательного и согласуется с существительным в роде, числе и падеже. Таким образом, несклоняемая форма заимствования *halal* вытесняется адаптированной к правилам немецкой грамматики склоняемой формой: *"Bei diesem Workshop hatten die jungen Teilnehmerinnen und Teilnehmer die Gelegenheit, sich in entspannter Atmosphäre kennenzulernen, gemeinsam koschere und halale Schokolade herzustellen und sich zugleich dem Thema des interreligiösen Dialogs anzunähern"*. В немецкоязычном медиадискурсе (например, в комментариях к статьям) встречаются и такие примеры неологизмов, как *halalisieren, halalisch*, но они носят окказиональный характер и не представлены в современных словарях.

Основная часть примеров использования лексической единицы *halal* в немецкоязычном медиадискурсе относится к теме «Еда и продукты питания», например: *Halal-Metzgerei, Halal-Süßigkeiten, Halal-Imbiss, Halal-Sushi, Halal-Sekt, Halal-Verpflegung*, где реализуется основное значение лексемы *halal* «разрешенный». В СМИ наблюдается, однако, расширение значения понятия: например, *halal* характеризует правильные поступки человека (*Halal-Debatte, Halal-Tourismus*) и употребляется в значении «традиционный»: *"Muslim Speeddating - halal und modern"*. Термин *halal* в немецкоязычных СМИ также используется и в качестве маркетингового инструмента, чтобы сделать определенные продукты более привлекательными для потребителей-мусульман. Это могут быть подходящие кафе и развлечения, путешествия, отели и т. д., например: *Halal-Cruises, Halal-Land, Halal-Kosmetik*. Таким образом, термин *halal* получает дополнительные значения «традиционный», «чистый», «экологичный», которые пока еще не закреплены в современных словарях.

Большинство лексических единиц с компонентом *halal* имеет нейтральную коннотацию, отрицательная коннотация термина «халяль» в немецкоязычном дискурсе встречается редко. Однако, описывая конфликтные ситуации с представителями мигрантов из мусульманских стран, журналисты употребляют такие лексические единицы, как *Halal-Fieber, Halal-Paranoia, Halal-Aufreger*, например: *"Nur Halal-Fleisch kaufen" – Halal-Aufreger: Wer sich nicht anpasst, soll gehen"*.

На основании анализа эмпирического материала можно сделать следующие выводы. В последние годы в немецком языке значительно выросло количество лексических единиц, относящихся к мусульманской культуре. В немецкоязычном медиадискурсе наблюдается множество заимствований из восточных языков, среди них лидируют турецкий и арабский языки. Наиболее распространёнными в СМИ являются лексемы, относящиеся к религиозной сфере, одна из частотных – *halal*.

Количество тематических групп дискурса *halal* постоянно увеличивается, затрагивая все сферы жизни западного общества. Пополняется состав тематических групп, в том числе и за счёт единиц окказионального характера. Значение арабизма *halal* значительно расширилось, появились дополнительные значения, такие как «традиционный», «чистый», «экологичный». Узко-правовой термин *halal* уже не является исключительно религиозной категорией и используется в немецкоязычных СМИ, в частности, качестве маркетинговой стратегии, обеспечивая спрос среди потребителей-мусульман.

Встречаются случаи, где *halal* выступает в предложении в качестве наречия, прилагательного, существительного и глагола. Изначально неизменяемое прилагательное *halal*, что зафиксировано в словарях, приобретает субстантивные формы (может иметь артикль и пишется с большой буквы) и расширяет варианты лексической сочетаемости. Слово *halal* изменяется по грамматическим законам немецкого языка (имеет родовые и падежные окончания прилагательного), ассимилируется к языковым и речевым нормам, что пока еще не находит отражения в словарях, где представлены устаревшие формы.

В СМИ появляются новые лексические единицы с компонентом *halal*, частотная реализация проходит по модели словосложения, преобладают детерминативные композиты с дефисом и без него.

Большинство лексических единиц с компонентом *halal* имеет нейтральную коннотацию, но есть и единичные случаи отрицательной стилистики, связанные с конфликтными ситуациями с мигрантами из мусульманских стран. Исследование влияния исламской языковой картины мира на немецкоязычные страны через СМИ является перспективным лингвистическим направлением, это позволяет выявить механизмы трансформации медиадискурса и его воздействие на межкультурную коммуникацию в медийном пространстве.

Список литературы

Источники

Толковый словарь Ожегова онлайн: сайт. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/search?s=халяль> (дата обращения: 14.04.2025). (Ожегов)

Duden Online. Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Halal> (дата обращения: 14.04.2025).

Исследования

Егорочкина Л.В. Основные пути развития словарного состава немецкого языка и способы словообразования в немецком языке с точки зрения их продуктивности // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 1. С. 130–133.

Жилинская Л.А. Особенности исламизмов в современном немецком языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 7. С. 155–157.

Купцова О.Г. Репрезентация арабских заимствований в немецком языке // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук. Йошкар-Ола, 2021. С. 136–142.

Новикова С.Ю., Степанова В.В., Федорова О.Н. Арабские заимствования в немецком языке // Электронный научный журнал. 2016. № 3(6). С. 172–175.

Рагасова С., Хуснутдинов А.А. Слова *халяль* и *ха-рам* в современной русской речи // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 4. С. 52–68.

Рязанова Э.Ф. Изучение мусульманского сообщества в Германии российскими исследователями в XXI в.: проблемы и подходы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12, № 1. С. 73–81.

Чеснова Е.Н. Религия онлайн: новые практики и феномены // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2023. № 4 (48). С. 68–82.

Achour N. Zu den Fremdwörtern in der deutschen Jugendsprache. IMAGO Interculturalite et Didactique, 2023, vol. 1, no. 22, pp. 18–27.

Ibrahim M.Z., Nordin M.Z.F. Halal linguistic meaning understanding among Non-Muslim. Malaysia Journal Al-Irsyad, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 698–705.

Isam H., Abd Mutalib M. Ali R.Md. Halal From Linguistic Perspectives. Turkish Online Journal Of Qualitative Inquiry, 2021, vol. 12, pp. 5216–5221.

Meliyeva U. The Pragmatic Aspects of Wordplay in Advertising Slogans for Halal Products in English. International Journal Of Literature And Languages, 2025, no. 5 (03), pp. 43–48.

Sefiane F.Z. Die enge Beziehung zwischen dem Arabischen und dem Deutschen (Ähnlichkeiten, Unterschiede). Letters and Languages Guide, 2024, vol. 3, pp. 172–180.

Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html (дата обращения: 14.04.2025).

References

Chesnova E.N. *Religiia onlain: novye praktiki i fenomeny* [Religion online: new practices and pheno-

mena]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of Tolstoy State Pedagogical University], 2023, no. 4 (48), pp. 68–82. (In Russ.)

Egorochkina L.V. *Osnovnye puti razvitiia slovarnogo sostava nemetskogo iazyka i sposoby slovoobrazovaniia v nemetskom iazyke s tochki zreniia ikh produktivnosti* [The main ways of development of the vocabulary of the German language and the methods of word formation in the German language from the point of view of their productivity]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2011, vol. 16, no. 1, pp. 130–133. (In Russ.)

Kuptsova O.G. *Reprezentatsiia arabskikh zaimstvovaniy v nemetskom iazyke* [Representation of Arabic loanwords in German]. *Sovremennye tendentsii i innovatsii v oblasti gumanitarnykh i sotsial'nykh nauk* [Contemporary trends and innovations in the humanities and social sciences]. Ioshkar-Ola, 2021, pp. 136–142. (In Russ.)

Novikova S.Iu., Stepanova V.V., Fedorova O.N. *Arabskie zaimstvovaniia v nemetskom iazyke* [Arabic borrowings in the German language]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Electronic Scientific Journal], 2016, no. 3 (6), pp. 172–175. (In Russ.)

Ragasova S., Khusnutdinov A.A. *Slova khalial' ikharam v sovremennoi russkoi rechi* [The terms halal and haram in modern Russian speech]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ivanovo State University. Series Humanities], 2021, no. 4, pp. 52–68. (In Russ.)

Riazanova E.F. *Izuchenie musul'manskogo soobshchestva v Germanii rossiiskimi issledovateliami v XXI v.: problemy i podkhody* [A study of muslims society in Germany by Russian scientists in 21st century: problems and approachers]. *Istoricheskaia i sotsial'no-*

obrazovatel'naia mysl' [Historical and Social-Educational Idea], 2020, vol. 12, no. 1, pp. 73–81. (In Russ.)

Zhilinskaia L.A. *Osobennosti islamizmov v sovremennom nemetskom iazyke* [Features of Islamisms in the modern German language]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current issues in the humanities and natural sciences], 2012, no. 7, pp. 155–157. (In Russ.)

Achour N. *Zu den Fremdwörtern in der deutschen Jugendsprache*. IMAGO Interculturalite et Didactique, 2023, vol. 1, no. 22, pp. 18–27.

Ibrahim M.Z., Nordin M.Z.F. Halal linguistic meaning understanding among Non-Muslim. *Malaysia Journal Al-Irsyad*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 698–705.

Isam H., Abd Mutalib M. Ali R.Md. Halal From Linguistic Perspectives. *Turkish Online Journal Of Qualitative Inquiry*, 2021, vol. 12, pp. 5216–5221.

Meliyeva U. The Pragmatic Aspects of Wordplay in Advertising Slogans for Halal Products in English. *International Journal Of Literature And Languages*, 2025, no. 5 (03), pp. 43–48.

Sefiane F.Z. Die enge Beziehung zwischen dem Arabischen und dem Deutschen (Ähnlichkeiten, Unterschiede). *Letters and Languages Guide*, 2024, vol. 3, pp. 172–180.

Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html (access date: 14.04.2025).

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 24.03.2026.

МОТИВЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЧУЖЕРОДНОСТИ В НЕМЕЦКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ РОЗЫ АУСЛЕНДЕР

Макарова Юлия Александровна, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, yu.makarova@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8686-9960>

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению мотивов идентичности и чужеродности в немецкоязычных и англоязычных стихотворениях Розы Ауслендер. Цель – выявить сходства и различия в выборе средств репрезентации указанных выше мотивов. С помощью метода интерпретации художественного текста установлено, что поиск идентичности является одним из центральных мотивов в творчестве поэтессы. Лингвостилистический анализ позволил определить средства репрезентации указанных выше мотивов, а сравнительный анализ – сравнить средства репрезентации данных мотивов в немецкоязычных и англоязычных стихотворениях. Выявлено, что для всех шести стихотворений характерны лаконичность, емкость, яркая метафоричность, интертекстуальные включения. Для репрезентации мотива идентичности в немецкоязычных произведениях поэтессы прибегает к библейским сюжетам (сорокалетние скитания евреев по пустыне под предводительством Моисея, образ змея-искусителя и изгнание из Эдемского сада), идентифицируя себя с еврейским народом. В англоязычных произведениях, однако, Р. Ауслендер транслирует образ современного механизированного мира, считая себя его частью. Мотив чужеродности в стихотворениях на немецком языке передан с помощью образа «немых» людей – людей без родины, не способных говорить, а также образа «Короля Никто» – странника, беженца, потерявшего свои корни. В произведениях на английском языке мотив чужеродности раскрывается через трагедию современного мира: через утерянную связь с природой, истоками, потерю важности внутреннего мира человека.

Ключевые слова: мотивы поэтического произведения, мотив чужеродности, поиск самоидентичности, поэзия Розы Ауслендер, послевоенная поэзия Германии.

Для цитирования: Макарова Ю.А. Мотивы идентичности и чужеродности в немецко- и англоязычной поэзии Розы Ауслендер // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 183–194. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-183-194>

Research Article

MOTIFS OF IDENTITY AND ALIENATION IN ROSE AUSLÄNDER'S GERMAN- AND ENGLISH-LANGUAGE POETRY

Julia A. Makarova, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk Russia, yu.makarova@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8686-9960>

Abstract. The article is the study of motifs of identity and alienation in Rose Ausländer's German-language and English-language poems. The objective of the research is to identify similarities and differences in the choice of means of representation of these motifs. The method of interpreting artistic texts allowed to establish that the search for identity is one of the central motives in the poetess's work. Using linguistic-stylistic analysis, the means of representing these motifs were determined, the comparative analysis allowed to compare the means of the representing the said motifs in German- and English-language poems. The research has revealed, that for representation the identity motif in German-language poems, R. Ausländer relies on biblical stories identifying herself with the Jewish people (the forty years wandering of the Jews in the desert under the leadership of Moses, the image of the serpent, which tempted Eve into eating the fruit from the forbidden Tree of Knowledge, and the expulsion from the Garden of Eden). In English-language poems, R. Ausländer conveys the image of the modern mechanised world, considering herself to be part of it. The poetess conveys the alienation motif in German-language poems through the images of “voiceless” people without a homeland and of “King Nobody”, a wanderer who has lost his roots. In German-language poems, the alienation motif is revealed through the tragedy of the modern world: through the loss of connection with nature, origins, and the loss of importance of people's internal world.

Keywords: motifs in poetry, alienation motif, search for self-identity, Rose Ausländer's poetry, post-war German poetry.

For citation: Makarova J.A. Motifs of identity and alienation in Rose Ausländer's German- and English-language poetry. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 183–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-183-194>

Введение. Вопрос самоидентификации является одной из ключевых тем, которая освещается в творчестве немецкоязычной поэтессы еврейского происхождения Розы Ауслендер (1901–1988) – в стихотворениях на немецком и английском (поэзия периода эмиграции в США с 1948 по 1956 г.) языках.

Необходимость выявления средств репрезентации мотивов идентичности и чужеродности как одних из ключевых мотивов, преобладающих в творчестве Р. Ауслендер, определила актуальность исследования.

Постановка задач и методология исследования. Цель представленного исследования заключается в выявлении сходств и различий средств репрезентации мотивов идентичности и чужеродности в немецкоязычных и англоязычных произведениях Розы Ауслендер.

В качестве материала исследования мы выбрали шесть стихотворений Р. Ауслендер: 1) “Verstehst du” («Понимаешь ли ты») из сборника “Schweigen auf deine Lippen” («Молчание на твоих губах») [Ausländer 1994]; 2) “Niemand” («Никто») из сборника “Hinter allen Worten” («За всеми словами») [Ausländer 2022]; 3) стихотворение без названия из сборника “Ich spiele noch” («Я еще играю») [Ausländer 2010]; 4) “Verlust” («Утрата») из сборника “Im Atemhaus wohnen” [Ausländer 1981]; 5) “The Garden is prepared” («Сад готов») и 6) “No star can stop” («Ни одна звезда не остановит») из англоязычного сборника “The Forbidden Tree” («Запретное дерево») [Ausländer 1995].

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные интерпретации художественного текста [Адылова; Синило 2019], анализу мотивов художественного произведения [Веселовский; Грунина, Салтымакова; Краснова; Силантьев; Хализев], репрезентации идентичности и чужеродности в художественных произведениях [Кривенькая; Мазур; Маслова; Schmitz], образам и мотивам в творчестве Розы Ауслендер [Синило 2013; Braun; Helfrich; Schmitz].

В представленной работе применяются следующие методы исследования: метод интерпретации художественного текста для выявления мотивов идентичности и чужеродности в поэзии Р. Ауслендер, лингвостилистический анализ для определения средств репрезентации указанных выше мотивов и сравнительный анализ для сравнения средств репрезентации мотивов идентичности и чужеродности в немецкоязычных и англоязычных произведениях Р. Ауслендер.

Мотивы поэтического произведения. Выявление мотивов поэтического произведения является частью лингвостилистического анализа художественного тек-

ста. Анализу мотивов художественного произведения посвятили свои исследования А.Н. Веселовский, Л.П. Грунина и О.А. Салтымакова, Н.А. Краснова, Б.Н. Путилов, И.В. Силантьев, В.Е. Хализев и другие. Так, А.Н. Веселовский отличает мотив от сюжета как *комплекса мотивов*, трактуя понятие «мотив» как «формулу... закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности» [Веселовский: 301]. Мотив – простейшая, неделимая единица повествования, схематическая формула, лежащая в основе сюжетов [Веселовский: 301].

В.Е. Хализев определяет мотив как «компонент произведений, обладающий семантической насыщенностью», подчеркивая, что «мотив причастен теме и концепции (идее) произведения, но им не тождественен» [Хализев: 280].

Б.Н. Путилов указывает на то, что мотивы – это «устойчивые семантические единицы», «характеризующиеся повышенной степенью семиотичности»; «каждый мотив обладает устойчивым набором значений» (цит. по: [Хализев: 280]).

Признаком мотива является его образный одночленный схематизм. Однородность или сходство мотивов объясняется однородностью бытовых условий и отложившихся в них психических процессов. Мотивы, как правило, повторяются, однако речь идет не об интенциональном повторе как рефрене, а о синтагматическом повторе. За счет этого повтора образы соединяются в более сложные эстетические образования [Краснова: 245]. Повторяемость или общность мотивов в поэзии объясняется: а) единством психологических процессов, нашедших в них выражение; б) историческими влияниями [Веселовский: 304].

Л.П. Грунина и О.А. Салтымакова, рассматривая мотив с учетом его лингвостилистического статуса, приходят к выводу о том, что «объективной основой для определения содержания и функции того или иного мотива является детальный анализ его вербализации в тексте» [Грунина, Салтымакова: 119].

В.Е. Хализев отмечает, что мотив, будучи локализованным в произведении, может присутствовать в самых разных формах: в качестве отдельного слова или словосочетания, повторяемого и варьируемого; выступать в виде заглавия либо эпиграфа; оставаться лишь угадываемым, ушедшим в подтекст [Хализев: 280]. Важнейшая черта мотива – его способность оказываться полуреализованным в тексте, явленным в нем в неполной мере [Хализев: 280; Силантьев].

В рамках представленного исследования мы будем придерживаться трактовки, предложенной Л.П. Груниной и О.А. Салтымаковой, понимающих под мо-

тивом «семантически значимый компонент идейно-смыслового характера, актуализирующийся в текстовом пространстве различными языковыми средствами на парадигматическом и синтагматическом уровнях» [Грунина, Салтымакова: 122].

Рассмотрим следующее ключевое для нашего исследования понятие – «идентичность». Укажем на то, что ведущим механизмом развития идентичности является идентификация [Мазур: 88]. Под идентификацией подразумевают в общем отождествление, соотнесение с образцом или моделью [Большой словарь: 222]. В психологии процесс идентификации рассматривается в трех пересекающихся областях психической реальности: 1) как процесс объединения субъектом себя с другим индивидом или группой на основании устоявшейся связи, а также включение в свой внутренний мир и принятие как собственных норм, ценностей, образцов; 2) как представление, видение субъектом другого человека как продолжения себя самого; 3) как механизм постановки субъектом себя на место другого (цит. по: [Мазур: 88]).

Идентичность понимается как некоторое состояние относительно конечного результата самоотжествления, а идентификация, соответственно, как процесс, психологические и социальные механизмы, ведущие к идентичности как состоянию [Мазур: 89].

В социолингвистике принято выделять различные виды идентичности, связанные с исторически закрепленными типами общностей: человеческую, цивилизационную, этническую, национальную, гендерную, социальную, культурную, групповую, профессиональную, возрастную, классовую, политическую, религиозную и т. п. [Раевская: 308–309]. Уточним, что в рамках представленного исследования в контексте языкового проявления идентичности мы рассматриваем именно лингвокультурную идентичность.

Под лингвокультурной идентичностью коммуниканта, согласно Н.Ф. Герман, понимается «осознание своей идентичности в рамках принадлежности тому или иному лингвокультурному сообществу», обеспечивающее использование адекватных моделей дискурсивных событий в процессе межкультурного взаимодействия и предопределяющееся внешними и внутренними факторами (цит. по: [Раевская: 310]).

Понятие «чужеродность» является многогранным и применяется в различных областях знаний для описания различий, отторжения или непринятия. Данное понятие изучается в биологическом, социальном и метафизическом аспектах [Маслова]. Мы рассматриваем чужеродность как философскую категорию, отражающую оппозицию между «своим» и «чужим», связанную с идеями отчуждения, одиночества и поиска идентичности.

Мотивы идентичности и чужеродности в художественных произведениях изучали М.А. Кривенькая, Е.Ю. Мазур, В.А. Маслова; W. Schmitz и другие. Дискурс идентичности в художественной литературе, как указывает М.А. Кривенькая, происходит «в пограничье индивидуального и коллективного, временного и вечного, это диалог с собой и миром, это пограничье норм и ценностей, их приятие или отторжение» [Кривенькая: 39].

Результаты. С помощью метода интерпретации художественного текста, который мы понимаем вслед за Ф.М. Адыловой как «освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации произведения, осуществляемое путем воссоздания авторского видения и познания действительности» [Адылова: 12], мы определили, что поиск идентичности, самоидентичности является одним из центральных мотивов в творчестве Р. Ауслендер.

Под самоидентичностью мы вслед за М.А. Кривенькой понимаем «представление человека о себе, определяемое принадлежностью к той или иной социальной группе вместе с присущими ей нормами и ценностями» [Кривенькая: 39].

В автобиографическом эссе «Warum ich schreibe» («Почему я пишу»), отвечая на вопрос о мотивации к созданию стихов, Р. Ауслендер говорит о том, что на пустом листе бумаги (дословно «бессловесном» листе бумаги) она наиболее вразумительно может говорить с собой, находясь в постоянных поисках своей идентичности (цит. по: [Ausländer 2022: 7]).

Поиски себя, своего места в этом мире, принадлежности к определенному сообществу связаны в творчестве Р. Ауслендер с проблемой чужеродности, своеобразного аутсайдерства, одиночества.

Как указывает Г.В. Синило, знание социокультурного контекста и биографического «кода» является «ключом к пониманию особенностей индивидуального стиля автора, необходимым дополнением к методу целостной интерпретации художественного текста» [Синило 2019: 119]. Учитывая важность влияния исторических процессов на общность мотивов в творчестве поэтов [Веселовский: 304], считаем необходимым рассмотреть биографическую информацию о Розе Ауслендер (то есть экстралингвистические данные).

Р. Ауслендер, немецкоязычная поэтесса еврейского происхождения, родилась и выросла в поликультурном мультилингвальном мире в городе Черновцы на территории Буковины (до 1918 г. Буковина входила в состав Австро-Венгрии, затем, после распада империи, отошла Румынии, далее, после раздела Восточной Европы, Черновцы стали советским городом). В этом городе сложилась особая атмосфера толерантности, взаимоуважения различных культур и конфессий: «Четырехязычные Черновцы были

артистическим городом, в котором жили художники, поэты, любители искусства, литературы и философии» [Ausländer 2022: 8; Braun: 18] (поэтесса имеет в виду немецкий, румынский, украинский и идиш). Здесь жили последователи Спинозы, Шопенгауэра, Ницше, Гельдерлина и Рильке (как и сама поэтесса). Отец Р. Ауслендер, ортодоксальный еврей, родился в Садагоре (небольшом городке недалеко от Черновцов), где он обучался у раввина. Мать, чья семья была родом из Берлина, родилась в Черновцах. Поэтесса с детства слышала немецкий, идиш, румынский и русский языки. Таким образом, несколько идиллическое восприятие Черновцов в поэзии Р. Ауслендер как «мирного» города, в котором «четыре языка понимают друг друга» [Ausländer 2022: 8], имеет под собой определенные основания. Из четырех языков поэтесса выбрала в качестве языка творчества немецкий, являющийся родным языком ее матери.

За Черновцы во время Первой мировой войны велись ожесточенные бои. Город несколько раз занимали русские войска и отвоевывали австрийские. В 1915 г. семья Р. Ауслендер бежала от хаоса войны через Будапешт в Вену, где они нашли приют у родственников. Этот побег ознаменовал конец беззаботного детства и юности поэтессы, в четырнадцать лет ей пришлось бежать в первый раз. Последующие 54 года ее жизни были отмечены бегством, изгнанием и частой сменой места жительства. Переезды между Европой и Америкой стали постоянным явлением в ее жизни. Изгнание, бесприютное существование в чужой стране оказали огромное влияние на ее поэзию.

Перед началом анализа стихотворений Р. Ауслендер уточним, что в статье приводится наш перевод произведений поэтессы на русский язык с сохранением ритма, синтаксиса, грамматики, пунктуации и пр., поскольку мы вслед за Т. Eagleton полагаем, что указанные выше категории фактически являются генераторами смысла текста, а значит, при изменении любой из них может измениться сам смысл [Eagleton: 67].

Рассмотрим стихотворение «Verstehst du» («Понимаешь ли ты») из сборника «Schweigen auf deine Lippen» («Молчание на твоих губах»), в котором поэтесса затрагивает вопрос самоидентичности, раскрывая то, что чувствует человек без родины [Ausländer 1994: 65]:

Verstehst du

Erblickst du
die Fata Morgana
im Wüstenherz des Sandreichs

Erkennst du
das goldene Gefieder
einer Flügellandschaft

Siehst du
das Haupt der Erde
ragen
aus dem Wasserschoß

Kannst du
die Stimme der Stummen
hören

Verstehst du
den Traum der Heimatlosen

Понимаешь ли ты

Видишь ли ты
мираж
в пустынном сердце песчаного царства

Узнаешь ли ты
золотое оперение
крылатого пейзажа

Видишь ли ты
как голова земли
торчит
из водного чрева

Можешь ли ты
Слышать
голоса немых

Понимаешь ли ты
мечту людей без родины

В стихотворении содержатся интертекстуальные включения: отсылки к библейским сюжетам (блуждание евреев по пустыне под предводительством Моисея). Это бесконечное блуждание поэтесса сравнивает со своими собственными бесконечными мытарствами, связанными с эмиграцией.

Что касается формы, то это стихотворение, как и многие стихотворения Р. Ауслендер периода эмиграции, представляет собой короткое, лаконичное, однако крайне выразительное произведение, написанное простым языком, что контрастирует со сложной темой, затронутой в нем. Оно не имеет рифмы, написано верлибром, содержит произвольное число слогов в каждой строке, знаки препинания отсутствуют.

Стихотворение начинается и заканчивается вопросом «Verstehst du?» («Понимаешь ли ты?»), который обращен как к читателю, так и к лирическому «я», стремящемуся исследовать свой внутренний мир в попытках передать чувства человека, не имеющего родины. Этот вопрос красной нитью проходит через все стихотворение и становится центральным вопросом о возможности взаимопонимания. Создается впечатление, что говорящий обращается к собеседнику, который, однако, не способен постичь его внутренний мир. Стихотворение транслирует преобладающее чувство одиночества и отчуждения.

Поэтесса прибегает к стилистической фигуре анафоре (повторение отдельных слов или оборотов в начале строк): повторяющийся вопрос «Понимаешь ли ты?» подчеркивает тоску по взаимопониманию и тщетность этого поиска, сформированного опытом изгнания (мы проводим параллель с собственным опытом Р. Ауслендер, которая всю жизнь сталкивалась с отчуждением, утратой, чувствовала себя чужой, где бы она ни находилась).

Стихотворение также намекает на переживание утраты и связанные с ней воспоминания. Поиск понимания («Verstehst du?» – Понимаешь ли ты?) можно интерпретировать как попытку пережить эту утрату и сохранить связь с утраченным миром: «Erblickst du / die Fata Morgana / im Wüstenherz des Sandreichs» (Видишь ли ты / мираж / в пустынном сердце песчаного царства).

О каком утраченном мире говорит поэтесса? Во-первых, это аллюзия к утерянной жизни евреев в Гесеме до рабства, где они жили в безопасности и благополучии. Уточним, что поэтесса прибегает к метафоре «мираж», имея в виду образ Земли Обетованной, о которой евреи мечтали, в поисках которой они 40 лет бродили по пустыне. Во-вторых, это намек на счастливое беззаботное детство поэтессы в родных Черновцах: она словно грезит о родине, которую навсегда утратила.

В стихотворении мы видим еще один архетипичный образ, еще одну яркую метафору: речь идет о мифологических представлениях о сотворении мира, где суша поднимается из водной стихии. «Голова земли», возвышающаяся из «лона воды», символизирует начало, рождение, фундаментальные основы существования. Вопрос «Siehst du?» (Видишь ли ты?) подразумевает не только физическое зрение, но и способность постигать изначальные, фундаментальные процессы.

Однако, даже понимая фундаментальные процессы бытия, человек без родины не имеет голоса, он будто бы немой: «Kannst du / die Stimmen der Stummen / hören» (Можешь ли ты / слышать / голоса немых).

Последние две строки стихотворения говорят о том, что изгнанник мечтает лишь об одном: обрести свою истинную родину.

Мотив чужеродности и отчужденности наиболее ярко выражен в стихотворении «Niemand» («Никто») из сборника «*Hinter allen Worten*» («За всеми словами») [Ausländer 2022: 171] (уточним, что в рамках нашего исследования мы воспринимаем слово «отчужденность» как близкое по значению слову «чужеродность»; отчужденность подчеркивает отсутствие связи, близости, взаимопонимания и может быть результатом чужеродности):

Niemand

Ich bin König Niemand
trage mein Niemandsländ
in der Tasche

Mit Fremdenpaß reise ich
von Meer zu Meer

Wasser deine blauen
deine schwarzen Augen
die farblosen

Mein Pseudonym
Niemand
ist legitim

Niemand argwöhnt
daß ich ein König bin
und in der Tasche trage
mein heimatloses Land

Никто

Я король Никто
ношу ничью страну
в кармане

С паспортом чужестранца я путешествую
от моря к морю

Вода твои голубые
твои черные
твои бесцветные глаза

Мой псевдоним
Никто
законен

Никто не подозревает
что я король
и ношу в кармане
свою бездомную землю

Это стихотворение представляет собой глубокое размышление о поиске идентичности, принадлежности и парадоксе существования в мире, где человек может быть одновременно никем и всем.

Главный лирический герой, «Король Никто», воплощает образ странника, беженца, потерявшего свои корни и статус. Мы наблюдаем здесь яркую метафору: герой будто бы сам олицетворяет свою утраченную родину, страну, у которой нет территории и нет граждан (он «носит в кармане свою бездомную землю», «ничью страну»).

Само название стихотворения и первая строка – главный парадокс: герой объявляет себя «Королем Никто». Это сочетание величия («Король») и ничтожества («Никто»), представляя собой стилистическую фигуру, в которой сочетаются слова с противоположным, взаимоисключающим значе-

нием (оксюморон), указывает на сложную и противоречивую идентичность. Герой – не просто никто, он владеет этим состоянием, принимает его, делая его частью своей сути. Лирический герой побывал во множестве стран (вода морей этих стран абсолютно разного цвета – голубого, черного, бесцветного), но он везде чужой.

Образ «ничейной земли» (Niemandsland), которую герой носит в кармане, метафорически указывает на его бездомность и отсутствие постоянной привязанности к какому-либо месту. Это не только физическое пространство, но и состояние души, отсутствие четких границ самоидентификации, принадлежности к какой-либо территории и нации. Постоянное нахождение вне привычных социальных и национальных рамок является проклятием для героя.

Вода может рассматриваться как крайне многослойная метафора. Это может быть метафора самой жизни, потока времени или людей, которых герой встречает на своем пути (голубые, черные и бесцветные глаза могут символизировать разнообразие человеческих рас, культур или эмоций).

Герой заявляет, что его псевдоним «Никто» законен. Это утверждение подчеркивает его принятие своей анонимности: для него быть никем – это официальное признание своего особого положения. Он не скрывается, он просто не существует в привычных категориях, и это состояние является для него подлинным.

Завершающие строки возвращают нас к начальному парадоксу: никто не подозревает, что он на самом деле король, носящий в кармане свое бездомное царство. Это подчеркивает одиночество героя и его тайное величие: его «ничейная страна» становится его «бездомным королевством», указывая на то, что даже в отсутствии физической родины он обладает внутренним миром, своим собственным «королевством», которое никто не может отнять или понять.

В 1941 г. нацисты вошли в родные для поэтессы Черновцы, вплоть до весны 1944 г. они держали город в страхе. В тот период Р. Ауслендер, находясь в гетто, чувствует особенно тесную связь с евреями: «Мы, обреченные на смерть евреи, невыразимо нуждались в поддержке. И в то время, когда мы ждали смерти, многие из нас жили в словах-мечтах, ставших для нас приютом в отсутствии Родины. Стихи помогали выжить, были самой жизнью» (цит. по: [Helfrich: 58]).

Р. Ауслендер выросла в достаточно ассимилированной семье, которая, однако, остро ощущала свое еврейство (иудаизм, еврейство, судьба Израиля, судьба евреев в мире – эти темы затронуты во многих стихах поэтессы) [Синило 2013: 142]. Как подчеркивает М.А. Кривенькая, «когда речь идет о генетическом родстве и общей генетической памяти народа, подразумевается, что в индивидуальной когнитивной

базе наиболее активно отражаются монументализированные коллективные воспоминания народа о значимых, переломных, чаще всего трагических, исторических событиях» [Кривенькая: 39].

В одном из последних стихотворений без названия в сборнике «Ich spiele noch» («Я еще играю»), изданном в 1985 г., поэтесса ощущает себя «дочерью Моисея», бредущей через пустыню рабства и изгнания [Ausländer 2010: 193]: «Ich / Mosestochter / wandel durch die Wüste / Ein Lied / Ich hör / Sand und Steine weinen / Hungersnot» (Я / Моисея дочь / бреду через пустыню / Песня / Я слышу / Песок и камни плачут / Голод).

С помощью интерпретационного анализа мы выделили несколько мотивов и образов в данном произведении: образ Моисея; мотив блуждания евреев по пустыне; мотив плача и стенаний. Здесь мы видим аллгорию исхода евреев под предводительством Моисея из Египта и их сорокалетние скитания по пустыне (пророк Моисей как пастырь вел за собой еврейский народ). Это путешествие лирического «я», сопровождающееся потерей спутников, переживанием скорби и лишений, длится вечно, и цель его неясна.

Мы наблюдаем отсылку к величайшей святыне иудаизма – Стене плача (Западная стена). Стена плача – это и конкретное место как часть древней стены вокруг западного склона Храмовой горы в старом Иерусалиме, уцелевшая после разрушения Второго Храма римлянами в 70 году н. э., место паломничества и молитв евреев (названная так в связи с еврейским обычаем приходить к этому месту и оплакивать разрушенные Храмы), это и метафора: символ веры и надежды многих поколений евреев.

В стихотворении «Verlust» («Утрата») поэтесса видит себя дочерью еврейского народа, ищущей путь к разрушенному Храму, мечтающей о возрождении Земли Обетованной [Ausländer 1981: 114]: «Ich suche / den auferstandenen Tag / den verlornten Tempel» (Я ищу / день Воскресения / утраченный Храм).

Фигура дочери Моисея содержит явную отсылку к освободителю еврейского народа из египетского рабства. В отличие от библейского повествования, единственная опора лирического «я» в этом бесконечном путешествии – в идентификации с центральной фигурой из еврейской истории. Таким образом поэтесса выражает свою принадлежность к еврейскому народу. Созданная Р. Ауслендер фигура «дочери Моисея» может рассматриваться как сознательное возрождение еврейской идентичности, которая ранее была уничтожена национал-социалистами.

Указанные выше аллзии к историческому моменту в иудейской религии коррелируют с биографией поэтессы: бесконечное блуждание по пустыне символизирует бездомность, отсутствие родины (нем. Heimatlosigkeit).

В марте 1944 г. Советская армия освободила Черновцы. Из 50 тысяч евреев, проживавших в городе в начале войны, лишь пять тысяч остались в живых. Те, что уцелели, вернулись в свой родной город после войны, однако местное население встретило их враждебно, дома были заняты или разграблены, поэтому большинство евреев покинули родину. Р. Ауслендер не смогла смириться с тем, что Черновцы не только на физическом уровне, но и на духовном превратились в руины. Поэтесса, как и большинство черновцовских евреев, эмигрирует в Америку, становится гражданкой США. В период эмиграции ей будто бы отказывает немецкая речь, с 1946 по 1956 г. она создает стихи исключительно на английском языке, так как ее родной язык – немецкий – стал для нее языком убийц.

В эмиграции на стиль Р. Ауслендер оказали влияние американские поэты-модернисты: М. Мур, Э.Э. Каммингс, Т.С. Элиот и У. Стивенс. Марианна Мур, одна из ведущих представительниц модернизма, лауреат многих литературных премий, стала близким другом Р. Ауслендер и ее наставницей на поэтическом поприще. Именно М. Мур помогла преодолеть творческое оцепенение, в котором поэтесса пребывала после эмиграции в Америку.

Рассмотрим, как мотивы идентичности и чужеродности находят выражение в стихотворении «The Garden is prepared» («Сад готов») из англоязычного сборника поэтессы «The Forbidden Tree» («Запретное дерево») [Ausländer 1995: 67]:

The Garden is prepared

O city colleague you and I
Strangers and lost in loneliness
pass by
the neon flowers the shrill music
and mirrors blind with repetition
We are the subway food the meek material
Brought fast and faster to a broken life

O alien colleague come from office
To meeting place where figures do not count
Nor zero nor the faithful signature.
The poppies blush. The garden is prepared
In our breath.
Wie must not miss our spring.

Сад готов

О городской коллега ты и я
Чужие и потерянные в одиночестве
проходим мимо
неоновые цветы пронзительная музыка
и зеркала в слепом повторе
Мы еда в метро покорный материал
Все быстрее несущиеся к сломанной жизни

О коллега-иностранец выйди из офиса
К месту встречи где цифры не имеют значения
Ни ноль ни верная подпись.
Маки краснеют. Сад готов
В нашем дыхании.
Мы не должны пропустить нашу весну

Интерпретационный анализ показал, что стихотворение разделено на две противоположные по смыслу и интенции части: в первой части (первой строфе) изображена картина бессмысленного и механизированного существования в городе будто в тюрьме: «O city colleague you and I / Strangers and lost in loneliness». Лирический герой обращается к своему «городскому коллеге», подчеркивая, что, несмотря на близость и общие маршруты, они остаются чужими, и их объединяет лишь общее состояние – одиночество.

Поэтесса использует современную урбанистическую лексику: «city colleague», «subway food», «office», «neon flowers» для создания образа обезличенного, механистического города.

Образы «neon flowers», «shrill music», «mirrors blind with repetition» символизируют искусственность и однообразие городской жизни. Так, «неоновые цветы» – фальшивая красота, метафора городских огней, рекламы. Эти «цветы» притворяются живыми, но на самом деле они бездушны. «Зеркала в слепом повторе» – метафора цикличности городской жизни, рутины, когда каждый день похож на предыдущий: зеркала, отражая каждый день одно и то же, теряют свою функцию, становятся «слепыми».

«We are the subway food the meek material / Brought fast and faster to a broken life» – самый яркий образ первой части стихотворения. Поэтесса прибегает к стилистической фигуре «сравнение»: человек в городе уподобляется «еде в метро» и «покорному материалу», который перерабатывается и движется по конвейеру, чтобы в итоге прийти к «сломанной жизни». Так выражается ощущение безысходности и потери индивидуальности.

Вторая часть стихотворения (вторая строфа) контрастирует в семантическом плане с первой, представляя собой смысловую и эмоциональный перелом – надежду на возрождение, призыв к спасению. «O alien colleague» – лирический герой обращается к «чужому коллеге» («alien» – чужой, инородный), подчеркивая, что они оба не принадлежат этому городу духовно, они чужаки в этом механистическом мире.

Фраза «meeting place where figures do not count» указывает на другой (не городской) мир, где человек ценится не как цифра в отчете, а как личность. Этот другой мир – пространство искренних чувств, в котором «не имеют значения ни ноль, ни верная подпись».

Краснеющие маки («The poppies blush»), противопоставленные искусственным «neon flowers», – метафора жизни, красоты и страсти.

Строки «The poppies blush. The garden is prepared / In our breath. We must not miss our spring» – кульминация стихотворения. Образы живой природы («маки краснеют», «сад готов») символизируют внутренний мир, душу, которая еще не погибла. Финальная фраза «Мы не должны пропустить нашу весну» – призыв к действию, к пробуждению, к тому, чтобы не дать рутине и отчуждению окончательно поглотить себя, ведь весна является символом возрождения. Здесь весна – не просто время года, а метафора нового начала, возможности выйти из состояния «сломанной жизни».

Стихотворение написано верлибром. Отсутствие традиционного размера и рифмы создает ощущение фрагментарности, «разорванности» современного мира, о котором и идет речь: стихотворение состоит из коротких, рубленых фраз, что имитирует прерывистый ритм городской жизни, быструю смену кадров.

Анализ синтаксиса произведения выявил наличие инверсии: например, «mirrors blind with repetition». Таким образом создается особый, напряженный ритм; речь становится менее «бытовой», обыденной.

Анафора, с которой начинаются обе части стихотворения (первая часть начинается с обращения «O city colleague», а вторая – с «O alien colleague»), подчеркивает внутреннее раздвоение героя: с одной стороны, он «городской коллега», то есть часть «системы», «городского механизма», с другой – чужой («alien»), то есть не прижившийся в этой системе.

Стихотворение «The Garden is prepared» отражает проблему отчуждения и одиночества современного человека в большом городе. Его можно интерпретировать как диалог с самим собой или как обращение к такому же, как и лирический герой, человеку – чужаку, инородному элементу города-механизма. Стилистика стихотворения направлена на создание контраста между миром искусственным, механическим и миром живым, внутренним. Верлибр, рубленые фразы, яркие метафоры и контрастное деление на две части – все это служит одной цели: показать трагедию отчуждения в современном городе и выразить надежду на духовное спасение. Будучи чужой в Нью-Йорке, поэтесса тем не менее надеется на то, что ее внутренний мир победит механическое существование в мегаполисе.

Рассмотрим стихотворение «No star can stop» («Ни одна звезда не остановит») [Ausländer 1995: 131]:

No star can stop

Though city-dwellers do no more remember
the islands, mountains, valleys, woods
they came from, and though gods and ghosts
are pressed in volumes put away in shelves:

in hours when stone becomes a softer vision,
the gods return, Pan blows his pipe,
and Aphrodite rises from the foam.

The serpent acts again the timeless drama,
and man again is homeless, driven from
his house, his country and his continent,
looking for death whose immortality
was part of his untouched existence.

The driedup oceans in his arteries,
filled with fresh dewy dreams rise to horizons
within his flesh where rainbows follow floods
drowning his smiling gardens...

No star can stop invincible procession
of spirits within trivial city-walls

Ни одна звезда не остановит

Хотя горожане больше не помнят
острова, горы, долины, леса
откуда они пришли, хотя боги и призраки
втиснуты в тома расставленные по полкам:

в часы когда камень становится более мягким видением,

боги возвращаются, Пан играет на своей свирели,
и Афродита восстает из пены.

Змей снова разыгрывает вечную драму,
и человек снова бездомный, изгнанный
из своего дома, страны и континента,
ищущий смерть чье бессмертие
было частью его нетронутого существования.

Высохшие океаны в его артериях,
наполненные свежими росистыми мечтами, поднимаются к горизонту
внутри его плоти где радуги следуют за потопами,
затопляющими его улыбающиеся сады...

Ни одна звезда не остановит непобедимое шествие
духов внутри ничтожных городских стен!

В первых строфах говорится о том, что современные горожане забыли о природе, к которой они когда-то были очень близки: «Though city-dwellers do no more remember / the islands, mountains, valleys, woods / they came from» (Хотя горожане больше не помнят / острова, горы, долины, леса / откуда они пришли). Боги и духи превратились в пыльные тома, стоящие на полках: «...and though gods and ghosts are pressed / in volumes put away in shelves...». Это символизирует утрату живой, непосредственной связи с мифологическим и духовным миром, который когда-то был неотъемлемой частью человеческой жизни. Однако эти древние силы не исчезли навсегда: «in hours when stone becomes a softer vision» (в часы, когда камень становится более мягким видением), то есть в моменты глубоких переживаний или сновидений, боги возвращаются. Мы наблюдаем здесь метафору того, как в подсознании человека, несмотря на внешний рационализм, все еще живут древние образы: по-

являются бог Пан, символизирующий дикую природу, который играет на свирели, и богиня Афродита, вновь поднимающаяся из пены: «the gods return, Pan blows his pipe, / and Aphrodite rises from the foam» (это образы, олицетворяющие дикую природу и страсть).

Далее поэтесса переходит к библейскому мотиву: «The serpent acts again the timeless drama» (Змей снова разыгрывает вечную драму), и человек вновь оказывается изгнанным из «своего дома, своей страны и своего континента» («and man again is homeless, driven from / his house, his country and his continent»). Этот образ изгнания отсылает к грехопадению и потере Эдемского сада, но в более широком смысле он говорит о вечной неукорененности человека. Кроме того, это также и намек на собственное изгнание, вынужденное бегство поэтессы с родной земли.

Он «ищет смерти, чье бессмертие было частью его нетронутого существования» («looking for death whose immortality / was part of his untouched existence»). Данное парадоксальное выражение указывает на то, что в своей первоначальной, невинной жизни человек не знал страха смерти, потому что она была частью вечного цикла природы, а не конечной точкой. Потеряв эту связь, он начинает искать ее, чтобы вернуть себе утраченное бессмертие.

Четвертая строфа описывает внутреннее возрождение. «Высохшие океаны в его артериях» («The driedup oceans in his arteries») – метафора иссушенного, лишённого эмоций существования. Эти «высохшие океаны» наполняются «свежими росистыми мечтами» («filled with fresh dewy dreams»), которые превращаются в «радуги, следующие за потопами» («rainbows follow floods»). Этот образ символизирует бурю чувств, которая сметает «улыбающиеся сады» («smiling gardens») – возможно, поэтесса имеет в виду поверхностное, умиротворенное существование человека, – для того, чтобы дать начало чему-то новому и более глубокому. Здесь мы наблюдаем аллюзию к Библейскому потопу, описанному в Книге Бытия, который имеет несколько важных смыслов: наказание за грехи человечества, но также и пример Божьего суда и милосердия, возможность обновления мира.

Последняя строка стихотворения – это главный вывод, своеобразная смысловая точка: «Ни одна звезда не остановит непобедимое шествие / духов внутри ничтожных городских стен!» («No star can stop invincible procession / of spirits within trivial city-walls!»). «Звезда» здесь – символ судьбы или внешних обстоятельств, а «ничтожные городские стены» – обыденная, скучная городская жизнь. Поэтесса утверждает, что никакие внешние факторы не могут остановить внутреннее духовное возрождение человека, его тягу к первобытным корням, к природе и мифам, живущим в его подсознании.

Анализируемое стихотворение содержит несколько метафор и аллегорий:

– «gods and ghosts are pressed in volumes» («боги и призраки втиснуты в тома») – метафора, говорящая о превращении живой мифологии в сухие, безжизненные тексты;

– «stone becomes a softer vision» («камень становится более мягким видением») – метафора, описывающая моменты, когда реальность уступает место фантазии и духовному миру;

– «driedup oceans in his arteries» («высохшие океаны в его артериях») – метафора, указывающая на духовную и эмоциональную пустоту современного человека;

– «rainbows follow floods» («радуги следуют за потопами») – аллегория, отсылающая к библейскому сюжету о потопе, где радуга символизирует надежду.

Мы наблюдаем противопоставление и контраст:

– «city-dwellers» («городские жители») противопоставляются «islands, mountains, valleys, woods» («островам, горам, долинам, лесам»), что подчеркивает разрыв между человеком и природой;

– «trivial city-walls» («ничтожные городские стены») контрастируют с «invincible procession of spirits непобедимым шествием духов» («непобедимым шествием духов»), что говорит о превосходстве внутреннего мира над внешним;

– «smiling gardens» («смеющиеся сады») (поэтесса прибегает к олицетворению как разновидности метафоры, наделяя сады человеческими способностями – смехом) – образ кажущегося (ненастоящего) счастья, который «утоплен» («drowning») в потоках настоящих эмоций.

Что касается формы и рифмы, то стихотворение написано свободным стихом (верлибром). В нем нет строгой рифмы или метра, оно словно «поток сознания».

В первой строфе используются сложные, длинные предложения, создающие впечатление плавного повествования, рассказывающего об утрате. Далее структура меняется: во второй строфе предложения становятся короткими, энергичными («боги возвращаются, Пан играет на своей свирели, и Афродита поднимается из пены»), что создает ощущение внезапного и мощного возвращения древних сил.

Последние две строки выделяются, так как они являются кульминацией и обобщением всего стихотворения. Кроме того, поэтесса использует восклицательный знак (очень редкое явление для ее позднего творчества), вкладывая особый, крайне важный смысл в финальные строки.

Тон стихотворения весьма противоречив: сначала ностальгический, меланхоличный, затем он становится торжествующим. Ностальгия выражается в описании утраченной связи с природой и мифа-

ми. Торжество звучит в последней строке, которая утверждает, что дух человека невозможно подавить, он сильнее любых внешних обстоятельств.

Семантический и стилистический анализ показывает, что данное стихотворение – не просто набор образов и фраз, а искусно сотканное полотно, где каждое слово, каждая метафора и каждый синтаксический прием служат одной цели: показать непреходящую силу человеческого духа, который, несмотря на все попытки цивилизации, продолжает возвращаться к своим истокам. Р. Ауслендер использует мощные архетипичные образы природы и мифологии, указывая на то, что под внешним слоем цивилизации в человеке продолжает жить вечное и неукротимое начало, которое невозможно подавить. Будучи современным человеком, поэтесса видит свой путь именно в возвращении к этим истокам.

Еще находясь в эмиграции, поэтесса вновь начинает писать на немецком языке. К этому решению ее подтолкнуло несколько причин. Во-первых, она просто не могла не писать на немецком языке: «Слова приходили ко мне, они хотели быть написанными» [Ausländer 1985: 7]. Потеряв во время войны свою родину, Буковину, она теперь объявляет этот язык своей «родиной». Во-вторых, она искала возможности для публикаций, которые в достаточной степени существовали только в немецкоязычном мире. И, наконец, она так и не смогла найти общий язык с американской культурой и образом жизни. Ее жизнь проходила в эмигрантских кругах, она так и не смогла избавиться от роли аутсайдера [Ausländer 1985: 8].

За возвращением к немецкому языку последовало логичное возвращение в Германию в 1965 г., хотя и со значительной задержкой. Именно в этом году, спустя 26 лет после написания, был опубликован второй поэтический сборник Р. Ауслендер «Blinder Sommer» («Слепое лето»). Таким образом, ее возвращение было задокументировано и в печати.

Интересен тот факт, что творческий псевдоним поэтессы – Ausländer (фамилия мужа, ставшая осмысленным псевдонимом) – переводится с немецкого на русский язык как «чужестранец», «иностранец». Это подтверждает то, что она ощущала себя чужестранкой везде, обретя подлинную родину лишь в поэтическом слове.

Заключение. Во всех проанализированных стихотворениях мы определяем мотивы идентичности и чужеродности как ключевые. Мотив отчужденности мы рассматриваем как близкий мотиву чужеродности, поскольку отчужденность как чувство, указывающее на отсутствие связи, близости и взаимопонимания, может быть результатом чужеродности, которую мы понимаем как философскую категорию, отражающую оппозицию между «своим»

и «чужим», связанную с идеями отчуждения, одиночества и поиска идентичности.

Все эти произведения написаны верлибром с произвольным числом слогов в строке, практически без знаков препинания – за редким исключением. Причем редкие знаки препинания мы наблюдаем в англоязычных стихотворениях периода эмиграции. Данный факт мы связываем с тем, что Р. Ауслендер писала на неродном языке, в связи с чем ее авторская пунктуация претерпела изменения, а также с влиянием американских поэтов-модернистов, особенно М. Мур.

Стиль всех шести стихотворений характеризуют лаконичность, емкость, небольшое количество эпитетов, но при этом – невероятная выразительность и яркая метафоричность.

И в немецкоязычных, и в англоязычных стихотворениях мы наблюдаем большое количество аллюзий к библейским сюжетам: «Fata Morgana» в «Verstehst du» как образ Земли обетованной и как навсегда утраченная родина поэтессы вследствие преступлений нацистов; змей-искуситель и изгнание из Эдемского сада в «No star can stop». Мы выявили отсылки к Стене плача, которую стоит воспринимать в качестве метафоры – как символ веры и надежды многих поколений евреев (в стихотворении без названия из сборника «Я еще играю»); к пророку Моисею как освободителю еврейского народа из египетского рабства – причем поэтесса видит себя дочерью Моисея, то есть дочерью народа Израилева, сравнивая 40-летнее скитание евреев по пустыне со своими бесконечными скитаниями по чужим странам. Таким образом, отсылки к библейским сюжетам становятся также и отсылками к собственной биографии Р. Ауслендер.

В плане тона и общего впечатления немецкоязычные и англоязычные произведения значительно отличаются: в первых преобладает меланхолия, ощущение безысходности и безвозвратной потери, в то время как во второй части англоязычных стихотворений («The Garden is prepared» и «No star can stop») чувствуется переломный момент: тон с ностальгического, меланхолического меняется на торжествующий. Лирический герой окрылен надеждой на возрождение к новой духовной жизни, надеждой обрести свое место в этой новой жизни.

Тематически немецкоязычные произведения в большей степени концентрируются на поиске самоидентичности («Niemand»), взаимопонимания («Verstehst du»), в то время как в англоязычных стихотворениях мы прослеживаем путь от осознания трагедии современного мира с утерянной связью с природой, с истоками, потерей значимости внутреннего мира человека к обретению надежды и веры в возможность трансформации, в способность к возрождению истинных ценностей.

Интерпретационный и лингвостилистический анализ показал, что все проанализированные произведения представляют собой конструкторы, где каждое слово, каждая метафора и каждый синтаксический прием служат выражению мотивов идентичности и чужеродности.

Поиск своей родины, своего места в этом мире, поиск самоидентичности близок не только лирическому герою стихотворений, но и самому автору: на протяжении многих лет Роза Ауслендер пыталась найти свой голос, свою если не реальную, то метафорическую родину, которую в итоге она обрела в слове.

Список литературы

Источники

Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. Москва: Центрполиграф, 2005. 815 с.

Ausländer R. Gedichte; Herausgegeben von H. Braun, 2 Auflage. Frankfurt/M., Fischer Tagebuch, 2022, 327 S.

Ausländer R. Ich spiele noch. R. Ausländer. Brief aus Rosen: Gedichte, 6 Auflage. Frankfurt/M.: Fischer Tagebuch, 2010, 280 S.

Ausländer R. Im Atemhaus wohnen. Frankfurt/M., Fischer Tagebuch, 1981, 155 S.

Ausländer R. Schweigen auf deine Lippen: Gedichte aus dem Nachlass. Frankfurt/M., Fischer Tagebuch, 1994, 245 S.

Ausländer R. The Forbidden Tree: Englische Gedichte; Hg. v. H. Braun. Frankfurt/M., Fischer Tagebuch, 1995, 288 S.

Исследования

Адьюлова Ф.М. Интерпретация художественного текста // Молодой ученый. 2018. № 17 (203). С. 310–312.

Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов // Историческая поэтика. Москва: Высшая школа, 1989. 404 с.

Грунина Л.П., Салтымакова О.А. Методика исследования мотива в художественном тексте // Сиб-Скрипт. 2023. Т. 25, № 1. С. 119–127. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-119-127>.

Краснова Н.А. К проблематике анализа системы мотивов художественного произведения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 245–250.

Кривенькая М.А. Хронотоп дискурса идентичности в современной художественной литературе // Этнодиалоги: научно-информационный альманах. 2023. № 2 (71). С. 33–43. <https://doi.org/10.37492/ETNO.2023.71.2.002>.

Маслова В.А. Региональная идентичность личности сквозь призму поэзии // Язык как основа национальной идентичности: сб. материалов междунар. конф. Тула, 2024. С. 406–409.

Мазур Е.Ю. Проблема соотношения понятий «идентичность», «идентификация» и их психологическое содержание // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 86–90.

Раевская М.М. Феномен лингвистической идентичности в испаноязычном пространстве // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: междисциплинарные парадигмы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2017. С. 308–315.

Силантьев И.В. Поэтика мотива. Москва: Языки славянских культур, 2004. 294 с.

Синило Г.В. Диалог культур в немецкой поэзии второй половины XX века: к проблеме роли маргиналов в формировании национальной культуры // Романо-германская филология в контексте науки и культуры: междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий государственный ун-т. Новополоцк, 2013. С. 140–148.

Синило Г.В. Социокультурный и биографический контексты как необходимые факторы интерпретации текста (на примере поэзии Розы Ауслендер) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Москва: РГГУ, 2019. Т. 16. С. 119–132.

Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. для студ. учреждений высш. проф. образования. 6-е изд., испр. Москва: Высшая школа, 2013. 432 с.

Braun H. Ich bin fünftausend Jahre jung. Rose Ausländer. Zu ihrer Biographie. Stuttgart, Radius-Verlag, 1999, 218 S.

Eagleton T. How to Read a Poem. Wiley-Blackwell, 2007, 180 p.

Helfrich C. Es ist ein Aschensommer in der Welt: Rose Ausländer: Biographie. Weinheim, Quadriga, 1995, 265 S.

Schmitz W. Wo ist Heimat: Rose Ausländer und die intellektuelle Migration aus Czernowitz. Rose Ausländer: sprachmächtige Zeugin des 20. Jahrhunderts. Berliner Symposion 2002. Rose Ausländer-Stiftung, 2006, S. 206–235.

References

Adylova F.M. *Interpretaciya hudozhestvennogo teksta* [Interpretation of literary text]. *Molodoy uchenyj* [Young scientist], 2018, no. 17 (203), pp. 310–312. (In Russ.).

Grunina L.P., Saltymakova O.A. *Metodika issledovaniya motiva v hudozhestvennom tekste* [Methodology for researching motifs in literary texts]. *SibSkript*, 2023, vol. 25, no. 1, pp. 119–127. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-119-127>. (In Russ.).

Halizev V.E. *Teoriya literatury: uchebnoe posobie* [Literary theory: textbook]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2013, 432 p. (In Russ.).

Krasnova N.A. *K problematike analiza sistemy motivov hudozhestvennogo proizvedeniya* [On the issue of analyzing the system of motives in a work of art]. *Izves-*

tiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. *Filologiya i iskusstvovedenie* [News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Philology and art history], 2008, no. 1, pp. 245–250. (In Russ.)

Kriven'kaya M.A. *Hronotop diskursa identichnosti v sovremennoj hudozhestvennoj literature* [The chronotope of identity discourse in contemporary fiction]. *Etno-dialogi: nauchno-informacionnyj al'manah* [Ethno-dialogues: Scientific and Informational Almanac], 2023, no. 2 (71), pp. 33–43. <https://doi.org/10.37492/ETNO.2023.71.2.002>. (In Russ.)

Maslova V.A. *Regional'naya identichnost' lichnosti skvoz' prizmu poezii* [Regional identity through the lens of poetry]. *Yazyk kak osnova nacional'noj identichnosti* [Language as the basis of national identity]. Tula, 2024, pp. 406–409. (In Russ.)

Mazur E.Yu. *Problema sootnosheniya ponyatij «identichnost'», «identifikaciya» i ih psihologicheskoe sodержanie* [The problem of the relationship between the concepts “identity” and “identification” and their psychological content]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2012, no. 2 (33), pp. 86–90. (In Russ.)

Raevskaya M.M. *Fenomen lingvisticheskoy identichnosti v ispanoyazychnom prostranstve* [The phenomenon of linguistic identity in the spanish-speaking world]. *III Firsovskie chteniya. Lingvistika v XXI veke: mezhdisciplinarnye paradigmy* [III Firsov Readings. Linguistics in the 21st Century: Interdisciplinary Paradigms]. Moscow, 2017, pp. 308–315. (In Russ.)

Silant'ev I.V. *Poetika motiva* [The poetics of motif]. Moscow, *Yazyki slavyanskih kul'tur* Publ., 2004, 294 p. (In Russ.)

Sinilo G.V. *Sociokul'turnyj i biograficheskij konteksty kak neobhodimye faktory interpretacii teksta (na primere poezii Rozy Auslender)* [Sociocultural and biographical contexts as necessary factors for text interpre-

tation (using the example of Rosa Ausländer's poetry)]. *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov* [Russian German Studies: Yearbook of the Russian Association of Germanists]. Moscow, 2019, vol. 16, pp. 119–132. (In Russ.)

Sinilo G.V. *Dialog kul'tur v nemeckoj poezii vtoroj poloviny HKH veka: k probleme roli marginalov v formirovanii nacional'noj kul'tury* [The dialogue of cultures in german poetry of the second half of the 20th century: On the role of marginalized groups in the formation of national culture]. *Romano-germanskaya filologiya v kontekste nauki i kul'tury* [Romano-Germanic philology in the context of science and culture]. Novopolotsk, 2013, pp. 140–148. (In Russ.)

Veselovskij A.N. *Poetika syuzhetov* [The poetics of plots]. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 404 p. (In Russ.)

Braun H. *Ich bin fünftausend Jahre jung. Rose Ausländer. Zu ihrer Biographie*. Stuttgart, Radius-Verlag Publ., 1999, 218 p.

Eagleton T. *How to Read a Poem*. Wiley-Blackwell Publ., 2007, 180 p.

Helfrich C. *Es ist ein Aschensommer in der Welt: Rose Ausländer: Biographie*. Weinheim, Quadriga Publ., 1995, 265 p.

Schmitz W. *Wo ist Heimat: Rose Ausländer und die intellektuelle Migration aus Czernowitz*. Rose Ausländer: sprachmächtige Zeugin des 20. Jahrhunderts. Berliner Symposion 2002. Rose Ausländer-Stiftung, 2006, pp. 206–235.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 24.03.2026.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 195–200. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 195–200. ISSN 1998-0817

Рецензия

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1'282

EDN SIAVSV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-195-200>

«ОДНЕ ЧИЛИКИ ДА БОРОВИКИ...»

Рец. на кн.: Ганцовская Н.С. Костромская еда: деревенские рассказы: этнодиалектный словарь-хрестоматия / Н.С. Ганцовская; отв. ред. И.П. Верба. Кострома: Костромской государственной университет, 2024. 284 с. (Костромские говоры: материалы и исследования).

Никитин Олег Викторович, доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Аннотация. В рецензии освещается богатый пласт этнодиалектной лексики Костромской области, связанной с местными названиями еды в образцах народной речи. Отмечается, что автор книги уделяет особое внимание следующим номинациям: печеным изделиям, горячим и холодным (первым) блюдам, вторым блюдам, напиткам, ягодам и фруктам, грибам, овощам, дикорастущим растениям, дичи, рыбе, молочным продуктам. В качестве несомненного достоинства книги следует назвать достоверность диалектных записей (паспортизация текстов). Указывается, что их источником являются полевые записи и документы разного типа. Поскольку еда в бытовой жизни занимает одно из важных мест, то она представлена прежде всего как культурная традиция. В то же время лексика костромской деревенской кухни дает ценный материал о комплексе диалектных черт рассматриваемого региона как отражении явлений общенационального русского характера. Кроме этого, автор говорит о еде как о процессе во времени и пространстве: отмечает обыденное, ритуальное праздничное и вневременное. Н.С. Ганцовская рассматривает части и ингредиенты еды, рассказывает об обстановке ее приготовления, утвари и сервировке. Ценным дополнением к труду является Приложение, в котором помещены «Словарь народного питания сельских жителей Костромской области», раздел «Костромское питание и социальные диалекты (арго)», «Диалектные костромские тексты. Блюда народной кухни и рецепты к ним», а также «Краткий словарь к текстам». Книга Н.С. Ганцовской будет полезна филологам, историкам, краеведам, исследователям народной культуры, специалистам пищевой промышленности с целью сбережения и воссоздания народных традиций приготовления еды и обогащения национально-культурного фонда лексики.

Ключевые слова: Н.С. Ганцовская, костромская еда, этнодиалектная лексика, словарь, арг, народная культура, языковая личность.

Для цитирования: Никитин О.В. «Одне чилики да боровики...». Рец. на кн.: Ганцовская Н.С. Костромская еда: деревенские рассказы: этнодиалектный словарь-хрестоматия / Н.С. Ганцовская; отв. ред. И.П. Верба. Кострома: Костромской государственной университет, 2024. 284 с. (Костромские говоры: материалы и исследования) // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 195–200. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-195-200>

Book Review

“JUST MUSHROOMS...”

Book review: Gantsovskaya N.S. Kostroma food, rustic short stories: an ethnodialect vocabulary textbook, ed. Irina Verba. Kostroma, Kostroma State University, 2024, 284 p. (Kostroma patois: materials and research).

Oleg V. Nikitin, DSc in Philology, Professor, Federal State University of Education, Moscow, Russia, olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract. The review highlights a rich layer of ethnodialect vocabulary of Kostroma Region, related to local food names in samples of folkish speech. It is noted that the author of the book pays special attention to the following categories – baked goods, hot and cold (first) dishes, second courses, drinks, berries and fruits, mushrooms, vegetables, wild herbs, game, fish, dairy products. Special attention is paid to the reliability of dialect records (text certification). It is indicated that their source is field records and documents of various types. Since food occupies one of the most important places in everyday life, it is

presented primarily as a cultural tradition. At the same time, the vocabulary of Kostroma rustic cuisine provides valuable information about the complex dialectal features of the region as a reflection of the phenomena of a nationwide Russian character. In addition, the author talks about food as a process in time and space: she notes the ordinary, ritual, festive and timeless. Nina Gantsovskaya examines the parts and ingredients of food, talks about the cooking environment, utensils and serving. A valuable addition to the work is the Appendix, which contains the “Dictionary of folk nutrition of rural residents of Kostroma Region”, the section “Kostroma nutrition and social dialects (argot)”, “Dialect Kostroma texts. Dishes of folkish cuisine and recipes for them”, as well as a “Short dictionary of texts”. The book by Nina Gantsovskaya will be useful to philologists, historians, local historians, researchers of folkish culture and food industry specialists in order to preserve and recreate rustic cooking traditions and enriching the Russian cultural vocabulary.

Keywords: Nina Gantsovskaya, Kostroma food, ethnodialect vocabulary, dictionary, argot, folkish culture, linguistic personality.

For citation: Nikitin O.V. “Just mushrooms...” Book review: Gantsovskaya N.S. Kostroma food, rustic short stories: an ethnodialect vocabulary textbook, ed. Irina Verba. Kostroma, Kostroma State University, 2024, 284 p. (Kostroma patois: materials and research). Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 195–200. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-195-200>

Севернорусский народный язык – сокровищница национальной культуры, хранящая в своей памяти то подлинное, сокровенное, что оберегалось поколениями крестьянских семей, сдерживая натиск новояза, и до сих пор продолжает жить в многочисленных, к счастью, названиях предметов быта, растений, грибов, в домашнем обиходе. Это тот словесный домострой, который нам достался от предков, чьи корни были духовно связаны с родным краем. Его любовь, веру они передавали по-своему – обнажали природную статью языка. В их устах он *живодействовал* – лечил, учил, воспитывал, кормил... Новая книга Н.С. Ганцовской – это не просто «деревенские рассказы» о еде, а энциклопедия народной жизни, свой небольшой словарь живого великорусского языка Костромской области, и в этом смысле он удачно продолжает традицию знаменитого собирателя наречий В.И. Даля.

Во «Введении» автор говорит об источниках материала и принципах его описания. Ученый отмечает, что «презентация диалектной лексики выбранного нами направления отражает ту общераспространенную точку зрения, что именно лексика еды является наиболее долговременной и культурно-выразительной темой русского этноса. В силу витальности, жизненности своего объекта номинации она будет ещё долго существовать, пока жива традиционная костромская «избяная» деревня с её русской печью и дарами кормилицы-природы или же хотя бы пока сохраняется память об этом» (с. 9)¹. Большую часть текстового корпуса составили записи студентов Костромского государственного университета, а также материалы экспедиций, научные исследования по этнодиалектной проблематике. В то же время, как справедливо указывает Н.С. Ганцовская, «наряду с преобладающими полевыми записями народной речи мы с полным доверием отнеслись к возможности публикации текстов фольклорного и ритуально-обрядового характера и подходящих по тематике цитат из произведений писателей, представляющих народ-

но-разговорную терминологию костромского питания (Е.В. Честнякова, О. Коловой), а также известных костромских учёных-краеведов, знатоков и любителей народного слова (Н.Н. Виноградова, А.В. Громова)» (с. 11). Полезным для современных исследователей будет «Список источников» этнодиалектного словаря-хрестоматии (с. 17–18).

Хотя абсолютное большинство говоров Костромской области окающие, в книге встречаются примеры с акающим произношением. Н.С. Ганцовская это объясняет так: «Последние имеются в текстах, записанных на территории Чухломского, Солигаличского (за исключением мест на реке Совеге), части Буйского, Галичского, Парфеньевского и Кологривского районов, где расположен так называемый Костромской (Чухломский) акающий остров. Этот оазис аканья среди моря оканья заметили ещё в начале 20-х годов XIX века» (с. 12).

Из особенностей тематической группы лексики, обозначающей еду, автор указывает на «отличия в словарном инвентаре пищи и сопровождающих её аксессуаров говоров запада и востока области. Это касается большей архаичности последних и некоторых особенностей приготовления еды, например выпечки пирогов. На западе пекут закрытые и открытые пироги, как в центре России, на восточных же территориях, бывших вологодских и вятских, вошедших в Костромскую область в 1944 г., – «наливные» пироги: на сочень (корж) «наливают» более жидкое тесто из другой муки или муки со сметаной, измельчённой капустой, ягодами и проч. Шаньги и калитки, своеобразные лепёшки с начинкой, характерные для населения Русского Севера, также пекут в более северных и восточных районах области» (с. 14).

Исключительно ценным и необычным в этнодиалектном словаре-хрестоматии стоит признать включение в книгу потаенных «говоров» с замысловатыми, странными и непонятными для современного литературного языка оборотами речи, которые по крупицам собирались лингвистами в отдаленных районах

Костромской области. В противоположность территориальным диалектам эти слова и выражения были придуманы искусственно и до сих пор живут в своем кругу потомков их создателей. Такие диалекты называют социальными. В книге они представлены так называемым костромским арго жгонов: «Арго жгонов, или жгонский язык, – это тайный язык мантуровских, макарьевских и нейских мастеров “валяльного” производства, то есть каталей валенок, занимавшихся отхожим промыслом и путешествовавших по всей Руси и даже за её пределами, но оседло живших в костромских поунженских деревнях. Они пользовались тайным языком, в котором содержалась также терминология пищи» (с. 14–15).

Тематически основная часть книги представлена десятью разделами, в которых описаны главные кушанья местных жителей (печеные изделия, названия первых и вторых блюд) и периферийные наименования (названия ягод, грибов, дикорастущих трав, овощей, пищевых добавок и т. д.). В каждом разделе содержится описание еды посредством *живого* текста – реальных записей речи, сделанных в разные годы на протяжении фактически всего XX в. Так, например, в раздел «Печеные изделия» вошли следующие лексемы: *пирожок*, *блины*, *жыворонки*, *колобы* с вандышам (*колоба*, *колобья*), *олáдьа* («Хозяйка в дому, что *олáдьа* в меду»), *пирог крутильный* с мясной начинкой, *пáпушник*, *хлеб* белый, *пирог с ами́нем*, *хлеб*, *пирог-грибник*, *заворотни*, *выворотни*, *луковик*, *мучники*, *хлеб* ситный, *пáпка*, *ситник*, *хлеб* ржаной, *пряники*, *грибóвник*. Их «жизнеописание» дается по фактам представленности в речи диалектоносителей по всем районам Костромской области. Такой историко-лингвистический и этнокультурный обзор позволяет читателям увидеть изнутри народное слово в его бытовании – от тех, кто помнил еще единоличные хозяйства, до современных жителей, сохранивших речевые приметы местной традиции. Приведем некоторые примеры. Костромской район: «Пшеницы не было, я всё *мучники* пекла из овсяной крупы или ячневой. А *ситный-то хлеб* раньше как доставался, спину-то как на него гнули (Апраксино)» (с. 22); Буйский район: «У меня свекровь такие *папошники* делала красивые, ровные (Спирино)» (с. 22); Нерехтский район: «Мы монахам *шышули* дадим, а они нам што хош...» (с. 23); Чухломский район: «Маленький каравай из ржаной или овсяной муки – *алыбыш* – в круглой сковороде пеку» (с. 29); Пыщугский район: «*Мяконьки* – пироги их жидкого теста без начинки, испечённые в сковороде, они быстро приготавливаются»; *олешюшки* – пироги из жидкого теста, сверху посыпанные крупой – манной, ячневой, пшённой: «Так фсе *олешюшки* за день и перетаскивали (Косиха)» (с. 31) и т. д.

Интересно, что в представленных рассказах от первого лица идет не только краткое изложение

необходимого слова, происходит филологическая рефлексия – беседа, часто с вопросами, эмоциями, элементами волонтерности, например: «Вы *борщевик* со сметаной едите?» (Буйский район), «Дак *ботвинник-то* из свёклы-то свари!» (Буйский район) (с. 43) и т. п. Нередко информант воссоздает народную традицию, подробно описывает совершаемые действия, дает им оценку, говорит об очередности событий, называет главные элементы еды: «Дружка ведёт свадьбу с поварушкой. Вот я всё время поварушкой была. Потому что я баба весёлая. После величальной приступали к еде. Сначала закуска. Потом чай. Ну, всякие песни поют. Потом уж *хладовое* едят: *холодец с квасом*. Теперь им подают *горячий суп*, черевник несут. Это каша такая: туда лёгкое, кишки, потроха ложат да чуть крупки. А потом уж очередь *лапшы*. *Лапша* – на ужын. Это *горячее хле́бово...*» (Чухломский район) (с. 45).

Хотя основной акцент в описании делается на сематическом многообразии названий видов еды и их различных вариантах, заслуживает внимания и фонетика записей, отражающая характерные особенности говора конкретной местности: «*Повареньку* варили на таганьцике. Картошки, лук, яиць набьёшь. Когда ешь – мясца нарежешь меуконьким кусоцькам, молоцьком зальёшь. Етот самой суп на сковородке ешшо *селянкой* звали» (Межевской район) (с. 47).

Еще один раздел книги связан с напитками, из которых наиболее распространенными у костромичей были молоко, квас и пиво. Здесь у современного читателя может быть практический интерес, ведь нынешние продукты, несмотря на прогрессивные технологии, лишены той естественности, какая существовала у наших предков. Мне и самому как-то захотелось на даче сделать настоящий хлебный квас – он получился оранжево-коричневого цвета с таким непередаваемым ароматом, что с заводским продуктом не сравнить. В книге Н.С. Ганцовской мы встречаем немало готовых старинных рецептов: «*Квас*. Намацивают рош, прорашшывають, высыпають на пецьку, закрывають её глухо: засолажывають. Сушат. На жерновах размальывають. Корцягу приготавливають. Толкут картошки с мукой, с солодом смешывають, ложат сушоной свёклы. Прямоу солому, сжатую, рубят топором, как спицьки. Смешывають фсе, делают мешанку, закладывають в корцягу и ставят парить в печь с утра до вецера. Это называецьця *жыжа квасная*. Перелажывають в квасницю, и она заквашываецьця, а после нацэжывають. Хлебають и с картошкой, и с капусткой, с огурцями» (Шарьинский район) (с. 62); «А сичас рази квас? Адно названье. Я как делаю. Мытыи яблаки режу, как на варенье, тока семички убрать нада. Ссыпаю их в ымалированную *каструлю*, изюму дабавляю, пясочку. Заливаю кипяточкам, тока не горячим. Патом дражжэй дабавляю – и на ша-

сток на палсутах. Нитрудна, н-е-е-т. И фсе. Працыжу да па бутылкам разалью. Патом пусь пастант, паакрепнет. *В падвале можна хранить*» (Чухломской район) (с. 106).

Костромской край – ягодное и грибное царство: *грыжовник, брусёна, марошка, сморода, чирница (цёрница), малина, костяника, князенички, сентебрюшки, зеленухи, прыгунчики, урюпы, цилики, губы, обабки* и мн. др. Из фруктов наибольшее распространение получили *яблоки*. Иногда в описании названий можно увидеть живые страницы биографии родной земли: «*Клюкву носили, бруснигу – и тяжели не слыхивали. Как боле набрать бы. А мужики лес тяжили. В зимницах жили. Потом лес сплавляли на какого-нибудь барина. Тамока приедут, посмотрят (Малая Торзатъ)»* (Макарьевский район) (с. 69). Некоторые ягоды до сих пор есть в наших северных лесах, но мы их часто путаем (*куманика – ежевика*). По представленным в книге записям ясно, что местные жители четко различали их: «*Нонче кружовнику софсем нету. Морозом прихватило. А бывало, каждой гот *ягот* уйма. *Команицы-то* нонче тоже немного. И грибоф-то не стало. Одне чилики да боровики, подосиновикоф и тех нет. Обнишшал лес-то вовсе»* (Антроповский район) (с. 69). И сейчас заманчиво читаются страницы, рассказывающие о том, как собирали грибы и какие кушанья из них делали: «*Грибы-то фсе обапками называли. Баяли: пойдём зафтра в лес за обапкам. Придём из леса, фсе корзины полны. Обабок раньше у-у скоко было, не то што шшас. К обапкам суслинники делали – лепёшки такие из картошки. Больно уш хорошы оне были»* (Поназыревский район)» (с. 73). О некоторых грибах слали веселые стихотворения:

Много всяких там диковин,
Вискирей и караковин,
Пеньев, кочек и хорей,
И рябков, и глухарей,
И грибов, и пупырьж.
Губы-ишишки выше крыш

(Кологривский район) (с. 74).

Можно и дальше с филологическим увлечением и большой практической пользой листать эту красивую и необычную книгу о природе и народном дострое, собранную Н.С. Ганцовой из лоскутков памяти о «живой жизни» костромичей. Кроме лингвистических черт, ярко выступающих в таких текстах, нельзя не поражаться мудрости, иронии, душевной щедрости, веселому жизнестойкому нраву наших предков, которые, находясь в суровых северных условиях, нередко шутили, слагали песни и частушки – во многом *обожествляли* природу, чувствовали в ней своё, родное: «*Дако риепки! – Зубы риедки! Зделай почашшэ – дам послашшэ»* (Костромской район) (с. 77);

Я хотел было жениться,
Да учительницу взять.
Призадумался немножко –
Самому *картошку* трать

(Мантуровский район) (с. 82).

Коснемся еще одного раздела, рассматривающего еду во времени и пространстве – то, что современному мы называем картиной мира, или концептосферой, русского человека. Именно здесь лучше всего выражаются его характер, бытовые привычки и др. Часто они иллюстрируются меткими афористичными выражениями вроде *напоить в доску, невестин стол, очекурить* (Костромской район) (с. 85), «*Утренничать-то* нечем...» (Нерехтский район) (с. 87), *красный стол* (с. 88), *крестики-жавороночки* (Чухломской район) (с. 89) и т. д. В разговорах местных обрядовая культура и обычный круг жизни описываются с особенной душевной приподнятостью, иногда присутствует текстовая дихотомия (раньше – сейчас, было – стало): «*Так гуляли – так спасу нет. Полная дивевня народу-то придёт. Сколько кавалероф-то было! Из других дивевень ходили гулять: Михалиха, Курёхино. Письни пили. Идут в дивевне, табун девок, поют. Идут в другой конец – пляшут. Фсе плясали да пили. Хорошо было раншэ. Первый день гуляли в Печёнкине, второй – в Филихе, третий – в Шубихе. Топеря Троица была, так никово дивевней-то нет. Одна девушка была, так и ту родители продали. А мы дорогу загородили. Стали за руки фсе старушки. Оне вынесли нам *прежэнцов, вина»* (Шарьинский район) (с. 92).*

Полагаем, что и другие разделы книги Н.С. Ганцовой будут интересны читателям: они имеют не только историческую ценность, но и воссоздают утраченные народом традиции, с помощью живого слова показывают, как был устроен крестьянский очаг с его домоводством. Даже обстановка приготовления еды, утварь и сервировка во многом символичны: «*Посуда у мамы *деревянная* да *земляная* была. *Земляная* – это как кринки. Мама в *земляной опарнице* всё *творила*. *Сковород-то* нелишка было, дак пекли на *капусных листьях»* (Шарьинский район) (с. 107).*

Особую страницу книги открывают слова «жгонского» языка (по записям А.В. Громова и В.Д. Бондалетова), где, как оказывается, немало странных лексем и выражений, обозначающих пищевые пристрастия жителей края: *гáврик* – горох, *зимурóк* – куриное яйцо, *ламéж* и *ломéж* – сахар, *немерóха* – каша, *потетéсы* – картофель, *сúсленики* – пряники, *шугáн, шагáн, шугáнок* – лук, чеснок (с. 185–188). Здесь представлены и фрагменты диалогов о еде: «*Кúфта, сконóрь бéззаботь* – хозяйка, вскипяти чай» (с. 185); «*В пучкú наио́нди потетéсов да кремзý кайни́ поулéй, шыри́атины али жыгля́тины* – в щи начисти картошки да мяса положи побольше, свинины или го-

вядины» (с. 188). Но не только – из редких записочек мы узнаем о тяжелом положении народа, о его страданиях: «*Всё пришлось пережить: и юшту, и нетроёнье* – всё пришлось пережить: и холод, и голод» (из письма с фронта, с. 187). Все эти необычные с точки зрения языкового оформления образы дошли до нашего времени и сохранились благодаря стараниям таких самородков, как В.Д. Бондалетов, А.В. Громов, и просветителей, как Н.С. Ганцовская:

«Декни балагурку *шану*. М<акарьевское> – Дай кружку кваса.

Накайни *виту* в балакирь. М<акарьевское> – Налей воды в бочку.

Набусался *беззаботь*. М<акарьевское>, М<а>н<туровское>, В<етлужское> – Напились чаю.

Накайни буфан *шурту*. М<акарьевское> – Налей стакан молока» (с. 189).

Удивительные по своей реликтовой словесной символике ритуалы воссоздают тайноречие жгонов, где каждый элемент – как скрытая метафора для ближнего круга, словно призыв сохранить свой язык. Наверное, поэтому он и не исчез в XXI в.:

«*Без степахина* шошно жилофается. В<етлужское>. – Без мёда плохо живётся.

Хли скосай кварту *заборского*. М<акарьевское>. – Пойди возьми бутылку масла.

Застенилось мне *потроить*. М<акарьевское>. – Захотелось мне поесть.

Замурошницу съесать. М<акарьевское>. – Яичницу поджарить» (с. 189).

В контексте этнодиалектного словаря подобная вставка уникальна: она показывает многообразие красок живой речи, пусть искусственной, но творчески созданной народом, который использовал свое тайноречие даже в поэзии. В этом стихотворении упоминается жгонское название капусты (*поселюга* и *поселюха*):

Жгоны, жгоны жгонили.

Поселюху трóили.

Жгоны упаки шиошóили.

Сары скóсали, ухлóили –

И остéхнули масóв

Без мижóу, без упакóв.

Жгоны валенки катали

И капустою питались.

Дело делали не очень

И домой сбежали ночью.

Оставляли мужиков,

Шерсть забрав, и без пимов (валенков)

(стихотворный перевод А.В. Громова) (с. 187).

Замечательны представленные далее рассказы о еде в разделе «Диалектные костромские тексты. Блюда народной кухни и рецепты к ним», распределенные по районам их собирания. Это не просто бы-

лички, а исповеди о сегодняшней жизни, в которой еда соседствует с... референдумом. Приведем запись 1993 г.:

«Рыба-ту в пруде? Прошлой гот как издохла. Отчево? Не от пролубей – от голоду. Што, рыба-ту песок ись будёт? Задыхацца-ту – задыхацца.

В Кузмишшах летось гот не бывала. И в магазин не ходила. Туды фсево привозят. Знамо, дорого.

Теперя кто не роботаёт, то боле получают, да ешшо помошш дают. Вон Марина. Где работала? Где полехче. Олёха у её как фронтовик. А у меня батько? Сперва-то получал двенаццать рублей, с войны пришол. Стали вот тут прибавлять. А он токо-токо с прибафкой гот да три месеца пожыл. Колькой гот-то пошол? Вот семово мая десеть лет будёт, как помер. Чево получал? Топерь и паёк, и деньги, и помошш. Деушка, дочка у меня учительша. Вот замуш вышла. У её квартера в Кузмишшах да дом в Кузнецове, свойской. Новой. Валька-то мне мнучка. Приедет ис городу – воды принесёт.

В городе дамно не бывала. Пошто? Хлеба Жэнька принесёт. Я бы и сама могла испекчи, да молока нет. Токо в Кузмишшах. Да кто мне понесёт? Ланно хоть пенсию носят. Ононись не принашывала – с кем-нибудь пришлёт.

Этта Петроф осумашэтшэл. Разделся донага – буду парница чичас. Крыша падаёт! Уш чево не говорил. Сё ромно в больницу увезли.

Референдум-ту? Я почём знаю, за ково голосовала? Подали бумашку. Я ничево не знаю. Я вопче не знала, што голосовать. Приехали сюды на машыне.

Вон тут завязли. Не знаю, кто таматка пошол машыну-ту выташшыть. Потом-ту выташшыли» (с. 190).

Каждый рассказ – история жизни. Неслучайно они имеют почти художественные заголовки: «За два гвоздя – бутылка», «Мы дижурили на моркофке», «Просили хлеп слаткой испекчи», «Сентебрюхи», «Нате-ка – тут церница, а тут брусница» и др. А содержание, если не обращать внимания на явно выраженный местный говор, достойно включения в серию повестей о языковых личностях. Н.С. Ганцовская, кстати, во «Введении» так обмолвилась об этом свойстве диалектных текстов: «Как кажется, многие записи народной речи, представленные здесь, можно по жанру приравнять к научно-художественным очеркам таких маститых исследователей говоров, как профессор Б.Л. Богородский... а также известных учёных и писателей – Н.Н. Виноградова, Е.В. Честнякова и многих других. Их сила – в научно-правдивой и одновременно художественно-выразительной передаче фактов народной речи» (с. 8–9).

Во многих рассказах зафиксированы певческие традиции региона, связанные с «обрядовой стряпней», например:

«Жаваронков пекли белых, раскрашывали потом крылышки разноцветные. Детям носили гостинцы, уж мы всегда обрадуемся: жавронки скоро прилетят. Пели:

Жаворонок, жаворонок!
 Не клюй пясок,
 Не тупи насок,
 Пригадится насок
 На авсяный каласок» (с. 212).

Завершает книгу «Краткий словарь к текстам» (с. 265–284), позволяющий расшифровать народную речь, в которой для читателя-нефилолога много необычного. Эти разгадки языка помогут нынешним школьникам и студентам приобщиться к родному слову, увидеть биографию края в образах и звуках: «**Агафóны** – прозвище акающих жителей севера Парфеньевского района Костромской области» (с. 265); «**Борщевíк** – борщ из плодов свёклы» (с. 266); «**Грибнiк** – пирог с солёными или сушёными грибами, иногда свежими» (с. 268).

Мы обратили внимание также и на богатство народной идиоматики, связанной с едой и в целом с бытовой культурой: *бродить в лес, варево варить, глухой пирог, жить на кусках* (питаться всухомятку), *закалiстый хлеб* (непропечённый хлеб), *красный стол* (свадебный пир в доме жениха), *московские рыжики* (тюрка из воды с чёрным хлебом, луком и растительным маслом) (с. 266–274) и т. д. Правда, в их число попали и другие фразеологизмы, не имеющие отношения к съестному календарю, например: *лишить голосу* (лишить права на выборы) (с. 274), но они показывают, как современный социокультурный контекст входит в речь местных жителей, ведь многие записи были сделаны в конце XX в.

Рецензия на книгу Н.С. Ганцовой, по сути, перешла у нас в иной жанр – размышление о прочитанном. Так увлекательно, живо, исторически достоверно и филологически искренне в своей любви к Костромскому краю и его народно-словесным образам пишет автор. Этнодиалектный словарь-хрестоматия – необычное явление в научной жизни. За его созданием стоят десятилетия кропотливого труда, поездок и экспедиций, поисков и открытий – до самоотречения перед убегающим вдаль временем. Задача исследователя – успеть сохранить потерянные нами историзмы, архаизмы и экзотизмы, оставить потомкам в наследство великое русское слово. Эту святую миссию наследницы востокоско-далевской эпохи Н.С. Ганцовой несет с честью и достоинством. Тогда филология и вообще словесное творчество были той духовной опорой народа, на которой держалась вся наша большая семья – Россия. Хочется надеяться и верить, что подобные книги и в XXI в. станут ориентиром

культурного человека, своеобразными «весами правосудия», где подлинное – природное – слово всегда сильнее и вдохновеннее изобретенного. В этом «праведном мериле» и заключается жизнестойкость народной речи, ее гибкость, метафоричность, лексическая проницаемость, интонационная гармония и мелодика души – все то, что составляет высокий смысл любого языка.

В.И. Даль в «Напутном слове» говорил: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений – я не раз бывал свидетелем» [Даль 1989: XXI]. Голос знаменитого лексикографа из самого сердца XIX в. как будто нам не слышен, но он все еще звучит и колеблет наши души: «...пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный» [Даль 1989: XXI]. В этом нас убеждают и колоритные образы, заключенные в простых великорусских словах костромского извода: *вахлаки, галанник, грудки, извар, курник, тиеничник, селянка, ситник, шанежка...* И несть им числа!

Примечание

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся страницы рецензируемого издания (см.: Ганцовская Н.С. Костромская еда: деревенские рассказы: этнодиалектный словарь-хрестоматия / Н.С. Ганцовская; отв. ред. И.П. Верба. Кострома: Костромской государственный университет, 2024. 284 с. (Костромские говоры: материалы и исследования)).

Список литературы

Даль В.И. Напутное слово // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. Москва: Рус. яз., 1989. С. XXI–XXXVII.

References

Dal' V.I. *Naputnoe slovo* [A parting word]. *Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T. 1* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1989, pp. XXI–XXXVII. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.

The article was submitted 01.04.2026; accepted for publication 20.04.2026

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях.

Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию через форму подачи статей на сайте:

<https://vestnik.kosgos.ru>

Все интересующие Вас вопросы можно уточнить по электронной почте: vestnik@kosgos.ru.

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc или *.docx. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf.

В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович). Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Вестник Костромского государственного университета. 202X. Т. XX, № X. С. XX–XX. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 202X, vol. XX, no. X, pp. XX–XX. ISSN 1998-0817

Научная статья

Указывается специальность

УДК

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>

Название (*жирным шрифтом, строчные буквы*)

Фамилия Имя Отчество автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, город, страна, e-mail, ORCID автора в формате: <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Аннотация. (*150–200 слов*).

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т. д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: (*7–10 слов, разделенных запятой*).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. XX, № X. С. XX–XX. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>

Благодарности: (*указывается ссылка на грант*).

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

Research Article

Name of the article

Author...

Abstract. 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. XX, no. X, pp. XX–XX (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>

Acknowledgments:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Источники

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. Репринт. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. Москва: Прогресс: Универс, 1994.

Исследования

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1880, vol. 2, no. 4, pp. 457–506. (In Russ.)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 12.02.2025.

The article was submitted 19.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 12.02.2025.

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК,
СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES**

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы также оформляются в виде примечаний.

Например:

Архивные материалы:

¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой 12: 415]; [СРНГ 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С., 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

Список литературы должен быть разделен на две рубрики: *Источники* (сюда включаются словари, архивные материалы, литературные произведения, исторические источники) и *Исследования*. При этом *References* оформляется только для рубрики *Исследования*.

Список литературы должен быть представлен *в алфавитном порядке*: сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов(н.п.)В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблишинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. Москва: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. Москва; Ленинград: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. Москва: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Москва: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly* Altyn and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках. Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в References неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Копировать транслитерированный текст в список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

- перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;
- заменить знак «//» на точку;
- заменить знак «/» на запятую;
- перевести на английский язык место издания (например, было Москва – после редактирования: Moscow);
- заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;
- после транслитерации названия издательства добавить Publ.;
- при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;
- курсивом выделить название источника и название журнала;
- в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. Москва: НЛЮ, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник. 1935. № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskij sbornik* [Historical collection], 1935, no. 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir* [New world], 1998, no. 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. Москва: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Eremkina et al., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka: dis. ... d-ra filol. nauk* [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kulture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo». Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки «», если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “”.
4. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

5. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)

6. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

7. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2026 – Т. 32 – № 2

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 19.05.2026.
Дата выхода в свет 26.06.2026.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 25,8.
Уч.-изд. 26,8 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 57.

Подписной индекс: **18902**
Адрес учредителя, издателя и редакции журнала:
156005, Костромская обл., г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17/11
Телефон: **(4942) 63-49-00 (доб. 3130)**.
Адрес электронной почты: **vestnik@kosgos.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.kosgos.ru/>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна